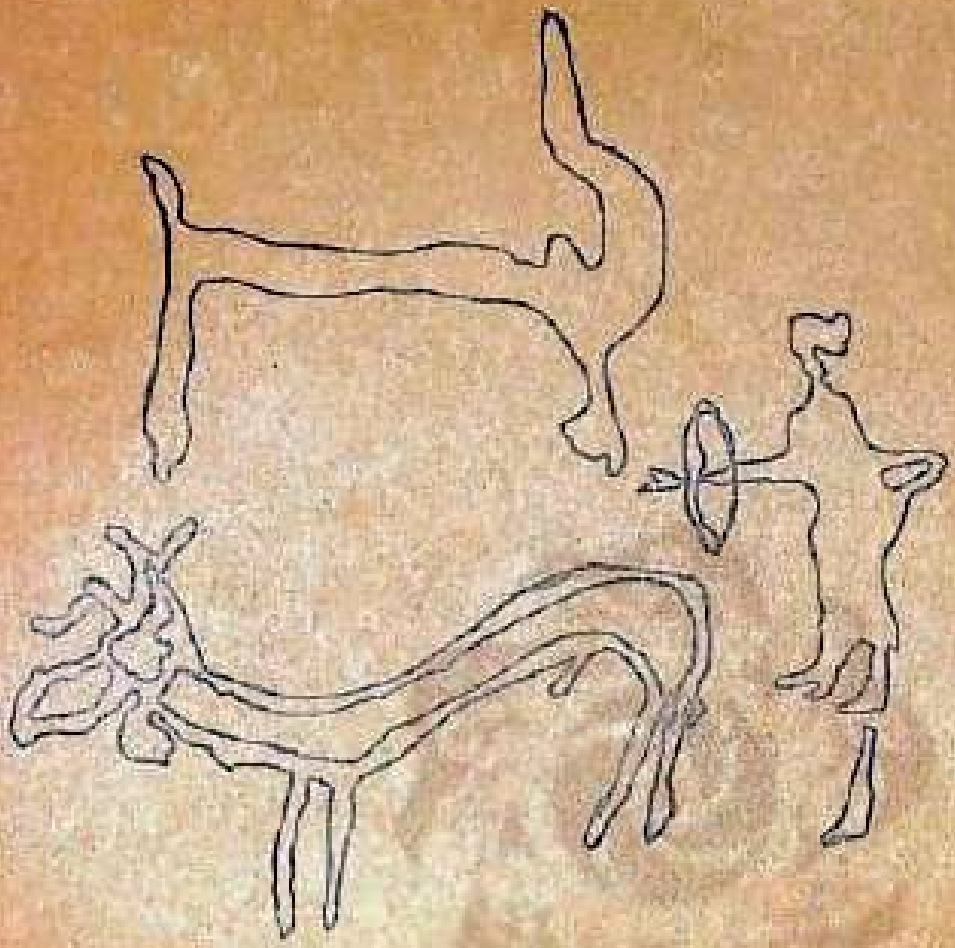


АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ 1966 ГОДА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт археологии

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ 1966 года

Издательство «Наука»
Москва 1967

В 1966 г. в разных районах СССР, от Дальнего Востока до Прибалтики и от Крайнего Севера до юга Средней Азии, как обычно, работали десятки археологических экспедиций. Они проводили исследования стоянок, поселений, городов и погребальных памятников, оставленных древними обитателями нашей страны. В этом сборнике рассказано об итогах раскопок, о маршрутах, пройденных в поисках новых памятников старины, о наиболее интересных находках сезона — кладах, произведениях искусства, монументальных сооружениях, надписях и т. д. Сборник составлен при участии археологов почти всех республик Советского Союза и с большой полнотой отражает результаты их деятельности.

Редакционная коллегия:

академик Б. А. РЫБАКОВ (ответственный редактор),
М. А. КАРПОВСКАЯ, Т. В. РАВДИНА, Д. Б. ШЕЛОВ

1-6-2
47-1967/I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Археологические открытия 1965 года», выпущенный в свет в апреле 1966 г., быстро разошелся и вызвал ряд благоприятных откликов. Это свидетельствует о большом интересе, проявляемом широкими кругами научной общественности к древнейшему прошлому нашей страны, и о необходимости постоянной и быстрой информации о новых открытиях советских археологов.

Первый сборник содержал сведения о работах экспедиций только Института археологии АН СССР. В настоящую книгу включена информация об археологических исследованиях и многих других учреждений: Академий наук союзных республик, университетов, научно-исследовательских и педагогических институтов, музеев и т. д.

Деятельность археологов в разных районах страны получила, таким образом, гораздо более полное, но все же неисчерпывающее освещение. К сожалению, не отозвались на приглашение участвовать в сборнике археологические учреждения Академий наук Эстонии, Молдавии, Армении, Грузии, Азербайджана, Узбекистана. Редакционная коллегия надеется, что в следующих выпусках будет отражена работа археологов и этих республик.

Ввиду того что значительная часть археологических экспедиций местных учреждений занималась комплексным исследованием разновременных памятников, решено отказаться от расположения материала в хронологическом порядке.

При распределении статей Редакционная коллегия принимала во внимание, во-первых, административно-территориальное деление Советского Союза, во-вторых, географическое расположение изучаемых памятников и, в-третьих, их хронологическую последовательность.

Каждый раздел посвящен археологическому изучению одной из союзных республик: вначале — РСФСР, затем — республик, расположен-

ных на европейской части нашей страны, и далее — Казахстана и республик Средней Азии. Обзор раскопок на территории РСФСР начат с ее северных и северо-западных областей и завершен Дальним Востоком.

При членении материала внутри разделов по возможности соблюден хронологический принцип, однако статьи обобщающего характера предшествуют описаниям отдельных открытий.

Редколлегия благодарит всех археологов, поделившихся своими открытиями, и будет признательна за пожелания и замечания по поводу нового сборника.

Редколлегия

I. РСФСР

СЕВЕР И СЕВЕРО-ЗАПАД

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ НА ПЕЧОРЕ

В. И. Канивец

Восьмой год Коми филиал АН СССР продолжает археологические исследования в Печорском крае. Начав свои работы с верховьев Печоры, со склонов Северного Урала, экспедиция сыктывкарских археологов прошла почти 1500 км и теперь проводит раскопки и разведки в среднем течении реки, в Приполярье. В 1966 г. мы преследовали две цели: раскопки верхнепалеолитической стоянки Бызовской около г. Печора и разведочные изыскания в зоне проектируемой Усть-Ижемской ГЭС, выше устья р. Цильмы.

Раскопки Бызовской стоянки, самого северного палеолитического памятника, ведутся уже четвертый сезон. Удалось установить, что стоянка занимала весьма значительную площадь и располагалась в устье древнего лога по обе его стороны. Культурный слой насыщен костными остатками мамонта (около 98% остеологического материала). Таким образом, эта стоянка была обширным лагерем охотников на мамонта, типичным для ориньяко-солютрейской эпохи. Помимо разведки, в нынешнем сезоне велись раскопки севернее того участка, где в 1964 г. были обнаружены остатки жилища из крупных костей мамонта. Собранный здесь инвентарь включает орудия из кремня (концевые и выемчатые скребки, ножи, острия) и сланца (концевой скребок). Новые находки подтверждают заключение о близости инвентаря Бызовской стоянки и нижнего, пятого слоя Костенок I и тем самым освещают пути первоначального заселения человеком северо-востока Европы в вюрмский ледниковый период.

Во время маршрутной разведки в зоне проектируемой Усть-Ижемской ГЭС в Усть-Цилемском и Ижемском районах Коми АССР изучено 14 поселений медно-бронзового, раннежелезного веков, а также средне-

вековья. Хронологический диапазон этих памятников — начало II тысячелетия до н. э.— рубеж I и II тысячелетий н. э. Особенно интересна стоянка Коршак, свидетельствующая о существовании ранее неизвестной культуры энеолитического возраста. Инвентарь стоянки состоит из богатого комплекса кремневых орудий (наконечников стрел и копий, ножей, скребков) и керамики, имеющей ярко выраженный восточный, уральский характер.

Раскопки поселений первого периода раннего железного века (Шиховское, Перный-ю, Питю-яг I и III) показали, что в Приполярье в VIII—III вв. до н. э. существовали культурные группы ананьинского облика и что влияние ананьинской культуры простиралось на Крайний Север. Тем самым значительно расширяются наши представления о территории и процессе формирования племен пермской языковой группы.

Заслуживает также внимания средневековое поселение Питю-яг II, керамика которого имеет явные зауральские черты, что лишний раз свидетельствует о глубоком проникновении обско-угорского населения в Приуралье, на территорию ванвиздинской культуры (IV—XIII вв. н. э.), вероятно принадлежавшей пермским племенам, в том числе летописной печоре.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТОРФЯНИКОВ В СЕВЕРОДВИНСКОМ БАССЕЙНЕ

Г. М. Буров

Вычегодско-Двинским отрядом археологов Коми филиала АН СССР продолжены раскопки на Висеких торфяниках I и II, в черте долговременных поселений в районе оз. Синдорское (бассейн Вычегды). На поселении Вис I найдено около 30 деревянных изделий и предметов со следами обработки, а также кремневые пластины и отщепы. Среди первых — наконечник стрелы с конической головкой, орнаментированный обруч от рыболовной снасти, палки с отверстием, перехватом или уступом на конце и штрихованные планки. По результатам радиоуглеродного анализа, новым палинологическим данным, особенностям стратиграфии и археологическим параллелям инвентарь торфяника I может быть датирован VII—VI тысячелетиями до н. э.

На поселении Вис II, кроме массы керамики, кремневых скребков и стеклянного бисера, найдены берестяные сосуды и несколько десятков деревянных изделий: большие и малые луки, биконические наконечники стрел, весла, пластины и обручи от рыболовных снастей, трехшипный удильный крючок, крюк-вешалка, мотыга, лопаточка для приготовления керамического теста, планки с прорезями (для витья веревочек) и без

прорезей (для выработки сетей), гвоздь и ряд загадочных предметов. Основную часть инвентаря торфяника II по гляденовско-ванвиздинской керамике можно датировать первой половиной I тысячелетия до н. э. В торфянике обнаружен человеческий череп, который происходит, вероятно, из находившегося на территории поселения более древнего могильника. Исследованы остатки рыболовных заграждений (из свай и жердей), которые, по C_{14}, были воздвигнуты еще во II тысячелетии до н. э.

Отряд обследовал стоянку синдорского типа у дер. Мармугино близ Великого Устюга, раскопанную в 1937 г. М. Е. Фосс. Стоянка относится к раннему бронзовому веку. В окрестностях ее при зачистке обрывистого пойменного берега, бурении и разведочных раскопках обнаружены два старичных торфяника с остатками рыболовных заграждений. Торфяники принадлежат протоку р. Юг. Торфяник I более древний, прорезан торфяником II. Заграждения торфяника I, которых было не менее двух, состояли из переносных матов, выработанных с использованием тройной дранки. Сооружения торфяника II близки исследованным в Висском торфянике II, но при их постройке использовались сосновая кора и прутья. У края Мармугинского торфяника II, в пойме, на глубине 3,2 м обнаружено скопление обломков неолитической керамики волго-окского типа. Однако имеются основания предполагать, что рыболовные заграждения сделаны в раннем бронзовом веке: у края торфяника, вдали от современного русла, находится стоянка этого времени. К неолиту могут относиться более древние заграждения в Мармугинском торфянике I. Об архаическом возрасте заграждений у дер. Мармугино говорят также залегание старичных отложений намного выше меженного уровня воды и значительная мощность покрывающей толщи аллювия.

Работы на Мармугинских торфяниках подтвердили мнение о целесообразности массового археологического обследования старичных торфяников не только на малых, но и на средних реках. Древние рыболовные сооружения следует рассматривать как самостоятельный вид археологических памятников.

КАРЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Г. А. Панкрушев, Ю. В. Титов, А. В. Антилогов, А. П. Журавлев

Археологи Петрозаводского института истории, языка и литературы АН СССР вели полевые работы в Прионежском, Пудожском, Кондопожском, Медвежьегорском и Кемском районах Карельской АССР. Открыты 26 стоянок разных эпох (от мезолита до раннего средневековья), два могильника и наскальные изображения.

Были продолжены раскопки стоянок Вигай-Наволок I и Вигай-Наволок II. Вигай-Наволок I — двуслойная стоянка. Неолитический слой, залегающий на глубине 1,5 м, перекрыт стерильным намывным песком, над которым находится слой большого энеолитического поселения. За три сезона полевых работ на стоянке раскопано 27 жилищ (18 неолитических и 9 энеолитических), найдены керамика, изделия из камня и меди.

В текущем сезоне в энеолитическом слое обнаружены обломки глиняной скульптуры. На поселении бронзового века Вигай-Наволок II раскопано два жилища.

Работы велись также по берегам Водлозера и в низовьях впадающей в него р. Илекса. Раскапывались стоянки Илекса II, Илекса III и Пога I. Разведочные шурфы были заложены на восьми других стоянках.

Большой интерес представляют многослойные стоянки Илекса III и IV. В первой прослеживается пять, а во второй — шесть разновременных наслоений.

На стоянке Илекса III два нижних культурных слоя относятся к позднему мезолиту. Они отделены друг от друга и от слоев, лежащих выше, стерильными прослойками намывного песка. Над ними находятся слои энеолита, раннего железного века и раннего средневековья. Они не разделены стерильными прослойками, но залегают в хронологической последовательности. Для энеолитического слоя характерны ямочно-зубчатая керамика с орнаментом сложного геометрического стиля и прекрасно отшлифованные сланцевые орудия. В слое раннего железного века найдены поздняя сетчатая, асбестовая и гладкая керамика, обломок железного гарпуна, кусочки железа и бронзы, а в слое раннего средневековья — грубая плоскодонная неорнаментированная керамика, аналогичная сосудам из курганов X—XIII вв., расположенных на р. Оять.

На стоянке Илекса IV в слое раннего средневековья обнаружена глазковая бусина из стекловидной пасты, тождественная бусинам из курганов XIII в. на р. Оять. На стоянке раннего железного века Шеттима I найдены обломки орнаментированных бронзовой фибулы и сланцевой подвески.

Значительный интерес представляет комплекс стоянок Пога I и II. Здесь было несколько поселений неолита, энеолита и раннего железного века.

В этом районе обнаружено и раскопано одиночное погребение раннего железного века. Оно представляет собой неглубокую яму овальной формы, заполненную песком ярко-красного цвета. Могильное пятно четко выделялось на фоне светло-желтого песка. Фрагменты гладкой керамики, кальцинированные косточки животных и рыб сосредоточены поверх могильного пятна в небольшой линзе грязно-желтого песка. Костяк не сохранился.

В этом же районе обнаружен довольно большой могильник. Две раскопанные могильные ямы заполнены ярко-красным песком, но вещей не содержат. Костяки также не сохранились.

В Кондопожском районе исследованы энеолитическая стоянка с ямочно-зубчатой керамикой, орнаментированной сложным узором геометрического стиля, и наскальные рисунки на Колгострове в Уницкой губе оз. Онежское. Рисунки однообразны и не имеют ничего общего с известными в Карелии петроглифами. В основном это овалы неправильной формы, вписанные друг в друга, иногда разделенные линией на две части; лунарные фигуры и рисунки, похожие на изображения капканов и ловушек.

Продолжены раскопки могильника у дер. Сандермоха в 8 км от пос. Повенец. Дополнительная разведка показала, что протяжение могильника значительно больше, чем предполагалось ранее: длина его превышает 1,5 км. Размещение погребений неравномерное: местами они сосредоточены очень густо и частично или полностью перекрывают друг друга.

Могильник возник еще в докерамическое время, незадолго до появления керамики типа Сперрингс. Он продолжал существовать и в период раннего неолита: многие погребения содержат керамику типа Сперрингс. Особое место в нем занимает небольшая, локально ограниченная группа погребений с керамикой льяловского облика. В 1966 г. раскопано 26 погребений.

В местечке Черная Губа, в 7 км к юго-востоку от пос. Повенец обнаружен еще один могильник. Раскопано восемь погребений. Все они относятся к позднему мезолиту. Каменный инвентарь, найденный в погребениях (в частности, наконечники стрел олекостровского типа), близок инвентарю Олекостровского могильника. Костяки и костяные поделки не сохранились. Размеры могильника не выявлены.

В близком соседстве с могильником, у бровки древнего берега, найдена стоянка позднего мезолита с инвентарем, аналогичным материалам могильника.

В местечке Черная Губа раскопано также жилище на стоянке раннего железного века и заложены разведочные шурфы на мезолитических, неолитических и энеолитических стоянках.

В результате полевых работ 1966 г. в бассейне р. Кемь открыто 19 стоянок. 18 из них — мезолитические. Инвентарь девяти раскопанных стоянок состоит в основном из кварцевых орудий, аналогичных орудиям древнейших мезолитических стоянок Карелии и стоянок культуры Аскола в Финляндии.

Одно из открытых в этом районе поселений (стоянка Коштомуш I) содержит асбестовую посуду. Раскопкам оно не подвергалось, и определить его дату пока не представляется возможным.

О РАБОТЕ В КАРГОПОЛЬСКОМ И НЯНДОМСКОМ РАЙОНАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛ.

Р. В. Козырева

Институт археологии АН СССР организовал исследование Кубенинской стоянки в низовьях р. Онега. Подробно описанная М. Е. Фосс, стоянка стала эталоном для каргопольской неолитической культуры. Наш раскоп имел вид траншеи, прорезавшей стоянку поперек. Проведены стратиграфические наблюдения и получен интересный вещевой материал: обломки сосудов (керамика раннего типа располагалась как в нижней части культурного слоя, так и сразу же под дерном), каменные ножевидные пластинки, наконечники стрел, скребки, долота, обломок сверленого топора.

Обследованы берега оз. Мошинское и устье р. Моша, к северо-востоку от Каргополя. Открыто пять разновременных стоянок. На длинных и узких островах, лежащих против сел Макаровское (с одного берега озера) и Анташиха (с другого) и соединяемых друг с другом при низкой воде полоской земли, обнаружена большая стоянка с хорошо выраженным культурным слоем. Найдены ножевидные пластины, обломок нуклеуса, наконечник стрелы, скребки, отщепы. Заложен небольшой раскоп, который при очень бедном культурном слое позволил четко определить последовательность слоев. Несколько невыразительных обломков керамики относятся, вероятно, к довольно раннему типу сосудов каргопольской культуры.

Подобная стоянка обнаружена на острове Погост. В раскопе хорошо выражена последовательность слоев, но культурный слой довольно бедный. Общая черта двух этих стоянок, состоящая в том, что в подъемном материале и культурном слое обломки керамики очень редки и мелки, возможно, говорит не только о составе и хрупкости здешней керамики, но и о незначительном употреблении глиняной посуды жителями острова. Подобная картина наблюдается и на двух других стоянках, открытых на острове Кладовец и у пос. Суегра. Стоянка на Кладовце почти разрушена. Мы раскопали последние оставшиеся метры культурного слоя и собрали довольно обильный материал: каменные орудия и несколько обломков керамики раннего каргопольского типа. Стоянка на юго-восточном берегу, против пос. Суегра, очень большая. Культурный слой небогат и, судя по находкам, относится к среднему этапу каргопольской культуры.

Самая богатая и интересная стоянка обнаружена в юго-восточном конце озера на невысокой, идущей двумя грядами возвышенности, расположенной в 500 м к северу от дер. Ильинский Остров. На стоянке собран обильный подъемный материал, состоящий в основном из отщепов и каменных орудий: наконечников стрел, скребков различного

вида, долот, топоров, нуклеусов и т. д. Раскоп был заложен в восточной части стоянки, на мысу, обращенном к старичному болоту. Сверху шел дерновый слой; под ним — культурный песчанистый бурого цвета с черными прослойками (мощность 40—65 см); подстилал его желтый материковый песок. Найдены обломки сосудов, богатый набор каменных орудий: наконечников стрел, скребков, топоров, долот и копий различных типов. Комплекс характеризует период конца каменного и начала бронзового века этого района. Стоянки каргопольской культуры предшествовали появлению здесь восточных культур ананьинского типа.

НЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК В ДОЛИНЕ р. ИЖМА

В. Е. Лузгин

Второй Печорский отряд археологов Коми филиала АН СССР, работавший в зоне строительства Усть-Ижемской ГЭС, закончил раскопки стоянки Черноборская III и поселения Галово II. Материал стоянки имеет прямые аналогии в инвентаре Олений-островского могильника и относится к раннему или развитому неолиту. Поселение с комплексами турбинского типа датируется ранним бронзовым веком.

Кремневый инвентарь стоянки Черноборская III состоит из наконечников стрел оленеостровского типа, концевых скребков, различных ножевидных орудий из пластин, резцов на углу сломанной пластины и крупных нуклевидных кусков кремня. Ножевидные пластины и орудия из них составляют 27% общего количества пластин и отщепов. В культурном слое стоянки найдена керамика с примесью шамота в тесте, украшенная рядами мелких круглых ямок. Подобная керамика на северо-востоке Европы неизвестна. Ближайшие аналогии ей имеются в валдайской неолитической культуре, а также в Прикамье, на Нижне-адищевской стоянке.

На поселении Галово II обнаружены остатки жилищ, представлявших собой полуземлянки с одним или двумя очагами. Керамика и кремневый инвентарь близки материалу турбинских (гаринских) поселений Прикамья. Кроме того, на поселении выявлены следы бронзолитейного производства в виде шлака, обломков тиглей и кусочков металла. Найдены два металлических предмета — обломок четырехгранного шила и скобка, которой могли скреплять крупные части разбитого сосуда.

Раннеолитический комплекс стоянки Черноборская III — пока единственный на европейском Севере, занимающий промежуточное положение между памятниками позднего мезолита в бассейнах Вычегды и Печоры и позднего неолита камского типа (Хуторская стоянка). Поселение Галово II отодвигает границы турбинской культуры к северу

и существенно дополняет сложную картину заселения Печорского бассейна во II тысячелетии до н. э. Открытие его приближает нас к разрешению проблемы о происхождении лебяжской культуры и о причинах расцвета древней металлургии на северо-востоке Европы. Подобные поселения на смежных территориях пока неизвестны.

ЯЗЫЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК ПЕРМИ ВЫЧЕГОДСКОЙ

Э. А. Савельева

Вымско-Вычегодский отряд археологов Коми филиала АН СССР проводил раскопки могильника, открытого летом 1965 г. в Ленском районе Архангельской обл. Он расположен на боровом холме, на берегу оз. Ярант, бывшего русла Вычегды, в урочище, известном местному населению под названием Могильный Бор.

Могилы видны на поверхности по провалам округлой или овальной формы. Всего насчитывается 48 углублений. На вскрытой площади выявлено 25 могильных ям, отличающихся по размерам и ориентировке. Характерно, что крупные ямы ориентированы в направлении север—юг, тогда как маленькие вытянуты в основном с востока на запад. Они отличаются друг от друга и по конструкции. В больших ямах встречаются остатки дощатых погребальных сооружений в виде настила на дне и ямок от столбов по четырем углам, а иногда, кроме того, и в центре могилы; в них отчетливо видны следы большого огня: доски обычно сильно обуглены, в заполнении — густая концентрация углей. В ямах меньших размеров погребальные сооружения не обнаружены.

Покойники были погребены по обряду трупосожжения: во всех ямах найдены кальцинированные человеческие кости, обычно положенные в могилу после сожжения трупа на стороне. Но в ряде случаев, в частности в больших ямах, сожжение происходило непосредственно в могиле: стенки этих ям сильно прокалены, кальцинированные кости лежат сплошным нетронутым слоем на дне, многие вещи (керамика, стеклянные бусы и т. п.) оплавлены.

Погребальный инвентарь составляют медные, бронзовые и стеклянные украшения, железные орудия труда и оружие, обломки керамики. В расположении вещей не наблюдается никакой закономерности. Между могилами выявлены следы жертвенных тризн в виде кострищ, обломков посуды, орудий труда и украшений.

По обряду погребения, керамике и металлическим украшениям Ленский могильник сходен со средневековыми языческими некрополями перми вычегодской, расположенными в бассейне Выми и средней Вычегды. Вероятно, он оставлен вычегодскими пермянами, жившими в

этом районе в XI—XIV вв. Однако заметно некоторое своеобразие Ленского могильника, проявляющееся в первую очередь в особой конструкции погребальных сооружений, что, вероятно, отражает локальные особенности нижневычегодской группы пермского населения.

Раскопки Ленского могильника позволяют значительно расширить ареал памятников перми вычегодской и подтверждают некоторые данные письменных источников и устных народных преданий о том, что предки народа коми в древности занимали более широкую территорию, чем это представлялось до сих пор.

РАСКОПКИ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛ.

А. В. Никитин

Институт археологии АН СССР совместно с Вологодскими музеем и педагогическим институтом продолжал раскопки в Устюженском районе. Исследовались поселение и курганный могильник близ дер. Куреваниха на правом берегу Мологи, при впадении в нее р. Кать. Памятники расположены на высокой гряде, омываемой Мологой.

Раскопки поселения обнаружили на нем два культурных слоя — славянский и дьяковский. Дьяковское поселение занимало примерно четверть возвышенности. Следы оборонительных сооружений на поверхности не видны. Не обнаружены они и раскопками. Дьяковцы жили здесь довольно долго, так как толщина культурного слоя достигает 1 м. Но вещей найдено мало. Это лепная керамика с сетчатым орнаментом, железные рыболовные крючки, украшения из бронзы, костяные наконечники, дьяковский грузик.

Между дьяковским и славянским слоями не было разделительных прослоек. Толщина славянского слоя не превышала 40 см. В нем найдены лепная керамика с линейно-волнистым орнаментом, железные ножи, шиферные пряслица, остатки шлаков, железные крицы, следы производственного металлургического комплекса. Занимая около трети всей возвышенности, славяне прожили здесь примерно два столетия и покинули поселение к XII в.

В непосредственной близости к поселению расположены славянские курганы. Они датируются X—XI вв., т. е. примерно тем же временем, что и поселение.

Кроме курганов с обычным инвентарем, здесь оказались и богатые погребения. В одном из женских захоронений нашли ожерелье с 12 серебряными монетами (10 — арабских, 2 — западноевропейские), датируемыми X—XI вв. Монеты чередовались в низке с сердоликовыми и хрустальными бусинами. В волосы погребенной были вплетены большие

и малые кривичские височные кольца. В другом кургане вместе с такими же височными кольцами найдены серебряные бусы, украшенные тонкой зернью и сканью. В третьем погребении был обнаружен витой серебряный браслет, отличавшийся высокой техникой отделки. В курганах лежали также обычные ножи, лепные сосуды и др. Большинство погребений — трупоположения на горизонте, хотя есть и следы трупосожжений.

Украшения и монеты свидетельствуют о ранних торговых и культурных связях местных племен не только с Западом, но и с отдаленным Востоком. Совпадение даты поселения и курганов позволяет предполагать, что в курганах похоронены и жители поселения, а следовательно, можно заключить, что к X—XI вв. у славян, живших здесь, заметно развилось имущественное неравенство.

Славяне принесли сюда экономические и культурные традиции, накопленные за многие годы жизни в западных и южных районах Руси. У местных финно-угорских племен они заимствовали мало, хотя и медленно ассимилировали их.

РАСКОПКИ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ НА ВЕЛИКОЙ

В. В. Седов, М. В. Седова

Верховья р. Великая с разветвленным бассейном принадлежат к старейшей кривичской территории. В этом районе зарегистрировано свыше 50 курганных могильников, в составе которых имеются валообразные насыпи. В последние десятилетия внимание исследователей привлекли длинные курганы Смоленщины, окрестностей оз. Псковское и бассейна Западной Двины. Для решения некоторых коренных вопросов ранней истории кривичей возникла необходимость систематических раскопок этих памятников в бассейне Великой.

В 1966 г. Кривичский отряд Института археологии АН СССР при участии Себежского краеведческого музея приступил к исследованиям древних кривичских курганов в южных районах Псковской обл. Осмотр и съемка планов могильников с длинными курганами позволили заметить интересную особенность в их расположении. Почти все такие могильники находились не по берегам рек или озер, как предполагалось до сих пор. Длинные курганы Себежского края, как правило, расположены в стороне от водоемов (на расстоянии 1—2 км) и почти всегда у сухопутных дорог. Таковы могильники близ деревень Казихи, Ганжиново, Демиденки, Гритьково, Язбово, Обходы, Гришманы, Крупово, Борисенки, Козлово. Топография могильников показывает, что их расположение «на путях» не случайно. Большинство валообразных насыпей вытянуто

вдоль дорог. Повесть временных лет сообщает, что славяне-язычники хоронили умерших при дорогах («мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех»). Очевидно, в древности и сухопутные дороги играли существенную роль.

Были произведены раскопки курганов в могильнике близ дер. Казихи, на расстоянии 1,5 км от Великой. В составе могильника насчитывается 43 кургана, среди которых 19 длинных. Последние вместе с шестью круглыми насыпями образовывали южную часть могильника, расположенную по обе стороны грунтовой дороги. Многие курганы вытянуты параллельно этой дороге. Наиболее крупные насыпи (четыре) были вытянуты на 31—37,5 м, семь курганов — на 20—30 м, а остальные — на 15,5—20 м. Ширина насыпей 6,5—9 м, высота от 0,5 до 1,5 м. В 1966 г. раскопано шесть длинных курганов. (Кроме того, в северной части могильника раскопаны три круглых кургана с трупосожжениями X—XI вв.)

В основаниях всех исследованных курганов прослежены серые прослойки (погребенная почва с более или менее значительным содержанием золы, изредка — мелкие угольки) толщиной 5—15 см. Такие прослойки составляют специфическую особенность курганов кривичей псковской группы. Сожжение умерших во всех случаях совершено вне курганов.

Наиболее интересными оказались курганы 21 и 22, в каждом открыто по семи захоронений. Курган 21 был сооружен в два приема. Об этом можно судить и по подошвенной прослойке и по составу песчаной насыпи. Сначала был насыпан курган длиной 15 м и шириной 8,5 м. В нем совершено пять захоронений. Два из них, расположенные на серой прослойке основания, по-видимому, наиболее ранние. Это зольно-угольные пятна с мелкими кальцинированными костями. Три других захоронения произведены в готовую насыпь. Кроме кальцинированных костей, в захоронениях найдены обломки глиняного горшка, проволочного височного кольца и неопределенных медных предметов.

Присыпка была сделана с южной стороны насыпи. После этого курган достиг в длину 22,1 м, в ширину — 8,5—9 м, в высоту — 1,45—1,6 м. В присыпке открыто два захоронения: одно — на материке (для него в серой прослойке была вырыта ямка), другое — в верхней части насыпи. В первом захоронении сожженные кости помещены в глиняный сосуд, который накрыли другим сосудом, опрокинутым вверх дном. Сосуды имели баночную форму, у обоих верхний край отломан. В верхнем захоронении найдены медное проволочное височное кольцо с разомкнутыми концами и обломки медных предметов.

В кургане 22 (его длина 31,7 м, ширина 7,5 м, высота 0,85 м) наибольший интерес представляет захоронение, открытое на северо-западном склоне насыпи, непосредственно под слабым дерновым покрытием (отчасти в дерновом слое). Кальцинированные кости были разбросаны на площади 2,83×2,1 м, но толщина их залегания не превышала 5 см. Это — новая для восточнославянских погребальных памятников второй

половины I тысячелетия н. э. деталь похоронного ритуала. Аналогичное захоронение открыто и в кургане 8. Может быть, распространением подобного обряда на Псковщине объясняется большое число так называемых пустых курганов. Мелкие кальцинированные кости, разбросанные по поверхности, могли быть смыты дождями, развеяны ветром, наконец, просто не замечены в процессе раскопок.

Четыре захоронения того же кургана расположены в нижней части насыпи, причем два из них — в ямках. Над одной ямкой найдены обломки небольшого глинобитного ящика. Два последних захоронения находились в верхней части кургана.

В двух захоронениях кургана 22 найдены сосуды, опрокинутые вверх дном, а в одном из погребений — стеклянная бусина голубого цвета и обломки биллоновой привески.

Курган 5 содержал два захоронения, курган 8 — четыре. В курганах 10 и 16 остатки трупосожжений не обнаружены. Из кургана 8 происходит глиняное пряслице биконической формы, позволяющее датировать ранние погребения казихинских длинных курганов VI—VII вв. н. э.

РАСКОПКИ В НОВГОРОДЕ

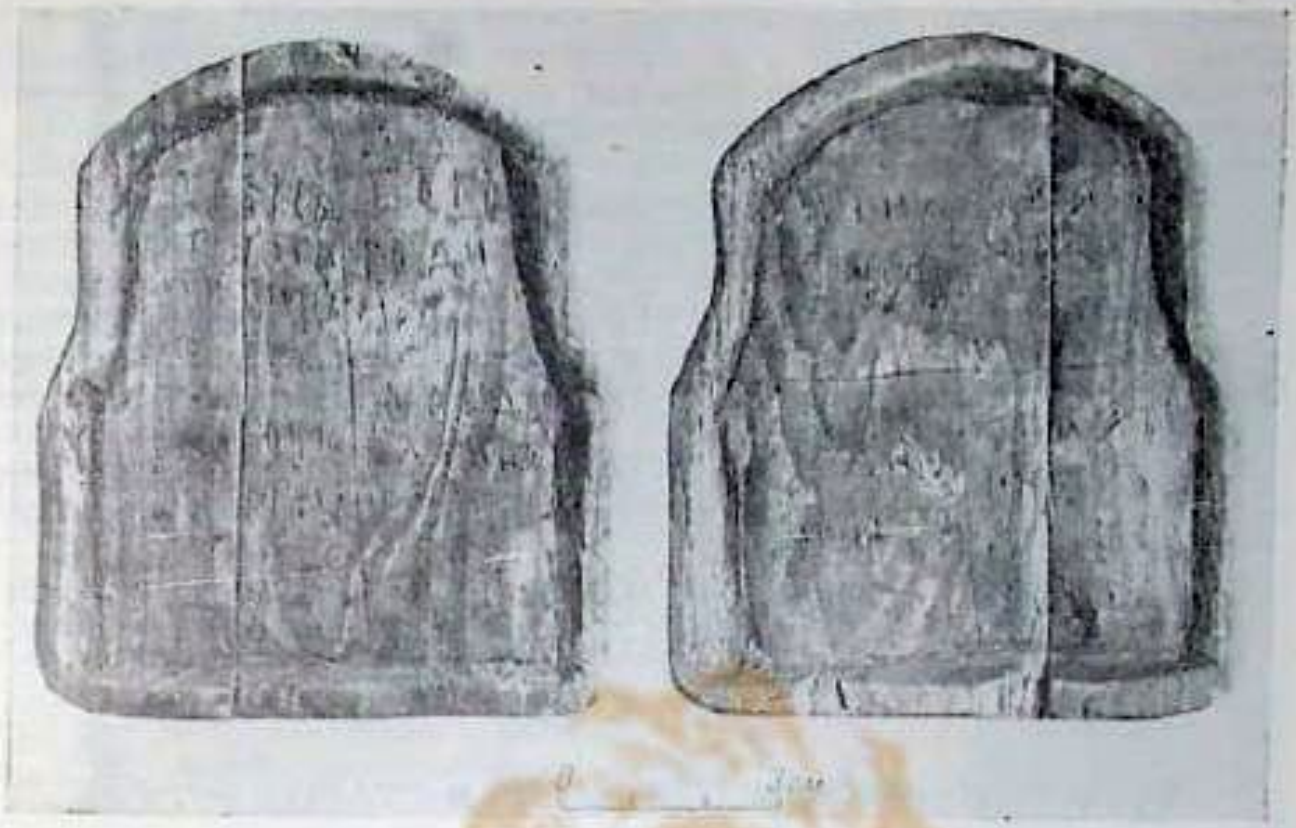
Г. А. Авдусина

В 1966 г. Новгородская экспедиция Института археологии АН СССР и Московского государственного университета продолжила работу на Ильинском раскопе в древнем Славенском конце Новгорода. На углу современных Ильинской и Посольской улиц был заложен новый раскоп. В следующем году раскоп будет значительно расширен и, вероятно, сюда будут перенесены основные работы экспедиции.

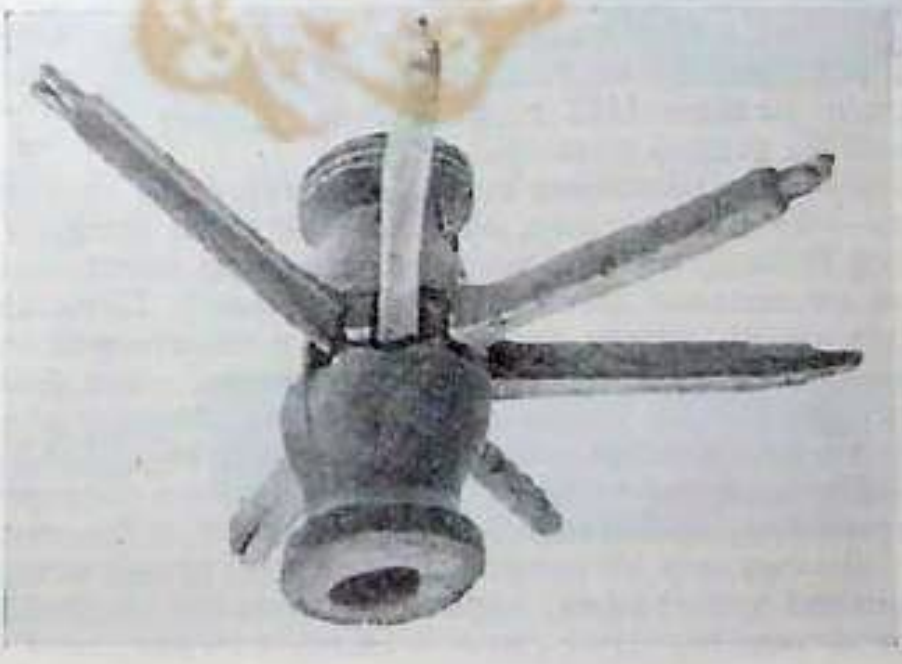
Отдельный отряд начал систематическое изучение Старой Руссы (см. ниже статью А. Ф. Медведева).

Совместно с Центральными реставрационными мастерскими экспедиция вела работу в церкви Спаса на Ковалеве, где было расчищено и собрано значительное количество фресок.

Основные исследования продолжались на Ильинском раскопе, где в 1965 г. был достигнут уровень слоев первой половины XIV в. С этого уровня и были начаты раскопки. На этой территории полностью вскрыта одна усадьба и значительные площади двух усадеб, что позволяет проследить изменения в застройке с XI по XV в. Исследованы жилые, хозяйственные и производственные сооружения. Найдено много различных вещей, обычных для культурного слоя Новгорода: изделия всевозможного назначения из железа, цветных металлов, дерева. Особого внимания заслуживают пять берестяных грамот: обрывки трех писем и два поплавка с именем владельца (Илья).



Новгород. Две стороны деревянной заготовки иконки



Новгород. Деревянная ступица со спицами от колеса

Большой интерес вызывает обнаруженная в слое середины XII в. деревянная заготовка иконки с надписью на обеих сторонах. Возможно, что поверхность иконки была записана, но краски впоследствии, уже в культурном слое, смылись. Надписи указывают места, где должно было находиться то или иное изображение.

Каждая сторона дощечки расчерчена крест-накрест. В каждой части помещена надпись. На одной стороне в верхнем левом углу написано: «Иесусс тут написать»; в верхнем правом: «Богородицу»; в нижнем левом: «Онуфрия тут написи»; в нижнем правом: «Феодора Тирона». На обратной стороне также четыре надписи. В верхнем левом углу: «Михаила»; в верхнем правом: «Евана»; в нижнем левом: «Климянта»; в нижнем правом: «Макария».

В слое рубежа XI—XII вв. найдено деревянное колесо: ступица, четыре целые и две обломанные спицы. Судя по выемкам для крепления спиц в ступице, всего их было девять.

Среди изделий из дерева, как обычно, много предметов с художественной резьбой. Весьма интересна деревянная курица от кровли с изображением морды дракона или волка на конце.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В СТАРОЙ РУССЕ

А. Ф. Медведев

В августе 1967 г. Старая Русса будет отмечать 800-летие с тех пор, как Руса (так называлась Старая Русса до XVI в.) была впервые упомянута в Новгородской летописи. О времени основания Русы, как и Новгорода, и некоторых других городов древней Руси, в летописях ничего не говорится. Не исключено, что Руса возникла значительно раньше 1167 г., возможно одновременно с Новгородом, в X или даже во второй половине IX в.

Руса расположена на великом торговом водном пути «из варяг в греки» — из Балтийского моря в Черное. Ее история тесно связана с историей Великого Новгорода, во владениях которого она находилась в течение нескольких столетий. Район южного Прильменья был для Новгорода очень важен экономически и стратегически. Помимо лесных богатств, необходимых для строительства, здесь были развиты земледелие и скотоводство, охота и рыболовство. Важное значение имело солеварение на базе многочисленных соляных источников на территории Русы.

Древнейшая история Русы отражена в новгородских летописях очень отрывочно, преимущественно в связи с событиями в самом Новгороде.

До сих пор не известны не только время основания города, но и его древняя топография, характер городской застройки и ремесленного производства, торговые связи и облик материальной культуры.

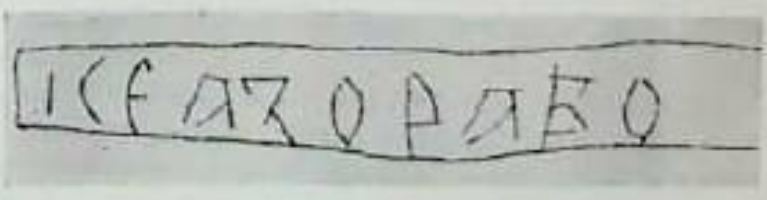
В 1966 г. отряд Новгородской экспедиции начал археологические исследования в Старой Руссе.

В древней, плотно застроенной части города больших площадей для раскопок нет. Раскоп I заложен на территории Старорусского курорта, где в древности были посадские слободы. Удалось выяснить, что на этом участке посад возник во второй половине XII в. Через весь раскоп с северо-востока на юго-запад шла улица шириной 3,5 м. Сохранилось девять ярусов (настилов) из тонких бревен и плах. По конструкции настилы мостовой совершенно аналогичны новгородским. Нижний ярус лежит на материке и относится ко второй половине XII в., верхний — к концу XV в. В XIV—XV вв. к этой улице с юго-запада подходил замощенный переулок. По обе стороны мостовой хорошо сохранились остатки жилых домов с печами и полами. Судя по многочисленным изделиям из дерева и кожи, на этом участке в XIII и XIV вв. несомненно находились две мастерские: бондарная и сапожная. В бондарной мастерской было много деревянных клиньев и чекмарей, применявшихся при изготовлении найденных здесь же деревянных ведер и ушатов, необходимых в быту и при солеварении, а также других вещей.

В сапожной мастерской, которая возникла, по-видимому, уже в конце XII в., кроме огромного количества обрезков кожи, колодок и шильев, было очень много кожаных изделий: поршни и туфли, заготовки с великолепными расшитыми узорами в виде завитков, мячи, ножны, кошельки и сумки, задники, подошвы и головки обуви.

Старая Русса. Деревянная литейная форма

Старая Русса. Берестяная грамота конца XIV или начала XV в.



Старая Русса. Свинцовая печать Тимофея Васильевича

Из деревянных изделий найдены детали мялок, прялок, ткацкого станка, точеные на токарном станке балясины от мебели, волчки-игрушки, сосуды. Особый интерес представляет створка деревянной литейной формы для отливки украшений. Дата ее XIV в.

В слое конца XIV или начала XV в. обнаружена первая в Старой Руссе берестяная грамота. Это начало духовной грамоты или завещания. Текст — «сеазорабо» — явно незакончен. Автору, видимо, не понравилось написанное, он оторвал полоску с началом завещания и бросил.

Заслуживает внимания свинцовая печать Тимофея Васильевича — «тивуна» новгородского конца XIV — начала XV в. Тивун — административное лицо, в данном случае представитель Новгорода в Русе. Этот Тимофей Васильевич был новгородским посадником в 1416—1421 гг. Его братья и отец тоже были посадниками.

Среди других находок следует выделить женские украшения второй половины XII — первой половины XIII в.

Раскопки в Старой Руссе показали, что этот древнерусский город уже во второй половине XII в. был ремесленным центром с материальной культурой новгородского облика. Несомненно, что раскопки будущего года дадут новые ценные материалы для истории Старой Руссы и ее взаимоотношений с Новгородом.

ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

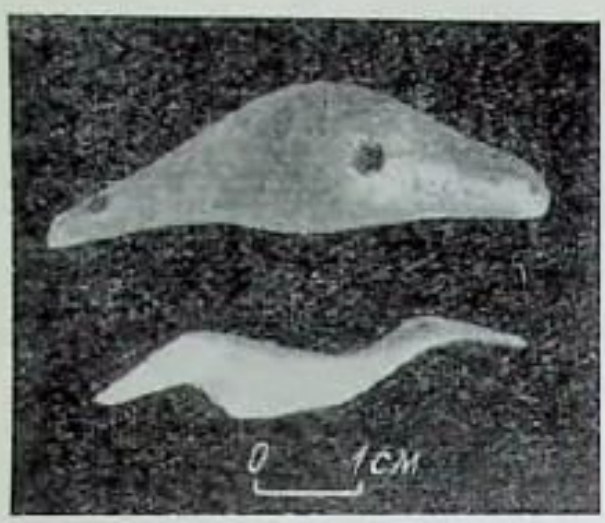
Д. А. Крайнов, О. С. Гадзяцкая

Верхне-Волжская экспедиция организована на средства Института археологии АН СССР и Министерства культуры РСФСР через Управления культуры Ивановского, Ярославского и Калининского облисполкомов. Работы велись под руководством Д. А. Крайнова и начальников отрядов О. С. Гадзяцкой, Л. В. Кольцова, М. П. Зиминой и Е. Н. Ерофеевой. На территории Ивановской, Костромской, Ярославской и Калининской областей исследованы поселения, относящиеся к мезолиту, неолиту и бронзовому веку, могильники фатьяновской культуры и курганы славянского времени. Проведены раскопки восьми древних стоянок и поселений, пяти фатьяновских могильников и славянской курганной группы. Разведки выявили пять неолитических стоянок в Калининской обл. и шесть фатьяновских могильников в Ивановской, Костромской, Ярославской и Калининской областях.

В Ивановской обл. на берегах древнего озера Сахтыш продолжалось изучение многослойных неолитических стоянок Сахтыш I и Сахтыш II. Стоянки датируются концом III — рубежом II и I тысячелетий до н. э.

Особое внимание уделено стратиграфии культурных наслоений. Новые данные свидетельствуют о том, что разновременные археологические комплексы, выделяемые по керамике, последовательно распределены в трех горизонтах культурного слоя. В нижнем слое преобладает ямочно-гребенчатая керамика; в среднем — ямочно-гребенчатая и много волосовской с примесью раковин; в верхнем слое к керамике упомянутых двух типов примешивается керамика эпохи бронзы, волосовская с растительной примесью в тесте и сетчатая. На стоянке Сахтыш I около древнего берега р. Кайка обнаружен чистый слой с ямочно-гребенчатой керамикой раннего типа, перекрытый торфом.

Как и в прошлые годы, на стоянках собраны богатейшие коллекции разнообразных орудий из камня: наконечники стрел и дротиков, скребки, ножи и скобели, тесла, клинья, полированные плиты, костяные гарпуны, различные острия, украшения, многочисленные кремневые отщепы, заготовки, сломанные изделия. Кухонные остатки из костей животных, птиц и рыб характеризуют охотничье-рыболовческий облик хозяйства древнего населения.



Сахтыш I. Костяная головка птицы из неолитического могильника и костяная птичка из волосовского жилища

Вскрыты остатки жилищ в основном наземного характера. На стоянке Сахтыш I обнаружено волосовское жилище прямоугольной формы, перекрытое берестой. В культурном слое около жилища найдены новые неолитические погребения, часто в сопровождении костей и черепов медведя, что свидетельствует об особом медвежьем культе. В одном из погребений лежала костяная головка птицы. Эта фигурка наряду с другими прекрасно выполненными изделиями из кости свидетельствует о высоком уровне косторезной техники у неолитических обитателей поселения.

Особое внимание экспедиция уделила памятникам фатьяновской культуры, обилие которых на территории Ивановской обл. выявили работы прошлых лет. Бо́льшая часть могильников раскопана ранее. В 1966 г. исследованы разрушаемые Мытищинский и Горицкий могильники Костромской обл., а также могильник, расположенный под домами дер. Дьяково. Первые два памятника можно считать полностью исследованными. Несмотря на значительные размеры вскрытой площади, обнаружено только по одному погребению, остальные могилы были уничтожены и частично раскопаны ранее. Погребения ограблены в древности, так как они, видимо, были богаты медными изделиями. Мелкие медные вещи — шило, подвеска, обоймочка — сохранились в мытищинском погребении. Интересны особые внутримогильные сооружения и керамика. Впервые найденный в Мытищинском могильнике низкошеий шаровидный сосуд со шнуровым орнаментом связывает памятники Ивановской обл. с могильниками Московской группы. Горицкий могильник является почти единственным фатьяновским памятником, раскопанным на территории Костромской обл.

Изученные могильники обладают чертами, сближающими их, с одной стороны, с московскими и ярославскими памятниками, а с другой — с восточными фатьяновскими памятниками Среднего Поволжья.

Значительный интерес представляют более поздние материалы, добытые при раскопках Семухинской группы курганов. Прекрасно выполненные бронзовые и серебряные украшения — браслеты, височные коль-

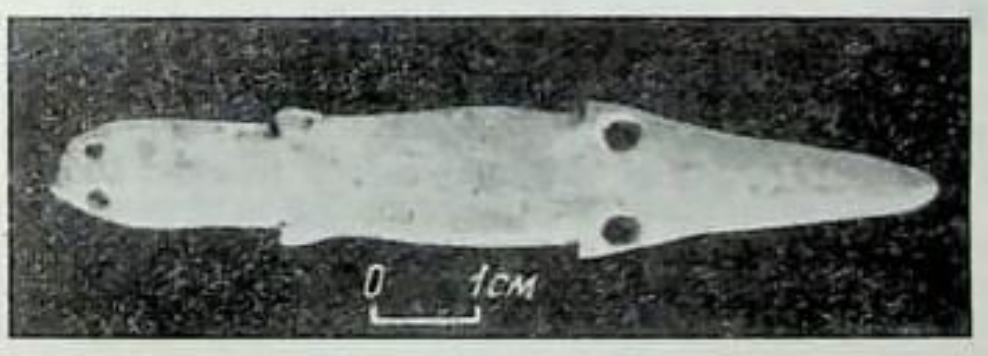
ца, лунницы, шумящие привески и др.— позволяют датировать курганную группу XII—XIII вв.

В Ярославской обл. продолжалось исследование одного из крупнейших фатьяновских могильников у дер. Волосово. За годы раскопок здесь обнаружено около 75 погребений, из них 33 вскрыты в 1966 г. Могилы ограблены в древности. Непотревоженными оказались лишь некоторые погребения детей. Раскопки значительно пополнили наши представления о погребальном обряде и хозяйстве фатьяновских племен. Захоронения собак при трех погребениях свидетельствуют о развитии пастушеского скотоводства у фатьяновцев. Погребальный инвентарь состоит в основном из многочисленных сосудов (5—7 в могиле), а также изделий из камня и кости. В некоторых могилах сохранились мелкие медные вещи — шилья, подвески, причем, судя по следам окиси меди на костях погребенных, это только небольшая часть металла, в основном похищенного. Найдено несколько уникальных поделок — костяная мотыжка, глиняный шарик и др. В детских погребениях прослежено расположение украшений из зубов животных, трубчатых пронизок, раковинных бус на одежде и головных уборах покойников. Интересны кремневые наконечники стрел. Раскопки позволили провести некоторые наблюдения над последовательностью захоронений в могильнике.

Удалось наметить новые связи могильников Ярославской группы с западными и восточными памятниками фатьяновской культуры.

В Калининской обл. раскопана Бутовская мезолитическая стоянка — древнейший из местных памятников. Обнаружены уникальные бытовые комплексы — два очага и хозяйственные ямы. Кремневый инвентарь — резцы, скребки, скобели, проколки, вкладыши и др.— подтверждают мезолитический возраст стоянки.

На берегу оз. Селигер экспедиция вела раскопки на стоянках у с. Ронское, открытых разведками прошлого года и названных Ронское I, II, III, IV. Здесь обнаружены культурные наслоения позднего неолита и бронзового века. Расположение стоянок у воды, на берегу протоки, и культурные остатки указывают на охотничье-рыболовческий характер поселений. По материалам стоянок, особенно по керамике, близкой ямочно-гребенчатой, волосовской, сетчатой и со шнуровым орнаментом, устанавливаются связи с соседними культурами Волго-Окского бассейна,



Ронское III. Костяная рыбка

Прибалтики и Приднепровья. Обнаружены наконечники стрел треугольной формы и с выемкой в основании, оригинальные глиняные поделки в виде конусов, пуговиц, грузил. Особый интерес представляют крупные кремневые наконечники копий и дротиков прекрасной выделки, а также костяные поделки.

На поселениях открыты жилища разной формы. Из них заслуживает внимания жилище (стоянка Роиское III) прямоугольной формы с выходом и кострищем в центре.

Продолжалось исследование неолитических стоянок Усть-Валдайка I и II. Получен большой материал, представленный разнообразной керамикой, кремневыми и сланцевыми орудиями. Найдены льячки, указывающие на знакомство обитателей стоянок с металлом. На Усть-Валдайке I обнаружены остатки двух жилищ. Стоянки, видимо, относятся к северо-восточному варианту валдайской культуры и датируются первой (Усть-Валдайка I) и второй (Усть-Валдайка II) половинами II тысячелетия до н. э.

Раскопки Тургиновского фатьяновского могильника дали новые материалы для характеристики западной зоны культуры. За время работ 1966 г. вскрыто пять погребений фатьяновского типа и, кроме того, найдены отдельные предметы из погребений, уничтоженных ранее. В могилах нет костей человека, следов погребальных сооружений, но иногда заметны кострища, возможно связанные с обрядом трупосожжения, как в Ошурковском и Истринском могильниках. Особенностью Тургиновского могильника является большое количество изделий из кремня, в частности наконечников стрел. Своеобразие кремневого инвентаря, орнаментика и форма сосудов сближают этот могильник с фатьяновскими памятниками Московской группы.

РАСКОПКИ СТОЯНКИ СУНГИРЬ

О. Н. Бадер

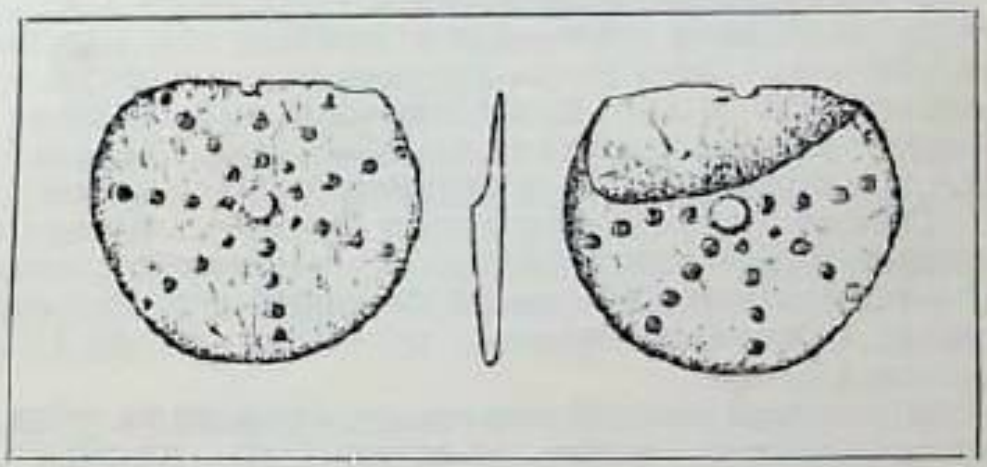
Исследования были произведены сотрудниками Института археологии АН СССР на средства Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Закончены раскопки на дне глиняного карьера (раскоп I), продолжено вскрытие культурного слоя в районе погребения в юго-западной части стоянки (раскоп II) и начата работа в северо-восточной части, вне карьера, на колхозном поле (раскоп III).

Следует отметить несколько хорошо сохранившихся очажных ям в раскопе III (одна из них взята монолитом во Владимирский музей). Как и очажная яма в раскопе II, близ погребения, и могила, они располагались на краю небольшой ложбинки, тянувшейся по краю стоянки в сто-

рону устья Сунгиря. На дне этой ложбинки было сыро, культурный слой более мощный и расплывчатый, костный материал сохранился хуже, и следы солифлюкции выражены сильнее. Зато на северо-западном крае ложбинки, где было, естественно, гораздо суше, следы солифлюкции не выражены, что и обусловило сохранность очажных ям в раскопе III, очажной ямы и засыпи могилы в раскопе II. Так постепенно уточняется топография стоянки.

Глубокие стратиграфические разрезы в раскопах II (у погребения) и III позволили установить мощный солифлюкционный горизонт под погребением. В то же время оказалось, что ледяные клинья, рассекающие культурный слой стоянки и погребения, берут начало от верхнего горизонта покровных суглинков, на высоте до 2 м над культурным слоем. Таким образом, выясняются три момента значительных похолоданий: 1) время образования ледяных клиньев; 2) время солифлюкции, затронувшей культурный слой; 3) время солифлюкции под погребением. Верхний горизонт следует связывать с осташковским оледенением. Солифлюкция, испортившая культурный слой и отделенная от поверхности ледяных клиньев двухметровой толщей суглинков, вряд ли относится к тому же оледенению, но является более древней, а ископаемая почва с культурным слоем стоянки — еще древнее. Предоставляя геологам дискуссию о том, какому подразделению плейстоцена соответствует время стоянки на Русской равнине, нельзя не заметить, что все сказанное выше скорее приближает нас к датировке, указанной для Сунгиря большинством геологов — участников Международного симпозиума 1963 г. (W I—2).

Раскопками собран большой вещественный материал (около 10 тыс. каменных и костяных изделий, не считая остатков фауны). Среди кремневых орудий интересны плоские наконечники с вогнутой базой (костенковско-сунгирского типа) и особенно один наконечник с округлой базой (селетского типа). Последняя находка усиливает доводы в пользу связей между костенковско-сунгирской культурой Восточной Европы и селетской культурой (в широком понимании этого термина) в Средней Европе.



Сунгирь. Диск из бивня мамонта

Среди костяных и роговых изделий преобладают мотыгообразные орудия, служившие, надо полагать, для рыхления земли, для собирательства, а может быть, и в качестве оружия. Найдено также уникальное украшение в виде небольшого диска из бивня мамонта со сквозным отверстием в центре и восемью отходящими от него на обеих сторонах лучами; каждый луч состоит из четырех миниатюрных ямочек-точек, таких же, как на фигурке лошади, найденной на Сунгире в 1957 г.

Интересно, что с одной стороны лошади, в верхней линии, повторяющей контур спины и головы, насчитывается 20 точек; в нижней линии — тоже 20 точек; на каждой ноге — по 5 точек (считая и сквозное отверстие на задней ноге). На новой дисковидной пластинке каждый луч (с центральным сквозным отверстием) состоит из 5 точек. Вряд ли все эти сочетания можно считать случайностью. Они, надо думать, указывают на существование у сунгирцев арифметического счета, в основе которого лежало пятиричное счисление — по количеству пальцев на руке.

РАСКОПКИ В ГАГАРИНО

Л. М. Тарасов

В 1966 г. Гагаринский отряд Института археологии АН СССР вскрывал участок поселения к северо-западу от жилого комплекса. Проведены наблюдения за условиями залегания культурных остатков. Как и на всей исследованной ранее территории вне жилых сооружений, на этом участке обнаружен расщепленный кремень при полном отсутствии костных остатков. Кремни, в том числе и различные законченные орудия, связаны с прослойкой палевого песчанистого суглинка, подстилающей чернозем, а также с горизонтом А чернозема. Нижняя, более светлая часть чернозема (горизонт В) почти совсем не содержит культурных остатков.

В центральной части стоянки, у северного края основного жилища, было продолжено исследование западной ямы. Заполнение в самой нижней ее части было очень рыхлым, имело темную окраску, содержало костные угли, мелкие кусочки красной охры, обломки кости и бивня мамонта, в том числе и со следами обработки. Собрано большое количество расщепленных кремней, в основном мелких, а также кремневые орудия.

Особый интерес представляет фрагмент скульптуры человека, изготовленной из бивня мамонта. Это частично отслоившаяся в древности головка статуэтки с четко оформленной прорезью-перехватом, отделяющей ее от корпуса. Фрагмент небольшой: высота 1,9 см, ширина 1,4 см, толщина 0,9 см.

В западной яме найдено четыре подвески из зубов песца: две из клыков и две, очень мелкие, из резцов. Здесь же обнаружены крупная по-

делка из бивня мамонта в виде массивной лопаточки вытянутой формы с тщательно заполированной темной поверхностью (обломана) и другие поделки из кости.

Из кремневых орудий следует отметить миниатюрный прекрасно выполненный наконечник с боковой выемкой, найденный на вскрытом участке в северо-западной части поселения. Четко выделенная боковая выемка тщательно оформлена крутой затупливающей ретушью. Мелкой затупливающей ретушью обработано и перо наконечника выше боковой выемки. Характер обработки типичен для наконечников с боковой выемкой Гагаринской стоянки. Высота этого наконечника 4 см, жальце его обломано в древности.

ЮДИНОВСКОЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

В. Д. Будько

Поселение расположено в бассейне р. Судость, правого притока Десны, в 15 км выше г. Погар. Культурные остатки залегают на глубине 2,6—3 м от поверхности в пределах лёссового делювиального шлейфа, на отдельных участках правого берега Судости, прикрытого песками первой надпойменной террасы.

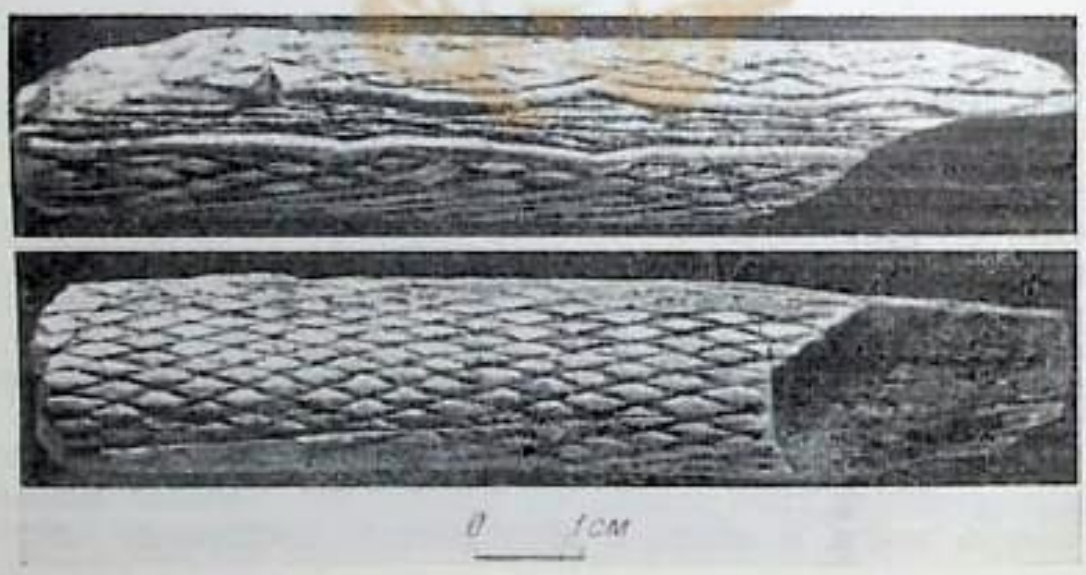
В истекшем полевом сезоне экспедиция Института истории АН Белорусской ССР исследовала юго-восточную часть сложного жилого комплекса в пункте Юдиново I. В комплекс входили остатки двусекционного сооружения, развалины большого полуподземного жилища, очаги, места обработки кремня и кости и хозяйственные ямы вне жилищ.

Основным материалом при сооружении жилищ и других построек служили кости мамонта. Так, в конструкции большого жилища входили 56 черепов, расположенных по краю углубления, а между черепами и краем углубления находилась стена из трубчатых и других костей мамонта. Они залегали горизонтально одна над другой, образуя стену, или стояли вертикально, опираясь на черепа. Большое жилище разделено перегородками на шесть отдельных секций. У четко обозначенного входа с юго-западной стороны отмечена еще одна секция, занятая очагом. Здесь же, у входа, сохранились остатки еще одного сооружения, вероятно, пристройки к жилищу.

На месте предполагаемого ветрового заслона также обнаружены следы большого сооружения. Его основание составляют многочисленные лопатки и тазовые кости мамонта с искусственно пробитыми отверстиями.

Внутри сооружения, в углублениях, обнаружены заготовки бивней, линзы костного и древесного угля. Из находок следует отметить скульп-

Юдиново I. Костяная головка птицы



Юдиново I. Обломок наконечника копья из бивня мамонта

турное изображение головки птицы, вырезанное из рога северного оленя и покрытое геометрическим орнаментом и характерными для Юдинова продолговатыми продольными штрихами, а также орнаментированные проколки и наконечник копья из бивня мамонта. Для орнамента по-прежнему характерны ромб и зигзаг, схематические изображения рыб, продольные извилистые двойные линии. Впервые встречен рисунок, напоминающий шахматное поле: прямые короткие линии чередуются со свободными участками. Найдено большое количество костяных шильев, землекопалки из ребер мамонта, рукоятки кремневых орудий, просверленные раковины-украшения, залегавшие скоплениями (до 60), как и расщепленный кремень. Собрано много древесного угля.

Внутри сооружения, у края четко обозначенной ямы расчищены 11 небольших углублений. Все они заполнены плотной гумусированной массой, представляющей, на наш взгляд, остатки перегнившей древесины с супесью. Эти углубления, возможно, остались от столбов и жердей.

Описанное выше сооружение расположено у юго-восточной окраины большого жилища и примыкает к реке. От жилища оно отделено большим очагом и стерильной прослойкой лёсса. С юго-западной стороны около него находится еще один очаг.

Это сооружение представляет нижний горизонт поселения, прослеженный на участке, примыкающем к реке. По характеру находок нижний горизонт не отличается от верхнего с его уникальными жилыми комплексами.

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОЛИТА НА ДОНУ

В. П. Левенок

В последнее время в Верхнем Подонье открыто несколько десятков неолитических памятников. Раскопки их позволяют проследить пути распространения неолитических племен различного этнокультурного облика, определить характерные признаки их материальной культуры и ее поэтапное развитие.

Наиболее интересным неолитическим памятником оказалась стоянка у с. Савицкого, к исследованию которой Верхне-Донская экспедиция Института археологии АН СССР приступила в 1966 г. Культурный слой здесь делился на три горизонта. В нижнем залегала накольчатая керамика, в среднем преобладала ямочно-гребенчатая, в верхнем — керамика бронзового века.

У дер. Коммуна на р. Воронеж, в урочище Большой Липяг, была раскопана стоянка ямной культуры, а близ с. Крутогорье — городище, интересное тем, что здесь можно проследить непрерывную эволюцию материалов от культуры поздней бронзы к ранне- и позднегородецкой.

В связи с предполагаемым заполнением водой «Липецкого моря» были предприняты раскопки в урочище Митькин Запор. В результате разведок и обширных раскопок установлено, что здесь в XI—XII вв. находился древнерусский город, имевший самые тесные сношения с Киевом. Дальнейшие исследования позволят связать его с одним из древних городов лесостепной полосы, упоминаемых в летописях.

Разведками Верхне-Донской экспедиции в 1966 г. открыто 64 новых археологических памятника.

ИЗУЧЕНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛ.

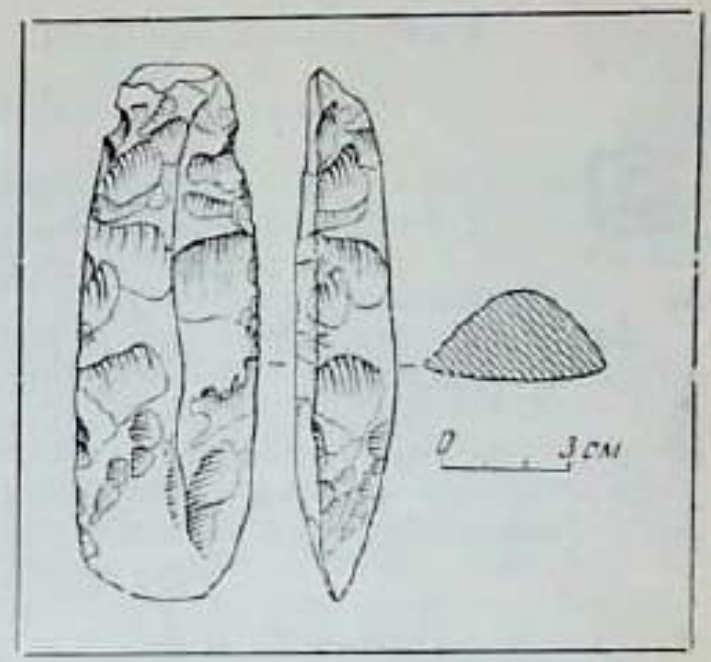
И. М. Тюрина

В 1966 г. разведочная группа Белорусского отряда Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР провела обследование неолитических памятников на территории Смоленской обл. Работы были сосредоточены главным образом в Демидовском, Смоленском, частично Рославльском, Дорогобужском и Угранском районах, где обследовано более 30 неолитических поселений.

Наиболее интересные материалы получены в районе станции Катынь. Здесь изучено около 10 поселений, расположенных по обоим берегам р. Катынь (правого притока Днепра) на небольшом расстоянии друг от друга, но в основном на левом, более возвышенном берегу. Самыми интересными оказались два поселения, на которых произведены небольшие раскопки.

Первое поселение тянется севернее железной дороги вдоль левого берега Катыни. На его территории расположено шесть поздних курганов с трупосожжениями. Культурный слой мощностью 25—30 см содержал керамику, большое количество кремневых отщепов и орудий. Орудия изготовлены преимущественно из кремня темных и реже светлых тонов. Это главным образом небольшие скребки на пластинах разных форм, ножевидные пластины, проколки и т. п. Сосуды вылеплены из красноватой или серой глины с примесью песка. Днища их, судя по фрагментам, круглые; венчики прямые или круглые с утолщением и незначительным отгибом. Отпечатки мелкозубчатого штампа покрывают внутреннюю и внешнюю поверхность венчика, остальная часть сосуда украшена лапчатыми отпечатками или небольшими продолговатыми ямками. На некоторых фрагментах ямки сочетаются с оттисками гребенки.

По характеру керамики и кремневого инвентаря поселение близко к позднеолитическим поселениям бассейна Западной Двины (Мочуры, Берково).



Ломейково. Кремневое тесло

Второе поселение расположено на склоне коренного левого берега Катыни, недалеко от дома отдыха «Борок». Площадь его почти полностью разрушена неоднократной вспашкой. Только в восточной части удалось обнаружить ненарушенный культурный слой, где и был заложен раскоп. В культурном слое и на поверхности собрана коллекция кремневых орудий и керамики. Керамика вылеплена в основном из серой глины с примесью песка. Орнамент — небольшие круглые ямки и косые короткие линии из оттисков гребенки или отпечатков шнура — покрывает всю поверхность сосуда.

Это поселение более позднее, чем первое, судя по шнуровому и нарезному орнаментам, ножам на изогнутых пластинах и наконечникам стрел ромбовидной формы. По-видимому, оно относится к бронзовому веку.

Третье поселение, на котором произведены частичные раскопки, расположено у дер. Ломейково на возвышенном берегу старого русла р. Вопец (правого притока Днепра). Раскоп заложен в западной части. Здесь, на глубине 0,15 м, находилось небольшое кострище овальной в плане формы. Около кострища найдены кремневый топор клиновидной формы с овальным сечением и несколько отщепов. На расстоянии 1 м от кострища лежали две небольшие плитки из песчаника и массивный камень, обожженный с одной стороны. Здесь же обнаружено большое скопление отщепов и осколков кремня, а рядом — несколько фрагментов керамики, украшенных оттисками мелкой гребенки, обломок наконечника стрелы листовидной формы, кремневый топор с заостренным обухом и тесло из желтоватого кремня. Лезвие тесла и местами поверхность пришлифованы. Несомненно, что здесь открыты остатки позднеолитической кремневой мастерской.

РАБОТЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

А. И. Пузикова, Н. К. Качалова

Экспедиция организована Институтом археологии АН СССР совместно с Государственным Эрмитажем и Острогожским краеведческим музеем в составе двух отрядов — Хоперского и Битюгского — и разведочной группы.

Битюгский отряд под руководством Г. И. Корнюшина продолжал раскопки курганной группы у с. Старая Тойда. Был раскопан курган с 11 погребениями: четыре — в глубоких грунтовых ямах, а семь — в насыпи. Все костяки лежали на левом боку в скорченном положении, головами на северо-восток с некоторым отклонением к северу или востоку. Инвентарь — бронзовые привески, шильце, обломки бронзового браслета, а также сосуды баночных форм без орнамента или украшенные в верхней части косыми и зерновидными насечками — характерен для срубной культуры.

В кургане из группы у с. Березовка открыто пять погребений в грунтовых ямах. Костяки скорчены на правом и левом боку, головами обращены на юго-юго-восток и юго-юго-запад. Керамика и бронзовый нож, обнаруженные в погребениях и насыпи кургана, также характерны для бронзового века.

Ильмень. Круглодонный сосуд из впускного погребения кургана 8

Разведочная группа во главе с В. И. Гуляевым предприняла разведки по Хопру — от устья р. Бузулук до впадения Хопра в Дон. Было обнаружено десять поселений, относящихся в основном к бронзовому веку.

Хоперский отряд под руководством Н. К. Качаловой продолжал раскопки курганного могильника у дер. Ильмень. Раскопано шесть курганов. Курган 6 содержал 15 погребений. Большая прямоугольная могила основного погребения ориентирована по длинной оси в направлении с северо-запада на юго-восток. В юго-восточном углу прослежен вход в

могильную яму, имевший у дна вытянутую, грушевидную форму. Сверху яму перекрывал накатник из бревен, уложенных поперек могилы. Бревна сильно обожжены и обуглены. На дне могилы лежал скелет взрослого человека в скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад. В северо-западном углу находилась нижняя часть грубого лепного сосуда. По технике обработки поверхности и глине сосуд полностью соответствует многоваликовой керамике.

Остальные 14 погребений этого кургана относятся к срубной культуре. Костяки скорчены на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти положены перед лицом. Почти в каждой могиле находилось от одного до трех глиняных сосудов остроребериой и баночных форм. Орнаментация сосудов в основном характерна для срубной керамики Среднего Подонья. Около черепов нескольких погребенных обнаружены бронзовые височные подвески овально-удлиненной формы с расширением на конце, выполненные из узкой вогнутой бронзовой полоски.

В одном из срубных погребений найден бронзовый нож в деревянном футляре, окрашенном красной краской.

Курган 8 содержал пять погребений. Три из них, в том числе основное, относятся к катакомбной культуре. Определить культурную принадлежность двух остальных погребений затруднительно. Одно из них сильно разрушено, керамики в нем нет. Судя по устройству могилы (большая прямоугольная яма, перекрытая бревенчатым накатом) и бронзовому ножу с параллельными лезвиями и выемкой у конца острия, это погребение можно отнести к ка-

Ильмень. Курильница из погребения в катакомбе кургана 8
Вид сбоку и сверху

такомбной культуре. Другое погребение впускное. Оно находилось на уровне грунта в небольшой яме неправильной формы. В головах детского костяка стоял круглодонный сосуд, тулово которого сплошь орнаментировано врезными концентрическими линиями.

Особенно интересны два погребения, совершенные в катакомбах. Устройство их сходно: в одной из продольных стен входной прямоугольной ямы вырыта неглубокая катакомба. В противоположной стороне расположены одна-две ступеньки, ведущие непосредственно в устье катакомбы. Устье закрыто вертикально поставленными столбиками. В одной из катакомб находился скорченный скелет женщины, положенной на правый бок, головой на юго-восток. На костях — красная краска. Теменную часть черепа опоясывает неширокая красная полоса. Около грудных костей стояла деревянная чаша с невысоким бортиком, почти полностью истлевшая. В заполнении входной ямы, на глубине 0,15 м от ее верхнего края, обнаружена глиняная курильница на крестовидной подставке, сплошь орнаментированная оттисками тесьмы, а на обрезе венчика — сосковидными налепами. Внутри курильницы — уголь и зола. Эта курильница — самая северная из всех известных в настоящее время. Вместе с некоторыми другими находками из Ильменского могильника она свидетельствует о прочных связях местных племен с обитателями Северного Кавказа и Калмыцко-Манычских степей.

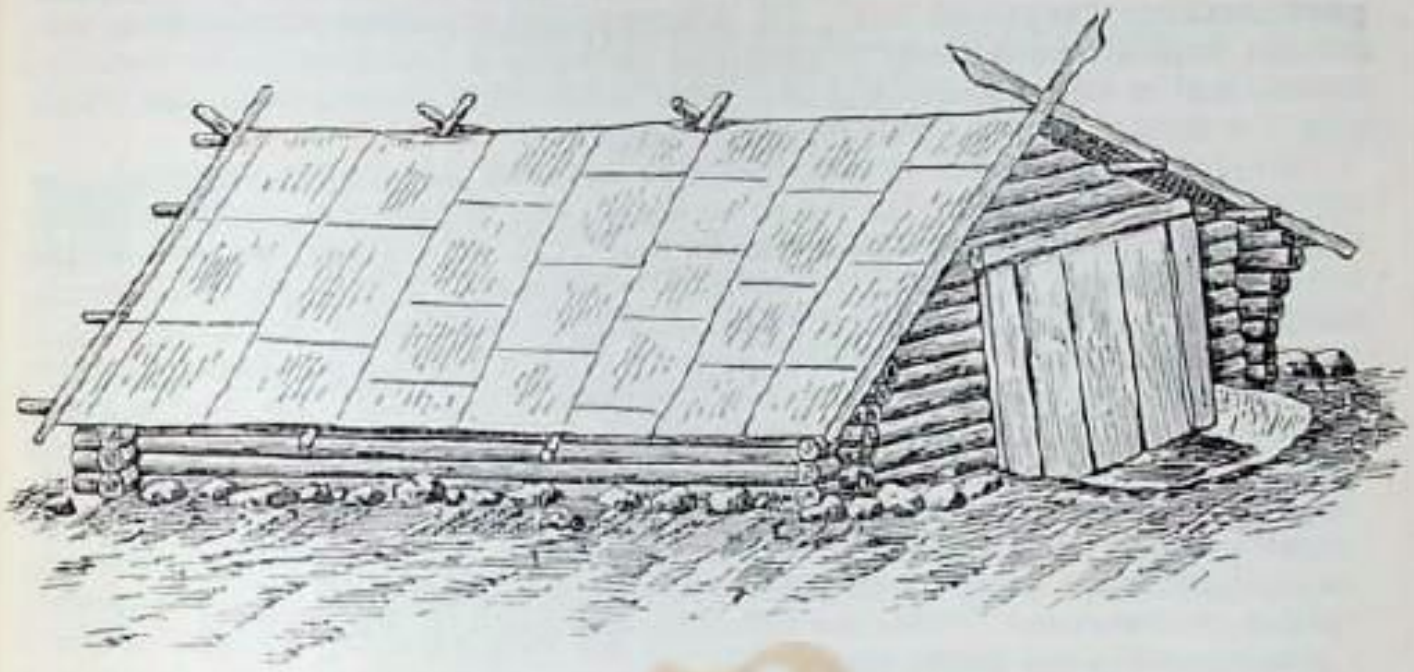
Продолжены раскопки Воложинского I городища. Найденный здесь материал характеризует культуру племен среднего Дона в период раннего железного века.

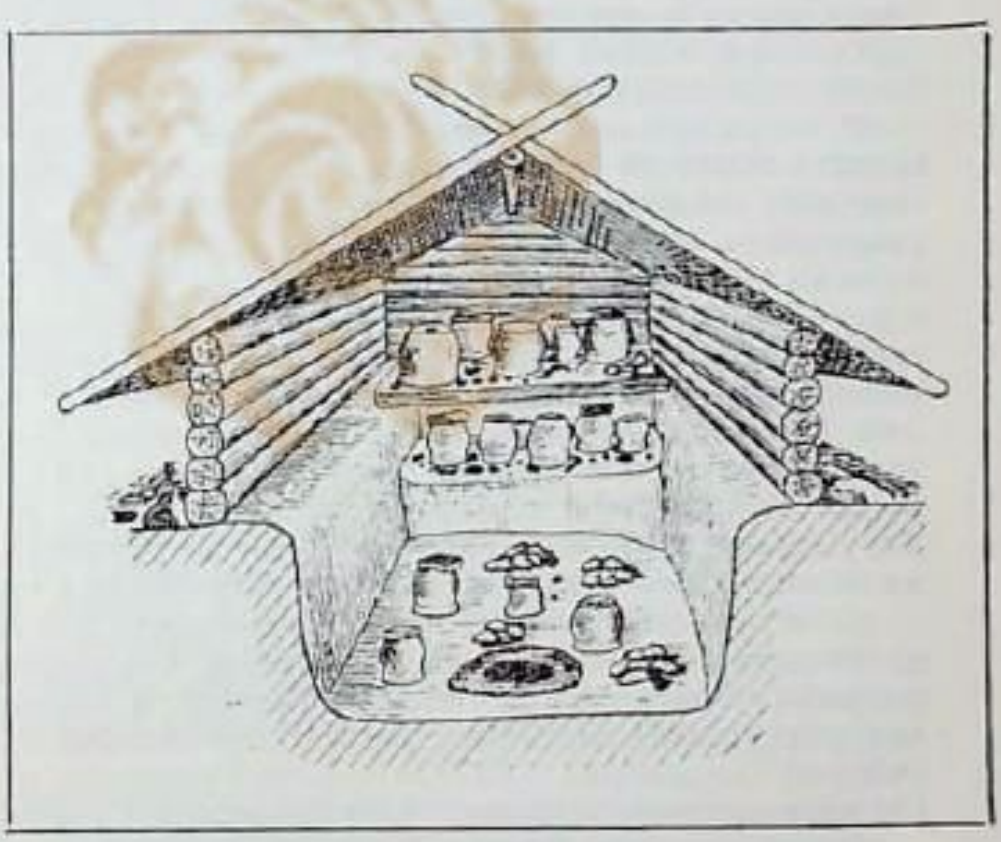
«ДОМИК МЕРТВЫХ» НА ГОРОДИЩЕ ДЬЯКОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов

В 1966 г. Институт археологии АН СССР организовал раскопки на городище близ бывшего Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом Московской обл. Здесь было раскопано погребальное сооружение, относящееся к позднедьяковскому времени. Это оригинальный «домик мертвых», близкий к известному «домику мертвых» Березняковского городища. По некоторым существенным деталям погребального обряда оба памятника, однако, отличаются друг от друга.

Погребальное сооружение представляло собой срубную постройку (2,2×1,5 м) с углубленным на 0,5 м земляным полом и, вероятно, двускатным покрытием. Длинная сторона ориентирована почти точно с севера на юг. Вход был с южной стороны рядом с земляным возвышением, на котором найдены два миниатюрных сосудика и два грузика дьякова





Городище под Звенигородом Московской обл. «Домик мертвых»

Реконструкция

типа. Возможно, это своеобразный алтарь. Почти в центре сооружения располагался открытый очаг. По конструкции «домик» аналогичен жилищам ряда москворецких дьяковских поселений (например, Успенского городища) и напоминает примитивные постройки финно-угорских народов, известные по этнографическим данным.

Внутри сооружения зафиксированы остатки 24 трупосожжений, совершенных на стороне. На место захоронения перенесена лишь небольшая часть кальцинированных костей вместе с остатками погребального костра. Остатки десяти сожжений помещены в небольшой сосуд, накрытый сверху крупным сосудом, перевернутым вверх дном, трех других — в крупные сосуды-урны. В шести случаях кальцинированные кости ссыпаны на поверхность и на них поставлен опрокинутый вверх дном горшок. На остатки пяти сожжений положены лишь обломки сосудов (иногда трех-четырех). В северной части «домика» остатки кремаций размещались на особых сооружениях в виде комбинации земляных ступеней и полок, очевидно, деревянных; в южной части — непосредственно на полу. Четыре раза на остатки сожжений положены бронзовые украшения, побывавшие в огне погребального костра. В двух случаях рядом с прахом найдены кости лошади.

Керамика и украшения из «домика мертвых» находят широкие аналогии среди материалов финно-угорских памятников Восточной Европы середины и второй половины I тысячелетия н. э. Их анализ позволяет датировать погребальное сооружение VI—VII вв.

В погребальном обряде и инвентаре явственно прослеживается смешение элементов двух разнородных культур: финно-угорской (очевидно, местной) и западной (скорее всего балтийской, возможно, осложненной славянским влиянием). К элементам финно-угорской культуры следует отнести конструкцию «домика мертвых» (срубную, а не столбовую, как в более западных областях), керамику и бронзовые украшения при погребениях. Может быть, финно-угорским элементом можно считать и обычай класть вместе с остатками сожжений обломки нескольких сосудов. К западным, очевидно балтийским, элементам следует относить помещение урны с остатками сожжений или самих сожжений под опрокинутый вверх дном горшок, грузики дьякова, или балтийского, типа. Безусловно западным элементом, не встречающимся в финно-угорских могильниках того времени, были и погребения в урнах.

Сам «домик мертвых» мог быть сооружен как балтийским, так и финно-угорским населением. Не исключено, что подобные погребальные памятники, имитирующие жилища живых, в определенный период были распространены на значительной части средней и северной полосы европейской территории СССР и у финно-угорских, и у балтийских племен. Об этом свидетельствуют этнографические и археологические материалы.

Открытие «домика мертвых» обогащает наши сведения о погребальном обряде позднедьяковских племен и свидетельствует о тесных балто-финно-угорских контактах в поречье Москвы-реки.

РАСКОПКИ В ДНЕПРО-ДВИНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ НА СМОЛЕНЩИНЕ

Е. А. Шмидт

Смоленский педагогический институт совместно с областным краеведческим музеем в 1966 г. продолжали раскопки археологических памятников в междуречье Днепра и Западной Двины. На многослойном городище у дер. Демидовка в 12 км от Смоленска в результате раскопок получены материалы о разновременных постройках. Самые древние из них, относящиеся к середине I тысячелетия до н. э., представляли собой длинные дома столбовой (кольцевой) конструкции, стоявшие параллельно продольной оси городища. Всего в центре площадки было четыре ряда таких домов. Внутри дом подразделялся на небольшие помещения. В центре каждого из них на земляном полу был очаг в виде овального углубления. По краю городища вдоль вала, с внутренней его стороны, тянулась длинная хозяйственная постройка, являвшаяся одновременно составной частью оборонительных сооружений.

Совсем иного типа постройки были возведены на этом же городище через тысячу лет, т. е. после середины I тысячелетия н. э. Хотя это также длинные дома, но основу их составляли не колья, вбитые в землю, а мощные столбы, поставленные в специально выкопанные ямы. Пространство между вертикальными столбами закладывалось горизонтально положенными бревнами и плахами. На площадке городища открыты две такие постройки. Одна из них шла через середину всей площадки от мыса к валу, защищавшему городище с напольной стороны. Эта постройка, прослеженная на протяжении 20 м, имела только один каменный очаг и, судя по находкам в культурном слое, служила хозяйственным целям. Вторая постройка в виде полукруга шла с запада на восток вдоль южного края площадки и на концах смыкалась с первой. Она делилась на отдельные жилые помещения, в которых были каменные очаги. Обе эти постройки в значительной степени напоминают сооружения, открытые на городище Тушемля, но характер их расположения несколько иной.

Совершенно другим, не известным до сих пор типом построек того времени является третье длинное сооружение, тянувшееся вдоль северного края площадки. Оно состояло из деревянных срубов и было возведено без применения столбов. Это сооружение имело хозяйственное назначение, но, кроме того, его наружная стена входила в конструкции оборонительного вала.

В культурном слое, связанном со столбовыми сооружениями, найдено значительное количество вещей: наконечники копий и стрел, топоры, шпоры и удила. Есть и украшения: клад серебряных височных колец и др.

Другим объектом раскопок были длинные курганы, расположенные у дер. Шугайлово в бассейне Западной Двины. Здесь вскрыты три насыпи.

В первом кургане с двумя погребениями найдены наконечник копья, серп, поясные пряжки, фибула, перстень, обломки гривны, глиняные сосуды, спирали и др. Разнообразный инвентарь оказался и в семи погребениях второго кургана. В третьем кургане, кроме обычных вещей, найден один небольшой глиняный кувшинчик, изготовленный на гончарном круге.

Вероятно, этот курган был насыпан уже после середины X в. Таким образом, Шугайловские курганы содержат полные комплексы вещей, что впервые встречено в длинных курганах.

РАБОТЫ В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ

Д. А. Беленькая, А. Ф. Дубынин, К. А. Смирнов, А. А. Юшко

Реставрационные работы, начатые в Успенском соборе Московского Кремля в 1966 г., потребовали частичного обнажения фундаментов здания. Первыми же шурфами были вскрыты захоронения кладбища древнего населения кремлевского холма. Это кладбище уже прослеживалось в предыдущие годы вокруг собора. Колоды опущены в неглубокие могильные ямы. Только в одном захоронении из 14 обнаружены украшения — трехбусинные височные кольца. В слое, прикрывающем кладбище, найдено несколько фрагментов стеклянных браслетов.

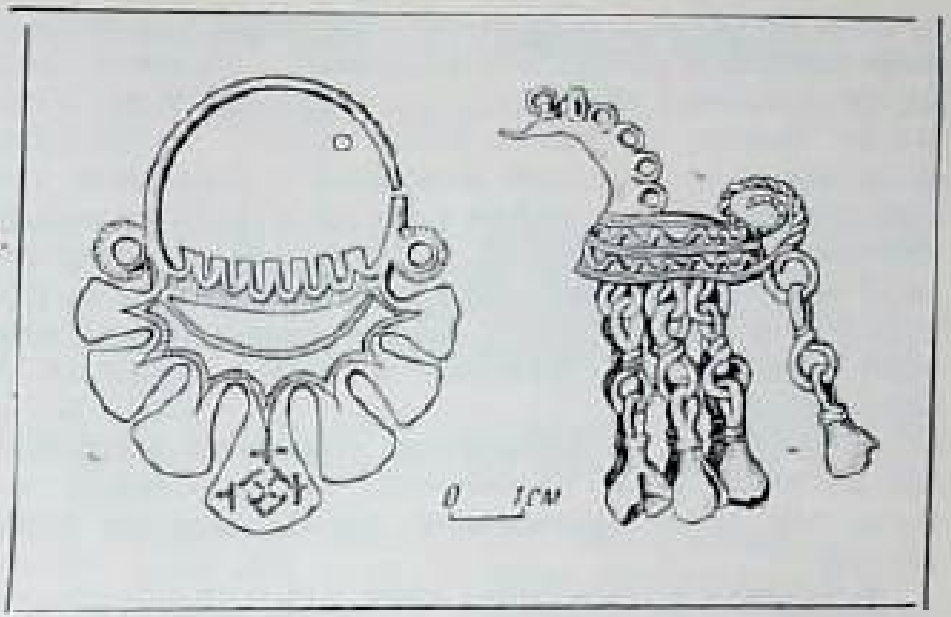
Особый интерес представляет часть культурного слоя с остатками строительных периодов. Разница в глубинах фундаментов, резко различный характер кладок, керамика, фрагменты фресок в одном из слоев и другие косвенные данные позволяют выделить остатки собора 1326 г.— первого каменного в Москве — и собора Кривцова и Мышкина, строительство которого было внезапно прервано.

* * *

Покровский отряд Московской экспедиции Института археологии АН СССР продолжал исследования вятичского курганного могильника XI—XII вв. у с. Покров Подольского района. Здесь раскопано два кургана.

В первом обнаружено погребение женщины с богатым набором украшений. Костяк, обращенный головой на северо-запад, лежал на белоглиняной заливке.

Среди украшений, помимо набора семилопастных височных колец и роскошного ожерелья из 66 бипирамидальных и шаровидных бусин из



Покровские курганы. Украшения из погребения женщины

сердолика и горного хрусталя, представляет интерес большая серебряная зерненая лунница. Мелкой зернью украшена серебряная бусина овальной формы. Кроме того, найдены шумящая привеска с бубенчиками, которая крепилась на поясе погребенной вместе с ножом, пластинчатый бронзовый браслет на левой руке и перстни — два витых и два пластинчатых литых с остатками эмали.

Погребение находилось в деревянном срубе из горбылей. Частично сохранилось дощатое перекрытие, остатки которого оказались на костяке.

Особый интерес представляет второй курган. Он почти во всех деталях повторяет Беседский курган, раскопанный А. В. Арциховским в 1946 г. После снятия насыпи на уровне материка отмечена кольцевая канавка. В насыпи, на глубине около 1 м, обнаружены остатки кострища, на котором лежал обломок серпа (ножа?). Других вещей в кургане не встречено.

На городище, расположенном в 0,5 км к западу от курганов, были заложены шурфы, в которых обнаружен материал, синхронный инвентарю курганов. Однако культурный слой на всю глубину перекопан при строительстве церкви и рытье могил на кладбище, существующем здесь последние 200 лет.

В 3 км от с. Покров, на левом берегу Пахры, был обследован курганный могильник из 23 курганов. Восемь из них попорчены кладоискательскими ямами.

Вазузский отряд обследовал бассейн р. Осуга, верховья р. Руза, бассейны рек Яуза, Гжать и Вазуза до дер. Бульгино. Найдены три городища, четыре курганные группы и два одиночных кургана, а также ряд селищ. Одно из городищ находилось у дер. Городище в устье Осуги, на

правом ее берегу. Оно имеет овальную, почти круглую форму и ограничено валами и рвами. По-видимому, городище представляет собой остатки феодального зáмка. Другое городище у дер. Лесница расположено на левом берегу Вазузы и имеет форму треугольника. Сохранились два вала, которые отделяют площадку с напольной, южной стороны. Высота валов около 2 м, глубина рвов до 1 м. Остатки валов имеются и на восточном склоне городища, и в северной его части, на стрелке. Культурный слой состоит из серой супеси мощностью 0,4 м. В материке прослежены столбовые ямы и другие детали различных построек. В толще культурного слоя найдены фрагменты лепной керамики, иногда с сетчатой поверхностью.

Городище у с. Карманово находится на берегу Яузы, примерно на 1,5 км выше села, на высоком мысу. Бóльшая часть городища уничтожена карьером. Сохранились только вал, ров и небольшой участок площадки.

В осыпях культурного слоя найдено значительное количество фрагментов керамики. Преобладает древнерусская керамика, но имеется и лепная. По-видимому, лепные сосуды относятся к тому же времени, что и грузик дьякова типа.

Группа курганов открыта в лесу на правом берегу Осуги, в районе дер. Крутики. Курганы поросли кустарником и деревьями, но четыре из них еще отчетливо видны. Примерно на 100 м ниже по течению реки находится одиночный курган. На левом берегу Осуги, около дер. Кривая Улица, открыта другая группа — из 14 курганов. Третья группа обнаружена на правом берегу Вазузы около дер. Высокино. В ней 27 курганов, раскопано 3. В двух из них под невысокой насыпью с большим количеством камней, в узкой яме, обложенной камнями, лежал костяк без вещей.

В третьем кургане под более высокой насыпью с крупными камнями на горизонте найдены два костяка — мужчины и женщины. Мужчина обращен головой на север, около него стоял сосуд, женщина лежит головой на запад и с ней положены браслетообразные височные кольца с завязанными концами, бусы и бубенчики.

Одиночный курган обнаружен на левом берегу Вазузы у дер. Зевáловка.

Из 26 славянских селищ наибольший интерес представляют три. Одно селище — у дер. Красное на правом берегу Раменки, притока Осуги, — расположено между двумя оврагами. С напольной стороны заметны следы рва. Мощность слоя 0,2 м. Второе селище найдено в устье Яузы, на правом ее берегу. Оно находится на холме. Мощность культурного слоя 0,2—0,4 м. Третье селище — на правом берегу Гжати у дер. Гребенино — частично занято современным кладбищем. Мощность слоя 0,45—0,5 м.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ПОДМОСКОВЬЕ

Р. Л. Розенфельдт

В Подольском районе сотрудники Института археологии АН СССР обследовали Родиевское городище раннего железного века, расположенное на правом берегу р. Моча, у подножья одного из крупнейших славянских городищ Подмосковья — так называемого Перемышля Московского.

Городище находится на невысоком мысу между двумя оврагами и защищено с напольной стороны и со стороны оврагов двойным валом и рвом.

В результате шурфовки памятника выяснилось, что в центральной части площадки культурного слоя нет, а на окраинах мощность его достигает 0,5 м. Судя по найденным вещам и керамике, это поселение было сооружено в первые века нашей эры и закончило существование в V—VII вв.

Отсутствие сетчатой керамики говорит о том, что это одно из наиболее поздних по времени поселений раннего железного века в бассейне Пахры.

В Подольском районе у дер. Прудищи раскопаны три кургана XIII в. с характерным вятичским инвентарем: височными кольцами, браслетами, перстнями и бусами. Интересен перстень с шестиугольным щитком, положенный у головы покойника в одном из курганов. У пос. Ромашки Одинцовского района раскопаны два кургана в группе, расположенной у Темного оврага на правом берегу р. Чаченка. И здесь обнаружены типично вятичские погребения с височными кольцами, проволочными браслетами и бусами.

В Рузском районе близ станции Тучково исследованы четыре кургана из большой группы у с. Кожино. В одном из них погребена девочка с проволочным браслетом и бусами. В центральной части насыпи этого кургана, над погребением, был найден круговой горшок низких пропорций, положенный кверху дном. В кургане с погребением мужчины встречена пряжка.

Рядом с группой обнаружено селище XII—XIII вв. с мощным культурным слоем, содержащим славянскую круговую керамику. Оно находится на правом берегу Москвы-реки.

При обследовании археологических памятников в Подмосковье, преимущественно в Рузском и Подольском районах, удалось открыть несколько не известных ранее курганных групп и селищ домонгольского времени.

РАСКОПКИ В ЗАПАДНОМ ПОДМОСКОВЬЕ

А. Г. Векслер

Музей истории и реконструкции г. Москвы провел раскопки в западных окрестностях Москвы. В Подушкинском лесу у г. Одинцово продолжены раскопки крупного древнерусского курганного могильника. Здесь в восьми близко расположенных группах до раскопок насчитывалось 234 насыпи. За последние годы музей раскопал 50 курганов. Установлена ранняя для Подмосковья дата вятичских курганов с трупоположениями — вторая половина XI в. Все погребения относятся к домонгольскому времени.

В 1966 г. исследовано три интересных кургана в группе Одинцово VI. В кургане 48, содержавшем погребение женщины с обычным набором украшений XII в., встречены редкие для курганов (обычно не сохраняющиеся) деревянные вещи: грубо долбленая ложка и небольшой пест (толкушка). Особый интерес представлял курган 2 с тремя погребениями (женщины с украшениями и двух мужчин с инвентарем). Кроме ритуальных круговых горшков, стоявших в ногах погребенных, в насыпи кургана оказалось несколько сотен обломков керамики от десятков сосудов. Облик их весьма различен: от архаических лепных горшков до развитых круговых форм. Такое обилие разновременной керамики в кургане может быть объяснено лишь тем, что его насыпь сложена из земли, специально принесенной с издревле обитаемого селища.

На селище у дер. Жуковка, на правом берегу Москвы-реки (в 4 км от Одинцовского могильника), раскопками 1966 г. вскрыта площадь свыше 500 кв. м. Среди находок были железные серпы и ножи, железные и костяные наконечники стрел, бронзовые подвески и бляхи, каменные и стеклянные бусы, глиняные грузики, пряслица, игрушки и другие разнообразные вещи.

Найденные здесь вещи и керамика составляют несколько хронологических комплексов: первых веков нашей эры, середины и второй половины I тысячелетия н. э., XI—XIII вв. и XIV—XV вв. Эти комплексы располагались неравномерно, на разных участках селища. Лучше других сохранился северный (прибрежный) участок, где культурный слой достигал толщины 1,2 м и четко прослеживались напластования середины и второй половины I тысячелетия н. э.— периода, почти не исследованного на территории Подмосковья.

В нижнем горизонте этого участка открыты остатки круглого сооружения диаметром около 12 м, оставившего кольцевую канавку со следами кольев на материке. Выше канавки расчищен развал обугленных бревен, в одно из которых вонзился железный наконечник стрелы. Сооружение погибло при пожаре и может быть датировано IV—V вв. н. э. Выше сооружения — в верхнем горизонте — найдены глиняные биконические пряслица, железные шпильки с петлеобразной головкой, монето-

видная сердоликовая бусина со скошенными краями. Керамика этого горизонта — лепная, горшковидная, слабо профилированная, с волнистым ямочным и линейным орнаментом. Часть фрагментов сплошь покрыта неглубокими линейными отпечатками. Такая керамика необычна для Подмосковья и находит аналогии на славянских памятниках лесостепи последних веков I тысячелетия н. э.

Таким образом, на Жуковском селище отмечены, как и в известном Беседском кургане, начальные следы проникновения славян в бассейн Москвы-реки.

РАСКОПКИ СЕВЕРНОГО МЫСА СТАРОРЯЗАНСКОГО ГОРОДИЩА

И. Г. Розенфельдт

Площадка Северного мыса сильно изрыта современным кладбищем дер. Старая Рязань. В обнажениях видны выходы культурного слоя, содержащего керамику городецкой культуры. В связи с раскопками позднефинского Шатрищенского могильника, начатыми Старорязанской экспедицией Института археологии АН СССР, казалось важным обследовать расположенные рядом и близкие по времени финские поселения. Зачистка и врезки на склонах Северного мыса обнаружили мощный культурный слой, содержащий материал неолита, бронзового века, городецкой культуры и славянского времени.

Найдены кремневые орудия (наконечники стрел, скребки), костяные и глиняные предметы (проколки, струг, манок с нарезным орнаментом, грузики), изделия из металла. Интересны обломок керамической литейной формы для изготовления украшений и обломки медных украшений финского типа. Керамика — гладкостенная, штрихованная, сетчатая, лощеная — отличается разнообразием форм и орнаментации. Кости животных и мощные напластования рыбьей чешуи позволяют предполагать, что рыболовство наряду с животноводством играло большую роль в хозяйстве древних обитателей поселения.

Материалы зачисток свидетельствуют о заселении Северного мыса с древнейших времен. Находок славянского времени было меньше. Однако, судя по обломкам стеклянных браслетов и посуды, железному долоту и бронзовой накладке, здесь должны быть и слои XI—XIII вв., соответствующие по времени Старой Рязани.

В поисках славянского слоя на северной оконечности площадки мыса, свободной от современных могил, был заложен шурф. Культурный слой в нем достигал толщины 20—30 см и был однороден. Однако в верхней его части преобладали славянская керамика и вещи, а в основании было

Северный мыс Старорязанского городища. Участок святилища

значительное количество лепной посуды, преимущественно грубой гладкостенной позднегородецкого типа, и отдельные предметы, характерные для финно-угорских племен. На материке обнаружены два овальных в плане углубления с углистым и золистым заполнениями. Они ориентированы в направлении с севера на юг с небольшим отклонением к северо-западу.

По краям углублений расчищены многочисленные ямы от столбов, которые образовывали овальные в плане оградки. Столбы были расположены в несколько рядов на близком расстоянии, а иногда и вплотную один к другому. При расчистке золистого заполнения в одном из этих углублений найдены железные ножи (один — обоюдоострый, по-видимому, жертвенного характера), бронзовые украшения финского типа, пряслице. В другом углублении среди угля и золы обнаружен развал обожженных камней и костей кабана (клык, зубы, обломки челюсти). Керамика из этих сооружений относится к позднегородецкому времени. По-видимому, перед нами остатки культового сооружения с жертвенными ямами-кострищами, некогда огражденными столбами с изображениями идолов.

Раскопками вскрыта лишь часть культового места, однако очевидно, что жертвенные ямы расположены по определенному плану и замкнуты ограждением из более крупных столбов, расположенных тоже по кругу. Вероятно, здесь находилось языческое святилище финского населения, обитавшего в этих краях до прихода славян.

РАСКОПКИ ШАТРИЩЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Т. А. Кравченко

Шатрищенский могильник входит в группу финно-угорских рязанских могильников, изучение которых помогает осветить характер этногенетических процессов и общественных отношений автохтонного населения, а также историю освоения бассейна Оки славянами. Памятник расположен за южными валами Старорязанского городища, неподалеку от старых Пронских ворот, на двух мысах, края которых осыпаются. Местные жители находят здесь весной черепа, бронзовые гривны, бусы.

В 1966 г. отряд Старорязанской экспедиции Института археологии АН СССР вскрыл 24 погребения. Основной обряд — ингумация, лишь в нескольких случаях над могилами обнаружены остатки кострищ. Могилы ориентированы с северо-востока на юго-запад. Покойники, обернутые в бересту, лежали на спине, головами, как правило, на запад с небольшим отклонением к югу. Видимо, это древнее кладбище использовалось одним населением на протяжении нескольких веков.

Найдено большое количество бронзовых шумящих подвесок и ожерелий из красных, синих, зеленых и позолоченных бус, прорезные нагрудные бляхи и гривны, серебряные подвески и самые разнообразные браслеты, концы которых украшены схематизированными головками змей и медведей.

Среди погребений женщин наибольший интерес представляют богатые погребения 15 и 19, где очень хорошо сохранились ткань одежды и головной убор. По расположению украшений можно предполагать, что поверх длинной рубашки на женщине была надета рубаха до колен, которая застегивалась слева у ворота небольшой пряжкой. Разрез рубахи, подол, обшлага рукавов были обшиты плоскими треугольными подвесками. Более 300 стеклянных бусин печеночного цвета составляли ее ожерелье. Кроме того, на шее находились еще гривна и ожерелье из шумящих подвесок. На ногах надеты поршни, расшитые бронзовыми пронизками, а к задникам, видимо, были пришиты шумящие подвески.

Среди девяти погребений мужчин с довольно однообразным инвентарем (наконечники копий и дротики, топоры, стрелы, горшки, бронзовые пряжки) наиболее интересно погребение 22. Здесь, в большой могильной

яме, обнаружен однолезвийный меч с прямым перекрестием, окованным серебряными пластинками, и деревянной рукоятью. Деревянные ножны были обиты небольшими серебряными гвоздиками. Подобный меч был найден в этом могильнике и при раскопках 1920 г. Судя по комплексу вещей, погребение 22 относится к VI—VII вв. н. э.

Материалы раскопок позволяют определить дату Шатрищенского могильника — от III—IV до VII в.

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ СТАРАЯ РЯЗАНЬ

В. П. Даркевич, Р. Л. Розенфельдт

В 1966 г. под руководством А. Л. Монгайта возобновились работы Старорязанской экспедиции Института археологии АН СССР. Заложено семь раскопов общей площадью 650 кв. м. В раскопе 3 (западная часть Южного городища) вскрыто прямоугольное жилище XII—XIII вв. со ступенькой входа, ямками от вертикальных угловых столбов и развалом глинобитной печи. Печь была приподнята на материковой площадке. В заполнении полуземлянки найдены костяной двусторонний гребень, обломок бронзового перстня, дужка от замка. Вокруг жилища располагались ямы хозяйственного назначения. Судя по пятнам обожженной глины и неравномерной толщине культурного слоя, к полуземлянке примыкали наземные хозяйственные постройки легкого типа. Однако границы их прослеживались нечетко.

Раскоп 4 заложен в южной части детинца Старорязанского городища, у обрыва к ручью Серебрянке. Культурный слой на этом участке однороден, мощность его около 0,7 м. В центральной части раскопа расчищено наземное бревенчатое жилище с прямоугольной подпечной ямой, вырытой в материке. Границы этого жилища прослеживаются хорошо по ямам от «стульев», на которых стоял сруб. В заполнении подпечной ямы обнаружены остатки рухнувшей печи в виде массивного, сильно деформированного блока полуобожженной глины. Подпечная яма имела бревенчатую или дощатую облицовку, которая удерживалась при помощи двойных, зарытых по углам ямы вертикальных столбов. Эти же столбы, по-видимому, удерживали и деревянный сруб подпечья. Жилище датируется XI в.

В более раннее время в этом районе размещалась кузница, от которой остались большая разрушенная наземная печь, обломок сопла и куски шлаков. В XII в., после разрушения жилища, здесь находилось несколько разновременных ям производственного назначения. В донной части одной из них был устроен горн для плавки цветных металлов, дошедший до нас в сильно разрушенном состоянии. Здесь же найдены обломки десятка льячек. В еще более позднее время ямы были заполнены бытовым

Старая Рязань. Браслеты-наручи из клада

и производственным мусором. В культурном слое раскопа встретилось много славянской керамики XI—XIII вв. и вещей, из которых отметим янтарные бусы, железные бритвы, костяную накладку от лука, медные пряжки, застежки от книг, матрицу для тиснения. Интересны новые разновидности гончарных клейм.

В раскопе 7 в западной части Южного городища обнаружены остатки большого наземного здания XII—XIII вв. с бревенчатыми стенами, обмазанными глиной, и глинобитным полом. Здание сгорело при взятии города Батыем в декабре 1237 г. Его границы прослеживались по мощному угольно-зольному слою. Часть здания, стоявшего на высоком обрывистом берегу Оки, обрушилась и поэтому ширина постройки неизвестна, длина достигает 18 м. В конструкцию здания входила кладка из плинфы. Она образует почти правильный квадрат. В высоту и ширину сохранилось от одного до четырех рядов плинфы. Полость внутри кладки забутована утрамбованной глиной. Кладка состоит из обломков кирпичей разнообразных форм и размеров, уложенных на глиняном растворе. Назначение кладки пока неясно. Возможно, она служила фундаментом башенки.

Богатый светский инвентарь (импортная стеклянная посуда и поливная керамика, бронзовый перстень-печать, фрагменты бронзовых сосудов, серебряные полуцилиндрические колодочки от ожерелий, обрывок парчовой ткани) указывает на дворцовое назначение постройки. Возможно, она входила в комплекс княжеско-боярской городской усадьбы второй половины XII — первой половины XIII в. Это подтверждается и кладом серебряных вещей, найденным на глубине 0,25 м недалеко от здания.

Клад, завернутый в обрывок полотняной одежды, состоял из двух денежных гривен северного и южного веса, двух серебряных витых браслетов, характерных для вятичских украшений, и двух замечательных серебряных наручей с чернью и позолотой. На одном наруче в накладных проволочных арочках представлена сцена скоморошьих забав: в центре — гуселяр, по сторонам — пирующий музыкант с дудкой и плясунья в одежде с длинными рукавами. На второй створке этого наруча и в клеймах другого изображены растения, птицы и звери — сирины, грифоны, драконы, лев.

СМОЛЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Н. Н. Воронин

Пятый сезон работ архитектурной экспедиции Института археологии АН СССР был посвящен изучению двух памятников смоленского зодчества.

Петропавловская церковь 50-х годов XII в. является классическим образцом прекрасного по четкости форм и пропорциям четырехстолпного одноглавого храма. Внутри его западной стены идет лестница на хоры, в южной трети которых выделена особая капелла с отдельным входом через дверь в западной стене. Дверь или была связана переходом с жилым зданием, расположенным с запада, или же выводила на галерею-гульбище.

Раскопками выяснено, что с самого начала храм включался в комплекс постепенно возникавших пристроек, примыкавших к оштукатуренным уже стенам церкви. Сразу же к южному фасаду пристроили небольшой (4,5×5,4 м) притвор, под полом которого были выложены три кирпичные, также оштукатуренные гробницы. Видимо, одновременно с севера появилась прямоугольная усыпальница шириной 4,4—4,5 м, равная по длине храму. В ее средней части, против портала, разместились восемь подпольных гробниц. Четыре аркосолия, вероятно, было в северной стене галереи. В ее восточной стене выложено полукружие маленькой алтарной апсиды для отправления заупокойных служб. Наружные углы усыпальницы оформлены, в соответствии с формами храма, плоскими лопатками. Фасады были оштукатурены. Хронологическая близость пристройки и храма подтверждается укладкой на полу усыпальницы двух плит красного песчаника, оставшихся от перекрытия хода на хоры.

Во вторую очередь были выстроены галереи-усыпальницы с двух других сторон. Любопытно, что строители не согласовали размеры западной галереи с шириной северной. Южная галерея шириной 4,4—4,5 м ликвидировала первоначальный притвор, включив в новую кладку части его

Смоленск. Церковь Петра и Павла, северная усыпальница

стен. Юго-восточный угол галереи заняла особая капелла с алтарем редкой трапециевидной формы с плоскими лопатками на углах. Эта деталь сближает южную пристройку с открытым нами в 1962—1963 гг. монастырским собором «на Протоке», где есть прямолинейная форма апсид. Это позволяет предположить, что южная пристройка строилась в конце XII — начале XIII в. Галереи были украшены фресковой росписью и имели сначала кирпичные, а потом и майоликовые полы. Постепенная обстройка храма, возможно, связана с переходом его в руки городской общины «Петровского ста».

Другой памятник раскопан на днепровском левобережном Подоле, в конце ул. Второй Верхний Валок. Руины давно разобраны и сохранились лишь нижние части стен и столбов, изрезанные уже в наше время несколькими траншеями водопровода и кабелей. Однако тщательные раскопки позволили полностью восстановить облик памятника.

Это был сравнительно небольшой (наружные размеры с апсидой 12,3×16,2 м) четырехстолпный одноглавый храм с одной выступающей к востоку полукруглой апсидой алтаря и прямоугольными боковыми. Пол храма был вымощен плинфой; остатки штукатурки или фресок не встречены. Фасады членились сложными многообломными пилястрами с завершавшей их тонкой полуколонкой. С трех сторон храм опоясывала галерея. Как более легкая часть здания, она сложена менее тщательно и несколько отличается по размерам кирпича и качеству раствора. Основной объем храма с широкими пучками вертикалей пилястр характеризовался сочной пластичностью и имел скорее всего «высотную» композицию типа церкви Михаила Архангела (Свирской). Видимо, открытый нами новый памятник близок ей и по времени постройки и принадлежит к концу XII или началу XIII в.

Таковы итоги работ 1966 г. Наша археологическая пятилетка (1962—1966 гг.) ввела в науку семь новых памятников смоленского зодчества.

РАБОТЫ СМОЛЕНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Д. А. Авдусин

В 1966 г. основным объектом работ Смоленской экспедиции Московского государственного университета был раскоп на ул. Соболева. Раскапывались строительные ярусы XII—XIV вв. На территории некоторых городских усадеб обнаружены, как и раньше, многочисленные деревянные сооружения: мостовые, жилые дома, хозяйственные постройки, настилы, частоколы. Исследованы мастерские сапожника-кожевника и ювелира-литейщика. Найдены многочисленные пряслица, замки и

ключи, кресала, стеклянные браслеты, деревянная посуда, костяные изделия и другие обычные для Смоленска вещи. Особо можно отметить свирель с пятью дырочками, кусочек оконного витража, навершие в виде бородатой головы, изделия, покрытые плетеным орнаментом, железные шпоры, шахматные фигурки.

Важны две берестяные грамоты. Грамота 4 представляет собой обрывок с шестью буквами, грамота 5 — часть письма: «...Челом Николы Вал (оюва)...» Видимо, последнее слово — прозвище Николы. Грамота 4 стратиграфически датируется XIII в., грамота 5 — XII в. Даты подтверждаются и предварительными дендрохронологическими данными.

Для проверки характера слоев были заложены раскоп и шурф на Соборной горе. Раскоп разбит в центре верхней площадки Соборной горы. Мощность культурных напластований достигала 3,5 м. Эти слои значительно перемешаны фундаментом XVIII в. Древний слой также был перекопан, но в более раннее время. От него осталось лишь несколько лепных черепков, в том числе венчики сосудов VI—VII вв. Эта керамика подтверждает, что на Соборной горе существовало раннее поселение, не связанное со Смоленском. Другие черепки, найденные в раскопе, относятся ко времени не ранее рубежа XI—XII вв. Эти данные соответствуют результатам наших раскопок 1951 г. на склоне Соборной горы.

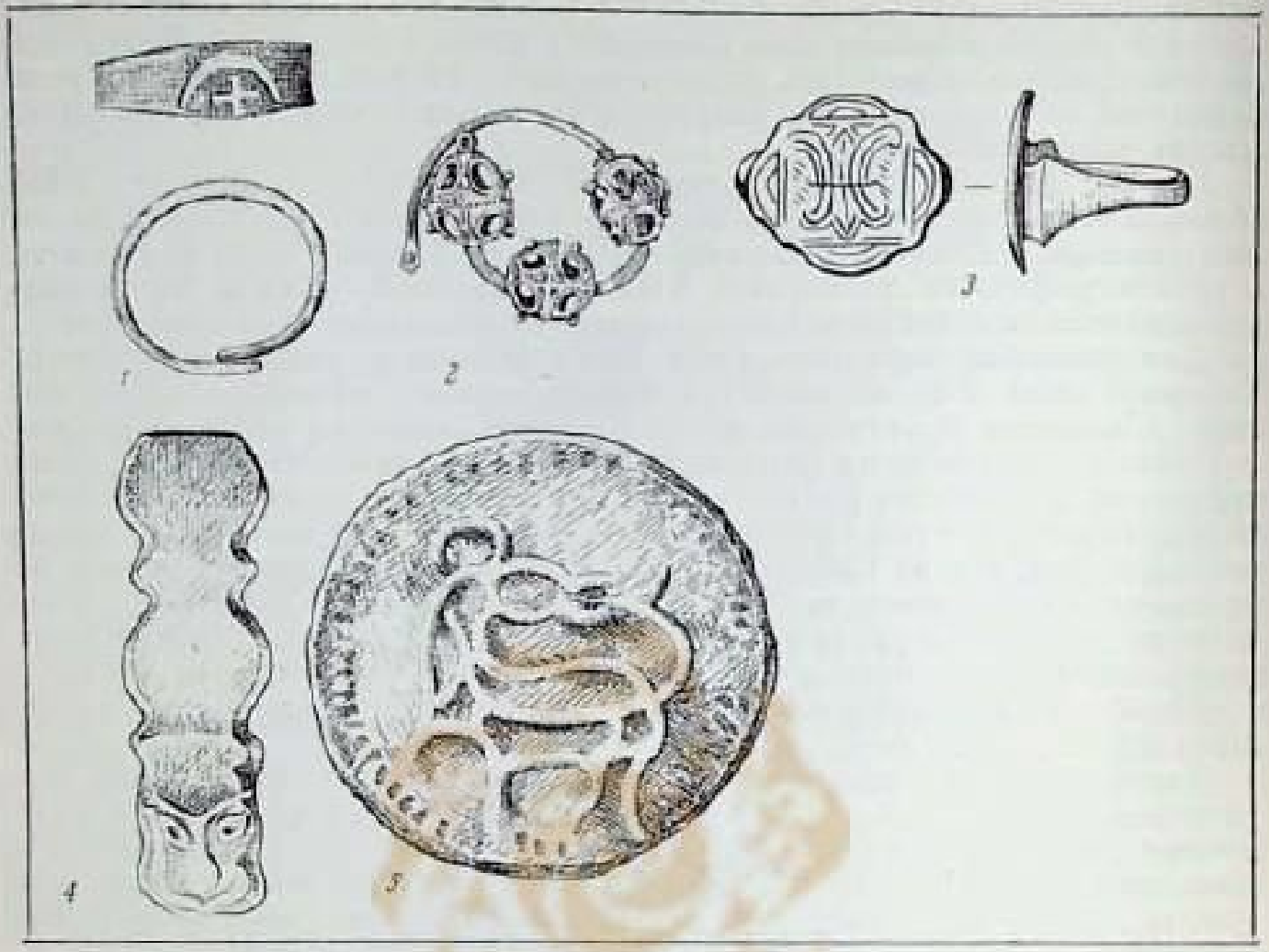
Шурф, заложенный в южной части Соборной горы, содержал культурный слой только XIX—XX вв.

Таким образом, раскопки 1966 г. подтвердили наше мнение о том, что до рубежа XI—XII вв., т. е. до того времени, когда по приказанию Владимира Мономаха на Соборной горе построили церковь, здесь не было поселения, связанного со Смоленском. Следовательно, не могло быть и кремля-детинца. Соборная гора, видимо, представляла собой лишь религиозный центр Смоленска, возникший сравнительно поздно.

ДРЕВНЕРУССКИЙ СЕРЕНСК — ГОРОД ВЯТИЧЕЙ

Т. Н. Никольская

Раскопки, продолженные экспедицией Института археологии АН СССР на территории детинца древнерусского Серенска, оказались очень плодотворными: было найдено более 7 тыс. (не считая фрагментов керамики и костей животных) предметов быта, ремесла и украшений, вскрыты развалы каменных фундаментов домов и каменно-глинобитных печей и остатки хозяйственных построек — ям-погребов. В раскопе, заложенном в южной части вала детинца, вдоль его внутреннего склона, открыта система оборонительных сооружений (городни, частокол), связанных с дубовой башней, стоявшей на гребне вала.



Серенск. Ювелирные изделия

1, 2 — золотые перстень и трехбусинное височное кольцо; *3* — серебряный перстень; *4* — обломок бронзового браслета; *5* — бронзовая матрица

Основной раскоп, продолживший раскоп 1965 г. в западном направлении, захватил, очевидно, ремесленный квартал детинца. Наибольшее количество находок содержалось в слое пожарища (толстый слой горелого зерна, сгоревших бревен от построек и углей), относящемся к первой половине XIII в. или, точнее, ко времени нашествия Батыя — 1238 г. Более 5 тыс. обломков стеклянных браслетов, слитки стекловидной массы и производственный брак позволяют с уверенностью говорить об открытии мастерской стеклодела и о собственном производстве стеклянных браслетов в Серенске. Значительно пополнилась наша коллекция ювелирных изделий из цветного металла. В 1966 г. найдены не только серебряные, но и золотые украшения: трехбусинное височное колечко, каждая бусина которого была ажурной и орнаментированной тончайшей сканью и зернью; бусина от другого подобного же колечка;

маленький детский перстенек и массивный прямоугольный в сечении золотой перстень, украшенный насечками.

Найдены новые каменные двусторонние литейные формы для изготовления колтов с ложной зернью, подвесок в виде крестиков, рубчатых и пластинчатых перстней и целые серебряные перстни, отлитые в этой форме. Интересна круглая плоская матрица для изготовления бляхи (типа змеевика) с изображением геральдического зверя, кусающего себя за хвост. По-видимому, такое украшение входило в состав «оплечья» знатного боярина или дружинника. Отметим, что серебряная подвеска с ушком (меньшего размера) и с подобным изображением зверя была найдена при наших раскопках городища у дер. Гать на Оке.

Раскопки 1966 г. в Серенске позволяют сделать вывод, что приток сельского населения в этот небольшой древнерусский городок был довольно значительным. В разных частях раскопа обнаружены скелеты погибших здесь людей, главным образом женщин. И почти все они, как в хорошо известных вятичских курганах, имели набор украшений, характерных для этого племени: семилопастные серебряные и бронзовые височные кольца (по семь у каждого костяка), решетчатые перстни, пластинчатые и витые браслеты, сердоликовые и хрустальные бусы. В составе ожерелья встречались и эффектные рыбовидные бусины фиолетового стекла, являвшиеся, очевидно, предметом импорта.

В некоторых хозяйственных постройках-погребах обнаружены склады железных вещей: плужные лемехи, топоры, косы, серпы, кузнечный молот-кувалда, железные и бронзовые котлы, удила, стремена и т. д. По-прежнему часты находки жерновов. Одна из построек, очевидно мастерская, принадлежала крючнику или кузнецу — здесь было найдено огромное количество железных криц и шлаков. Неподалеку от этой постройки в 1965 г. открыты остатки сыродутного горна.

Таким образом, раскопки 1966 г. значительно расширили наши представления о характере ремесла и хозяйственной деятельности обитателей одного из вятичских городков — Серенска — и доставили новый материал для реконструкции жилищ, хозяйственных и оборонительных сооружений.

В Орловской обл. работы были сосредоточены на древнерусском городище у дер. Слободка (летописный Домагощ) и на селище раннего железного века у дер. Сомово.

Объектом наших исследований на Слободском городище были валы детинца. В раскопах, заложенных в южной и восточной частях детинца, обнаружены внутривальные оборонительные сооружения в виде дубовой стены, местами сохранившейся на девять венцов сруба. Ее удалось проследить на протяжении около 40 м. Кроме стены, открыты остатки двух сгоревших башен, фланкировавших восточную и южную части детинца.

РАБОТА СЕВЕРО-ДОНЕЦКОГО ОТРЯДА

С. А. Плетнева

Сотрудники Института археологии АН СССР продолжали раскопки у с. Дмитровское на Северском Донце. Памятник состоит из городища с остатками белокаменных стен, селища и катакомбного могильника, расположенных на меловых холмах правого берега р. Короча. Весь комплекс относится к салтово-маяцкой культуре и датируется VIII—IX вв.

В 1966 г. раскопки велись только на селище и могильнике. На селище новые раскопы были прирезаны к северо- и юго-востоку от участка, исследованного в прошлые годы. В северо-восточном раскопе (14), расположенном на влажном глинистом месте, спускающемся к ручью, обнаружено всего два небольших наземных жилища и одна хозяйственная яма-погребок. Юго-восточный раскоп (15), находившийся на меловом склоне холма, наоборот, насыщен постройками. Все они представляют собой различные полуземляночные помещения большой гончарной мастерской. В трех полуземлянках, по-видимому, стояли гончарные круги. Здесь найдены заготовки глины разных сортов. Четвертое обширное помещение было, вероятно, сушилкой. Судя по отсутствию в помещениях печей и очагов, ремесленники не жили в мастерских, а только работали. Находок в этом ремесленном районе почти не было. Только в заполнении сушилки оказалась большая крымская амфора конца VII — начала VIII в. Она позволяет поставить вопрос о передатировке Дмитровского селища, которое ранее, как и все остальные памятники салтово-маяцкой культуры, было отнесено к середине VIII—IX в.

В могильнике раскрыты 32 катакомбы, 21 тризна и 2 трупосожжения в урнах. Раскопки четко определили юго-западную и западную границы кладбища. Погребения в камерах делятся на две группы: семейно-групповые и парные (мужчина и женщина). Над одной из камер, на поверхности материка, прослежены остатки овальной оградки — наземного памятника, до сих пор ни разу не встреченного ни на одном из салтовских катакомбных могильников. Особого внимания заслуживает кенотаф, повторяющий по форме и конструкции обычную катакомбу. Однако погребальная камера у него втрое меньше, и в ней вместо погребенного стоит несколько сосудов с пищей и лежат кости пяти коз, череп и ноги быка или коровы.

Остатки тризн, как и в предыдущие годы, обнаружены непосредственно под дерном в древнем слое могильника. Они состоят из сосудов — горшков, пифосов, кружек — и костей коз и коров.

Трупосожжения открыты на той же глубине, что и тризны, в самой гуще катакомбного могильника. Урнами служили лепные горшки славянского, так называемого пеньковского типа. Один из них биконический, с резким ребром посредине тулова, другой обычный кухонный — с кони-

ческим туловом и крутыми плечиками. Биконический сосуд стоял рядом с большим лощеным двуручным горшком-пифосом салтовского типа. Очевидно, славяне и салтовцы какое-то время мирно сосуществовали на берегах Корочи. Славяне хоронили покойников рядом с катакомбами и пользовались при погребениях не только горшками своего изготовления, но и сосудами салтовцев.

Вещевые находки в могильнике очень многочисленны и разнообразны. Только сосудов, различных по назначению, форме и величине, обнаружено более 70. Бронзовые, серебряные и золотые украшения, зеркала, мелкие предметы туалета, боевые и декоративные пояса, боевые топоры, стрелы, сбруя, амулеты попадались почти в каждой могиле. Впервые здесь найдена бронзовая монета (вероятно, подражание византийским монетам VIII в.). В одной из катакомб, разрушенной неудачно прорытым дромосом, вместе с несколькими косточками скелета ребенка обнаружены две фигурки из мела. Одна из них изображает женскую головку с тонкими чертами лица, с подкрашенными черной краской глазами и бровями, другая — стоящего мужчину в длинном одеянии. Его глаза, брови, нос, рот процарапаны глубокой линией и закрашены черной краской. Фигурки были, видимо, идолами — охранителями детского погребения.

Таким образом, седьмой раскопочный сезон селища и могильника у с. Дмитровское позволил нам, во-первых, удостовериться в существовании местного производства керамики; во-вторых, выявить край селища на берегу ручья и уточнить западную границу могильника; в-третьих, поставить вопрос о более древнем возрасте селища и о связях салтовцев с «пеньковцами»-славянами. Находки фигурок-идолов впервые познакомили нас с великолепными образцами салтовского скульптурного искусства.

ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛ.

М. Р. Полесских

Группа из пяти курганов, исследованная экспедицией Пензенского музея, находится на высоком взгорье в окрестностях с. Рамзай, в 16 км к западу от Пензы. Раскопками вскрыто три кургана.

В могильной яме кургана 1, вырытой в материке, обнаружены слабые зольные пятна и железный стерженек неопределенного назначения.

Могильная яма кургана 2 имела прямые стенки и дно и была, очевидно, перекрыта накатником из коротких дубовых бревен, от которых сохранились полусгнившие остатки, лежавшие почти на погребении,

поперек его. В могиле похоронена женщина. Она лежит на спине, ноги вытянуты, руки слегка согнуты в локтях, голова обращена на северо-восток. В погребении найдено много вещей: височная подвеска в виде знака вопроса; на шее — мелкие бусины из белого и синего стекла (среди них 14-гранная, дутая голубого цвета, часть бусины из стекловидной массы в бронзовом ободке); на руках — два пластинчатых браслета; у левого бедра — пружинные ножницы плохой сохранности. Кроме того, в могиле обнаружены овальный в сечении железный стерженек неопределенного назначения, обрывок ткани с золотой нитью (парча?), часть медного бубенчика, зеркало (белый сплав) с тремя рельефными концентрическими кружками.

Могильная яма под центром кургана 3 была врезана в глинистый грунт. В обоих концах ямы прослежены незначительные остатки дерева, очевидно, от перекрытия. Погребенный был вытянут на спине, правая нога слегка согнута. Около правого плеча найдены кварцитовый «кремешок», остатки ножа или кресала; между стопами — обломки железных предметов (острие ножа (?), часть наконечника стрелы (?), пластинка-обойма со штифтиками). На месте груди отмечены мелкие древесные угольки.

В Пензенской обл. до сих пор были известны только курганы срубной культуры. Комплекс вещей из Рамзайских курганов характерен для поздних кочевников. Сочетание височной подвески (или серьги) с зеркалом, стеклянными бусами и овечьими ножницами обычно для позднекочевнических погребений Нижнего Поволжья. Эти вещи встречаются и в мордовско-мокшанских могильниках XIII—XIV вв., но вместе со специфически мордовскими вещами: лопастными застежками-сюльгамами, накосниками, лепными сосудами и др.

Обращает внимание отсутствие глиняной посуды в Рамзайских курганах. Это явление находит аналогию также в погребениях поздних кочевников, например в курганах долины Еруслана Волгоградской обл.

Принадлежность Рамзайских курганов к позднекочевнической культуре убедительно доказывается погребальным обрядом: погребения под курганами, деревянные настилы, поза умерших, ориентировка на север и северо-восток.

Ближайшей и полной аналогией Рамзайским курганам служат курганы Петровского района Саратовской обл., граничащего с Пензенской обл.

В соответствии с типологической классификацией вещевого материала поздних кочевников, разработанной Г. А. Федоровым-Давыдовым, Рамзайские курганы можно уверенно датировать золотоордынским периодом половцев, т. е. XIII—XIV вв.

Стоит упомянуть еще об одном интересном памятнике. На сельском кладбище с. Атмис лежит серый песчаниковый камень кубической формы. На нем высечено рельефное изображение коня (28×50 см). Не исключено, что этот рельеф входит в круг памятников, представленных Рамзайскими курганами.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

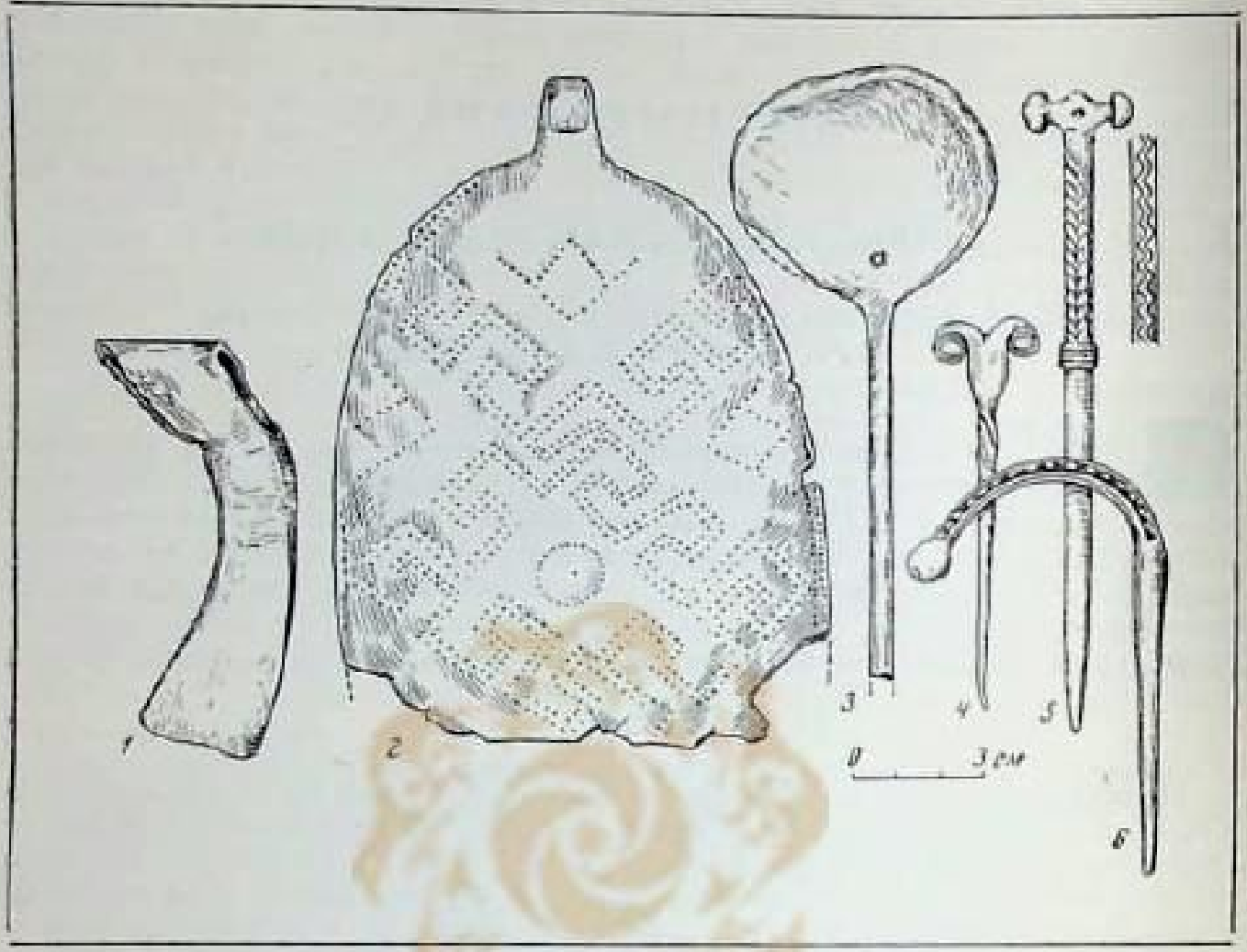
Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, В. И. Козенкова, Р. М. Мунчаев, В. Б. Виноградов

С 1957 г. основными организаторами Северо-Кавказской археологической экспедиции (начальник Е. И. Крупнов) были Институт археологии АН СССР, Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы и Республиканский музей краеведения в г. Грозном. В 1966 г. на территории Чечено-Ингушской АССР работали четыре отряда, исследовавшие разновременные памятники материальной культуры — от раннего бронзового века до средневековья.

* * *

Первый отряд под руководством В. И. Марковина продолжал работы в горных районах Чечено-Ингушетии. Обследовалась горная часть Ингушетии от сел. Джерах на р. Арм-Хи (бассейн Терека) до бывшего сел. Таргим на р. Асса. Задача состояла в изучении памятников архитектуры — средневековых башенно-замковых построек и склеповых сооружений. У селений Фалхан и Харпе расчищены три наземных склепа. Собрана богатая коллекция вооружения (ножи, сабля, стрелы, остатки кольчужной сетки, налокотник), украшений (височные подвески, серьги, перстни, пуговицы, бусы), предметов быта (посуда из дерева, наперстки, кресала), остатков тканей и вышивок. Наиболее ранние из находок относятся к XV—XVI вв.

Важное открытие сделано у сел. Эгикал. Здесь в срезе горного склона обнаружены полуподземные склепы. Они сложены насухо из плитняка, перекрыты массивными обломками скал и снабжены узкими входными лазами. В одном из склепов обнаружена сланцевая полка, на которую клали умерших. Конструктивно склепы Эгикала мало чем отличаются от средневековых усыпальниц. Однако находки из двух гробниц (бронзовые подвески, булавки с волютами, браслеты, пастовые бусы, керамика) несомненно свидетельствуют о постройке их в конце II тысячелетия до н. э. Склепы у сел. Эгикал доказывают преемственность в постройке подобных сооружений от бронзового века до самого позднего времени.



Северный Кавказ. Предметы из бронзы

1 — топорик; *2* — бляха; *3—6* — булавки

Отряд произвел также раскопки могильника у сел. Малый Харсеной в лесистой части Чечни. Вскрыто 18 погребений — ям, вырытых в галечнике. Иногда они по краям отмечены камнями. Костяки скорчены на боку и ориентированы на юг и восток. Почти в каждом погребении было много керамики (до 19 сосудов) и мало другого инвентаря (бусы, бронзовые подвески, булава и пр.). Новый памятник близок могильнику Гатын-Кале в горной Чечне (около середины II тысячелетия до н. э.). Он доказывает широкие связи населения древней Чечни и Дагестана.

По просьбе Пятигорского краеведческого общества были предприняты раскопки трех курганов на Константиновском плато в окрестностях Пятигорска. Эти курганы оставлены племенами северокавказской культуры бронзового века. Они опоясаны кромлехами, а в самом крупном кромлех образовывал трехвитковую спираль, идущую от центра. Ориентировка впускных могил зависела от участка кромлеха. Центральные

Сержень-Юрт.
Бронзовый наконечник копья, найденный на поселении в слое IX—VIII вв. до н. э.

могилы содержали вытянутые и окрашенные охрой костяки. Они лежали под каменными завалами, в ямах, перекрытых деревом. Среди находок интересны бронзовые булавки, полусферические бляхи, терочники, бусы, несколько сосудов II тысячелетия до н. э.

* * *

Второй отряд, возглавляемый В. И. Козенковой, завершил исследование двуслойного поселка у сел. Сержень-Юрт. Раскопан верхний слой поселения позднебронзового и раннежелезного века. Расчищены открытые ранее галечные вымостки улиц древнего поселка-убежища кобанской культуры. Три таких вымостки пересекали поселение в центре, западной и восточной частях. Все дороги начинались в наиболее высокой, восточной стороне поселка, пересекали его веерообразно и сходились в низкой, западной стороне, у входа в поселок. По краям галечных дорог располагались остатки наземных турлучных жилых и производственных зданий. Выявлен перекресток двух улиц, замощенных галькой, и отрезок дороги, выходящей к краю холма. Вымостки улиц свидетельствуют о том, что древним обитателям предгорий Чечено-Ингушетии были известны элементы благоустройства и планировки поселков.

В остатках жилищ и на вымощенных улицах найдено много предметов, характеризующих хозяйственную деятельность жителей поселка. Особенно интересны бронзовые вещи — наконечник втульчатого копья, булавка с волютообразным навершием и несколько наконечников стрел раннескифского типа, среди которых выделяется редкий по форме втульчатый пулевидный наконечник. Важной находкой является половинка глиняной литейной формы для отливки украшений. Массовые материалы поселения представляют

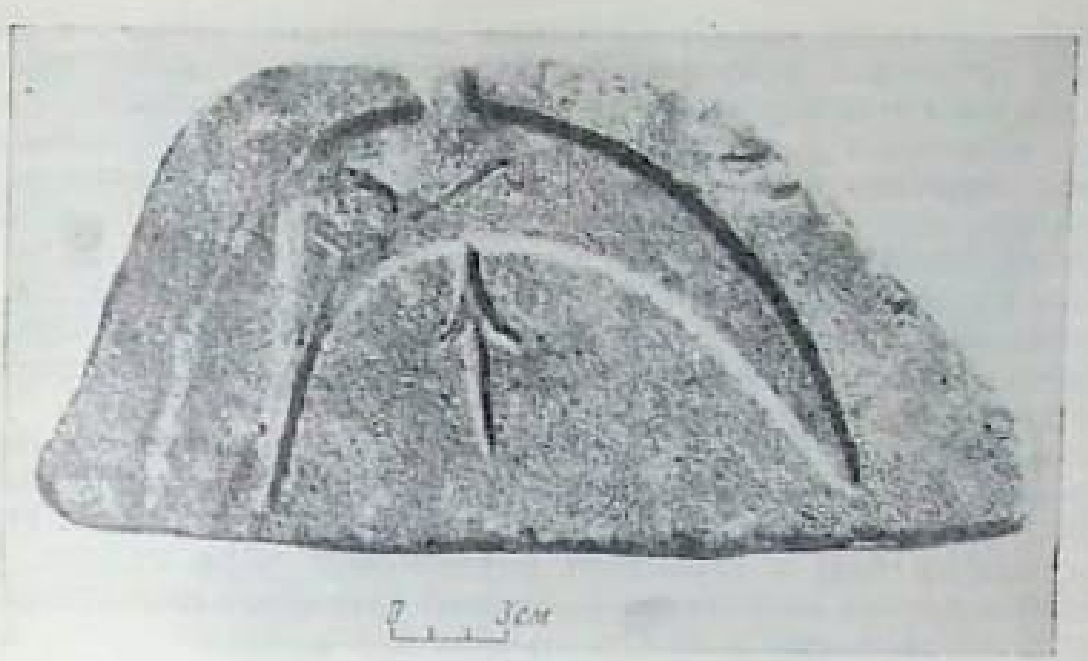
образцы предметов локального варианта кобанской культуры. Стратиграфия и находки подтверждают двуэтапность жизни поселка. Первый период датируется IX—VIII вв. до н. э.; второй — VI—V вв. до н. э.

Продолжено исследование грунтового могильника, расположенного вблизи поселения. Вскрыто семь погребений с плохо сохранившимися скелетами. Примечательны две могилы: в одной, где была похоронена женщина, найдены остатки сложного головного убора из бронзовых пластинчатых спиралей, височных колец и очковидных привесок; в другой — лежал воин с топором раннекобанского типа, наконечником втульчатого копья и кинжалом. На руке воина сохранились два оригинальных пластинчатых браслета. Все эти великолепные предметы из бронзы позволяют отнести захоронения к раннему этапу кобанской культуры в ее восточном варианте.

Сержень-Юрт. Бронзовый топор кобанского типа из могильника

* * *

Третий отряд под начальством Р. М. Мунчаева проводил стационарные и разведочные работы в бассейне рек Асса и Фортанга. Основным объектом исследования оставался курганный могильник бронзового века у сел. Бамут. Здесь раскопано еще четыре кургана, в которых открыто 34 захоронения, относящихся в основном к северокавказской культуре (II тысячелетие до н. э.). Погребенные лежали как в скорченном состоянии на левом или правом боку, так и в вытянутом, головой преимущественно на восток. Интересно погребение 10 в кургане 3. Оно находилось под насыпью в овально-прямоугольной яме, заваленной булыжниками. Костяк лежал на специальной галечной подстилке в скорченном положении на правом боку, головой на восток. В могиле найдены брон-



Бамутское поселение. Каменная литейная форма

зовые наконечник копья и штыковидное четырехгранное орудие, три круглых в сечении костяных наконечника стрел, осколок кремневой пластинки, ретушированной по краям, пастовая и бронзовая бусинки. На костяке, особенно на черепных костях, было много красной охры; отмечены в могиле и угольки.

Необычен для бронзового века обряд трупосожжения, зафиксированный в этом кургане. Под насыпью обнаружены отдельные кости человека, лежавшие в куче. Среди них — обожженные фаланги ног, обломки ребра, таза, черепа, нижней челюсти и коленной чашечки. Это явление впервые встречено в Бамутских курганах.

В кургане 4 открыто погребение майкопской культуры (конец III тысячелетия до н. э.). Под насыпью была специально устроена площадка четырехугольной формы, аккуратно выложенная слоем мелкой гальки. Костяк скорчен на левом боку, головой на юго-запад. С этим погребением, по-видимому, связаны найденные над ним в насыпи обломки красноохристой керамики, характерной для майкопской культуры, и бронзовый дротик-кинжал.

Недалеко от хутора Веселый (Новый Арштн), на левом берегу Фортанги, открыто поселение позднего бронзового века. Оно располагалось у края высокого берега реки, на ровной площадке, ограниченной с северной и южной сторон оврагами. Здесь был заложен раскоп, в котором культурный слой достигал толщины 0,3—0,6 м. Поселение однослойное. Земля насыщена обломками лепной темно-серой керамики — больших сосудов, мисок, разнообразных горшков, часто украшенных налепными полосками с защипами и резным орнаментом. Много костей домашних

животных. Поражает обилие каменных зернотерок. Найдены костяные проколки, бронзовые полусферические колпачки, плоский наконечник стрелы с шипом и четырехгранная игла, глиняные штампы-«пинтадеры», фигурка животного и пряслице. Но наиболее интересна великолепная каменная литейная форма для отливки серпа и наконечника стрелы. Аналогичные серпы представлены в немалом количестве в комплексах поздней бронзы Центрального и Северо-Западного Кавказа, но на памятниках Северо-Восточного Кавказа их до сих пор не находили.

Поселение у хутора Веселый можно считать ценным памятником, содержащим важные данные для изучения культуры и хозяйства местных племен в начале I тысячелетия до н. э.

Последним объектом исследования явился курган на левом берегу Ассы, почти в самом центре Ассинской станицы. В кургане открыто одно погребение северокавказской культуры и пять впускных погребений сармато-аланского типа с керамикой характерных форм (миски, горшки, кувшины) и другим инвентарем (железные трехперые наконечники стрел с круглой втулкой, нож и пр.).

Разведкой на правом берегу Фортанги, к югу от сел. Ачхой-Мартан, открыт могильник, состоящий из кромлехов.

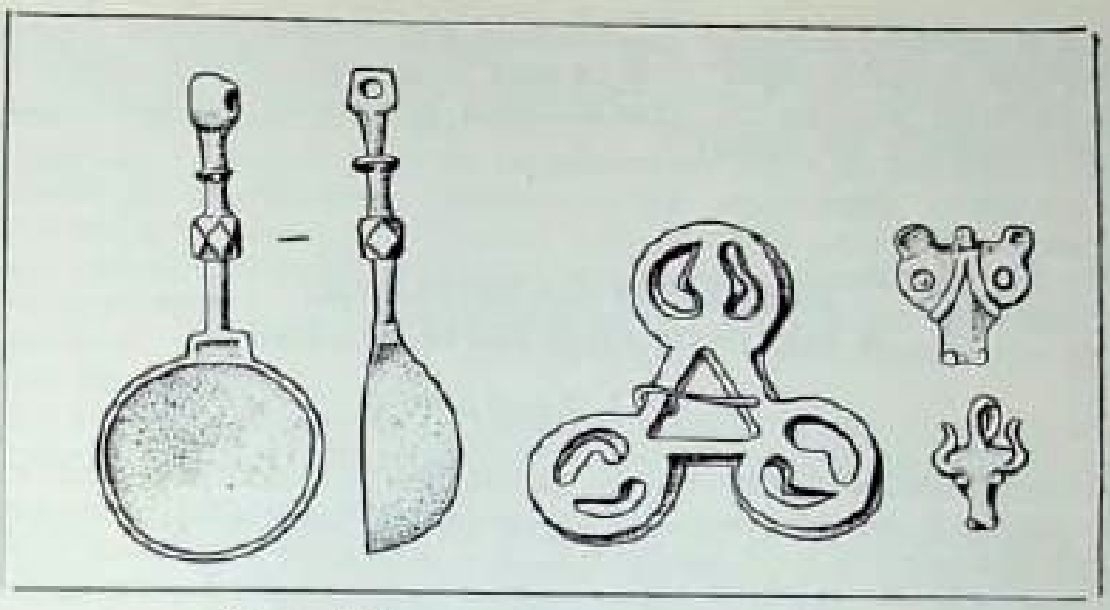
* * *

Четвертый отряд под руководством В. Б. Виноградова провел раскопки на крупнейшем в Чечено-Ингушетии городище Алхан-Кала на р. Сунжа. Раскоп был заложен у входа во внутреннюю часть городища. Культурный слой толщиной 1,2 м перерыт глубокими хозяйственными ямами.

Древнейший пласт датируется первыми веками нашей эры и, судя по находкам (бронзовые арбалетовидные фибулы, биконические пряслица, темнолощеная керамика с характерными орнаментами и зооморфными ручками, фрагменты краснолаковых импортных сосудов и пр.), связан с позднесарматской культурой.

Этот небольшой пласт перекрыт тонкой стерильной прослойкой, выше которой идут метровые отложения раннего средневековья (VI—XII вв.). Вскрыто несколько строительных горизонтов, представляющих собой остатки турлучных построек. В числе находок масса разнообразной керамики (кувшины, горшки, миски, пифосообразные сосуды и пр.), много обломков с зооморфными ручками (чаще всего в виде фигурки вепря), керамические и каменные пряслица, глиняные грузила, ядра для пращи, костяной наконечник стрелы, бусы, бронзовые украшения и фрагменты железных предметов. В хозяйственных ямах и на полу жилищ — обилие зерен проса, костей домашних и диких животных, осетровых рыб и т. д. Весь облик культуры не оставляет сомнений в том, что обитателями городища были аланы.

Особенно интересны материалы из верхнего пласта культурного слоя (XI—XIII вв.). Здесь обнаружено место ритуальных церемоний. На пло-



Хорочой. Бронзовые вещи из могильника

щади 32 кв. м аккуратно поставлены вверх дном 25 глиняных стаканов-курильниц (на дне у каждой — круглое отверстие). Тут же — обезглавленные тушки баранов. Характер слоя (следы жестоких пожаров, непотревоженные курильницы и неиспользованные жертвенные приношения) позволяют связывать трагический конец Алхан-Калы с нашествием татаро-монгольских орд.

Дальнейшие изыскания отряд проводил в малоисследованных ущельях Чечни. В сел. Шуани собрана коллекция великолепных кремневых орудий (стрелы, ножевидные пластины), типичных для майкопской культуры. Шуанинские изделия — это новые доказательства распространения майкопской культуры в горной Чечне. В окрестностях селений Дуба-Юрт и Белгатой отряд исследовал богатые погребения различных этапов северокавказской культуры.

Новые могильники VI—IV вв. до н. э. были открыты и частично раскопаны в ущелье р. Гумс (селения Ялхой-Мохк, Курен-Беной). Они представляют собой кладбища местного населения, связанного с племенами степного Предкавказья — носителями скифондной культуры. Шесть гробниц, вскрытых на могильнике у сел. Балан-су, иллюстрируют связи племен — хранителей каякентско-хорочоевских традиций — с сарматами.

Наиболее ценным оказался могильник у сел. Хорочой. Каменные ящики с вытянутыми покойниками, обращенными головами на запад, очень богаты инвентарем: круговая керамика, десятки бронзовых украшений (поясные пряжки, браслеты, фибулы, бляхи, подвески, серьги), сотни бус из стекла, пасты и различных минералов, оружие (каменная булава, железные кинжал, копья, нож). Почти все предметы имеют

аналогии в северокавказских памятниках аланской культуры IV—VII вв. н. э. Но тип погребальных сооружений свидетельствует, что это был сугубо местный могильник, оставленный предками современных вейнахов (чеченцев и ингушей).

РАЗВЕДКИ ПАЛЕОЛИТА В ГОРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В. П. Любин

Исследования ставили целью разведать палеолитические стоянки в глубине лесной полосы и отыскать следы пребывания палеолитического человека в зоне высокогорий — в районе перевала Псеашхо, одного из наиболее удобных перевальных путей через Главный Кавказский хребет.

Отряд сотрудников Института археологии АН СССР выявил и произвел шурфовку десяти пещер, гротов и навесов близ лагеря Холодный и селений Воронцовка, Кепша, Монастырка, Дзырха. В пяти из них обнаружены следы обитания человека энеолита, бронзового века и более позднего времени, в трех — культурные слои различных эпох каменного века: мустье (Кепшинская пещера), мезолита (Дзырхинская пещера), неолита (Виноградный грот).

Кепшинская пещера расположена в 35—40 км от моря, на правой стороне каньона р. Мзымта, в районе ущелья Ахцу. Пещера карстовая, проходная, простирается параллельно реке в направлении с северо-востока на юго-запад. Более доступный и просторный северо-восточный вход в нее имеет вид полукруглой арки шириной 6,5—7 м и высотой 2,5 м. Полость пещеры представляет собой прямой 17-метровый коридор с сильно наклонным полом. К юго-восточному входу примыкает обширный скальный навес, площадь которого превышает 100 кв. м. Шурф у северо-восточного входа обнаружил на глубине 0,75 м мустьерский культурный слой. В нем найдены характерные мустьерские отщепы и остроконечник, изготовленные из сургучно-красного кремня и окремненного глинистого сланца, каменный ретушер из сланца, плитка известковистого мелкозернистого песчаника со следами шлифовки (терочник?), обломки костей пещерного медведя и тура.

В районе лагеря Холодный, который находится на северном склоне Кавказского хребта, в верховьях Лабы, в 3 км от перевала Псеашхо, отряд обнаружил два заслуживающих внимания памятника. На месте лагеря расположено верхнепалеолитическое местонахождение. Собранные здесь кремневые изделия датируются концом верхнего палеолита.

Западнее лагеря Холодный, на вершине правого склона ущелья р. Уруштен, открыта пещера Перевальная. Полость пещеры образовалась

в сланцевых породах; она достигает 16 м в длину, 7 м в ширину, 4 м в высоту. Шурф, заложенный у входа и доведенный до глубины 4,2 м, показал необычно высокий темп накопления пещерных отложений (щебенчатые суглинки): в среднем 1 м за тысячелетие. Это удостоверяют следующие факты: на протяжении первого метра отложений встречена лишь керамика средневековья, на глубине 1,75 м обнаружена бронзовая проволочная арбалетовидная фибула с подвесным приемником (II—III вв. н. э.), на глубине 3,6—4,05 м пройден слой с обломками глиняных сосудов бронзового века (?). Разведку всей толщи отложений этой пещеры закончить не удалось.

Следы верхнего палеолита выявлены в районе сел. Красная Поляна (сборы краеведов Л. Н. Кольценко и Л. Ситниковой) и урочища Пихтовая Поляна.

Открытие палеолитических памятников в полосе высокогорий и в районе перевала Псеашхо позволяет судить о путях расселения древнейшего человека и о связях населения Причерноморья и Прикубанья в различные эпохи.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДАХОВСКОЙ СТОЯНКЕ

П. У. Аутлев, В. М. Муратов, Э. О. Фриденберг

Даховская пещерная палеолитическая стоянка в Прикубанье открыта и частично исследована А. А. Формозовым, который датировал ее раннемустьерским временем. К сожалению, огромный многотонный скальный блок не дал возможности А. А. Формозову завершить раскопки и прийти к окончательным выводам. С его любезного согласия исследование стоянки было продолжено в 1966 г. экспедицией Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

С помощью взрывных работ удалось уничтожить наиболее мешавшую часть скального блока. Выяснилось, что этот блок не выпал из потолка пещеры, а представляет собой часть ее скального основания. Об этом свидетельствуют перемычки коренных пород, соединяющие блок с основным скальным массивом.

Блок глубоко промыт водами, вытекавшими из пещерной полости. Серия поноров (карстовых ходов) прорезает его тело. Один из поноров, заполненный пещерным аллювием, и был принят А. А. Формозовым за часть культурного слоя. О переотложенном характере материала говорит окатанность обломков известняка и костей. Встречены даже хорошо окатанные «костные гальки». Новых кремневых изделий в этом слое обнаружить не удалось. Представляется несомненным, что кремневые поделки и кости, найденные А. А. Формозовым, занесены в понор водным

потоком. Подлинный же культурный слой стоянки, некогда располагавшейся чуть дальше от входа в пещеру, полностью уничтожен размывом.

Поскольку костные остатки, извлеченные из понора, находятся в переотложенном состоянии, палеонтологическая и тем более коллагеновая датировки не применимы к палеолитическому «культурному слою». Затруднительна и датировка его археологическим методом в связи с малочисленностью и недостаточной выразительностью кремневого инвентаря. Можно лишь отнести памятник в общем к эпохе мустье.

Значительно ниже «культурного слоя», на глубине 7 м от поверхности, вблизи южной стенки раскопа, встречен слой не водного происхождения. Это бурая глина с большим содержанием остроугольной щебенки известняков толщиной около 50 см. В слое найдены кости с более высокой степенью минерализации, чем у костей «мустьерского слоя», а также 29 кремневых желваков, среди которых имеются три нуклевидных экземпляра и один скол со следами употребления в работе. Большинство кремней (серого цвета) — местного происхождения. Аналогичные кремни можно и сейчас наблюдать в виде конкреций в стенах пещеры. В слое обнаружены и кремни иного облика (черного и коричневого цветов). По-видимому, они были принесены в пещеру. Подошва описываемого слоя располагается всего лишь в 20 см от скального дна пещеры. Таким образом, самые древние отложения Даховской пещеры содержат следы обитания первобытного человека. К какой из эпох раннего палеолита могут быть приурочены указанные следы,— пока судить трудно.

РАСКОПКИ КРЕПОСТИ БРОНЗОВОГО ВЕКА У РОСТОВА-НА-ДОНУ

С. Н. Братченко

Ливенцовская экспедиция Ростовского музея краеведения провела исследование двух крепостей бронзового века, открытых на западной окраине Ростова-на-Дону, между хуторами Ливенцовка и Каратаево.

Крепости расположены на высоком берегу р. Мертвый Донец, возвышающемся над рекою на 20—25 м. Они занимают два возвышения на краю второй террасы, прорезанной глубоким древним оврагом. Площадки крепостей окружены с напольной стороны валообразными оградами в виде почти правильных полукружий, симметрично разместившихся по обе стороны оврага. Одним концом полукружие подходит к почти отвесной стенке оврага, другим — к склону коренного берега.

Ливенцовская крепость (восточное укрепление) занимает площадь 200×125 м и имеет протяженность оборонительной линии 255 м. Пло-

Ливенцовская крепость бронзового века
Внешний фас

щадь Каратаевской крепости (западного укрепления) 165×70 м, а протяженность оборонительной линии — 220 м.

Основные работы проводились в Ливенцовской крепости. Исследования были сосредоточены на выявлении оборонительных сооружений — крепостных стен и рвов. Внутри крепости раскопкам подвергнуты участки, прилегающие к стене, а в центре произведена шурфовка. Оборонительные сооружения имеют довольно сложную регулярную планировку. Они состояли из крепостной стены и рва, разъединенных проходами на отдельные отрезки. На протяжении 80 м открыто шесть таких отрезков и пять проходов. Отрезки рва и стены спланированы таким образом, что посредством выступов фланкируют проходы.

Эффективность обороны проходов (ширина их от 0,8 до 3 м), вероятно, закрывавшихся деревянными воротами или калитками, также обеспечивалась их удачной планировкой. Проходы направлены под углом к крепости, так что противник должен был подходить боком к стене.

Оборонительные рвы вырыты в известняке на глубине 2,5 м. Они имеют довольно отвесные стенки и ровное дно. Внутренние стенки трех отрезков облицованы мощной кладкой из крупных известковых камней, которая переходит во внешний панцирь крепостной стены. Высота этой кладки вместе с наземной частью стены достигает 2—3 м.

Оборонительная стена, от которой сохранилось лишь основание высотой 0,6—1,25 м, разделена проходами на отдельные участки. Длина их соответствует протяженности соседних отрезков рва. Стена состоит из внешнего и внутреннего панцирей, сложенных из крупных камней, и забутовки — известняковой щебенки и камней — между ними. Одни участки стены имеют ширину 3,2 м, другие — 5—6 м.

Судя по предварительному подсчету объема камней, выбранных из заполнения рва и принадлежавших кладке развалившегося внешнего панциря, высота стены с внешней стороны была около 3—4 м.

На руинах крепости, в развалах кладки, обрушившейся в ров, и на дне рва собрано большое количество кремневых наконечников стрел (около 500). Наибольшая концентрация их наблюдалась в районе проходов, находившихся, видимо, под усиленным обстрелом. Некоторые наконечники торчали в кладках стены или в стенке рва. На многих из них видны резцовые сколы, полученные при сильном ударе о стену крепости. В районе проходов найдено также несколько сломанных боевых топориков, один из которых, разбитый на части, лежал на дне рва. На одном участке с напольной стороны обнаружен выбитый в известняке ход, спускающийся в крепостной ров. Вскрытые раскопками остатки рисуют картину больших сражений, разыгравшихся у стен крепости.

Любопытно, что внутри крепости культурного слоя не оказалось. Заложенные здесь, вблизи кургана, шурфы выявили только скифский могильник. Нет культурного слоя и в Каратаевской крепости.

Скопления керамики, кости животных и рыб и зольники сосредоточены только вблизи крепостной стены. Горизонты культурных остатков прослеживаются на погребенной почве, а также в развалах стены. Неоднократно на развалах, перекрывавших стену, встречались фрагментированные сосуды, явно свалившиеся со стены. На дне рвов также отмечен горизонт культурных остатков, состоявший преимущественно из костей животных, однако и здесь попадались разбитые сосуды, зернотерки, песты. У стены, в углах рвов и вблизи проходов находились зольники, ссыпанные сверху.

Так как жилища вдоль оборонительной стены не обнаружены (нет их и в глубине крепости), а значительная часть культурных остатков свалилась со стены, можно полагать, что какие-то жилые постройки находились на оборонительной стене. Вероятно, она лишь с наружной стороны имела панцирь высотой около 3—4 м и шириной 1,2 м, а остальная часть — по данным раскопок, невысокая — представляла собой стилобат. На нем могли располагаться жилища. Возможно, что отрезки этой жилой стены соответствуют отдельным жилищам.

Помимо кремневых наконечников стрел и дротиков (в основном черешкового типа) и боевых топоров, в крепости собраны керамика, рыболовные грузила, зернотерки, обломки пряслиц и литейных форм, костяные изделия и др.

Керамика характеризуется преимущественно высокими, чаще всего лощеными сосудами с отогнутой наружу шейкой, с округлыми или биконическими, реже ребристыми боками и небольшим донцем. Они орнаментированы валиком в основании шейки или прочерченными треугольниками, «елочкой» по плечикам и бокам. Несколько фрагментов украшено оттисками крупного шнура.

Стратиграфия (под крепостью обнаружен курган с катакомбными погребениями, а в заполнении рва — погребения с керамикой позднего многоваликового типа), а также вещественный материал позволяют относить памятник примерно к середине II тысячелетия до н. э.

Яркий и оригинальный памятник фортификационного искусства племен бронзового века нельзя связать с культурами, известными в степях Восточной Европы,— катакомбной и срубной. Полученные материалы позволяют видеть в нем одно из звеньев, ведущих к культуре многоваликовой керамики, выделяемой на Украине.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ У СТАНИЦЫ СУВОРОВСКАЯ

А. Л. Нечитайло

Станица Суворовская Ставропольского края находится на водоразделе между балкой Горькой на севере и реками Тамлык и Кума на юге. Северный и южный склоны водораздела представляют собой плоскую, наклонную с запада на восток равнину. На этом широком и длинном равнинном участке в беспорядке располагается более 80 курганов. Насыпи потеряли первоначальный вид, а некоторые из них совсем сглажены в результате распашки. Самая крупная насыпь достигает в высоту 12 м. Местные жители называют ее «Суворов курган».

Экспедиция Ставропольского музея раскопала десять насыпей среднего и малого размера. В них обнаружено значительное количество погребений. Большинство относится к медно-бронзовому веку, а четыре — к сарматскому времени.

Наиболее древним является погребение 4 кургана 1. Под центром насыпи обнаружена могильная яма, ориентированная по линии восток — запад. Яма была перекрыта деревянным настилом, который под тяжестью насыпи рухнул в могилу. На дне могилы лежал скелет мужчины на спине, головой на восток, лицом на юго-запад, с сильно согнутыми в коленях ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. В правой руке он держал пластину из коричневого прозрачного кремня. На теменной части его черепа было длинное узкое сквозное отверстие. Это, несомненно, след трепанации, а не результат удара. Скелет и дно могилы густо засыпаны охрой.

К среднему бронзовому веку относятся могилы трех типов.

1. Большая прямоугольная яма длиной около 5 м и шириной до 4 м. На глубине 1—2,3 м эта яма суживалась в длину до 2 м и в ширину до 1 м и углублялась еще на 1 м. Скелеты обычно вытянуты, ориентированы на восток, иногда с небольшим отклонением. В таких могилах обнаружены бронзовые булавки уральского типа, височные подвески в полтора оборота, четырехгранные шилья и другие вещи. Во всех могилах имеется охра.

2. Яма прямоугольной формы длиной 2—3 м, шириной 1—2 м, с закругленными углами. Скелеты, как правило, вытянуты, ориентировка их различна. В инвентарь входили бронзовые ножи, каменные топорики кабардино-пятигорского типа, бронзовые бусы и круглые подвески.

3. Катакомбы. Бо́льшая часть их впущена в курганы с могилами описанных выше типов, и только две являлись основными погребениями. Некоторые катакомбы располагались на глубине 7 м от древнего горизонта. Входные отверстия закрыты одной или несколькими каменными плитами и обмазаны глиной. Скелеты обычно вытянуты и ориентированы на юг. Во всех катакомбах найдены курильницы или обломки крупного горшка с углями, заменявшего курильницу. Встречено много керамики, абразивные инструменты, кремневые наконечники стрел, бронзовые ножи, кости животных. В некоторых катакомбах обнаружены бычьи черепа.

К позднебронзовому веку относится впускная могила 2 в кургане 4. Под склоном расплывшейся метровой насыпи, на древнем горизонте лежал мужской костяк на левом боку, головой на восток, лицом на юг, с согнутыми в коленях ногами. У черепа, около затылка, найден листовидный бронзовый нож; под правой рукой — каменный пест; за спиной — бронзовые тесло и стамеска с костяной ручкой, два бронзовых четырехгранных шила, костяная трубочка с тремя бронзовыми иголками, бронзовая чашечка со слегка уплощенным основанием и ручкой в виде отростка, костяной круглый предмет с прорезями; у колена — точильник из песчаника. Около пяточ-

Суворовская. Трепанированный череп из кургана бронзового века

Суворовская. Бронзовый киммерийский котел

ных костей стоял сильно поврежденный бронзовый клепаный котел с двумя вертикальными ручками. Подобные котлы считаются киммерийскими, что определяет дату погребения.

Сарматское время представлено в курганах четырьмя впускными погребениями с довольно однородным инвентарем: сероглиняными кувшинами, серо- и чернолощеными мисками.

Исследование курганов у станицы Суворовская помогает заполнить археологическую карту степной части Ставрополья, которая прежде была белым пятном.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА КУБАНИ

Н. В. Анфимов

Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории продолжал раскопки поселения Заслонка, находящегося на левой высокой террасе р. Уруп, в 3 км от хутора Ильича. Поселение занимает ровное плато, которое с востока и запада ограничено глубокими балками, а к югу и юго-востоку отвесно обрывается к реке. С напольной стороны проходит неглубокая балка, отделяющая поселение от могильника с захоронениями в каменных ящиках.

Раскоп был заложен в юго-восточной части поселения. Толщина культурного слоя достигала 2,1—2,3 м. Обнаружены незначительные остатки

каменных кладок, представлявших, по-видимому, фундаменты глинобитных или саманных домов, вымостки из известковой крошки, прослеженные отдельными участками на большей части раскопа, и глинобитные домашние печи. Удалось выяснить их конструкцию. Под печей был сложен на субструкции, состоявшей из слоя известковой крошки с мелкой галькой и отдельных фрагментов керамики. Субструкция пода отделялась от слоя плоских голышей, лежавших в основании печи, глиняной обмазкой. В одной из печей находились обуглившиеся зерна пшеницы (?). При разведочных раскопках обнаружена небольшая гончарная печь, от которой сохранились топочная часть и под с продухами.

На поселении открыты два погребения с инвентарем второй половины IV в. до н. э. Это время можно считать конечной датой поселения.

Найдены фрагменты керамики и кости домашних животных, в основном крупного и мелкого рогатого скота. Сравнительно много небольших овальных зернотерок. Большой интерес вызывает бронзовое долото с рельефным орнаментом на втулке. Керамика представлена в основном лепной посудой, обычно тщательно сформованной, со сглаженной поверхностью. Значительная часть этой посуды относится к чернолощеной. Круговая керамика встречена единицами и только в верхнем слое. Многие образцы лепной керамики орнаментированы, в нижних горизонтах преобладает геометрический нарезной орнамент.

Поселение Заслонка, будучи синхронно раннемеотскому периоду, резко отличается по керамике от памятников меотской культуры. Оно представляет совершенно новую для Прикубанья культуру раннежелезного века, которую ориентировочно можно датировать VII — первой половиной IV в. до н. э. По некоторым формам керамики и ее орнаменту (геометрический нарезной) культура поселения тяготеет к культуре могильников пятигорско-кабардинской группы.

На средней Кубани проведены раскопки меотских могильников, наиболее крупные — на Елизаветинском втором могильнике. Он находится в 2 км к востоку от станицы Елизаветинская и связан с небольшим меотским городищем, расположенным на правой надпойменной террасе р. Кубань.

Обнаружено 136 погребений, из которых 100 относятся к среднемеотскому периоду, 12 — к позднемеото-сарматскому, 2 — к V—VI вв. н. э. и 22 — точно не датируются.

Основная масса погребений первой хронологической группы датируется IV—III вв. до н. э. Характерен следующий обряд погребения: покойник вытянут на спине и ориентирован на юг (70%) или юго-восток (21%). В головах, как правило, стоит вверх дном большая лепная черноглиняная миска; иногда она закрывает череп, иногда голова покойника положена на край миски. В 62 могилах найдены амфоры; обычно они поставлены в ногах и только в двух погребениях — близ черепа. Чаще всего в могиле бывает по одной амфоре, только в восьми могилах — по две. Среди амфор встречены фасосские, типа «Солохи», боспорская, си-

нопская, гераклейская. Вдоль нижней половины скелета и в области ног, как правило, расставлены сероглиняные кувшины, миски, вазочки на поддонах, чашечки и грубые лепные горшки. Кроме того, найдены красноглиняный лутерий, рыбное блюдо, несколько чернолаковых сосудов.

В погребения воинов положены железные наконечники копий, трехгранные втульчатые наконечники стрел и мечи. Большинство мечей — меотские с брусковидным навершием, два — длинные, прохоровского типа.

Основную массу украшений составляют бронзовые браслеты в один или два оборота. Встречены бронзовые зеркала, бусы, подвески, железные ножики, глиняные пряслица. В одной могиле найдена пантикапейская монета второй половины IV в. до н. э. с изображением на реверсе протомы грифона и осетра. В некоторых могилах лежали скелеты лошадей, иногда с железными удилами.

Погребений позднемеото-сарматского периода немного. Ориентировка скелетов неустойчива: наравне с южной появляется западная и северо-западная. Инвентарь представлен глиняными сосудами, железными серпами, кинжалом, железными трехлопастными наконечниками стрел, остатками кольчуги, украшениями (бусами, фибулой, гривной, браслетами) и бытовыми предметами. В одной могиле находился скелет коровы, в другой — три лошадиных остова.

Несколько особняком стоят погребения с северной ориентировкой (иногда с отклонением к востоку или западу). В подавляющем большинстве они лишены инвентаря. В одной такой могиле скелет скорчен на боку.

Большой интерес представляют два погребения V—VI вв. н. э., материал которых (керамика, украшения, зеркало) аналогичен инвентарю Пашковского первого могильника. Таким образом, они являются уже вторым памятником V—VI вв. н. э., обнаруженным на правобережье Кубани.

Другой меотский могильник открыт в пойменной долине Кубани, севернее аула Шенджий. Здесь исследовано 11 погребений II в. до н. э.— I в. н. э. Скелеты ориентированы в основном на запад, что характерно для I в. н. э., или на север с отклонением к востоку и западу, или на юг с отклонением к западу. В четырех случаях рука погребенного положена на таз.

Глубина могил очень незначительна, что объясняется близостью грунтовых вод. В двух могилах черепа прикрыты мисками. Керамика представлена мисками, кувшинами, двуручными чашами, вазочками на поддоне, лепными горшками. Найдены бытовые предметы и украшения. В трех могилах встречены скелеты коров, лежавших параллельно покойнику, в одной — скелет лошади с железными удилами.

Могильник этот — единственный меотский памятник, расположенный не на террасе, а в пойменной долине.

РАЗВЕДКА АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Н. А. Онайко

Новороссийский отряд сотрудников Института археологии АН СССР продолжал разведку в районе Геленджика и Новороссийска. Обследованы бассейны рек Ашамба, Дооб, Абрау и Дюрсо. В долине Ашамбы обнаружены многочисленные пункты распространения античной и средневековой керамики.

Вдоль течения Дооба, главным образом юго-восточнее пос. Кабардинка, у подножья горы Дооб и хребта Маркотх, также зафиксированы следы античных поселений.

В долинах Абрау и Дюрсо находок античного времени почти нет. Там встречалась в основном средневековая керамика; открыты черкесские курганы.

Начаты раскопки античного поселения в северо-западном районе пригорода Новороссийска. Поселение расположено на территории центральной усадьбы совхоза «Малая Земля», по берегу моря, на левом берегу р. Мысхако. Неподалеку от него В. И. Сизов в конце XIX в. доследовал случайно обнаруженные могилы некрополя античного и средневекового времени.

Культурный слой поселения на «Малой Земле» сильно поврежден воронками военных лет; частично он уничтожен карьером, в бортах которого заметны зерновые ямы, засыпанные культурными остатками. Первый раскоп на поселении был разбит по краю насыпи карьера. Мощность культурного слоя достигала здесь 1 м. Материк — скала и наскальный грунт.

Зачищено несколько круглых ям с выпуклыми стенками, имевших в разрезе трапециевидную форму. В ямах, как и в культурном слое, обнаружено большое количество обломков амфор, а также толстостенных, тонкостенных и лепных сосудов. Много рыболовных грузил, обломков глиняной обмазки и костей животных. Встречена привозная краснолаковая керамика. Весь материал разрешает датировать поселение римским временем.

Дальнейшие раскопки и изучение материалов этого поселения, как и поиски других поселений в районе Новороссийска, позволят охарактеризовать почти бесследно исчезнувшую с поля зрения археологов греческую Бату.

РАСКОПКИ ГОРГИППИИ

И. Т. Кругликова, Е. М. Алексеева

В 1966 г. постоянная экспедиция Института археологии АН СССР совместно с Анапским краеведческим музеем продолжала исследовать один из жилых кварталов Горгиппии, расположенный на холмообразной возвышенности вблизи морского берега (раскоп «Город»). В предшествующие годы здесь была открыта широкая, вымощенная каменными плитами улица с примыкавшими к ней с юга и севера жилыми и производственными постройками. Ширина улицы во II—III вв. н. э. достигала 7,5 м. Раскопки захватили западный участок. Была обнаружена небольшая поперечная улица, также мощеная, с каменным водостоком, перекрытым плитами. Она тянулась с юга на север, пересекая ранее открытую магистральную улицу и замыкая северный и южный жилые кварталы.

Раскопаны части зданий, углы которых примыкали к перекрестку с востока. К северу от магистральной улицы расчищены два глубоких подвальных помещения, вероятно, для хранения пищевых запасов. Стены подвалов были каменными, пол — земляным, а частично им служила подтесанная скала. В подвалы вели лестницы на деревянных каркасах с кирпичными ступеньками. Кирпичи плохо обожжены. Из таких же кирпичей были, по-видимому, сложены и верхние части наземных стен здания, так как подвалы засыпаны сплошным слоем распавшегося кирпича вперемежку с упавшими камнями. Лесенки поддерживались специальными конструкциями, укрепленными в вертикальных пазах северных стен подвалов.

В западном подвале находилась яма овальной формы. На глубине 1,15 м в ней был открыт родник и расчистить яму до дна не удалось. Возможно, она служила для охлаждения вина. Здесь найдено десять, а в восточном подвале — 15 амфор, врытых в земляные полы. Среди них были очень массивные амфоры с широким горлом (типа амфор, обнаруженных в Илурате), узкогорлые красной глины с реберчатым туловом, красно-коричневой глины с сильно вытянутым туловом и горлом, имеющим желобок на внутренней части под венцом. Преобладали небольшие амфоры с плоским дном на кольцевом поддоне и с муфтовидным налепом у края. На многих амфорах сохранились граффити в виде отдельных знаков, букв и монограмм, а также надписи красной краской. Внутри подвалов найдены обломки черепиц, много железных гвоздей и других сильно коррозированных железных предметов, несколько монет боспорских царей. Из них удалось пока определить монеты Савромата I, Римиталка, Савромата II и Рескупорида III. На полу подвалов отчетливо прослеживался горелый слой.

Два аналогичных подвальных помещения обнаружены к югу от улицы. Они так же, как и северные, засыпаны обрушившимися перекрытия-

ми и упавшими кирпичами и камнями стен дома. Катастрофа произошла одновременно, в первой половине III в. н. э.

После разрушения зданий этот квартал города больше не застраивался. Подвальные помещения, сооруженные во II в. н. э., прорезали весь культурный слой городища. Наиболее ранними находками при раскопках были обломки керамики IV в. до н. э., вывернутые на поверхность при земляных работах II—III вв. н. э.

РАСКОПКИ ГЕРМОНАССЫ

И. Б. Зеест

Экспедиция Института археологии АН СССР продолжала исследования городских слоев Гермонассы на раскопе «Нагорный», доведенном в 1965 г. до уровня слоя III в. н. э. В 1966 г. пройдены нижележащие напластования, из которых наиболее раннее относится к III в. до н. э. и находится на глубине около 8 м от современной поверхности.

На этом уровне открыта стена, сложенная из необработанного камня на глине. В кладку включены обломки тесаных блоков вторичного использования. Стена прослежена в длину на 10 м, высота ее достигает 1,2 м. Она перекрывает остатки здания более раннего времени, сложенного из хорошо обработанных каменных блоков. Тесаный камень этой постройки, по всей вероятности, и был использован при строительстве стены III в. до н. э. Здание из тесаных квадров открыто лишь частично, и его дальнейшее исследование требует расширения площади раскопа.

Руины построек эллинистического времени перекрыты слоем II в. до н. э., архитектурные остатки которого сохранились плохо.

В лучшей сохранности дошли строительные остатки слоев I в. до н. э. и I в. н. э. К этому времени относятся три слоя, содержащие руины жилых и хозяйственных построек. Наиболее интересны здание, состоящее из двух помещений, в одном из которых находилась печь, и частично открытое здание с примыкающей к нему каменной вымосткой и целым пифосом, врытым в землю на уровне вымостки двора.

Раскопки показали, что с III в. до н. э. по IV в. н. э. строительство в этом районе города велось интенсивно. За этот период трижды полностью изменялась городская планировка, о чем свидетельствует изменение ориентировки построек. В эллинистическое время постройки были вытянуты вдоль улицы с северо-запада на юго-восток, в I в. до н. э. и I в. н. э. здания располагались в направлении с северо-востока на юго-запад, и, наконец, в позднеантичное время господствовала ориентировка по

странам света, которая сохранилась здесь вплоть до ранневизантийского периода.

Найдено большое количество различной бытовой керамики, в том числе обломки пифосов, амфор и черепицы местного, гермонасского производства, а также много монет, импортной керамической тары и тонкостенной посуды, свидетельствующих о торговых связях Гермонассы с другими греческими городами.

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Н. И. Сохольский

В 1966 г. на восточной окраине городища Кепы, в районе остатков святилища Афродиты, экспедиция Института археологии АН СССР обнаружила руины небогатых домов, составлявших целый квартал, которому и принадлежало святилище. Квартал существовал в течение II в. до н. э. и подвергся разрушению не позднее начала I в. до н. э., после чего строительство здесь не производилось.

Стены домов сложены из сырцовых кирпичей, чаще всего даже без каменных фундаментов.

Довольно многочисленные (особенно керамика) находки указывают на интенсивность жизни Кеп во II в. до н. э., что соответствует выводам, полученным по материалам других раскопов и при исследовании грунтового некрополя. Среди находок отметим большую группу фрагментов родосских амфор, свидетельствующих о связи Боспора с Родосом. Но особенно важны многочисленные фрагменты простой круговой посуды и терракот местных кепских мастерских. Выделяется группа посуды (тарелки, блюдца, кувшины и др.) с оригинальными клеймами. До сих пор был известен только один тип клейм кепских мастеров, теперь же определены еще три типа. Следовательно, можно говорить об одновременном существовании в Кепах нескольких гончарных мастерских.

Интересна глиняная форма для оттиска терракотовой фигурки греческого крылатого божества, видимо, Танатоса (олицетворения смерти).

На раскопе в западной части верхнего плато городища исследованы сильно разрушенные городские напластования, относящиеся ко времени от VI в. до н. э. вплоть до средневековья. Напластования VI—II вв. до н. э. сохранились небольшими участками, в ямах и запáдах. Наибольшее количество строительных остатков — каменных фундаментов, черепично-каменных вымосток и хозяйственных ям — дошло до нас от позднеантичной эпохи. К IV в. н. э. относятся остатки складского помещения,

Кепы. Форма для оттиска терракоты и оттиск

в котором найдены три больших пифоса; один из них сохранился целиком — он был накрыт каменной крышкой. Здесь же обнаружен комплекс больших амфор, среди которых находилась целая массивная светлоглиняная амфора. Полная форма амфоры такого типа до сих пор не была известна. Поверх остатков IV в. н. э. сохранились фундаменты дома и уличная вымостка средневекового времени.

Среди находок следует отметить многочисленные фрагменты мраморных облицовочных плиток, черепиц и калиптеров, принадлежавших богатому общественному зданию, вероятно, храму эллинистической эпохи. В средневековом слое обнаружена часть архитрава из известняка с орнаментом византийского времени.

Значительные по объему работы проведены на грунтовом некрополе Кеп. Удалось установить южную границу некрополя. Раскопано 18 погребений VI в. до н. э.— I в. н. э. Отметим две могилы конца VI в. до н. э. Это большие овальные в плане ямы-колодцы, в которых покойники были покрыты углями и золой, взятыми, видимо, из костров тризны. В одной из этих могил, кроме амфоры и тонкого чернолакового килика, оказался большой чернофигурный лекиф. Его можно включить в число лучших сосудов VI в. до н. э., найденных на Боспоре. Интересна могила I в. н. э. с известняковыми ритуально-надгробными камнями эллинистической эпохи (три варианта надгробий, эсхара и жертвенный столик).

Важные и обильные материалы принесли раскопки укрепленного поселения у сел. Ильичовка. У западной оборонительной стены открыты три помещения, составляющих единый ряд с четырьмя, исследованными ранее. Все помещения невелики, построены одновременно и аналогичны по характеру: их сырцово-кирпичные стены покоятся на каменных цоколях, золько-глиняные полы, не раз обновлявшиеся, лежат ниже дворовой вымостки, от которой в помещения вели каменные лесенки. В одном из углов каждого помещения находилась печь, и около нее обязательно оказывались большие рогатые и меньшего размера пирамидальные глиняные подставки, а также съемные горизонтальные плиты, прикрывавшие духовку. В полы вкопаны накрытые каменными крышками пифосы или большие амфоры для хранения зерна. В большинстве помещений имелись рабочие каменные столики или банкетки. Все помещения погибли в пожаре, причем стены их прокалились докрасна, а перекрытия со всем содержимым комнат второго этажа рухнули вниз. В результате над полом открытых хозяйственных помещений образовался мощный слой пожарища, прикрытый затем рухнувшими сырцово-кирпичными стенами.

В слое пожарища обнаружены разбитые глиняные сосуды различных форм, размеров и назначения, а также другие хозяйственные предметы.

Наиболее характерные материалы (амфоры, лощеные сосуды, краснолаковые блюда, стекло) позволяют предположить, что это поселение, пережив гуннское нашествие, продолжало существовать и погибло позднее — в V или начале VI в. н. э.

Позднеантичный поселок расположен на руинах крепости I—II вв. н. э. Открыта часть западной стены этой крепости толщиной 2,4 м. Стена построена из сырцовых кирпичей. Под прямым углом к ней подходит каменный фундамент одной стороны угловой башни. Среди разнородных камней фундамента обнаружено два рельефных надгробия.

Ильичовская крепость существовала одновременно и была сходна с крепостями ближайших городищ. История укрепленных поселков этого района была одинакова, за исключением того, что Ильичовское городище пережило многие из соседних. Верхний слой его включает остатки (фундаменты, пифосы, керамика) поселения хазаро-тмутараканского периода.

Силами студентов Саратовского университета под руководством Р. А. Стручалиной продолжено исследование Восточнопатрейского поселения VI—V вв. до н. э. Здесь открыта часть помещения с круглой в плане домашней печью.

Разведочный раскоп заложен на городище Кучугуры у Азовского моря. Обнаружена часть оборонительной сырцово-кирпичной стены крепости и фундаменты внутрикрепостного помещения. Судя по находкам, крепость относится к I в. до н. э.— I в. н. э., т. е. ко времени, когда существовали и другие подобные укрепления этого района.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА И КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

И. Б. Брашинский, Я. В. Доманский

Институт археологии АН СССР совместно с Ростовским областным музеем краеведения продолжил работы на Елизаветовском городище. Участок, раскопанный в 1964—1965 гг., был расширен для исследования большого жилого комплекса. Удалось выявить остатки ряда построек: полы, очаги, основания стен. Очевидно, комплекс состоял из наземных помещений, стены которых были возведены из камыша, обмазанного глиной. Глинобитными были и полы, и очаги. Вероятно, в этой части городища находился район довольно примитивных, несложных жилых построек.

Новый раскоп, заложенный на «акрополе», выявил остатки большого жилища полуземляночного типа. Вскрыта лишь часть постройки, площадь которой уже превышает 25 кв. м. Основание жилища углублено в материк. Вдоль стенок котлована обнаружены ямы от столбов, которые входили в конструкцию наземных стен, сооруженных, очевидно, из жердей и камыша, и являлись опорой кровли.

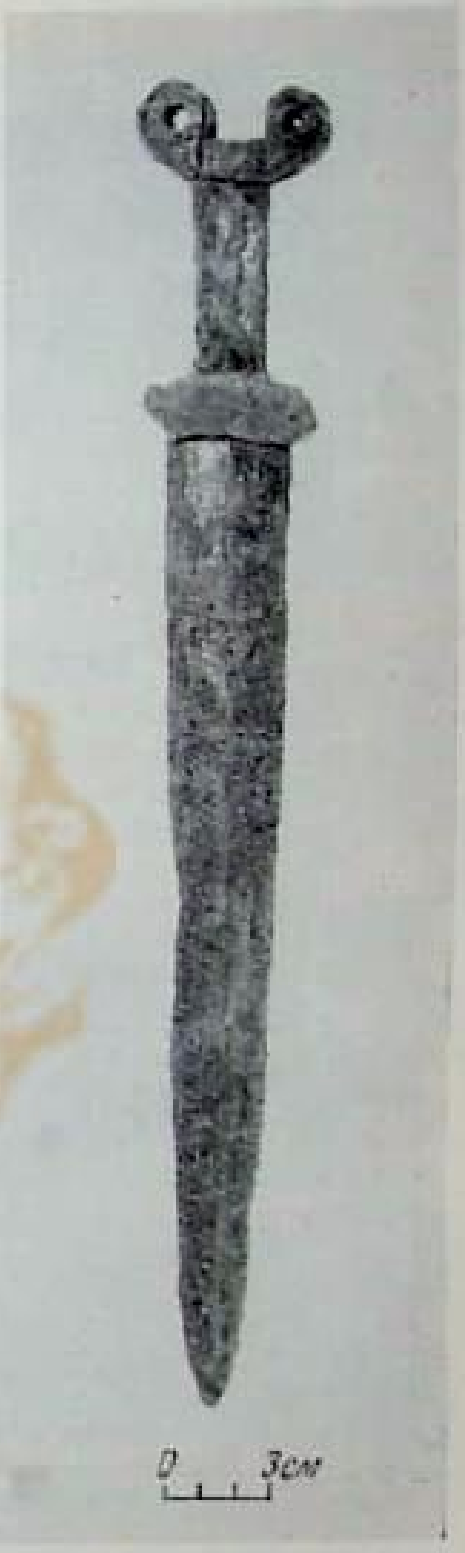
Многочисленны и разнообразны находки на обоих участках городища. Они характеризуют повседневный быт и уклад жизни древних обитателей поселения. Среди керамических изделий преобладают амфоры и лепная посуда. Амфоры принадлежат мастерским многих греческих центров: Гераклеи Понтийской, Хиоса, Фасоса, Синопы и др. Нередко они имеют клейма. Много и простой круговой красноглиняной посуды. Датируются керамические находки концом V—III в. до н. э., но преобладают изделия IV в. до н. э.

В строительных комплексах, в культурных напластованиях обнаружены каменные зернотерки, железные ножи, точильные камни, глиняные пряслица, пращевые камни, костяные поделки, металлические и керамические шлаки. Особого упоминания заслуживает серебряный медальон с изображением женской головы в профиль.

Раскопки позволяют обрисовать хозяйственный облик поселения, различные стороны деятельности его обитателей. Прежде всего следует отметить огромное значение рыболовства. Повсеместно в культурном слое обнаружены пласты рыбьей чешуи, кости крупных рыб. Найдены каменные грузила для рыболовных сетей. Открыто скопление 65 хорошо сохранившихся глиняных пирамидальных подвесок, обычно служивших грузилами на ткацком станке. Однако то обстоятельство, что многие из них сильно окатаны, позволяет заключить, что в данном случае они использовались как грузильца легкой рыболовной сети.

Неожиданные и весьма важные результаты принесли раскопки Елизаветовского курганного могильника. Работа велась на участке, расположенном на южной окраине хутора Городище, к востоку от

Елизаветовский могильник. Железный акинак



Елизаветовского городища. Исследовано 25 погребений в 16 курганах, насыпи которых едва возвышаются над современной дневной поверхностью. В большинстве могил похоронены скифские воины. Многие погребения оказались непотревоженными и содержали богатый набор погребального инвентаря, прежде всего скифского оружия: железные акинаки, копья, кинжалы, железные и бронзовые наконечники стрел. Найдено много керамических изделий: амфоры, килики, кувшины, лепные сосуды.

Наибольший интерес представляет несколько курганов, относящихся к значительно более раннему времени, чем все известные до сих пор курганы Елизаветовского могильника. В двух погребениях найдены аттические чернофигурные килики, датируемые началом V в. до н. э. На одном из них изображена сцена туалета: сидящая женщина прихорашивается, держа в руке зеркало, перед нею стоит служанка. На другом — Силен преследует убегающую Менаду. Сами по себе килики являются рядовыми изделиями афинского «ширпотреба». Однако находка их в Елизаветовских курганах чрезвычайно важна. Будучи здесь первыми изделиями подобного рода, они меняют существующие представления о Елизаветовском могильнике и поселении. До сих пор на основании многочисленных данных могильник датировали временем не ранее конца V в. до н. э. и считали, что в этот же период поселение превратилось в центр греческой торговли с обитателями Подонья. Но теперь становится очевидным, что дата должна быть отодвинута почти на целое столетие, во всяком случае к самому началу V в. до н. э. Помимо упомянутых чернофигурных килик, эта ранняя дата подтверждается и другими материалами, обнаруженными в курганах: аттической черно-

Елизаветовский могильник. Чернофигурный килик

Елизаветовский могильник. Чернолаковый килик

лаковой керамикой первой половины V в. до н. э., хиосскими пухлогорлыми амфорами раннего типа и т. д.

То обстоятельство, что Елизаветовский могильник возник в столь раннее время, заставляет по-новому подойти к роли Елизаветовского поселения на нижнем Дону, а также и к истории всего района в этот период.

При раскопках курганов удалось уловить и некоторые не отмеченные здесь прежде детали обряда погребения, например, обычай класть под горло амфоры сосуд для питья — килик, кубок, кувшин. Эта деталь устойчиво повторяется как в погребениях (особенно в ранних), так и в тризнах. Возможно, что дальнейшее изучение особенностей погребального обряда в исследуемом могильнике позволит уточнить важный вопрос об этнической принадлежности обитателей Елизаветовского поселения.

Перед исследователями памятника стоит еще много чрезвычайно важных проблем. К ним относится в первую очередь вопрос о характере Елизаветовского поселения.

Раскопки 1966 г. и предыдущих лет заставляют категорически отвергнуть представление о нем, как о греческом городе — торжище боспорских греков, которые здесь якобы поселились в конце V в. до н. э. Все указывает на чисто местный, скифский облик поселения и его могильника. Для окончательного решения этого и ряда других вопросов необходимы дальнейшие интенсивные раскопки на городище и всемерное расширение исследований курганов.

РАСКОПКИ ТАНАИСА

А. И. Болтунова

Нижне-Донская экспедиция Института археологии АН СССР продолжала раскопки оборонительных сооружений и примыкавших к ним жилых и хозяйственных комплексов вдоль западной оборонительной стены основного городища Танаиса. На южном участке западной оборонительной линии города, под руинами башни I, построенной, вероятно, в начале II в. н. э., открыты более ранние строительные остатки. Они представляют собой развалины башни, время постройки которой, судя по сопровождающему керамическому материалу, III—II вв. до н. э. Внутрь этой башни вел дверной проем со стороны города. В 1966 г. исследована ее южная часть, а северную перекрывают руины башни II в. н. э., раскопанной в 1964—1965 гг. По-видимому, в эллинистическую эпоху здесь было две башни, а между ними — ворота. Вторая

башня должна находиться южнее, и раскопки ее являются задачей будущего года.

Внешние углы башни и углы стен, образующие проем в крепостной стене, сложены из тесаных, хорошо пригнанных, крупных, преимущественно рустованных блоков. Башня III—II вв. до н. э. функционировала недолго: из-за оседания западной части она начала разрушаться, и проезд ворот был закрыт стеной. Около рубежа нашей эры башня была разрушена, и часть тесаных блоков использовали при постройке башни II в. н. э.

К северу от раскрытого в 1964—1965 гг. помещения И и башни II прослежена по направлению на север линия оборонительной стены. Выяснено, что внешний панцирь стены, сооруженный во II в. н. э., впущен в культурный слой I в. до н. э.— I в. н. э. Раскопана часть примыкающего с восточной стороны к стене помещения П, погибшего в огне, как и другие соседние помещения, около середины III в. н. э. Найдены несколько бронзовых монет и серия пирамидальных глиняных отвесов, орнаментированных пунктиром. Отвесы предназначались для ткацкого станка, находившегося, по-видимому, в этом помещении, возле подвала.

В центральной части западной оборонительной линии, главным образом к востоку от крепостных ворот и башен III и IV, исследованы строительные остатки. Кроме того, в башне IV расчищены контрфорс северной стены и внутрибашенное помещение, погибшее при пожаре. Там найдено много снопов пшеницы и ячменя и предметы хозяйственного назначения. Расчищен водосток, пропущенный под крепостной стеной в ров. Выяснено, что развал крепостной стены II в. н. э. был оконтурен в III в. н. э. подпорной стеной. Основные сооружения, исследованные на этом участке, относятся к III и IV вв. н. э.

На севере участка расчищена улица III в. н. э., шедшая вдоль крепостной стены. Она вымощена местами камнем, местами — черепками глиняной посуды. Восточнее улицы открыты мощеный дворик и два помещения, одно из которых имело выход на улицу, а между ними — каменная лестница в девять ступеней, спускающаяся в город и переходящая в улицу. Пристенный участок, таким образом, значительно возвышался над городом. В мощеном дворике раскрыта узкая цистерна глубиной 4 м, обложенная камнем и частично вырубленная в скале. В развале камней на участке найдено фрагментированное известняковое надгробие с изображением вооруженного всадника, сопровождаемого конным оруженосцем, вторично использованное как строительный камень.

На юге описываемого участка раскрыты хорошо сохранившиеся строительные остатки IV в. н. э.: лестница, мощеная улица, ведшая вниз, в город. Севернее улицы расчищены два помещения; южнее — дом из двух помещений — жилого и хозяйственного; восточнее — еще один дом. Застройка была очень плотной. Прослежена преемственность

в характере планировки по отношению к III в. н. э. Судя по данным раскопок, Танаис в IV в. н. э. был еще довольно значительным населенным пунктом.

Наряду с работами на городище доследовались участки грунтового могильника к востоку от древнего города. Вскрыто 14 погребений эллинистического и римского времени. Особого внимания заслуживает перекрытое камнями парное захоронение III — начала II в. до н. э. в деревянном гробу-колоде. Возле гроба — три амфоры, в могиле — чернолаковая чашечка; среди украшений — две крупные золотые серьги в виде фигурок ежей (по-видимому, местной работы), золотая проволочная серьга, железный и бронзовые перстни, разнообразные бусы. В других погребениях найдены краснолаковый кубок с орнаментом в технике «барботин», железные пряжки, бронзовые фибулы, разнообразные бусы, круговые и лепные сосуды и др.

ПЕРВЫЕ РАСКОПКИ В ВЕРХОВЬЯХ р. ИНДЫШ

И. И. Мизиев

Верховья небольшой речки Индыш — правого высокогорного притока Кубани — издавна манили к себе археологов разнообразием памятников. Однако до последнего года не удавалось добыть здесь какой-либо археологический материал.

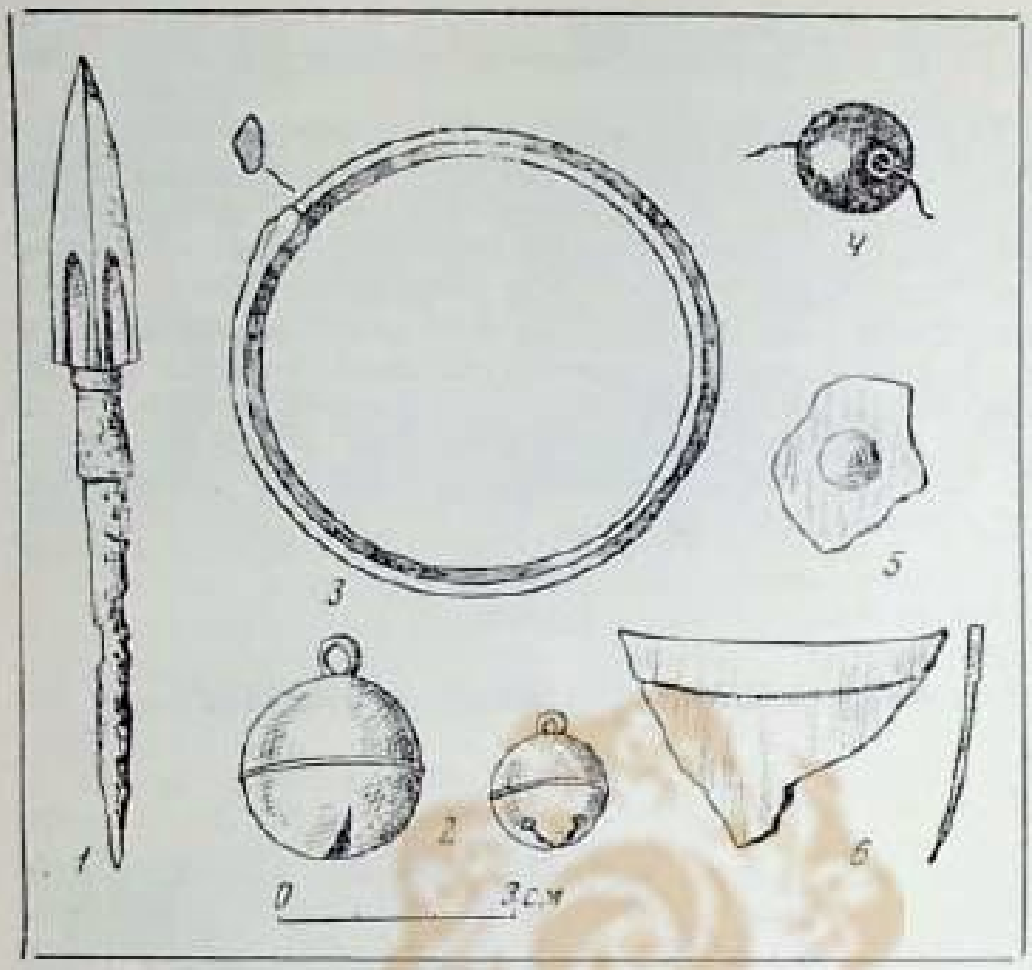
В 1966 г. археологическая экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института под руководством автора посетила этот интересный район и провела здесь первые небольшие раскопки.

Установлено, что в урочище Сынла (по-карачаевски — надгробия) находятся раннесредневековое поселение и погребальные сооружения трех видов.

На поселении добыта большая коллекция сероглиняной керамики, среди которой особенно интересны фрагменты котлов с внутренними ручками, которые в литературе приписываются прикубанским болгарам и датируются VII—IX вв.

Недалеко от поселения раскопан полуподземный склеп, сооруженный из массивных каменных плит на крутом склоне правого берега р. Индыш. Обнаруженные в склепе небольшой чернолощеный кувшинчик с блестящими полосками, железный нож и 14-гранная сердоликовая бусина датируются VII в. и имеют много аналогий в северокавказских памятниках того времени.

В непосредственной близости от этих склепов находятся высокие отвесные скалы, в которых высечено 18 погребальных камер с горизонтальным дном и сводчатым овальным потолком. В плане они немного



Верховья р. Индыш. Вещи из гробниц

1 — железная стрела; *2* — бронзовые бубенчики; *3* — стеклянный браслет; *4* — гагатовая бусина; *5, 6* — осколки стеклянного кубка

вытянуты и имеют эллипсоидную форму. Подобные камеры известны во многих пунктах Центрального Кавказа. Датируются они VIII—XI вв.

Третьим видом погребальных сооружений в этом районе являются наземные гробницы, сложенные из хорошо отесанных каменных брусьев. Все гробницы сейчас разрушены, от них сохранились лишь нижние ряды кладки. Для скрепления углов сооружений специально вытесывались угловые брусья, заходящие в две стены.

В гробницах обнаружено большое количество железных черешковых стрел IX—XI вв. и треугольно-овальные в сечении браслеты из темно-коричневого стекла. Такие браслеты хорошо известны на Северном Кавказе по материалам могильников IX—XII вв.

Кроме того, в гробницах найдено около 20 бусин из черного гагата, стекла и пасты, а также несколько бронзовых бубенчиков со щелевидной прорезью. Бубенчики состоят из двух половинок, спаянных вместе.

Вся эта коллекция (передана в Карачаево-Черкесский музей) свидетельствует о том, что в верховьях р. Индыш открыт очень интересный и своеобразный археологический комплекс, тщательное изучение которого поможет осветить средневековую историю высокогорных районов Карачаево-Черкесии.

ПОВОЛЖЬЕ И УРАЛ

РАБОТЫ АСТРАХАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В. П. Шилов

В составе Астраханской экспедиции Института археологии АН СССР в 1966 г. работало несколько отрядов. Палеолитический отряд под начальством Н. Д. Праслова проводил археологические разведки в устье Северского Донца, где у деревень Хрящи и Михайловка обнаружены местонахождения нижнего палеолита, и в устье Курмоярского Аксая, на берегу Цимлянского моря, где встречены местонахождения эпохи мустье. Комплекс древних изделий по условиям залегания можно увязать с домустьерскими материалами, найденными у дер. Хрящи. По возвышенности Ергени (на территории Калмыцкой АССР) и в долине р. Маныч обнаружены многочисленные мезолитические и неолитические стоянки. Наиболее интересными оказались стоянки в урочище Цыганица, в 20 км к югу от Элисты. Здесь на отрезке в 5—7 км открыто более десяти стоянок с микролитическим каменным инвентарем. Среди геометрических форм резко преобладают двусторонеобработанные изделия.

Перед Хапровским отрядом, возглавляемым Э. С. Шарафутдиновой, стояла задача выяснить хронологическое соотношение кобяковской культуры и донских памятников сабатиновского этапа, расположенных в прибрежных террасах р. Мертвый Донец.

Изучение нижних слоев Хапровского городища, а также поселения у станицы Сафьяново подтверждают, что памятники кобяковской культуры более поздние, чем сабатиновские типа Ливенцовка I, и характеризуют, видимо, смену населения на нижнем Дону в период появления кобяковской культуры.

Волго-Донской отряд под руководством А. Н. Мелентьева предпринял поиски и изучение савроматских памятников на территории, где размещал савроматов Геродот. Он сообщает, что за рекой Танаисом уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам, которые, начиная от угла Меотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу (IV, 21), и далее «А дневной путь рассчитан у меня на 200 стадий» (IV, 101). Поскольку Геродот пользовался ионийской системой мер, его стадий равняется 189 м.

Таким образом, дневной путь Геродота в переводе на метрическую систему должен составлять 37,8 км, а пятнадцать дней пути — 567 км, т. е. северная граница савроматов отстояла от угла Меотийского озера на 567 км.

Если мы отложим это расстояние вдоль Танаиса, то северная граница савроматов будет проходить где-то в районе параллели Саратова. Это подтверждается и археологически, так как к северу от района Саратова прослеживаются владения городецких оседлых племен.

К сожалению, Геродот ничего не сообщает о восточной границе распространения савроматов. Лишь в одном месте (IV, 117), передавая легенду о происхождении савроматских племен, он указывает, что после «обручения» молодых скифов и амазонок, от которых, по его мнению, и произошли савроматы, они удалились от угла Меотийского озера на восток на три дня пути (т. е. прошли более 100 км), а затем повернули на север и прошли еще три дня. Вопрос о восточной границе савроматской территории может быть решен только с помощью археологических исследований.

В нашей литературе эта граница отодвигается в Южное Приуралье, Западный и даже Центральный Казахстан. Между тем территория, где помещал савроматов Геродот, т. е. степи между Доном и Волгой, почти не изучена. А именно здесь и можно выявить особенности обряда и инвентаря собственно савроматов и получить эталоны для выделения савроматских захоронений.

Волго-Донской отряд раскопал 38 савроматских курганов Аксеновского могильника у с. Новый Аксай Волгоградской обл. Могильник включал курганы с каменной наброской различных размеров: от едва заметных на вспаханном поле, определяемых лишь по разбросанным при глубокой вспашке камням, до монументальных сооружений высотой 4 м, диаметром 50 м, окруженных кольцевыми оградами из камней диаметром около 150 м. Почти все могилы оказались неграбленными. Погребенные помещены в прямоугольные ямы с округлыми углами, ориентированные по линии запад — восток. Сверху могилы перекрыты деревянным накатом, поверх которого располагалась каменная наброска. Покойники вытянуты на спине, головой на запад или восток. В ногах была положена мясная пища, главным образом «бока» лошадей и баранов.

Получен большой вещественный и антропологический материал. Обнаружены предметы вооружения: железные мечи (более 15), колчаны с бронзовыми и железными наконечниками стрел, наконечники копий (около 10), большое количество бронзовых зеркал, керамики и пр.

По находкам могильник датируется VI—IV вв. до н. э. Местоположение и добытые материалы позволяют рассматривать этот памятник как эталон для выделения савроматских захоронений и тем самым поставить вопрос о восточной границе распространения савроматских племен. Предварительное сопоставление поволжских материалов с юж-

ноуральскими и казахстанскими показывает, что последние нельзя приписывать савроматам Геродота.

Вторая задача отряда заключалась в изучении памятников I в. н. э. с тем, чтобы выделить особенности обряда и инвентаря захоронений аорсов, которые, как сообщал Страбон, кочевали по Танаису. У пос. Октябрьский исследовано 50 небольших курганов. Захоронения совершены в прямоугольных ямах, ориентированных по линии север — юг. Костяки вытянуты на спине, головой на юг. В более крупных курганах у дна могилы, в северо-восточном ее углу, вырыты тайники, куда складывали наиболее ценные вещи погребенных. Несмотря на то, что значительная часть погребений оказалась ограбленной, в могильнике обнаружен большой вещественный материал: железные мечи с кольцевым навершием и трехперые черешковые наконечники стрел, местная и античная керамика, бронзовый котел, несколько сотен золотых бляшек, украшавших одежды, золотая пряжка от пояса, золотые массивные кольца и пр.

Таким образом, могильник у пос. Октябрьский, как и ранее исследованный Жутовский, является важным источником для решения поставленной задачи.

Золотоордынский отряд под руководством А. М. Мандельштама и В. И. Филипченко производил раскопки городища Шареный Бугор (севернее Астрахани). Большая часть городища снесена при современных строительных работах. На южной окраине его обнаружены землянки, хозяйственные ямы, два крупных горна для обжига кирпича. Найдены монеты из меди и серебра, масса керамики и небольшое количество металлических предметов, характеризующих различные стороны хозяйственной деятельности и торговых связей населения этого города в золотоордынское время. Возможно, городище Шареный Бугор следует считать предшественником Астрахани.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛ.

В. И. Мамонтов

Волгоградский музей продолжал раскопки курганного могильника у г. Ленинск. Здесь на первой террасе р. Ахтуба широкой полосой расположены курганы XIII—XIV вв. Могильный инвентарь в большинстве погребений отсутствует. Однако в некоторых погребениях сохранились комплексы позднекочевнических вещей: железные ножницы, пряжка, шилья, ножи, бусы из янтаря, раковины каури. Найдено большое бронзовое зеркало, одна сторона которого украшена богатым растительным орнаментом. Среди переплетений четко видны изображе-

ния человека, антилопы, зайца. В одном из погребений, относящемся к позднесарматскому времени, кроме бус-жемчужин, ножа и небольшого зеркальца с петелькой, обнаружена изящная брошь-фибула с овальной стеклянной вставкой. Она укреплена на ромбовидной сетчатой основе, вершины которой украшены жемчужинами.

Основное внимание было уделено изучению Пятиморской и Приморской стоянок, которые находятся южнее г. Калач, в зоне Цимлянского моря. Подъемный материал со стоянок датируется временем от неолита до развитого средневековья.

Пятиморская стоянка расположена на четырех островах, омываемых водами моря. Здесь собрана обширная коллекция кремневого и каменного инвентаря: нуклеусы, скребки, ножевидные пластинки, острия, концевые скребки, трапециевидные и сегментовидные вкладыши, кремневые наконечники стрел, каменный наконечник копья (?), терочники, песты, точильные бруски, небольшой жернов. На одном из островов найден бронзовый наконечник дротика с хорошо выделенными гранями острия.

Многочисленны фрагменты керамики. Особенно важны находки неолитической керамики, поскольку этот период на территории Волгоградской обл. изучен плохо. Орнамент выполнен в виде округлых вдавлений или способом «отступающего острия».

Особого внимания среди находок Пятиморской стоянки заслуживает небольшой бронзовый рыболовный крючок. Он встречен среди фрагментов керамики срубной культуры.

Интересным археологическим памятником является Приморская стоянка. Она находится на расстоянии 3—4 км от Пятиморской, ниже по Дону. Осмотрены семь островов этой стоянки.

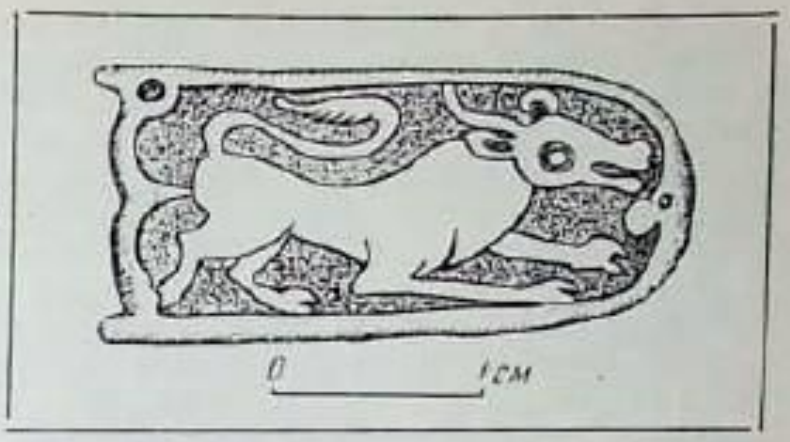
Судя по находкам, этот район был заселен, видимо, с начала II тысячелетия до н. э. по XV—XVI вв. н. э.

Кремневый инвентарь Приморской стоянки несколько беднее, чем на Пятиморской. Собраны округлые и концевые скребки, нуклеусы, обломки ножевидных пластинок, кремневые наконечники стрел, терочники, фрагменты точильных брусков и зернотерок.

Следует отметить круглые глиняные пряслица и грузила, а также небольшие бронзовые острия (шильца), аналогии которым есть в погребениях бронзового века Поволжья и Подонья.

Песчаные берега островов Приморской стоянки усеяны обломками керамики. Часть из них украшена геометрическим орнаментом, выполненным крупнозубчатым штампом, концом острия или ногтем.

Вызывают интерес некоторые фрагменты керамики срубной культуры с начертанными на них знаками. На одном из сосудов бронзового века, кроме того, встречен орнамент, характерный для прохоровской керамики («полотенца»). Полную аналогию этому рисунку представляет орнамент на сосуде из прохоровского погребения Калиновского могильника.



Приморская стоянка. Бронзовый наконечник ремня

На Пятиморской и Приморской стоянках собраны предметы и раннего железного века, и средневековья. Кроме керамики, к ним относятся бронзовый наконечник стрелы V в. до н. э., фрагмент чернолакового сосуда V в. до н. э., бронзовый бубенчик, крицы, пряслица, грузила, великолепно сохранившийся наконечник ремня с изображением быка (?), позднекочевнические наконечники стрел.

Обилие находок подтверждает предположение о том, что этот район был заселен в течение длительного времени.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА КУЙБЫШЕВСКОМ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

П. Н. Старостин, А. Х. Халиков

С 1961 г. экспедиции Казанского института истории, языка и литературы АН СССР проводят систематическое обследование археологических памятников, ушедших на дно Куйбышевского водохранилища. Ранней весной и поздней осенью в результате понижения уровня воды обнажаются размытые остатки могильников, поселений и др. Только в пределах Татарской АССР выявлено более 300 таких памятников, среди которых имеются и уникальные типа Ново-Мордовского могильника и Щербетьского селища.

В 1966 г. отряды экспедиции под общим руководством А. Х. Халикова обследовали приустьевую часть Камы и правобережье Волги ниже устья Камы. Стационарные раскопки были сосредоточены на таких разрушающихся памятниках, как городища Казанка 2 и Алексеевское и Танкеевский могильник. Отрядами П. Н. Старостина, М. Г. Косменко и Р. Х. Мамаева обнаружено более 80 археологических памятников от мезолита до времени Волжской Болгарии.

Особый интерес вызывают остатки многочисленных неолитических стоянок, среди которых немало и ранних, с керамикой, орнаментированной накольчато-прочерченными узорами и датированной IV тысячелетием до н. э. Группа относительно хорошо сохранившихся неолитических поселений с жилищными пятнами выявлена у пос. Алексеевское на Каме.

Более половины всех обнаруженных в этом году памятников составляют остатки поселений и размытых курганных могильников бронзового века. Левобережные участки устья Камы и более южное левобережье Волги занимают в основном памятники срубной культуры развитого периода, тогда как на правобережье Камы и севернее по Волге известны лишь памятники местной приказанской культуры. Материалы свидетельствуют об активном переходе приказанских племен в конце II тысячелетия до н. э. на левобережье Камы и Волги ниже устья Камы. На некоторых памятниках бронзового века обнаружены остатки больших жилищ и собран огромный вещевой материал, в составе которого имеются и металлические изделия: серп, нож-кинжал, шилья и др.

Изучение материалов позволяет рассматривать территорию слияния Камы с Волгой как центральный район распространения раннеананьинских племен. Здесь выявлено восемь раннеананьинских могильников и много поселений. Любопытно, что в разнообразном инвентаре этих памятников есть вещи западного типа, например, кельты меларско-акозинского облика. Весьма важно, что на городище Казанка 2 найдена каменная литейная форма для отливки таких кельтов.

Исследования 1966 г. подтвердили, что в рассматриваемом районе нет памятников второй половины I тысячелетия до н. э. и начала I тысячелетия н. э. Лишь ближе к середине I тысячелетия н. э. приустьевые долины Камы и левобережье Волги были освоены племенами именьковской культуры. Остатки нескольких интересных поселений этих племен изучены и в 1966 г. На размытой поверхности заметны пятна больших прямоугольных и квадратных жилищ и ям хозяйственного назначения. Около одного из Ташкерменских поселений выявлены следы могильника с трупосожжениями. Среди многочисленного вещевого материала выделяются разнообразные металлические изделия (короткие сошники, ножи, серпы), а также каменные жернова от ручных мельниц.

В болгарский период низменные долины больших рек, как правило, уже не заселялись, поэтому число памятников X—XIV вв. невелико. В 1966 г. проводились наблюдения на затопленной нижней части городища Великие Болгары, в урочище Ага-Базар — на месте древнего торжища. Несколько болгарских поселений обнаружено на островах напротив г. Тетюши, с. Балымеры и пос. Алексеевское. На поверхности некоторых из них также отмечены остатки домов и различных хозяйственных построек. Собран разнообразный вещевой материал, нередки монеты X—XI и XIII—XIV вв. Определенный интерес представляет

найденный у Второго Маклашеевского городища уникальный бронзовый замок в виде барса с сидящей на нем большой женской фигуркой.

Опыт работы на Куйбышевском водохранилище в пределах Татарской АССР показывает, что предварительное обследование зоны строящихся гидросооружений, как правило, охватывает лишь незначительное число археологических памятников. Большинство из них остается неизвестным и уходит под воду. Поэтому повторное обследование зон водохранилищ следует считать одной из первоочередных задач охраны археологических памятников СССР. Результаты таких обследований, несомненно, будут значительными.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ

П. Н. Старостин

В 1966 г. экспедиция Казанского института истории, языка и литературы АН СССР обследовала правый берег р. Малый Цивиль от г. Канаш до устья при впадении в р. Большой Цивиль и правый берег р. Большой Цивиль. Разведки выявили около 60 археологических памятников, датируемых от неолита до середины II тысячелетия н. э.

Среди памятников неолита представляет интерес стоянка у дер. Новая Цивильского района, расположенная на дюне правого старого русла Малого Цивиля. На поверхности стоянки хорошо заметны остатки крупных жилищных котлованов, вытянутых вдоль дюны. Вещевой материал поселения состоит из кремневых изделий — скребков, ножевидных пластин, отщепов, сколов — и лепной толстостенной керамики с примесью песка. Керамика орнаментирована оттисками гребенчатого штампа и глубокими коническими ямочными вдавлениями. Она находит многочисленные аналогии в материалах балахнинской культуры.

Примечательны поселения позднебронзового века, особенно приказанской культуры с их характерной керамикой, остатками хозяйственного инвентаря и оружия.

Разведками открыто около 20 поселений середины I тысячелетия н. э. В культурном слое и на поверхности найдена лепная плоскодонная посуда с примесью шамота, куски шлаков и обломки костей домашних животных. Керамика этих поселений более гладкая и менее обожженная, чем одновременная ей в Нижнем Прикамье и прилегающих районах Волги. Это лишний раз убеждает нас в том, что территория Поволжья от Горького до Саратова, включаемая иногда в область позднегородецкой культуры, в середине I тысячелетия н. э. была заселена неоднородными в этническом и культурном отношении племенами.

В последние годы многие исследователи склонны рассматривать территорию современной Чувашии как часть Волжской Болгарии. Эта точка зрения не подтверждается полученными материалами. При разведках 1966 г. болгарская керамика найдена всего в двух пунктах Чувашии: один фрагмент — около дер. Шигали Канашского района и три фрагмента — на селище у с. Убеево Красноармейского района, причем она составляет не более 10% общего количества находок. Эти памятники, очевидно, следует относить к поселениям типа Большеянгильдинского и Яимурзинского, где количество болгарской керамики не превышает 5%. Остальная керамика местная, не болгарская. Видимо, исследованный район был лишь сферой экономического влияния Волжской Болгарии.

АХМЫЛОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

В. С. Патрушев, А. Х. Халиков

В 1966 г. экспедиция Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории продолжала исследовать три разновременных памятника у дер. Ахмылово Горномарийского района Марийской АССР: поселение бронзового века, обширный могильник раннежелезного века (Старший — VIII—VI вв. до н. э.) и древнемарийский могильник (Младший — V—VII вв. н. э.).

Культурный слой поселения, относящегося к поздним этапам приказанской культуры, почти полностью разрушен погребениями и многолетней распашкой.

Особый интерес представляет материал Старшего Ахмыловского могильника. Здесь вскрыто около 400 погребений, 100 из них раскопаны в 1966 г. Впервые мы столкнулись с очень сложным и своеобразным видом захоронений — остатками так называемых домов мертвых. Были вскрыты фундаменты трех больших сооружений — длинных наземных построек, служивших местом захоронений. Рядом с ними найдены скопления черепов лошадей — своеобразных поминальных жертв. Умерших, очевидно, помещали внутри этих домов, а к стенам пристраивали деревянные склепы для отдельных лиц. Так, у первого дома обнаружены остатки семи склепов и среди них могила знатного вождя, в честь которого были погребены наборы железного и бронзового оружия: короткий меч, наконечники копий и стрел и конская сбруя. Такой погребальный обряд в Поволжье до сих пор был неизвестен.

Ахмыловский могильник, очевидно, оставлен обширной племенной группой, обитавшей в Поветлужье и прилегающих районах Поволжья. Вероятно, здесь хоронили различные племена, объединявшиеся в один союз. Наряду с обычными грунтовыми одиночными ямами, в которых

погребенные лежат в традиционном для ананьинской культуры вытянутом положении на спине, ногами к реке, обнаружены и большие ямы с несколькими погребенными — своеобразные семейные усыпальницы. Интересны частичные захоронения: в небольшую яму помещали лишь голову умершего, как правило, женщины. Встречаются ямы вообще без останков умершего, но с различными вещами. Это, очевидно, могилы людей, умерших на чужбине. Встречены также вторичные погребения: сначала умершего оставляли на воздухе, а после разрушения мягких тканей останки погребали в яму. Наконец, вскрыты и обширные «дома мертвых», о которых упоминалось выше.

Старший Ахмыловский могильник. «Дома мертвых»
Общий вид вскрытых конструкций

Старший Ахмыловский могильник.
Железные и бронзовые вещи из погребений

В процессе раскопок собран огромный вещевой материал, состоящий из многочисленных бронзовых, медных, железных, реже серебряных и золотых орудий труда, предметов вооружения, украшений, бытовой утвари, изделий из камня, кости и стекла. Достаточно отметить, что найдено около 200 бронзовых втульчатых топоров-кельтов, более 50 бронзовых и железных наконечников копий и стрел, около 20 железных кинжалов, иногда со сложными бронзовыми рукоятями. Наглядное представление о наряде людей того времени дают многочисленные украшения: остатки головных уборов, шейные металлические обручи-гривны и ожерелья, нагрудные бляхи, поясные украшения. Характерно, что некоторые украшения изготовлены из железа.

Особый интерес представляют небольшие подвески-амулеты в виде фигурок людей, животных и птиц. Человеческие фигурки иногда выполнены настолько реалистично, что по ним можно не только установить форму и детали костюма, но и проследить черты лица.

Население, оставившее Старший Ахмыловский могильник, поддерживало активные связи как с соседними племенами, так и с отдаленными районами. Поражает обилие южных, преимущественно кавказских вещей: кинжалов с бронзовыми рукоятками, металлических накладок с чеканным орнаментом, стеклянных изделий и т. п. Много предметов, аналогии которым имеются на западе — в Прибалтике, Скандинавии, гальштаттской культуре. Но особенно тесными были связи с родственными племенами Прикамья, с которыми население Поветлужья и Марийского Поволжья составляло одну этно-культурную группу — ананьинскую общность. Однако наряду с типичными ананьинскими признаками наблюдаются и черты культуры более западных групп. Это, во-первых, втульчатые топоры так называемого меларско-акозинского типа, распространенные от Волги до Швеции; во-вторых, сложные погребальные сооружения типа «домов мертвых».

Раскопками 1966 г. в Младшем Ахмыловском могильнике вскрыта небольшая группа погребений V—VII вв. н. э. Всего же здесь изучено уже около 50 погребений.

К середине I тысячелетия н. э. родовые устои были в значительной степени поколеблены: погребения располагаются небольшими, семейными группами. Одна группа состояла из шести захоронений в основном взрослых людей. Выделяется погребение знатного воина. Первоначально на дно обширной ямы были опущены железный меч в ножнах, обложенных серебряными накладками, два наконечника копий, топор, удила и конская сбруя, а также одежда с богатым поясом, украшенным серебряными накладками. Затем сверху был насыпан прах человека, сожженного на стороне. Еще выше поместили набор ритуальных приношений: железные наконечники копий, удила, ножи, топор и отдельные украшения. На поверхности могилы, очевидно, зажгли мощный костер и принесли в жертву лошадей и овец. Рядом с могилой этого знатного человека похоронены его родственники — два взрослых человека и подросток.

Материалы Младшего Ахмыловского могильника рисуют культуру древнемарийских племен, обладавших развитым ремесленным производством и находившихся в тесных связях с племенами Поволжья, Прикамья и других областей. Интересно, что встречены предметы (серебряные пряжки и арбалетовидные фибулы-булавки), характерные для так называемых антских древностей Поднепровья. Вероятно, от антов — древнеславянских племен — сведения о народе пармис-черемис (древних марийцах) стали известны готскому историку VI в. Иордану. Весьма любопытно, что в погребальном обряде и инвентаре могильника прослеживаются древнетюркские черты (пряжки и накладки так называемого аварского стиля, культ коня и др.). Есть основание полагать, что к середине I тысячелетия н. э. древнемарийские племена вошли в контакт с тюрками, проникавшими к берегам Волги.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ МОРДОВСКОЙ АССР

А. В. Цыркин

В Западной Мордовии археологи Мордовского государственного университета открыли и частично исследовали поселение бронзового и раннего железного века у с. Журавкино в бассейне р. Вад. В нижнем культурном горизонте Журавкинского поселения найдена керамика примокшанской культуры: орнамент состоит из ромбов, треугольников и горизонтальных зубчатых вдавлений. Памятники примокшанской культуры датируются второй половиной II тысячелетия до н. э.

Несколько керамических фрагментов Журавкинского поселения находит аналогии в материалах поздняковской культуры. Керамику, украшенную меандровым узором, рисунком в виде крученой веревки и ломаных линий, А. В. Збруева обнаружила в Малоокуловских курганах и датировала ранним бронзовым веком.

На отдельных фрагментах встречается рисунок в виде параллельных линий, защипов по венчику, зигзагов и крупнозубчатого вертикального штампа. Этот орнамент имеет близкие аналогии в памятниках срубно-хвалынской культуры правобережья Волги, которые датируются третьей четвертью II тысячелетия до н. э.

Второй керамический комплекс Журавкинского поселения представлен обломками сосудов, орнаментированных отпечатками ткани и рогожки и имеющих стенки не толще 0,5 см. Такая посуда характерна для раннегородецких памятников второй половины I тысячелетия до н. э.

Большую группу журавкинской керамики составляют сосуды с гладкими стенками, имевшие, судя по профилю некоторых фрагментов, баночную, горшковидную и мискообразную формы. Толщина стенок обычно

колеблется в пределах 0,6—0,8 см. Обжиг сверху коричневый, в изломе — темный, в качестве примеси употреблены шамот и песок. Аналогичная керамика встречается на всех позднегородецких памятниках первой половины I тысячелетия н. э.

Фаунистический материал поселения представлен костями крупного и мелкого рогатого скота, лошади, лося, свиньи, собаки, птицы.

Из других находок отметим обломки жерновов, каменную мотыжку и точильные камни.

Таким образом, по археологическому материалу Журавкинское поселение можно датировать второй половиной II тысячелетия до н. э.— первыми веками нашей эры.

Особый интерес представляет могильник у с. Вертелим. Всего здесь раскопано 41 погребение.

Анализ погребального обряда и инвентаря дает возможность наметить два периода захоронений: языческий и христианский. В ранних захоронениях мордвы-мокши прослежены остатки жертвоприношений: битые горшки со следами копоти, кости лошади, свиньи и других животных. Характерна южная ориентировка костяков. Сюльгамы с завернутыми в трубочку концами, найденные в этих погребениях, позволяют датировать их XIV в.

Вторая группа вертелимских захоронений датируется монетами Ивана Грозного (1533—1584 гг.). Для этой группы характерны западная ориентировка костяков, бедность могил, исчезновение из них богатых уборов и украшений. Изменение погребального обряда было вызвано христианизацией мордвы-мокши, начавшейся после того как мордва вошла в состав Русского государства. Христианская религия запрещала мокше устраивать на кладбище жертвоприношения.

Материалы Вертелимского могильника позволяют сделать некоторые выводы об уровне ремесла и ремесленной специализации у вертелимской мордвы-мокши. Уже в XIV в. здесь были широко развиты кузнечное, оронзолитейное и ювелирное производства.

В восточной части Мордовской АССР, у г. Киржеманы, обнаружен клад земледельческих орудий. В состав клада входили два сошника, один лемех, три плужных резака, три косы, девять серпов, несколько топоров, тесло, два зубила, шесть железных колец для крепления кос к косовищу, обломки удил. По размерам и конструктивным особенностям сошники, лемех и плужные резаки аналогичны таким же орудиям из древнерусских городищ Пальное в Рязанской обл. и Девичья Гора на Днепре.

Серпы из Киржемановского клада изготовлены широко распространенным в то время способом: основой их служит железо, а режущая часть подвергнута цементации. По форме и конструктивным особенностям они напоминают серпы московского типа.

Принимая во внимание формы, размеры и конструктивные особенности орудий труда и аналогии им из древнерусских памятников, Киржемановский клад следует датировать XII—XIII вв.

Находка этого комплекса земледельческих орудий, специально укрытых, вероятно, в момент опасности, имеет большое значение. Она свидетельствует против существующего представления о том, что обитатели восточных мордовских земель не знали пашенного земледелия.

КАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В. П. Денисов, В. А. Оборин, Ю. А. Поляков

Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета, работавшая вместе с Пермским и Кунгурским краеведческими музеями, провела в 1966 г. свой 20-й полевой сезон. Главное внимание было уделено изучению археологических памятников крайнего севера Пермской обл. На сравнительно небольшом участке от оз. Чусовское до р. Молох — притока р. Березовка — к настоящему времени обнаружено более 30 древних поселений и местонахождений.

Среди поселений представлены памятники от мезолита до IX—XV вв. (родановская культура). Это дает возможность подробно изучить процесс заселения края, историю населявших его племен и их связей с соседними племенами Северо-Восточной Европы.

Большинство поселений представлено временными стоянками охотников и рыболовов. Однако открыты и постоянные поселения с многочисленными впадинами, в которых при раскопках выявляются остатки жилищ-полуземлянок. Среди поселений преобладают многослойные.

Наиболее древним памятником этого района можно считать Березовскую стоянку, расположенную на мысу небольшого озера. В культурном слое найдены карандашевидные нуклеусы, отщепы и кремневые вкладыши, много мелких ножевидных пластинок. Стоянка датируется мезолитом и по характеру материала относится к камской мезолитической культурной области.

На четырех многослойных памятниках обнаружены неолитические напластования, иногда смешанные с культурным слоем бронзового века. Здесь найдена типичная для камского неолита остродонная керамика полуяйцевидной формы с утолщенным, скошенным с внутренней стороны венчиком. Сосуды орнаментированы зонами гребенчатого штампа в виде «шагающей гребенки» или горизонтальными линиями наклонных отпечатков, разделенными линиями мелких ямочных вдавлений. Сосуды этого типа имеют аналогии в позднем камском неолите (конец III — начало II тысячелетия до н. э.). Очень редко встречается керамика с круглоямочным орнаментом, подобная посуде со стоянок бассейна Вычегды. Кроме того, найдено много концевых скребков, ланцетовидных наконечников стрел, шлифованные орудия (топор, тесла).

На 11 поселениях исследованы остатки жилищ и хозяйственных сооружений турбинской культуры (гаринского и борского этапов) бронзового века и собран обильный вещественный материал.

Наиболее богатым памятником конца II — начала I тысячелетия до н. э. является Васюковская II стоянка, на которой раскопано 15 жилищ. Большинство из них было слабо углубленными прямоугольными полуземлянками небольших размеров. У стен сохранились остатки обгоревших бревен сруба, в центре — открытые очаги.

20 жилищных впадин, расположенных в центральной части Васюковской II стоянки, окружены неглубокой канавкой, отделявшей эту часть поселения. В канавке сохранились столбовые ямки и углистые полосы — очевидно, остатки легкого укрепления.

Керамика поздней бронзы, найденная на Васюковской II и других стоянках, аналогична керамике ерзовской культуры Среднего Прикамья. Это сосуды чашеобразной формы с раздутым туловом и прямой или отогнутой шейкой, орнаментированные оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа, линиями шнура и глубокими ямками по шейке в один — четыре ряда. Ниже ямочных отпечатков проходят линии своеобразных наплывов. Такая керамика встречается в Среднем Прикамье и на некоторых стоянках Печоры и Вычегды.

В культурных слоях раннего железного века найдена типичная керамика ананьинской культуры (VIII—III вв. до н. э.) с воротничком и реже — чашевидные сосуды гляденовской культуры (II в. до н. э.— II в. н. э.) с редким резным орнаментом. В этих же слоях встречена в небольшом количестве зеленогорская керамика Нижнего Приобья, а на стоянке Чирва II она даже преобладает над ананьинской. Очевидно, зауральские племена через бассейн Печоры проникали в Верхнее Прикамье. Возможно, что под их давлением часть ананьинских племен отошла на северо-запад. Этим можно объяснить относительно широкое распространение ананьинской керамики в бассейне Вычегды и западнее.

На поселениях Лисий Бор и Чирва II найдена керамика харинского этапа ломоватовской культуры. Среди керамики Лисьего Бора наряду с харинскими есть сосуды, типичные для ярсалинского и карымского этапов Нижнего Приобья (II—V вв. н. э.). Очевидно, и в раннем средневековье сохранился тесный контакт между печорско-зауральскими и камскими племенами в Северном Прикамье.

В позднем средневековье далеко на север постепенно распространяются племена родановской культуры. Родановская керамика найдена в верхнем слое стоянки Молог I в Коми АССР.

Работы 1966 г. показали, что Северное Прикамье по насыщенности археологическим материалом не уступает хорошо изученному ранее Усть-Чусовскому району.

Продолжены работы в Среднем Прикамье. Раскопкам было подвергнуто Горюхалихинское городище на р. Очер. Большое городище было защищено валом с деревянным частоколом. В 20 м от вала находилось

своеобразное сооружение, состоящее из рва и шести канав, расположенных по три с обеих сторон рва, параллельно ему. В одной из канав обнаружены два глинобитных очага. Похожее сооружение на Гремячанском поселении в Пермской обл. рассматривалось как культовое.

Раскопки Горюхалихинского городища впервые дали возможность проследить на одном памятнике переход от ананьинской культуры к гляденовской и развитие жизни поселения на протяжении всей гляденовской культуры. Дата городища — IV в. до н. э. — III—IV вв. н. э. Оно было покинуто в связи с натиском скотоводческих харинских племен.

Проведены разведки и рекогносцировочные раскопки в бассейне Сылвы выше г. Кунгур. Здесь обнаружены две стоянки бронзового века на р. Лёк и три памятника сылвенской культуры (IX—XV вв.). На Шумковской стоянке в разрушенном полуземляночном жилище найдены остатки литейного производства и типичная керамика ерзовской культуры. Стоянка является первым памятником бронзового века, исследованным в этом районе.

Охранные раскопки двух разрушающихся селищ (Волчья Грива и Заосиновское I) проведены в окрестностях г. Пермь. На Заосиновском I селище исследован культурный слой гаринского этапа турбинской культуры (первая половина II тысячелетия до н. э.). При раскопках обоих селищ получен богатый материал раннего железного века (ананьинской и гляденовской культур).

Контрольные разведочные раскопки Сайгатского могильника около г. Чайковский обнаружили погребение мужчины с железными и костяными наконечниками стрел харинского времени (III—IV вв. н. э.).

Разведки по р. Вятка открыли около с. Аргыж четыре стоянки позднего бронзового века с керамикой ерзовской культуры. На двух из них имеется около 20 жилищных впадин.

Работы 1966 г. в Северном и Среднем Прикамье показывают, что территория, на которой обитали ерзовские племена — предки носителей ананьинской культуры, была значительно больше, чем представлялось до сих пор.

УРАЛЬСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В. Ф. Генинг

Уральская комплексная археологическая экспедиция, организованная Уральским государственным университетом, проводила исследования в содружестве с Курганским и Тюменским педагогическими институтами и Удмуртским республиканским музеем. В составе ее работали семь отрядов.

Район работ археологической экспедиции Уральского государственного университета им. М. Горького

а — раскопки; *б* — разведки

Ишимский отряд под руководством В. Ф. Генинга завершил полное исследование городища у дер. Лихачево в Тюменской обл.

На площади городища обнаружены остатки более древнего разрушенного поселения раннего бронзового века и собрано небольшое количество обломков грубых толстостенных сосудов, орнаментированных преимущественно ямочно-полулунными и крупногребенчатыми вдавлениями. Среди каменного инвентаря отметим клад нуклеусов и небольшой наконечник стрелы треугольной формы с вогнутым основанием.

Лихачевское городище относится к числу наиболее ранних укрепленных поселений в Западной Сибири. Оно расположено у края наклонной боровой террасы, частично размытой. Площадка городища окружена кольцевой канавой. Канава очень небольшого размера, и в ней, вероятно, был поставлен частокол, подсыпанный изнутри землей. В восточной стороне находился въезд, по обе стороны которого были построены, по-видимому, деревянные башни с подвальными помещениями. В южной стороне была небольшая калитка на столбах.

На площадке городища по кругу располагались восемь крупных жилищ. Одно представляло собой полуземлянку с крупным очагом в центре, остальные построены прямо на поверхности. Внутри жилищ обычно

находились один-два открытых очага-кострища. Стены жилищ, судя по остаткам обугленных жердей, были довольно легкими, вероятно, плетневыми и обмазанными глиной. Загадочными остаются глубокие канавки, вырытые вдоль наружных стен большинства жилищ.

Керамика представлена круглодонными сосудами с бедным орнаментом. Чаще всего встречаются ямочные вдавления с «жемчужинами» на внутренней стороне, треугольные ямки, нарезки и гребенчатые отпечатки. Узоры расположены только по шейке и состоят обычно из поясков наклонных елочек, зигзагов. Более 20% сосудов покрыто по наружной поверхности глубокими ямочными наколами.

Время жизни на городище — VII—VI вв. до н. э. — хорошо определяется по бронзовому кельту сибирского типа, найденному в одном из жилищ.

Под руководством В. В. Евдокимова проведены большие раскопки на андроновском поселении Пахомовская Пристань I у оз. Мергень в окрестностях г. Ишим. Вскрыты три жилища полуземляночного типа и хозяйственное сооружение. Собран большой фаунистический и керамический материал. Результаты раскопок позволяют дать обстоятельную характеристику андроновской культуры в ее ишимском варианте.

Группа археологов во главе с Г. Б. Зданович прошла по р. Ишим в пределах Тюменской и Северо-Казахстанской областей. Открыто несколько памятников, в том числе неолитические и андроновские поселения. Для местных стоянок неолита характерна крайняя немногочисленность керамики.

Четыре разведочные группы, руководимые Е. Сулиным, Т. Чебаковой, М. Тимофеевой и В. Овчинниковым, вели обследования по р. Иртыш к северу от Омска и близ устья р. Ишим.

Тобольский отряд под начальством В. Е. Стоянова работал в среднем течении рек Исеть и Тобол. Разведочная группа Ю. Ф. Рыжова обследовала левый берег Тобола к северу от г. Курган и открыла несколько памятников. У дер. Белый Яр, на одном из разрушенных поселений — Белый Яр XI,— собрана небольшая коллекция микролитических орудий, вероятно, времени мезолита.

Разведочная группа Л. К. Жуковой обследовала памятники в окрестностях с. Боборыкино на р. Исеть. Здесь обнаружены два неолитических поселения.

Стационарные раскопки были сосредоточены на мезолитических стоянках у дер. Сухрино и неолитической стоянке Боборыкино VII. Отряд продолжал раскопки стоянки Боборыкино II, частично уже исследованной К. В. Сальниковым. Раскопки подтвердили стратиграфическую схему, опубликованную К. В. Сальниковым.

Курганский отряд во главе с Т. М. Потемкиной изучал памятники по р. Тобол к югу от г. Курган. Разведками открыто восемь памятников. Начаты раскопки оригинального комплекса у с. Раскатиха. Памятник этот, открытый еще в 1962 г., считался андроновским поселением с

незначительным культурным слоем. Раскопки вскрыли здесь остатки жертвенного места (жертвенные ямы с сосудами) и могильника. До последнего времени единственным памятником подобного типа оставался Алексеевский комплекс. После раскопок у с. Раскатиха можно надеяться на новые открытия такого рода.

Тюменский отряд под начальством В. Д. Викторовой продолжал раскопки стоянки Сосновый Остров на оз. Малый Тарман к северу от г. Тюмень. Стратиграфия этого памятника позволяет проследить развитие культуры неолита в лесном Зауралье и пополнить немногочисленные сведения об уральских неолитических жилищах. У оз. Урачкино открыты пять ранних поселений и один средневековый могильник с трупосожжениями.

Северо-Уральский отряд под руководством В. И. Липского вел раскопки поселения Туман I в Свердловской обл. Здесь завершено исследование укрепленного жилища каменогорской культуры. Жилище прямоугольной формы имело толстые глинобитные стены и было снаружи окружено канавой. Среди собранных материалов заслуживает внимания комплекс керамики, в орнаменте которой доминируют отпечатки крестовидного штампа. Найдено также несколько костяных поделок и каменных орудий очень плохого качества.

Поселение относится, по-видимому, к концу бронзового и началу железного века.

Разведочная группа Б. Б. Овчинникова обследовала нижнее течение Южной Сосьвы, а Ханты-Мансийский отряд во главе с Л. Г. Пешковой — район г. Сургут, где открыто несколько средневековых городищ.

Удмуртский отряд работал в составе двух групп. Археологическая группа В. А. Семенова провела рекогносцировочные раскопки на Терсятском и Петропавловском могильниках и Кузебаевском городище. Это памятники второй половины I тысячелетия н. э.— периода, пока еще очень слабо изученного в Прикамской Удмуртии. На Петропавловском могильнике вскрыто 21 погребение с богатым вещевым материалом. В погребении 18 найдено пока единственное не разрозненное на составные части украшение в виде многозвеньевой и многорядной шумящей подвески. Большое место занимают всевозможные накладки, пронизки, бусы. По формам они аналогичны украшениям, широко распространенным в VI—IX вв. по всему Прикамью. Здесь встречаются квадратные и круглые, якорьковые и биякорьковые, прямоугольные и в виде щитков, четырехлепестковые и сферические накладки; трубчатые, бочонкообразные, в виде мелких обоймочек и кольчатые пронизки. Среди бусин есть стеклянные и пастовые голубого и темно-синего цвета, зеленые и желтые, красные и белые, крупные и мелкие сердоликовые с рисунками, выполненными белой краской, черные глазчатые, хрустальные и рубленные из крупных раковин.

Из орудий труда и оружия назовем серпы, мотыгу, скобели, ложкари, ножи, наконечники стрел и копий, которые также находят аналогии в

прикамских материалах VI—IX вв. В инвентаре могильника чувствуется большое влияние мазунинско-бахмутинского компонента и азелинской культуры. Но отсутствие таких украшений, как височная подвеска с напускной бусиной и фибула в виде бабочки, характерных для мазунинской и бахмутинской культур, эполетообразной застежки азелинского типа, а также обычай трупосожжения ставят памятник в особое положение. Его пока нельзя отнести ни к одной из культур этого района.

Большой интерес представляет сочетание обрядов трупоположения и трупосожжения в Петропавловском могильнике, что свидетельствует, по-видимому, о двух этнических компонентах в составе местного населения.

Разведывательный маршрут по р. Вала не обнаружил ни одного памятника, кроме тех, которые в конце 20-х годов были зафиксированы А. П. Смирновым. Все обследованные памятники относятся к XVII—XIX вв. и подтверждают существующие предания о заселении этих земель удмуртами, пришедшими в XVI—XVII вв. из-за Вятки и с территории современных Алнашского и Граховского районов.

Этнографическая группа под руководством М. К. Болотова проводила исследования в Алнашском, Можгинском, Вовожском и Увинском районах Удмуртии. Собран большой материал по религии, этнонимике и материальной культуре удмуртов.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Г. Н. Матюшин

Южно-Уральский отряд Института археологии АН СССР продолжил раскопки наиболее богатых поселений мезолита и неолита на берегах горных озер, питающих притоки р. Урал. Разведкой на озерах восточного склона Южного Урала и в Зауралье открыты интересные памятники каменного века.

Стоянка Янгелька вскрыта почти полностью. Впервые на Южном Урале здесь прослежены остатки мезолитического жилища, в котором было сосредоточено большое количество изделий из камня и отходов их производства. Обнаружено скопление нуклеусов крупных размеров с негативами от скалывания пластин. В инвентаре преобладают микролитические изделия. Ножевидных пластин и изделий из них найдено около 7 тыс. Значительную часть орудий составляют геометрические микролиты. Только трапеций найдено около 50. Для сравнения отметим, что в наиболее богатом многослойном памятнике Ирана — пещере Белт (Кари Камарбанд) — оказалось всего около 19 геометрических микролитов.

Геометрические микролиты Южного Урала и Южного Прикаспия почти идентичны по форме и довольно близки подобным изделиям позднепалеолитических и раннемезолитических памятников Ближнего Востока (типа Палегавра, Зарзи). Большинство из них имеет боковые выемки. Однако на Южном Урале они по ассортименту и формам более богаты и разнообразны, чем на Ближнем Востоке. Все это позволяет выделить Южный Урал в область самостоятельной мезолитической культуры с заметными южными связями.

Вблизи Янгельки обнаружена новая стоянка с микролитическим инвентарем. Геометрические микролиты и керамика при раскопках не найдены. Учитывая стратиграфию и геоморфологию памятника, а также особенности инвентаря, стоянку можно отнести к раннеолитическим памятникам.

Продолжены работы на поселении Мысовом. Концентрация находок в раскопе 1966 г. менее значительна, чем в прошлом году, так как раскопки велись за пределами жилищ. Получены новые материалы для изучения рыболовства на Урале в период неолита.

Раскопки на многослойном поселении Мурат показали, что площадь памятника довольно значительна — около 50 тыс. кв. м. На разных участках поселения найден разновременный материал. В одном раскопе были представлены почти все слои, в другом преобладали неолитические материалы, в третьем — энеолитические. Обнаружены жилища неолитического времени. В одном из них открыт склад (клад?) ямковых наконечников и топоров вместе с обломками сосуда, украшенного гребенчатым орнаментом. В позднеолитическом жилище обнаружены остатки большого обгоревшего дерева (лодки?), рядом с которым лежал крупный шлифованный топор на полировальной плите. Создается впечатление, что обработка дерева была прервана внезапно, в связи с пожаром. Здесь же встречены сверленые подвески из камня. В энеолитическом слое найдены материалы, подтверждающие местное металлургическое производство: шлаки, медные предметы, капли меди.

На оз. Миндякское выявлено пять новых стоянок. Разведочные раскопки на трех из них открыли культурные слои, насыщенные неолитическим инвентарем. На одной из стоянок найдены геометрические микролиты.

Впервые на Южном Урале памятники каменного века встречены на соленом озере. Это позволяет предполагать, что соленые озера Урала еще сравнительно недавно, в неолите, были пресными.

До сих пор еще территория Южного Урала на картах мезолита и неолита по традиции иногда остается белым пятном. Исследования 1965—1966 гг. не только окончательно ликвидируют это белое пятно, но и позволяют определить историческое место населения Урала в мезолите и неолите. Новые материалы подтверждают, что Южный Урал не относился к области северо-западных маглемозо-свидерских или к области восточных сибирского типа мезолитических культур. Он входил в зону южных

микролитических культур ближневосточного типа (геометрические микролиты с боковыми выемками).

Исследования южноуральских памятников каменного века ставят новые проблемы о связях Урала и Ближнего Востока, о роли миграций в мезолите, о характере общественных отношений и др. Обильный каменный инвентарь, добытый на Южном Урале раскопками последних лет и насчитывающий уже более 100 тыс. всевозможных изделий, дает возможность приступить к изучению проблем технологии каменной индустрии.

Исследования 1966 г. выявили важную особенность в расположении памятников каменного века на Южном Урале. Преобладающая их часть (более 100 поселений) находится в зоне яшмового пояса. Концентрация поселений здесь высока и инвентарь их очень обилен. Поселения за пределами яшмового пояса редки, облик их обычен для широкой территории Евразии, а инвентарь так же небогат. По всей вероятности, яшмовый пояс Урала был довольно хорошо известен древним охотникам и рыболовам еще в мезолите. Южный Урал в каменном веке имел связи не только с Югом, но и с далеким Севером: изделия из южноуральской яшмы обнаружены в 1966 г. вблизи Северного Ледовитого океана, на полуострове Ямал.

ЮЖНО-УРАЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Л. Я. Крижевская

Задачей экспедиции, организованной Институтом археологии АН СССР, являлось исследование южноуральских памятников послеэнеолитического времени. Для раскопок было выбрано поселение Няшевка II, открытое еще в 1963 г. Оно расположено на юго-западном берегу оз. Большое Миассово, на территории Государственного Ильменского заповедника АН СССР. В 1966 г. была вскрыта центральная часть поселения.

Культурный слой Няшевки II оказался не мощным, как обычно бывает на южноуральских поселениях, расположенных на скалах и среди камней. Однако он содержал остатки многочисленных каменных сооружений различного назначения, вытянутых в основном с юга на север, а также скопления керамики. Некоторые каменные кладки являлись очагами.

Один из очагов, наиболее выразительный, состоял из двух поставленных друг против друга, сильно обожженных внутри камней: массивного валуна и большой тонкой плиты. Между ними найдены обломки сосудов, зола и угольки. Другие кладки, около которых также оказа-

лись фрагменты керамики, но не было признаков очага, возможно, служили опорой для сосудов. Подобные сооружения, сходные по общему облику и, очевидно, назначению, известны в неолитических поселениях этого же района — Чебаркуль I и II.

Основное место среди культурных остатков занимает так называемая гамаюнская керамика. Преобладающей формой сосудов были довольно крупные толстостенные и относительно невысокие широкогорлые чашки с резко отогнутым венчиком и округлым донцем. Орнамент, как правило, покрывает верхнюю часть сосудов. Наиболее характерный элемент орнамента составляют рельефная волнистая полоса в основании венчика с двумя рядами ямок, расположенных в шахматном порядке, и крестообразная насечка, покрывающая верхнюю часть тулова. Найдены и изделия из металла: обломок бронзового (или медного) однолезвийного ножичка, миниатюрный обломок втульчатого наконечника. Многочисленны шлаки. Каменный инвентарь представлен редкими наконечниками стрел, скребками и шлифованными топоровидными орудиями.

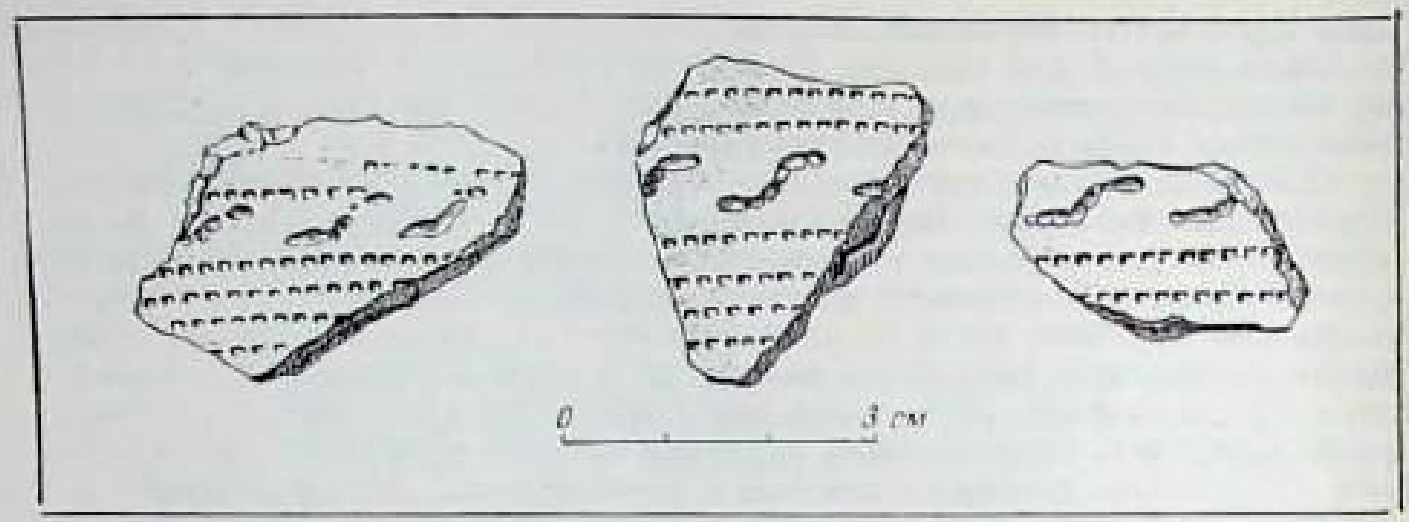
На поселении обнаружена и керамика раннего бронзового века, но в очень ограниченном количестве и на небольшой площади. Существенно, что она оказалась под камнями очага. Это позволяет с уверенностью отнести ее к нижнему горизонту. Таким образом, ее следует датировать более ранним временем, чем основной период существования поселения.

Эта керамика характеризуется гребенчатым орнаментом (в том числе узорами «шагающей гребенки»), сплошь покрывающим поверхность сосудов. По многим признакам Няшевка II близка стоянке Чебаркуль IV, где также основное поселение связано с керамикой гамаюнского типа, а в нижнем слое представлено небольшое количество гребенчатой керамики.

На оз. Большое Миассово, кроме Няшевки II, обнаружено еще шесть стоянок с гамаюнской керамикой. Все они подлежат раскопкам. Пока можно только отметить, что одна из них (Чартоныш II) находится в небольшом гроте, где ниже гамаюнской посуды обнаружено немного фрагментов гребенчатой керамики раннего бронзового века. На другой стоянке (Мраморный Мыс) найдены сосуды с характерным гамаюнским орнаментом (крестообразная насечка), но другой, чем на Няшевке II, формы: они очень крупные и высокие, с более плоским дном. На стоянке Латочка сосуды со специфическим орнаментом, напротив, были очень мелкими.

На Латочке найдены и обломки со стилизованным изображением уточек, совершенно таких же, как уточки на керамике со стоянки Иткуль I, и сходных с уточками на сосудах из поселения эпохи раннего металла Усть-Рыбежна II.

Таким образом, полевыми исследованиями 1966 г. добыт значительный материал, который позволяет полнее охарактеризовать гамаюнскую культуру с ее весьма оригинальной и самобытной керамикой. Можно



Лавочка. Изображение уточек на фрагментах сосудов

полагать, что гамаюнская культура относится не к раннему железному веку, как это представлялось ранее, а ко времени развитой бронзы. Об этом свидетельствует и весь комплекс находок, и то, что культурные остатки гамаюнской культуры постоянно залегают непосредственно на слое раннего бронзового века. Если последующие раскопки достоверно установят, что в гамаюнском комплексе был распространен орнамент с изображением уточек, то он явится надежной опорой датировки гамаюнской культуры, во всяком случае ее начальных этапов. Нельзя не обратить внимания на малочисленность находок раннего бронзового века. Возможно, это указывает на кратковременность существования стоянок.

Экспедиция обнаружила и неолитическую стоянку (Няшевка IV), расположенную на южной оконечности оз. Большое Миассово. Как и многие южноуральские неолитические стоянки, она находится в углублении между двумя скалистыми грядами. Чрезвычайно выразительный комплекс находок характерен для южноуральского неолита. Каменный инвентарь ее составляют в основном орудия из пластин: наконечники стрел, скошенные острия, проколки, скребки, большая серия угловых резцов. Кроме них, найдены несколько шлифованных орудий (в обломках) и один двустороннеобработанный наконечник стрелы.

В основании слоя Няшевки IV залегают скопления керамики. По предварительным наблюдениям, обломки керамики принадлежат небольшим круглодонным сосудам с гребенчатым и — реже — прочерченным орнаментом.

По составу культурных остатков Няшевка IV напоминает стоянку Учалинскую, расположенную на оз. Большое Учалинское, в окрестностях пос. Учелы Башкирской АССР. Няшевка IV, очевидно, относится к раннему периоду южноуральского неолита.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА У с. МАЙДАН ЮРИНСКОГО РАЙОНА

Г. П. Григорьев, В. П. Третьяков

Экспедиция Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории вела раскопки стоянки у с. Майдан Юринского района. Стоянка расположена на поросших соснами дюнах поймы левого берега Волги. На поверхности видны следы десяти западин — остатков жилых сооружений, расположенных двумя рядами. Одна из них и подверглась раскопкам.

Культурный слой вне западины представляет собой гумусированный песок темного цвета мощностью в среднем 40 см, содержащий керамику и каменные орудия. Основная масса находок залегала в заполнении жилища — прямоугольной полуземлянки с двумя переходами в соседние помещения и выходом наружу. Пол неровный: в центре он имеет бо́льшую глубину, чем у краев. На полу на фоне светлого материкового песка четко прослеживаются многочисленные пятна темного гумуса, выборка которых показала, что это ямы. Жилище было окружено такими ямами (хозяйственными?).

Для изготовления орудий обитатели стоянки использовали валунный кремень, реже кварцит и сланец. Найдены нуклеусы, отбойники, пластины, отщепы и изделия из них (ножи, скребки, проколки), а также наконечники стрел и тесла.

Керамику делали из глины с примесью растительной трухи. Сосуды имели плоское дно и утолщенный у края венчик. Наиболее распространенные виды орнамента — ряды вертикальных или горизонтальных оттисков гребенки или перевитой веревочки, узоры из прочерченных линий, своеобразный мотив «елочки со стеблем». Некоторые фрагменты украшены ямочными вдавлениями.

Эти виды орнамента посуды, а также тип жилой постройки сближают Майданскую стоянку с такими памятниками, как Панфиловское поселение (комплекс керамики с примесью растительной трухи), Холомониха, Займище III. Это позволяет отнести Майданскую стоянку к волосовской культуре и приблизительно датировать ее.

ПОСЕЛЕНИЕ ГАЛАНКИНА ГОРА

А. Х. Халиков, Е. А. Халикова

В эпоху бронзы в лесостепную зону Восточной Европы активно проникало пришлое население: фатьяновско-балановские племена — в Поволжье и полтавкинско-срубные — в более южные районы. Вопрос о характере и последствиях взаимоотношений пришлого и мест-

ного населения помогают решить раскопки поселения Галанкина Гора, расположенного на левом берегу Волги недалеко от устья Ветлуги у с. Майдан Горно-Марийского района Марийской АССР.

В 1966 г. археологическая экспедиция Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории исследовала этот уникальный памятник, входящий в зону затопления Чебоксарской ГЭС. Двумя раскопами общей площадью 560 кв. м вскрыты остатки двух больших домов наземного типа с небольшими земляными котлованами. Оба дома широкими крытыми переходами соединялись с двумя жилищами, изученными в 1959 г. Дома имели вытянутую прямоугольную форму. По краям котлованов сохранились следы стен, сложенных из толстых бревен. В обоих домах на полу по продольной линии располагались по три больших очажных пятна. Сохранившиеся остатки стен и опорных столбов позволяют реконструировать дом наземного типа в виде сруба. Характерно, что в строительстве этих домов проявляются как бы две культурные традиции — волосовская (соединенные жилища) и балановская (наземные срубы).

Еще более четко эти традиции выявляются при анализе вещевого материала, особенно керамики (в 1966 г. обнаружено около 8 тыс. фрагментов). Наиболее многочисленную группу реконструированных сосудов составляют крупные сосуды, изготовленные из пористого теста и покрытые орнаментом поздневолосовского типа. Но в тех же наслоениях, в том числе на полу жилища, встречено много хорошо выделанных сосудов балановского облика, особенно характерных для Балановского могильника, что позволяет датировать поселение временем не позже середины II тысячелетия до н. э.

По-видимому, на поселении одновременно обитало как местное (поздневолосовское), так и пришлое (балановское) население. Результатом такого сосуществования является третья, правда немногочисленная, группа керамики, вобравшая в себя черты как поздневолосовского, так и балановского керамического производства. Ближайшие аналогии ей имеются в керамическом материале известного Сейминского могильника и в целом ряде памятников так называемой чирковско-сейминской культуры, поэтому подобную керамику мы назвали сейминской или чирковско-сейминской.

Тесные контакты балановских и поздневолосовских племен особенно благоприятно сказались на культуре и экономике аборигенов: на поселении обнаружены следы металлолитейного производства в виде обломков тиглей и капель меди, в остеологическом материале преобладают кости домашних животных (крупного рогатого скота, свиньи и лошади).

Весьма примечательно, что из района поселения происходит единственная в Европейской части СССР находка обломка глиняной формы для отливки сейминского кельта раннего типа (хранится в Горно-Марийском краеведческом музее в Козмодемьянске).

ЕЛЕНОВСКИЙ МИКРОРАЙОН АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. Е. Кузьмина

Еленовский отряд Южно-Уральской экспедиции Института археологии АН СССР и Оренбургского музея краеведения продолжал исследования в Еленовском микрорайоне андроновской культуры для проверки хронологии микрорайона, установленной на основании раскопок некоторых опорных памятников (поселений Ушкатты II, Шандаша, могильников Ушкатты I, Атакен-Сай и др.).

Основным объектом исследования было поселение Ушкатты I. Здесь вскрыта часть дома общей площадью 24×8 м. Сооружение ориентировано с северо-востока на юго-запад; вход в него расположен в юго-западной пристройке. Жилище углублено в землю и стены его, как и в некоторых других поселениях этого микрорайона, укреплены каменными плитами. На одном участке камни отсутствуют и стенка представляет собой глиняный бруствер. В центре жилища обнаружены два очага: один двухкамерный с конструкцией из камней, другой в виде овального углубления, стенки которого обставлены камнями. По длинной оси сооружения прослеживаются ямки от опорных столбов. В заполнении котловины найдены угольки от перекрытия. Со стороны реки, с юго-востока, к жилищу примыкает зольник.

В жилище и зольнике найдены многочисленные фрагменты керамики, позволяющие отнести памятник к развитому периоду андроновской культуры, а также бронзовое шило и рыболовный крючок, фрагмент глиняного блюда, костяное шило, стрела и лопаточка, альчики, раковина и разнообразные каменные орудия: мотыга, песты, терочники, лощила, диски. Находки обломка глиняной льячки, кусков меди, металлургических шлаков и кусков вмещающей породы (амфиболит, пироксенит и др.) свидетельствуют о том, что и в этом поселении жители занимались металлообработкой на базе Ушкаттинского месторождения.

На правом берегу р. Ушкатты была обследована мастерская каменных орудий. Здесь найдены многочисленные заготовки, нуклеусы, скребки, вкладыши, ножевидные пластинки, крупные тесла. Все изделия изготовлены из местных пород камня. Обнаруженная совместно с каменным инвентарем керамика позволяет отнести мастерскую к андроновскому времени. До сих пор камнеобрабатывающие мастерские андроновцев не были известны.

Производились также рекогносцировочные раскопки комплекса поселения и могильника Турсумбай. На поселении обнаружены каменные ограды и большие открытые очаги. В могильнике открыты погребения в грунтовых могилах, ориентированных на юго-запад и огороженных кольцом из камней. В кольце 31 найден скелет девочки с браслетами на обеих руках. Поселение Турсумбай I и относящийся к нему могильник

Турсумбай III — типичные памятники позднего этапа андроновской культуры в данном микрорайоне.

Наконец, исследовался могильник Ушкатты III. Раскопки кургана 4 и кольца 7 показали, что курганы большого диаметра содержат погребения савроматской культуры, в то время как захоронения, огороженные кольцом из камней, с курганом или без него, сооружены в андроновскую эпоху.

Кольцо 7 состояло из двойного ряда камней. В центре его находилось погребение в каменном ящике. Раскопки подтвердили правильность предположения, что монументальные сооружения в могильнике Ушкатты III, расположенном на холме, доминирующем над речной долиной, синхронны погребениям рядового могильника Ушкатты I, находящегося у подножия холма.

Отряд продолжил обследование поселений по р. Кимбай. Собран большой подъемный материал. Керамика позволяет расположить поселения Еленовского микрорайона по хронологической шкале.

Металлургические шлаки с поселений подтверждают, что этот микрорайон в эпоху бронзы был одним из ведущих металлургических центров Южного Урала. Анализы шлаков произведены Е. Н. Черных.

РАСКОПКИ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛ.

М. Г. Мошкова, С. А. Попов, К. Ф. Смирнов

Южно-Уральская (Оренбургская) экспедиция Института археологии АН СССР и Оренбургского музея краеведения производила раскопки в Домбаровском (начальник отряда Е. Е. Кузьмина), Кваркенском (начальник отряда М. Г. Мошкова) и Курманаевском (начальник экспедиции К. Ф. Смирнов) районах Оренбургской обл.

В Кваркенском районе были продолжены исследования памятников, начатые в 1965 г. на землях совхоза Аландский: Карабутакского I поселения, Карабутакского I могильника и Аландского III могильника Вишневая Горка.

На Карабутакском поселении эпохи бронзы увеличена площадь прежнего раскопа более чем в два раза. Кроме интересного керамического материала позднеалакульского времени, на поселении найдены две очень глубокие ямы-погреба, стенки одной из них укреплены камнем. В могильнике Карабутак I раскопаны два кургана с шестью погребениями андроновской культуры. Они содержали богато орнаментированные сосуды, бронзовый браслет, костяные поделки и другой инвентарь алакульского периода.

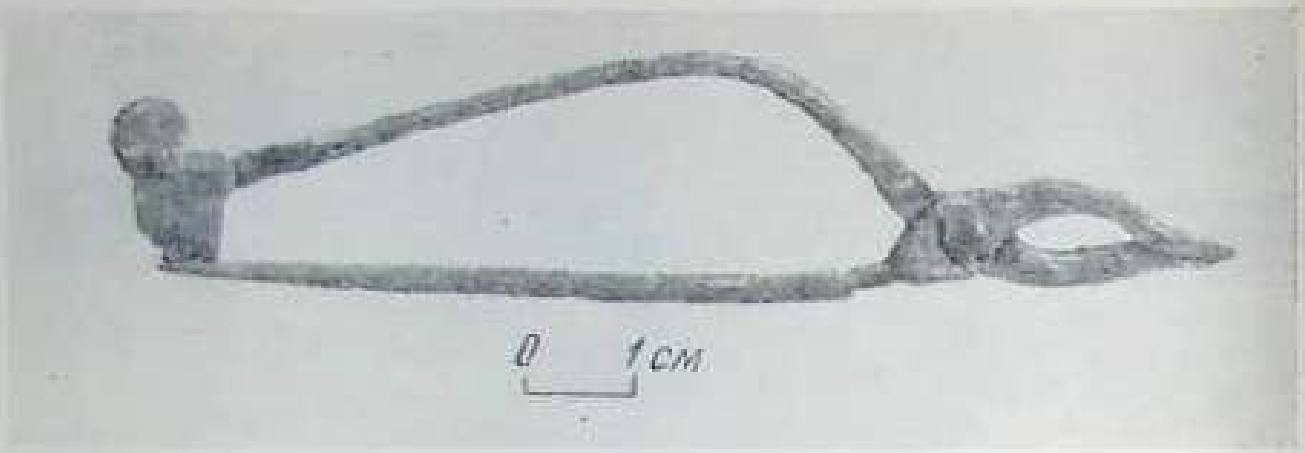
Шиханы. Бронзовый колчанный крючок из савроматской грунтовой могилы

Особенно интересен савроматский курган из группы Вишневая Горка, содержавший грандиозное трупосожжение. Остатки бревенчатого накатника и столбов, располагавшихся почти по окружности, позволили в основных чертах восстановить способ погребения. На древней поверхности был построен большой помост, опиравшийся на столбы, уходившие в материк. Погребенные (судя по остаткам костей, не менее двух) были положены на помост и прикрыты хворостом и бревнами, которые подожгли. На помосте отдельными группами лежал инвентарь: бронзовые наконечники стрел, железный колчанный крючок, оселок, пряслице, 6 глиняных сосудов и другие вещи. Все они побывали в огне. Нижний слой насыпи кургана и древний горизонт прокалились до интенсивно красного цвета. По бронзовым наконечникам стрел курган датируется V в. до н. э. и входит в круг савроматских трупосожжений на древнем горизонте, известных в Южном Приуралье.

В 20 км к юго-западу от Бузулука экспедиция начала раскопки курганной группы в местности Шиханы между с. Липовкой Бузулукского района и с. Проскурино Курманаевского района. В группе насчитывается около 40 курганов и 6 загадочных валообразных земляных сооружений круглой и прямоугольной формы, расположенных среди курганов.

В 10 раскопанных курганах обнаружено 19 могил, из них 8 погребений срубной культуры, 5 — савроматских, 3 — сарматов прохоровской культуры IV в. до н. э., 2 — поздних сарматов II—III вв. н. э. и 1 — позднекочевническое.

Среди погребений срубной культуры выделяется семейный курган с шестью могилами. Центральная могила содержала погребение мужчины, а остальные — захоронения детей. На древнем горизонте у края центральной могилы лежали аккуратно сложенные кости четырех ног и череп коровы. В специальной грунтовой могиле было совершено захоронение собаки, вероятно, принадлежавшей главе семьи. Эти памятники найдены в глубине степей, далеко от рек, что свидетельствует о большой подвижности скотоводов срубной культуры.



Шиханы. Бронзовая «щипцовая» фибула из позднесарматской могилы

В савроматских грунтовых прямоугольных могилах V в. до н. э. много оружия, особенно бронзовых наконечников стрел. Найден оригинальный бронзовый колчанный крючок с изображением в зверином стиле, а также глиняные сосуды с символическими значками, золотая воровка от колчана и пр. Могилы прохоровской культуры представлены обвалившимися подбоями, а прочие детали обряда мало чем отличаются от савроматского. Глиняные сосуды и костяные ложечки из этих могил также свидетельствуют о тесной генетической связи савроматской и прохоровской культур изучаемого района. Позднесарматские могилы до сих пор редко встречались в Оренбургской обл. Среди вещей — оригинальная бронзовая фибула так называемого щипцового типа. Это наиболее восточная находка фибул подобного типа, редко встречающихся на юге Восточной Европы.

Экспедиция начала исследование земляного сооружения в виде круглого невысокого вала с оплывшим углублением в центре. Внешний диаметр вала 20 м. Сооружение было разрезано через самый центр траншеей шириной 2 м. Выяснилось, что вал, основание которого сложено из чистой светло-желтой глины, окружал круглую яму, в которой длительное время горели мощные костры. Земля вокруг прокалилась докрасна и ошлакировалась. Следов погребений в яме не обнаружено. Возможно, это какое-то святилище сарматов (?), связанное с почитанием священной силы огня. Для выяснения характера и времени сооружения этого уникального памятника необходимо его дальнейшее исследование.

АЛЕКСЕЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ В НИЗОВЬЯХ КАМЫ

Т. А. Хлебникова

В 1966 г. экспедиция Казанского института истории, языка и литературы АН СССР с охранными целями обследовала Алексеевское городище на левом берегу Камы, быстро разрушающееся в результате подмыва его рекой. Это небольшое городище, известное по литературе конца XIX в., но не привлекавшее к себе внимания, оказалось весьма интересным памятником домонгольской эпохи истории волжских болгар.

В двух раскопах общей площадью 112 кв. м, заложенных у обрыва к реке, обнаружен культурный слой до 1,5 м мощностью, стратиграфически разделяющийся на три горизонта. На этой площади вскрыто несколько хозяйственных ям-кладовок, остатки жилого сооружения с предпечной ямой и завалившейся в нее глинобитной печью. Как сооружение,

Алексеевское городище. Лепные сосуды

1, 2 — лощеные коричневые; 3, 4 — серые

так и вещевые остатки относятся главным образом к среднему горизонту культурного слоя.

В вещевом комплексе городища преобладает глиняная посуда, обычная для поселений домонгольской Болгарии, но есть и посуда характерного для болгарской лощеной керамики состава, выделанная от руки, без гончарного круга. Тесто этой посуды чуть грубее — вероятно, оно не подвергалось отмучиванию, как тесто для выделки гончарной посуды. Черепок часто расслаивается из-за худшего, чем у гончарной посуды, промеса. Отделка поверхности небрежнее, лощение нанесено в разных направлениях и покрывает почти всю поверхность, стенки толще, чем у гончарной керамики. Формы этой посуды подобны гончарным (корчажки, горшки, кувшины, кринкообразные сосуды, блюда), но с весьма архаичными деталями. Так, корчаги имеют сильно утолщенный и закругленный венчик, блюда — очень простую профилировку с закругленным переходом к днищу. Цвет этой посуды чаще коричневый, но есть желтая и бурая керамика.

Вместе с этой посудой встречены сосуды, также выделанные от руки, но серого цвета (из глины с шамотом и дресвой), горшковидные, котловидные и кринкообразные. Котловидные сосуды имеют цилиндрическое горло, покрытое широкой резной волной, и шаровидное тулово. Кринкообразный сосуд украшен резным орнаментом из широких углубленных линий, образующих заштрихованные треугольники.

Чрезвычайно интересно, что как лощеная посуда из глины с песком, так и посуда с примесью шамота и дресвы, по составу теста, отделке поверхности и формам весьма близка посуде второй половины I тысячелетия н. э. юга Казахстана. Это сходство представляется результатом теснейших, вероятно, даже генетических связей раннесредневекового населения средней Волги и юга Средней Азии, что важно учитывать при изучении этнических процессов в истории народов Среднего Поволжья.

ТАНКЕЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК

А. Х. Халиков, Е. А. Халикова, Е. П. Казаков

Могильник является интереснейшим памятником раннеболгарского периода. За истекший сезон экспедиция Казанского института истории, языка и литературы АН СССР вскрыла 440 кв. м площади могильника, на которой изучено 137 погребений.

В поверхностных слоях языческой части могильника обнаружены жертвенные поминальные комплексы из черепа и костей ног лошади, челюстей различных животных и лепных сосудов. Значительная часть погребений ограблена в древности. Из 53 неограбленных погребений 34 детских; 65 погребений содержали один, реже два глиняных сосуда,

Танкеевский могильник. Погребение IX в.

а иногда и деревянные чаши с металлическими обкладками по венчику. Около трети погребений содержали кости животных: лопатки, кости ног, челюсти лошадей, крупного рогатого скота, овец. В ногах погребенных мужчин часто встречаются головы и ноги лошади, очевидно, положенные вместе со шкурой. Вещевой инвентарь мужских погребений содержит удила, топоры, наконечники стрел (1—5 экз.), ножи, огнива, поясные наборы с серебряными и бронзовыми накладками. Женские и детские погребения обычно сопровождаются серьгами и височными подвесками, богатыми ожерельями, состоящими из бус, различных бронзовых и серебряных подвесок и пронизок, иногда шумящих подвесок и монет. В нескольких погребениях найдены серебряные пластинчатые личины с прорезями для глаз и рта.

Погребения датируются IX в.

Танкеевский могильник оставлен многочисленной группой населения IX—X вв., культура которого непосредственно связана с культурой Волжской Болгарии домонгольского периода. Наряду с Больше-Тарханским и другими раннеболгарскими могильниками Танкеевский некрополь дает возможность выяснить этнический состав населения Волжской Болгарии в период ее формирования.

РАБОТЫ В БОЛГАРАХ

А. П. Смирнов

В 1966 г. продолжались работы экспедиции Института археологии АН СССР, связанные с реставрацией архитектурных памятников болгар. Работы проводились на площади соборной мечети «Четырехугольник», у стен Черной палаты, у мавзолеев «Монастырский погреб» и «церковь св. Николая».

Задача, поставленная архитекторами, состояла в датировке зданий и выяснении их конструктивных особенностей. Были открыты культурные слои X—XV вв. и более поздней русской деревни и получен разнообразный материал, характеризующий ремесло, быт, торговые связи. Можно считать установленным, что оба мавзолея — «Монастырский погреб» и «церковь св. Николая» — построены несколько позднее «Четырехугольника»: их постройка была начата в 20-е годы и завершена в 30-е годы XIV в.

При исследовании мавзолеев под фундаментами прослежены дубовые сваи. Фундаменты обоих зданий были выложены из крупных камней на известковом растворе. Оба здания с юга имели входные коридоры. Пол в мавзолее «Монастырский погреб» и в коридоре поднят на высоту 60—70 см над уровнем площади и находится на одном уровне с полом мечети.

В «Четырехугольнике» расчищен пол. При этом установлено, что планировка мечети менялась и в ней имеются три пола. Первоначально внутреннее пространство мечети делили четыре ряда колонн по пять в каждом ряду, основания их позднее были закрыты верхним полом, в котором заметны остатки шести рядов колонн по шесть в каждом ряду. Здание было разрушено при взятии города войсками московского князя в 1431 г.

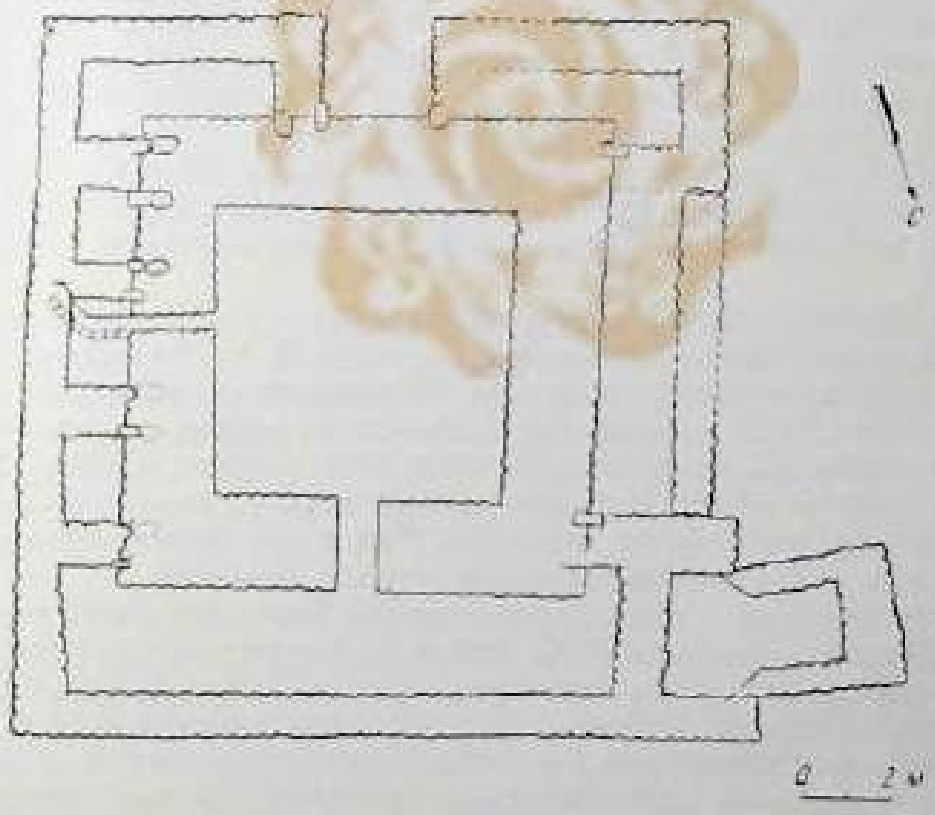
Дата постройки Черной палаты установлена при изучении культурных напластований вокруг этого здания. Здесь открыт слой золотоордынского времени. Ранее этот район заселен не был. В начале золотоордынского периода здесь существовал могильник. Вскрыто 18 погребений второй половины XIII в. Кроме того, открыты несколько хозяйственных сооружений и полуземлянка несколько более позднего времени. При исследовании их найдены две монеты 80-х годов XIII в. Фундамент помещений Черной палаты перерезал эти культурные пласты и сооружения. В фундаменте палаты найден золотой перстень XIV в. с надписью. Таким образом, время постройки Черной палаты — XIV в.

Раскопками вокруг Черной палаты открыты фундаменты помещений, окружавших центральное здание. Эти фундаменты сложены вперевязь с фундаментом Черной палаты и, следовательно, органически связаны с ней. Центральное помещение Черной палаты сильно искажено реставрационными работами, проведенными в 1884 г. Тогда были укреплены

фундамент, цоколь и стены, в том числе особенно сильно разрушенная южная. Вокруг Черной палаты раскопано семь помещений. В них у восточной стены вскрыты остатки пола, а в одном — горизонтальный

Болгары. Золотой перстень

канал, пересекающий помещение и уходящий под разрушенный пол. Это заставляет пересмотреть вопрос о назначении здания. Едва ли оно являлось мечетью. Может быть, здание представляло собой Судную палату или медресе. Окончательный ответ дадут раскопки внутри здания.



Болгары. План Черной палаты

которые можно провести только после укрепления его стен (удаления деревянной конструкции, поддерживающей свод). Одно из помещений у западной стены относится к несколько более позднему времени. Последним было построено помещение с оштукатуренными стенами.

Найден клад серебряных монет XIV в. Он определен Г. А. Федоровым-Давыдовым и передан для постоянного хранения в Болгарский музей. Туда же переданы найденные при раскопках Черной палаты архитектурные детали и небольшая коллекция вещей.

РАСКОПКИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ НА АХТУБЕ

Г. А. Федоров-Давыдов

В 1966 г. на Царевском городище (Новый Сарай) раскопки экспедиции Института археологии АН СССР и Московского государственного университета продолжались на тех же трех объектах, что и в 1965 г. В районе загородной усадьбы (начальник раскопа В. Л. Егоров), которая по найденным тамгам, сходным с джучидскими, определена как принадлежавшая крупному монгольскому аристократу, возможно джучиду, закончено вскрытие большого мощеного и углубленного в землю двора. На полу двора обнаружена приготовленная к разделке туша коня. Рядом с двором находились наземные сырцовые дома и большая (третья на этой усадьбе) землянка, предназначавшаяся, видимо, для рабов или слуг. Здесь же впервые на Царевском городище открыт колодец, в заполнении которого встречены фрагменты полихромных чаш с золотой росписью.

Продолжались раскопки большой усадьбы в аристократической юго-восточной части города (начальник раскопа А. Г. Мухаммадиев). Вдоль ограды усадьбы вскрыто несколько небольших глинобитных домов, очевидно, для прислуги и клиентов. Получен материал, доказывающий, что ров и вал городища были сооружены в 1360-х годах, в эпоху феодальной смуты в Золотой Орде. В более ранний период, очевидно до возникновения усадьбы, здесь были землянки. Ров и вал прорезали се, разрушив большой дом, стоявший параллельно ограде усадьбы.

В восточных пригородах продолжались раскопки квартала ремесленников (начальник раскопа И. С. Вайнер). Вскрыт внутренний двор квартала. Участок этого двора почти без находок был покрыт рыхлой сильно гумированной землей. Очевидно, это следы обработки почвы под посадки винограда или под огород. Раскопано несколько арыков, действовавших в различные периоды существования квартала. Частые находки керамических штампов говорят о том, что в этом районе производилась бело-

глиняная и сероглиняная штампованная посуда среднеазиатского типа. Как и в прошлом году, найдены фрагменты тиглей со следами золота и следы костерезного производства. В одном из арыков обнаружена бронзовая пластина, с двух сторон покрытая арабскими буквами и цифрами. В конце надписи на пластине имеется знак в виде соломоновой звезды.

Заслуживают упоминания также железное копье с крючком для стягивания противника с седла, железный лемех или оковка лопаты, крупные стеклянные бусы с глазками, серебряный сосуд, золотая накладка со штифтом и т. п.

Разведаны два соседних с Сараем золотоордынских городища — у сел Зубовка и Бахтияровка. Проводилось обследование края в археографическом отношении. У местного татарского населения удалось найти несколько рукописей XVI—XVIII вв. на татарском и персидском языках.

На Селитренном городище (начальник отряда Л. Л. Галкин) раскопана мастерская начала XV в. по производству кашинной керамики. Установлены отличия (технологические и стилистические) керамического производства в золотоордынских городах XIV и XV вв. Среди огромного количества шлаков из этой мастерской найдены фрагменты кашинной тимуридской посуды. Это доказывает, что ее изготовляли в золотоордынских городах в начале XV в. Фрагмент тщательно выполненного изразца с изображением человека в треугольной шапке свидетельствует о высоком уровне изобразительного искусства в Золотой Орде. На этом же городище открыта мастерская по производству стеклянных бус.

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

САЯНО-ТУВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗОНЕ ВОДОХРАНИЛИЩА САЯНО-ШУШЕНСКОЙ ГЭС (Центральная Тува)

А. Д. Грач

Исследования охватили Центральную Туву и труднодоступные участки Саянской «трубы». Полевой сезон протекал в исключительно трудных условиях — летом 1966 г. на Енисее имело место мощное наводнение.

Отряд, проводивший поиски и изучение объектов каменного века (начальник С. Н. Астахов), в истекшем сезоне добился крупного сдвига в изучении памятников палеолита и неолита Тувы. Впервые в Центральной Туве обнаружены кремневые изделия, датируемые средним палеолитом.

Исследования, проведенные отрядом, дают возможность начать разработку хронологической колонки памятников каменного века.

Несколько отрядов исследовали курганы (начальники отрядов А. Д. Грач, И. У. Самбу, Ю. И. Трифонов). Принципиальное значение имеют проведенные на Кайлуг-Хеме раскопки погребений монгун-тайгинского типа, перекрытых более поздними объектами скифского времени.

Эти исследования помогли разработке относительной хронологии. Впервые в Центральной Азии обнаружено погребение с вещами карасукского облика (могильник Куйлуг-Хем I).

Экспедиция продолжила изучение памятников скифского времени (А. Д. Грач) — одной из важнейших эпох древней истории Центральной Азии. Широкие работы на Куйлуг-Хеме, открывшие неизвестный доселе тип курганных погребений этого периода, значительно расширяют представления о культуре, искусстве, погребальном обряде, социальном строе племен, населявших территорию Тувы в середине и второй половине

I тысячелетия до н. э. Особое внимание привлекают обнаруженные в погребениях первоклассные по исполнению изделия из золота и бронзы, выполненные в канонах пазырыкского варианта скифского звериного стиля.

Отряды А. М. Мандельштама, Ю. И. Трифонова, И. У. Самбу и А. Д. Грача в широких масштабах изучали памятники гунно-сарматского времени (первые века до нашей эры — первые века нашей эры). При исследовании этих объектов применялась дифференцированная методика. В частности, левобережные отряды, работавшие в степи, провели тщательную расчистку наземных сооружений, что позволило установить весьма важные детали конструкций и положило начало углубленной разработке проблемы соотношения погребальных и поминальных комплексов, а также вопросов относительной хронологии этого периода.

Необходимо особо отметить начатое отрядом А. М. Мандельштама исследование нового для Тувы типа памятников гунно-сарматского времени — раскопки на могильнике Бай-Даг II крупного курганного сооружения с весьма сложной наземной конструкцией и погребением в деревянном гробу, помещенном внутрь лиственничного сруба. Этот объект по некоторым особенностям погребального ритуала сходен с памятниками Монголии (Ноин-Ула). Инвентарь курганов гунно-сарматского времени состоит из многочисленных керамических серий и изделий из железа, бронзы, золота.

По-прежнему разведывались и исследовались памятники древнетюркского времени — эпохи оформления этнических контуров современных тюркоязычных народов в Центральной Азии, Южной Сибири и Средней Азии. Исследованные в 1966 г. курганы древнетюркского времени (Ю. И. Трифонов, А. М. Мандельштам) содержат погребения с сопроводительными захоронениями коней и относятся к раннему периоду существования памятников этого типа (VII—VIII вв. н. э.).

Продолжены планомерные исследования могильников Алды-Бель и Куйлуг-Хем I. Открыты курганы с трупосожжением. В них обнаружены камни с надписями, что помогает датировать памятники енисейского письма.

Специальный отряд изучал древние наскальные изображения в долинах Улуг-Хема (Енисея) и Хемчика (начальник отряда С. В. Макаров, в работах принял участие А. А. Формозов). Исследованы водные маршруты в зоне Саянской «трубы» от Карабея до устья Хемчика. В пределах зоны затопления обнаружены первоклассные памятники, среди которых особенно выделяются антропоморфные изображения — древнешаманские рогатые личины из района Чинге, древнетюркские знаки, комбинирующиеся с одновременными им петроглифами в устье р. Беделиг.

Разработка вопросов, связанных с изучением погребений XVII—XIX вв. (И. У. Самбу), ведется в сочетании с этнографическими исследованиями.

ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ТУВЫ

С. Н. Астахов

В полевом сезоне 1966 г. 3-й отряд приступил к обследованию очередного района зоны водохранилища — бассейна низовьев р. Хемчик — крупного левого притока Улуг-Хема. Его берега представляют либо крутые скальные обрывы высотой в несколько сот метров, либо ряд террасированных уступов (обычно там, где в Хемчик впадают небольшие речки или ныне пересыхающие водотоки). Обнаружено много разновременных памятников. Наиболее древний из них — стоянка Чинге-Даг-Ужу, расположенная на террасовидном уступе. Скальные породы здесь покрыты маломощным слоем супеси, на поверхности которого собраны крупные нуклеусы, отщепы, леваллуаский остроконечник и другие предметы. Большинство из них окатаны. Общий облик и степень сохранности позволяют относить эти предметы к мустьерскому времени. Наряду с древними изделиями имеется много небольших отщепов и обломков микропластин, а также нуклеус явно позднего облика.

Поздний палеолит в районе работ представлен четырьмя пунктами, не считая находок единичных предметов.

Первый пункт (стоянка) — Улуг-Буюк 2. Стоянка расположена на левом берегу Хемчика, в 15 км от его устья. Там на поверхности террасы в трех местах были обнаружены скопления поделок из белого кварцита. В одном из них (Улуг-Буюк 2), самом крупном, много отщепов и орудий.

Второй пункт (стоянка) — Шом-Шум 2 на р. Шом-Шум, впадающей в Хемчик. Стоянка расположена на уступе на левом берегу речки, в 1—1,5 км от ее устья. Здесь на поверхности найдены отщепы и обломки пластин, форма, материал и патина которых позволяют считать этот памятник палеолитическим.

Третий и четвертый пункты — находки позднепалеолитических скребла, отщепов и скребка на конце пластины в долине Шанчи, на правом борту ее, в 7—8 км от Хемчика.

Остальные памятники, обнаруженные в бассейне Хемчика летом 1966 г., относятся главным образом к неолиту (14 стоянок), а некоторые — к мезолиту.

Неолитические стоянки расположены компактными группами, обычно на удобных участках террас р. Хемчик. Это относится к стоянкам Бояжи 1—3, Шанчи-Аксы 1—4. Другие привязаны к источникам воды или находятся на склонах древних долин (Суг-Бажи 1—4, Адыр-Тей 1—3). Многочисленны пункты с изделиями, возраст которых еще не определен.

Неолитические изделия залегают на поверхности и в гумусном слое. Они представлены отщепами, микропластинками, клиновидными, чаще

коническими нуклеусами, двусторонеобработанными вкладышами, наконечниками стрел и дротиков. Обломки керамики чрезвычайно редки и невыразительны. Иногда встречаются сланцевые диски с орнаментом в виде пересекающихся линий и окружностей.

Кроме тщательного сплошного обследования части долины Хемчика от Бояжи до Идик-Хончу, были проведены рекогносцировки по всему нижнему течению Хемчика. Разведочные маршруты прошли по правому берегу Улуг-Хема у впадающей в него р. Ортаа-Хем, где найден памятник каменного века, у р. Куйлуг-Хем, где собран интересный дополнительный материал, и в долине р. Шагонар, где зарегистрировано несколько новых пунктов находок каменных орудий и керамики (возраст их пока не определен).

Всего в течение сезона обнаружено 39 новых пунктов находок каменного века.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКОВ БАЙ-ДАГ II И ЧАСКАЛ II

А. М. Мандельштам

Полевые исследования 2-го отряда в 1966 г. производились в восточной части зоны затопления. В основном работы проводились на двух новых могильниках: Часкал II (на террасе) и Бай-Даг II (у подножия одноименных гор). В обоих пунктах велись раскопки главным образом курганов гунно-сарматского времени.

В полностью раскопанном могильнике Часкал II исследовано 13 сильно задернованных курганов указанного периода, имевших диаметры до 14 м. Тщательная зачистка и последующая разборка развалов позволили установить, что во всех случаях центральное место в них занимают квадратные или прямоугольные сооружения, вытянутые в основном с севера на юг. Обычно в средней части таких сооружений находился квадрат из поставленных на ребро обломков плитняка, ограждающих вкопанный в землю и закрытый плитой глиняный сосуд. Все погребения расположены вне центральных сооружений, но в непосредственной близости от них.

Погребения совершались в неглубоких прямоугольных ямах в каменных «ящиках» или деревянных гробах. Сопровождающий инвентарь состоит главным образом из глиняных сосудов и железных предметов (ножи, наконечники стрел и др.); сосуды тех же типов, что и в центральных сооружениях — в большинстве случаев украшенные арочным орнаментом.

Особое внимание в 1966 г. уделено исследованию кургана 1 в могильнике Бай-Даг II. До расчистки он представлял большое каменное кольцо с глубокой впадиной посредине; с юго-востока к кольцу примыкала вытянутая каменная выкладка. После расчистки и разборки развала выявилось очень четкое сооружение трапециевидных очертаний длиной 12 м, вытянутое с юго-востока на северо-запад; с юго-востока к нему примыкало сооружение такой же формы длиной около 5,5 м. Основное сооружение окружено повторявшим его форму рвом, не замкнутым в южной части.

В центре основного сооружения вскрыта прямоугольная яма, заполненная камнями. Дно ее выложено большими обломками плитняка, на которых стоял сильно разрушенный сруб из прямоугольных в сечении брусьев. Внутри сруба находился деревянный гроб, содержавший одиночное погребение мужчины. Кости скелета находились в беспорядке, однако по положению стоп установлено, что ориентирован погребенный головой на северо-запад. Сопровождающий инвентарь представлен обломками железного меча, железных наконечников стрел, золотых бляшек, накладок от лука и др. Гроб снаружи украшен полосками из золотой и серебряной фольги, деревянными филенками и различными по форме золотыми листками. Бо́льшая часть этих украшений содрана грабителями, но некоторые из них сохранились в первоначальном положении.

Судя по сопровождающему инвентарю, эти сооружения относятся к гунно-сарматскому времени. В заполнении ямы обнаружено впускное захоронение мужчины, которое по найденным в нем вещам (прежде всего по глиняным сосудам) также датируется в пределах этого периода. Таким образом, мы имеем определенные данные для установления времени ограбления основного погребения и, что особенно важно, первые стратиграфические данные для хронологического членения материалов пока еще весьма неясного по абсолютным датам гунно-сарматского периода.

Из других объектов, исследованных в 1966 г., следует отметить погребение древнетюркского времени в могильнике Часкал II. Это сооружение в виде круга сравнительно четкого контура; могильная яма прямоугольной формы вытянута с востока на запад, разделена камнями на две части. В северной части находился скелет мужчины, ориентированный головой на восток, в южной — скелет лошади, ориентированный головой на запад. Из богатого сопровождающего инвентаря интересны неясный по назначению деревянный предмет вытянутой формы с ручкой-петлей и остатки большого сложного лука.

РАБОТЫ НА МОГИЛЬНИКАХ КУЙЛУГ-ХЕМ II И IV

И. У. Самбу

В 1966 г. 4-й отряд в координации с 1-м отрядом экспедиции проводил раскопки археологических памятников на правобережье Улуг-Хема (Енисея) в западной части Куйлуг-Хемского плато — на могильниках Куйлуг-Хем I и IV. Были исследованы 13 курганов гунно-сарматского времени и монгун-тайгинского типа.

Памятники монгун-тайгинского типа содержат остатки погребений с плитовыми перекрытиями вблизи уровня горизонта. Ориентировка погребенных — западная, в одном случае (могильник Куйлуг-Хем IV, курган 10) удалось зафиксировать положение погребенного на левом боку, с чуть подогнутыми ногами.

Объекты гунно-сарматского времени носят, как правило, ритуальный характер. Форма каменных наземных сооружений в плане до раскопок — округлая и овальная. Вблизи уровня древней поверхности почвы обнаружены керамические сосуды, типичные для той поры — пропорции значительной части сосудов удлиненные, орнамент в большинстве случаев арочный.

Внутри наземных сооружений некоторых курганов гунно-сарматского времени (могильник Куйлуг-Хем II, курганы 1, 3) выявлены впускные более поздние (монгольское время, XVII—XIX вв.) объекты, имеющие ритуальный характер. Среди находок обращает на себя внимание медный котел, чиненный железными скрепами. Предварительно он датируется древнемонгольским временам.

РАСКОПКИ У ПОДНОЖИЯ ХРЕБТА АРГАЛЫКТЫ И В РАЙОНЕ КАРА-ТАЛА

Ю. И. Трифонов

Главной задачей 5-го отряда во время полевого сезона 1966 г. было продолжение всестороннего археологического изучения центрального левобережного участка зоны будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. Преимущественно исследовались разнообразные курганные могильники в районе Шагонара и Чаа-Холя. В нескольких пунктах полностью раскопано 28 объектов: сооружения монгун-тайгинского типа, курганы гунно-сарматского и древнетюркского времени, группа ритуальных выкладок без погребений и инвентаря. Было уделено внимание и другого рода памятникам, относящимся к различным историческим периодам (местонахождения кремневых и керамических изделий, наскальные изображения, позднейшие впускные захоронения).

Половина всех исследованных объектов — курганы гунно-сарматского времени (могильники Аргалыкты VI, VIII, XI, Кара-Тал I—III). Почти все они имели несомненное сходство по внешнему виду: каменные соору-

жения разной величины, обычно невысокие и небольшие, округлые и четырехугольные в плане, уплощенные. Исключение составляли несколько сильно задернованных сплошных выкладок в один слой камней. Полная последовательная расчистка наземных сооружений в некоторых случаях выявила в центре четкие конструкции, иногда правильной овальной либо прямоугольной в плане формы. Они были основой сооружения.

Среди изученных курганов имеются как поминальные, так и погребальные памятники; как правило, они находятся в системе одного могильника, в непосредственной близости, нередко соприкасаясь.

Поминальные комплексы характеризуются широко распространенным обрядом, заключающимся в установлении в центре или в полах кургана керамических сосудов мало варьирующей формы, но разной величины, обычно украшенных налепным или прорезным арочным орнаментом, часто с дополнительными элементами в виде точек, кружков и пр. Сосуды либо ставили на уровне древней поверхности, либо помещали в небольшое углубление в земле. Иногда вокруг них сооружали обкладку из камней, в нескольких случаях сосуды прикрыты небольшими плоскими плитами. Любопытно, что иногда рядом с ними находятся совершенно пустые четырехугольные и квадратные ящики, иногда также перекрытые плитами. Кроме этих сосудов, почти в каждом сооружении при его разборке встречаются многочисленные фрагменты керамики такого же типа, часто в сочетании со шлаками. Из всех памятников этого рода особого внимания заслуживает курган с двумя стелами, отходящими от него в северо-восточном направлении.

Погребальные комплексы, как и поминальные, нередко содержат сосуды под каменным сооружением, обычно установленные вблизи могильной ямы. Погребения, по одному-два в кургане, в большинстве своем однотипны: одиночные захоронения в узких четырехугольных грунтовых ямах. В одном случае встречено парное погребение. Положение погребенных — вытянутое, на спине; ориентировка — преимущественно головой на северо-запад. В заполнении могильных ям часто встречаются камни разной величины, обычно сохраняются плахи перекрытия и пола. Под головой погребенного нередко находится каменная «подушка», а на груди или на поясе — плита. Почти на каждой могиле, обычно у ног умершего, помещали мясную пищу (как правило, находили кости барана), а в головах — горшки, очевидно, с какой-то жидкой пищей. Кроме этих традиционных небольших сосудов, в могилах находятся главным образом железные вещи: ножи, серпы, наконечники стрел, поясные наборы и т. д. В одном из погребений обнаружен обломок зеркала (белый сплав). Из всех памятников этого типа особый интерес представляет погребение в деревянной колоде на глубине свыше 3,5 м. Следует отметить также несколько ритуальных выкладок без инвентаря, детские погребения в отдельных курганах и погребение барана в каменном ящике, входящие в единый могильный комплекс с курганами гунно-сарматского времени.

На могильниках Аргалыкты VIII и Кара-Тал I раскопаны два кургана древнетюркского времени. По современному внешнему облику они были типичны для рядовых погребальных памятников древних тюрков: невысокие округлые компактные сооружения, сложенные из обломков горных пород, частично задернованные и поросшие кустами караганника. В центре одного из них (Аргалыкты VIII) сверху хорошо прослеживалась плотная кладка из крупных камней. Полная расчистка кургана выявила цилиндрической формы постройку — круг в несколько слоев камней с четкими границами — несомненно, служившую основой сооружения. Такая же кладка, но только четырехугольная и менее четкая, обнаружена и в другом кургане (Кара-Тал I). Изучение подобных конструкций поможет выяснить первоначальный вид древнетюркских надмогильных сооружений.

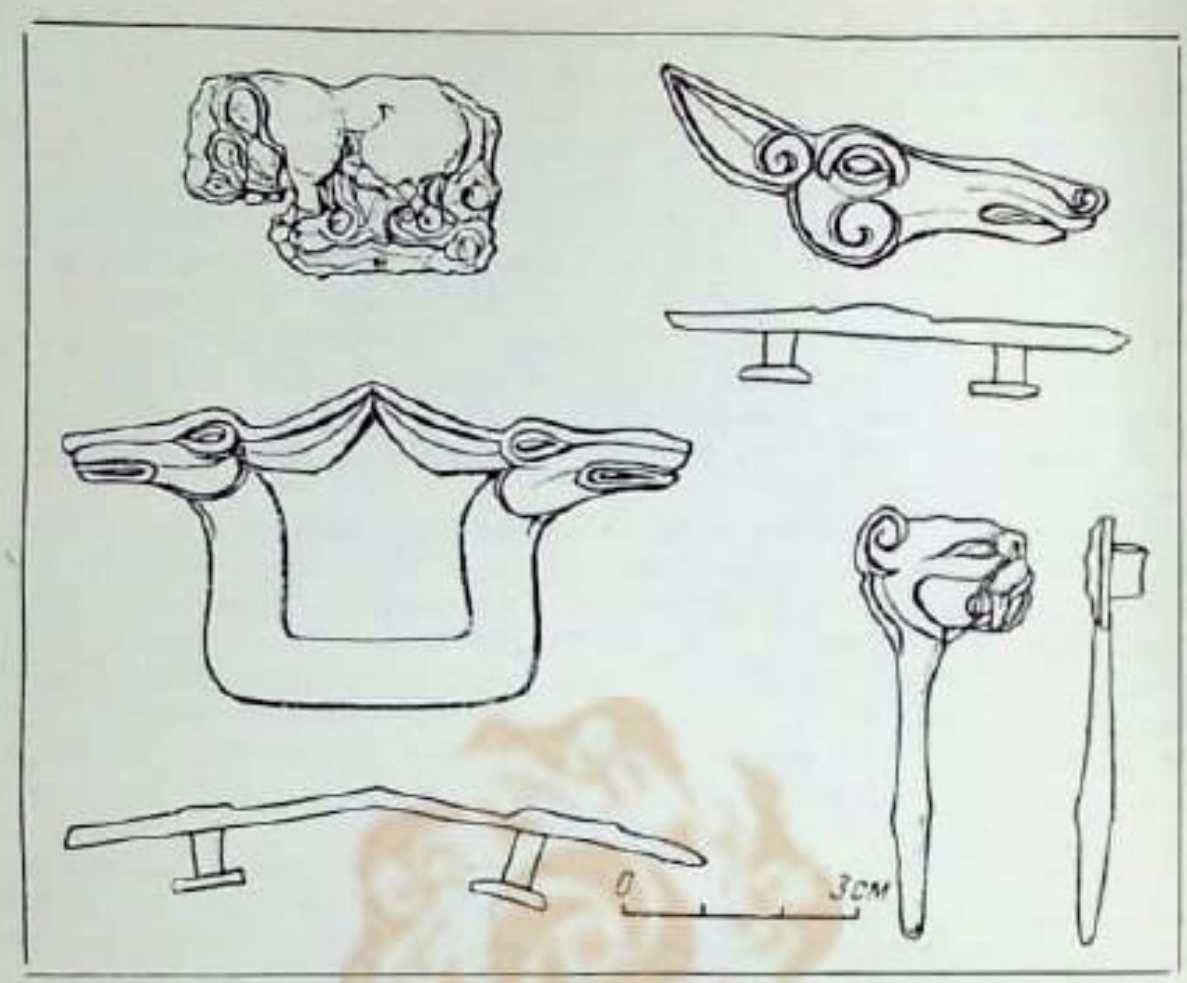
Погребальный обряд этих памятников отражает хорошо известный ритуал древних тюрок — погребение с конем. Положение погребенных — вытянутое, на спине; ориентировка — головой на восток (лошади — в противоположном направлении). Между человеком и конем — разделительная стенка из камней, коня помещали на возвышении. В кургане на могильнике Аргалыкты VIII, относящемся, по-видимому, к ранней группе древнетюркских памятников (удила с двудырчатыми роговыми псалиями, ранний тип роговых подпружных пряжек с округлой головкой и др.), разделительной стенкой служил ряд высоких массивных плит. Из таких же больших плит сооружен ящик, в котором покоился погребенный. Другой курган (Кара-Тал I) примечателен наличием в могиле двух лошадей с принадлежностями конского убора, а также богатым сопроводительным инвентарем: колчан со стрелами, нож, тесло, пояс с бронзовыми бляхами и пр.

В заключение остается добавить, что стационарные работы в этом году проводились на девяти могильниках. Три из них (Кара-Тал I—III) исследованы полностью. Большинство изученных курганных групп оказалось скоплением разновременных памятников — черта, характерная для древних могильников Тувы.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУЙЛУГ-ХЕМСКОМ ПЛАТО

А. Д. Грач

В 1966 г. 1-й отряд начал широкие стационарные работы на труднодоступном Куйлуг-Хемском плато, расположенном на правобережье Улуг-Хема (Енисея). Главной задачей было выявление основных типов курганных захоронений, относящихся к различным эпохам древней истории Центральной Азии. На могильниках Куйлуг-Хем I и V, а также на могильнике Алды-Бель раскопано 24 объекта: комплекс эпохи бронзы, четыре кургана монгун-тайгинского типа, семь курганов



Куйлуг-Хем. Произведения искусства скифского времени (золото, бронза)

скифского времени, шесть курганов гунно-сарматского времени, два кургана и две ритуальные выкладки эпохи кыргызской экспансии, а также два погребения, пока не поддающиеся датировке.

На могильнике Куйлуг-Хем I впервые в Центральной Азии обнаружено и раскопано погребальное сооружение с инвентарем карасукского облика (коленчатый нож, лапчатая подвеска). Конструкция сооружения — квадратная ограда из плит, ориентированная сторонами по странам света, со стелами по углам и с воротами в восточной части ограждения. Ограда снабжена контрфорсами. В центральной части сооружения — грунтовая могила. По положению сохранившихся костей можно заключить, что первоначальная ориентировка погребенного — головой на восток.

Особое значение имеют раскопки объектов монгун-тайгинского типа (Куйлуг-Хем I, курганы 12, 14, 19, 20). В итоге детального исследования комплекса из группы курганов, включавших погребения как монгун-тайгинского типа, так и скифского времени, выявлено, что курганные сооружения скифского времени перекрывают объекты монгун-тай-

гинского типа, что еще раз подтвердило бо́льшую древность этих памятников.

Погребения монгун-тайгинского типа представлены захоронениями в грунтовых ямах с обрамлением и перекрытием из плит, одно погребение находилось в валунно-плитовой камере; положение погребенных — на левом или правом боку, с подогнутыми ногами, ориентировка — головой на запад, северо-запад, юго-запад.

Особо трудоемкими были раскопки объектов скифского времени (Куйлуг-Хем I, курганы 3, 5, 9, 16—18, 21). В итоге работ выявлен новый для Тувы тип памятников этой эпохи: наземные сооружения из камня, как правило незадернованные, размеры сооружений по основным осям — от 8 до 27 м, погребения — в глубоких грунтовых ямах, основная ориентировка погребенных — головой на запад и северо-запад. Погребения скифского времени сопровождал богатый инвентарь: изображения в скифском зверином стиле (бронза, золото) хищников из породы кошачьих, косуль, горных козлов, грифов, а также золотая пектораль, наборы наконечников стрел (бронза, кость) и другие предметы.

Объекты гунно-сарматского времени, раскопанные отрядом (Куйлуг-Хем I, курганы 1, 2, 4, 8, 13, 24), содержат комплексы с керамическими сосудами, врытыми вблизи от уровня древней поверхности почвы.

В 1965—1966 гг. была произведена аэровизуальная разведка Куйлуг-Хема и Алды-Беля на вертолете МИ-1.

В 1966 г. 1-й отряд начал раскопки очередного древнекыргызского могильника, расположенного на плато Алды-Бель.

Курганные погребения с трупосожжениями комбинируются здесь с енисейскими каменописными текстами (автор уточненной дешифровки — профессор И. А. Батманов), в одном из которых идет речь от имени древнего знатного воителя — сонуна (генерала) Бюрю.

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ

А. А. Формозов

Наскальные изображения Тувы лучше всего изучены в западных районах. В центральных областях республики поиски петроглифов были предприняты в 1966 г. двумя группами Саяно-Тувинской экспедиции. Группа С. В. Макарова работала по Енисейской «трубе» от Чаахоля до устья Хемчика, группа А. А. Формозова — на левом берегу Енисея, на хребте Аргалыкты. Впоследствии автор осмотрел основные пункты, выявленные С. В. Макаровым.

В урочище Мугур-Сарыс-Холь, напротив устья р. Чинге, на окатанных камнях, лежащих по левому берегу Енисея и в сильное половодье закрываемых водой, выбито много изображений. Наиболее интересна серия из трех десятков личин. Бычьи рога или трехрогие головные уборы.

Мугур-Сарыс-Холь. Один из камней с гравировкой

полоски и скобки на щеках, обозначающие татуировку, сближают эти изображения с личинами изваяний окуневской культуры. Рядом расположены целиком углубленный силуэт быка, контурный рисунок козла с отсеченной поперечной чертой головою и изображения колесниц. Поскольку упряжки быков и животные с отсеченными чертой головами выгравированы и на памятниках окуневского типа (Черновая VIII, Красный Камень), к тому же кругу надо отнести и эти петроглифы. Многочисленные ямки, выбитые на камнях, также напоминают о характерных для окуневских стел чашечных углублениях.

Петроглифы с окуневскими личинами были известны на Енисее лишь к северу от Саян (Джой, Амыл, Трифоново, Кулак). Находка изображений этого типа в Туве и сведения о стелах, похожих на окуневские, на р. Шомшум и Кара-Холь, помогут решить проблему происхождения окуневской культуры.

К иному типу принадлежат петроглифы в урочище Бижиктиг-Хая на правом берегу Енисея. Это крупные, до 2 м длиной, контурные изображения животных. Спирали на бедрах оленей — такие же, как у зверей, выгравированных на угловых камнях тагарских курганов,— позволяют датировать эту группу началом железного века.

На трех отрогах хребта Аргалыкты, на горе Улуг-Хая и в нескольких местах по Хемчику осмотрены петроглифы с обычными для Центральной Азии сюжетами — небольшими выбитыми точечной техникой изображениями горных козлов, оленей, всадников и т. д.

КРАСНОЯРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАЛЕОЛИТА ЕНИСЕЯ

З. А. Абрамова

Раскопки на поселении Кокорево I были продолжены с уровня 5-го культурного горизонта, густо насыщенного обломками костей животных и многочисленными отбросами производства каменных орудий, среди которых заметное место принадлежит различным заготовкам, а также нуклеусам, как крупным галечным, так и мелким клиновидным.

Между 5-м и 6-м горизонтами имеется четко отделенная от них стерильными прослойками серого песка линза находок, названная условно горизонтом 5а.

В 6-м культурном горизонте найдены редкие осколки костей животных и много каменных отбросов производства, залегающих местами в виде округлых скоплений — рабочих площадок. Одно из таких скоплений было чрезвычайно насыщено. Кроме отщепов и осколков разных размеров, здесь находились хорошо подготовленные нуклеусы клиновидных и кельтовидных форм и вполне законченные орудия. Любопытно отметить, что в 2 м от этого скопления лежали девять скребков на различной стадии обработки.

В приразке к раскопу прослежены все горизонты начиная со 2-го, очень бедного находками. В 4-м горизонте находки концентрировались вокруг очага, сложенного из небольших камней и тонких плиток песчаника.

Лунка очага сплошь заполнена золой. Другой очаг обнаружен в горизонте 5а. Почти по всей окружности он обставлен крупными глубоко врытыми камнями. Глубина очага достигает 26 см, но использовался он, видимо, мало, судя по небольшому количеству угля и пережженной земли.

На вновь заложенном стратиграфическом раскопе были хорошо заметны следы мерзлотных явлений, потревоживших культурные слои во время последнего (сартанского) оледенения.

За шесть лет раскопок поселение Кокорево I вскрыто на площади 800 кв. м и имеет шесть хорошо выраженных культурных горизонтов, не считая ограниченных линз находок.

На поселении Таштык II вскрыто 56 кв. м верхнего культурного горизонта и 20 кв. м нижнего. Находки концентрируются вокруг очажного пятна неправильных очертаний. Здесь найдены четыре роговых наконечника, в том числе плохо сохранившийся наконечник с остатками кремневых вкладышей в продольном пазу. Кремневый инвентарь состоит из миниатюрных скребков и долотовидных орудий. По техническим особенностям он ближе всего напоминает инвентарь соседнего поселения Кокорево II.

Наиболее интересными оказались раскопки палеолитических поселений у дер. Аешки. Г. П. Сосновский и Г. Мерхарт обнаружили здесь культурный слой, залегающий в отложениях первой надпойменной террасы.

При зачистке установлено, что культурный слой находится в верхней части отложений второй надпойменной террасы. Палеолитическое поселение расположено на небольшом мысу второй террасы, культурный слой круто падает к реке и к двум ложбинам, прорезающим террасу в двух местах. С самой высшей точки мыса чернозем почти весь смыт в эти ложбины. На небольшой горизонтальной площадке под тонким дерновым покровом в слое серовато-палевой супеси неглубоко залегают культурные остатки в виде массы осколков расщепленного кремня, в основном отщепов различных размеров, и отдельных мелких почти неопределимых кусочков костей животных. Условно здесь можно выделить два культурных горизонта: верхний, залегающий сразу под почвой, и нижний, несколько более светлый. Условия залегания и облик кремневого инвентаря свидетельствуют об очень позднем палеолитическом, возможно даже мезолитическом, возрасте памятника. Можно говорить о культурной близости этого поселения с более древним памятником Кокорево I.

Другое поселение раскопано на первой надпойменной террасе, немного ниже по течению Енисея. На площади раскопа (36 кв. м) четко различаются два культурных слоя. Несмотря на немногочисленность находок, можно утверждать, что это поселение более древнее, чем расположенное на второй террассе.

Таким образом, у дер. Аешки впервые открыты два разновременных двуслойных палеолитических поселения.

В результате бурного снеготаяния весной 1966 г. были размыты задернованные поверхности и выявилось несколько палеолитических поселений, залегающих на разных высотах в районе пос. Старое Новоселово. Здесь собран обильный очень интересный подъемный археологический материал.

Осмотрены палеолитические местонахождения на дюнах правого берега Енисея у дер. Большая Ирджа (открыто М. П. Грязновым в 1965 г.), у деревень Улазы и Анаш и местонахождение в русле р. Черновой выше дер. Аешки (открыто Г. А. Максименковым и В. Е. Чижовым).

КАРАСУКСКИЙ МОГИЛЬНИК КЮРГЕННЕР

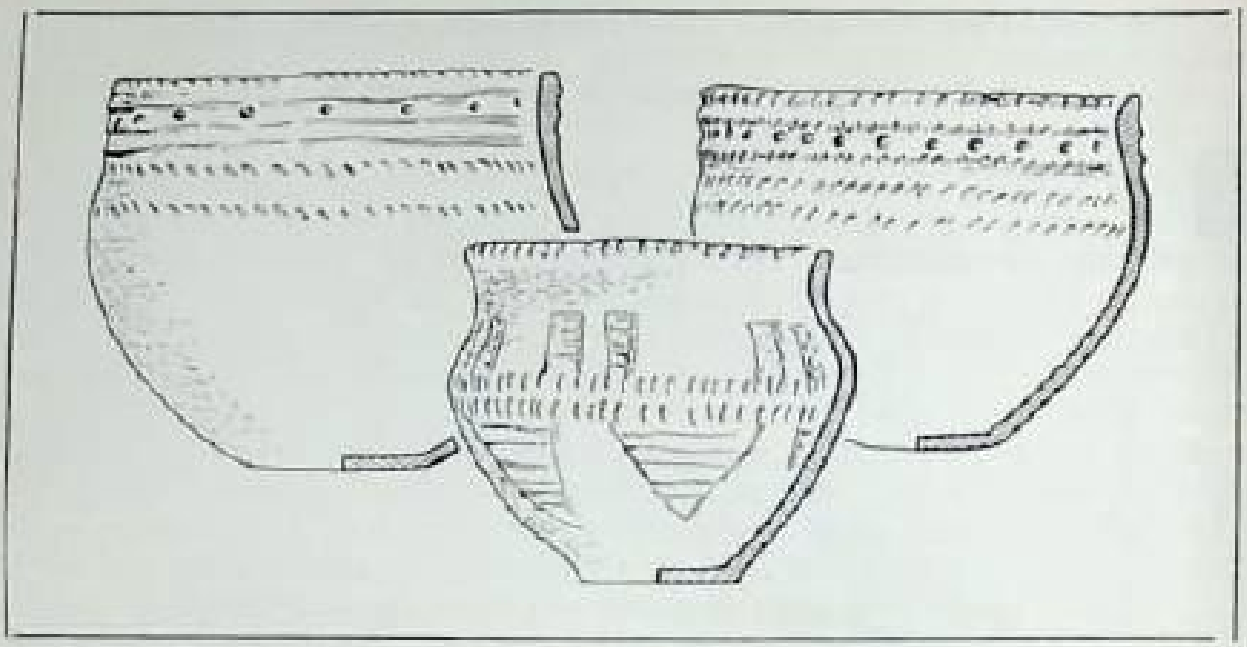
М. П. Грязнов, М. Н. Комарова

Карасукский отряд исследовал в могильнике Кюргеннер еще 59 оград, содержащих 80 могил. Ограды преимущественно прямоугольные из вертикально поставленных тонких плит. Раскопано и несколько круглых оград со сложенными из мелкого плитняка стенами. В каменных ящиках, прямоугольных, реже трапециевидных, погребено по одному человеку с обычными для карасукской культуры ритуалом и сопровождающим инвентарем (бронзовый изогнутый коленчатый нож, лапчатые подвески, литые выпуклые круглые бляшки, петельчатые и гвоздиковидные, проволочные височные кольца; медные пронизки и обоймочки; белокаменные цилиндрические бусы и пр.). Найдена серия нарядных сосудов со сложным геометрическим узором, продолжающим традиции андроновской орнаментики — сложные фестоны, составленные из равнобедренных треугольников, цепочки ромбов и др. Есть и сосуды с белой инкрустацией.

В северо-западной части могильника оказалась группа могил, отличающихся от остальных некоторыми деталями устройства, погребального обряда и керамики. Особенно интересны характерные для этой группы могил плоскодонные горшки с плавным переходом от шейки к плечикам, с необычным орнаментом из сочетания налепных валиков, рядов круглых ямок, косых насечек и других несложных узоров. Некоторые горшки этого нового на Енисее варианта карасукской керамики настолько необычны, что кажутся относящимися к какой-то другой культуре. Принадлежат ли эти могилы особой этнической или социальной группе в составе карасукского общества, решить пока затруднительно.

В полукилометре к северу от карасукского могильника Кюргеннер расположен вдоль края большого солончака могильник баиновского этапа (VII—VI вв. до н. э.), названный нами Улуг-Кюзюр II. Здесь раскопано пять могил. Их прямоугольные ограды, сооруженные из вертикально поставленных плит, были такими же высокими, как карасукские, но по углам у них стояли высокие столбообразные камни, что характерно для курганов тагарской культуры. Погребенные положены в могилу еще по-карасукски, головой на северо-восток. Все могилы ограблены, и вещей в них осталось мало. Найдены несколько бронзовых украшений и керамика уже вполне тагарского типа (горшки баночной формы) с характерным для баиновского этапа несложным орнаментом в виде рядов косых оттисков гребенки, ромбиков, образованных группами косых насечек, горизонтальных линий и т. п.

Разведочные раскопки произведены на правом берегу Енисея у подножия горы Тепсей, где находился так называемый чаатас кыргызского времени (VI—X вв.). Судя по внешнему виду надмогильных сооружений, он сохранился в непотревоженном виде. Нами раскопана небольшая



Кюргеннер I. Керамика из могильника

могила, имевшая на поверхности вид овальной выкладки из песчаниковых плит. Под кладкой оказалась грунтовая яма, на дне которой погребена женщина на спине, головой на юго-запад. Около левого плеча ее лежали кости ноги барана.

Рядом с большими могилами чаатаса на поверхности виднелись верхние края плит двух каменных ящиков. Раскопки показали, что это могилы андроновской культуры, оставшиеся от ранее находившегося здесь андроновского могильника. Могилы ограблены. В них найдены лежавшие в беспорядке несколько костей человека и черепки от разбитых горшков. Находка андроновского могильника всего в 30 км от Минусинска представляет особый интерес. Это наиболее южный пункт распространения памятников андроновской культуры на правобережье Енисея. Теперь уже не может быть сомнений в том, что андроновские племена расселялись по всей степи в Минусинской котловине, а не только в ее северо-западной части.

КАРАСУКСКИЙ МОГИЛЬНИК МАЛЫЕ КОПЁНЫ 3

Л. П. Зяблин

В 1966 г. закончены раскопки карасукского могильника Малые Копёны 3 в Боградском районе Хакасской автономной области. Этот могильник — пока первый и единственный среди карасукских — раскопан полностью. Он состоит из 136 курганов, в которых находилась

241 могила, а погребений было еще больше. Могилы чаще всего ограблены, что характерно для карасукских курганов, но найдено несколько нетронутых погребений взрослых и много детских.

Могильник можно отнести к поздней поре карасукской культуры, а его керамика напоминает керамику карасукского поселения Каменный Лог (раскопки М. П. Грязнова). Несколько курганов внутри оградок имели своеобразные ямки, стенки которых выложены тремя маленькими каменными плитками. Подобные устройства были открыты и на ранних тагарских курганах.

Погребальные ограды расположены весьма близко одна к другой, иногда почти вплотную, и большей частью имеют небольшие размеры. Они прямоугольной в плане формы, иногда круглые, но с прямоугольными пристройками. Преобладают детские погребения.

Коллекция вещей из могил довольно значительна. Она состоит не только из сосудов, но и из медно-бронзовых изделий (включая ножи), бус и роговых поделок. Среди сосудов имеются как традиционные карасукские, почти сферические, с высокой шейкой и венчиком, орнаментированные треугольниками, так и заметно отличающиеся от них (меандровый, тычковый, жемчужный и елочный орнаменты, уплощенные донья, невысокие шейки).

Вблизи от раскопанного могильника расположен другой, того же времени и весьма обширный могильник Медведка. Возможно, что они представляют собой кладбища двух фратрий одного племени.

На территории могильника раскопаны также окуневский и тагарские курганы.

РАСКОПКИ В ДОЛИНЕ РЕЧКИ ЧЕРНОВОЙ И НА ПОДГОРНОМ ОЗЕРЕ

Г. А. Максименков

Черновский отряд производил раскопки в четырех пунктах между с. Батени на юге и границей Хакассии и Новоселковского района Красноярского края на севере. В трех из них вскрыто более 80 курганов, содержавших 165 могил разного времени, начиная с андроновских и кончая таштыкскими.

Одновременно продолжались исследования андроновского сооружения в местности Ключи. Все культурные остатки находились в тонком дерновом слое, снятом в 1965 г. Зачистка развалов из обломков песчаниковых плит не дала результатов: плитки лежат беспорядочно, не образуя конструкций. Заполнение между ними представляло собой чистый материковый слой, не содержавший культурных остатков. Такое состояние

памятника объясняется тем, что сооружение находится на бугре, с которого дожди смыли все культурные наслоения, а на месте остались только самые нижние части конструкций, сделанные из камня, и те фрагменты керамики и кости, которые застряли между обломками плит. На территории соседнего сооружения найден обломок каменного топорика. У северной стены этого второго сооружения лежит большая плита, которая служила в свое время стеной, но обломилась на уровне земли. Судя по ней, первоначально сооружения были окружены каменными стенами высотой не менее 1,5 м. Соседние сооружения, а их здесь еще два, пока раскопкам не подвергнуты. Не удалось установить и характер перекрытия. Большие размеры сооружений позволяют предполагать, что они имели какую-то жесткую конструкцию, опиравшуюся на столбы, стоявшие на полу, но не врытые в землю, так как при расчистке первого сооружения ямок не обнаружено.

Могильник у оз. Сухого состоит из андроновских, карасукских и тагарских курганов. Вскрыто 54 кургана со 127 могилами. В большинстве случаев могилы ограблены в древности, но тем не менее при их раскопках получена целая серия горшков и несколько бронзовых вещей, а также значительный антропологический материал. Могильник этот в первую очередь важен тем, что он, по всей видимости, наиболее ранний из карасукских, раскопанных до настоящего времени. Конструкция оград и могил, в некоторых случаях положение и ориентировка погребенных и особенно керамика, представленная в этом могильнике в основном плосколонными богато орнаментированными горшками, указывают на связи с андроновской культурой. Эти черты свидетельствуют о важной роли андроновцев в формировании карасукской культуры на Енисее. По мере накопления материала проявляются особенности отдельных групп карасукских могил: в одних андроновских черт больше, в других значительно меньше. Дальнейшие раскопки этого могильника позволят проследить характер, направление и хронологические изменения внутри карасукской культуры.

Продолжались раскопки и тагарских памятников. В могильнике Новая Черная I вскрыто 5 курганов с 11 могилами, получена серия бронзовых вещей: кинжалы, ножи, шилья, зеркала и различные украшения, а также костяные ножи, головные гребни и большая серия керамики. Судя по всему, этот могильник относится к началу тагарской культуры, к ее баиновскому этапу.

К следующему, подгорновскому этапу относятся курганы, раскопанные на оз. Подгорном, по имени которого получил название этап. В 1966 г. здесь вскрыто 9 курганов с 17 могилами. По прошлым раскопкам могильник этот представлялся наиболее хорошо сохранившимся, но раскопки 1966 г., к сожалению, вскрыли много разграбленных могил. Тем не менее, найдено много различных бронзовых вещей и керамики. Этот могильник — самый большой из раскопанных и предетавляет собой ключевой памятник для изучения этого этапа.

Начались раскопки могильника Новая Черная IV, памятника таштыкского времени. Внешне могилы представляют собой небольшие тесно расположенные углубления, по краю которых прослеживается развал из мелких плиток. Углубления не соответствуют погребальным камерам, которые в несколько раз больше их. Внутри могильная яма обрамлена срубом в один венец, который, видимо, был перекрыт накатом. Срубы обожжены. В них найдено лишь несколько горшков. В некоторых могилах оказались более поздние впускные погребения; скелеты были вытянуты на спине, без вещей.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА КИЧИК-КЮЗЮР I

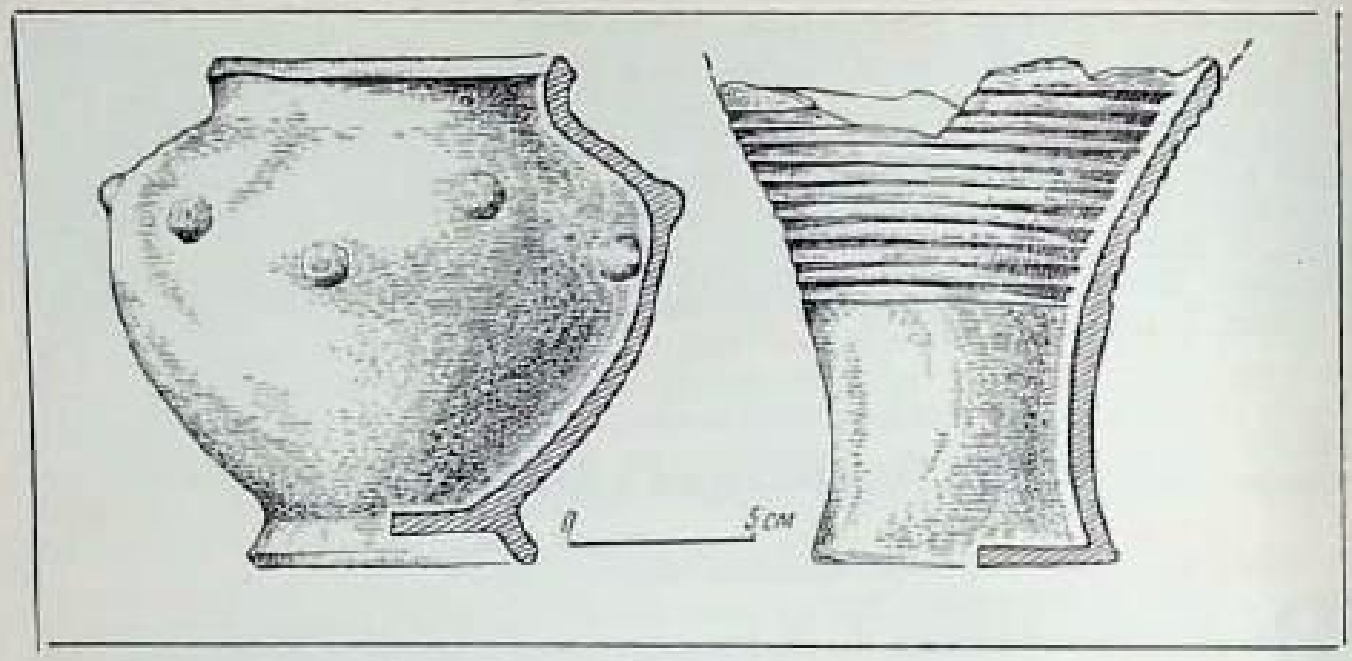
М. П. Завитухина

Исследованы курганы 4—8, содержащие 23 могилы. Близки к ним по времени курганы 5 и 6, в которых находилось по три могилы в основной ограде и по одной — в пристройке. Преобладали погребения в каменных ящиках с типичным для подгорновского этапа инвентарем.

В кургане 5 могила 2 не имела следов крепления стен. В ней обнаружен не тронутый грабителями скелет женщины, положенной на спину, головой на юго-запад. Справа у головы найден сосуд, в области груди слева — бронзовые нож и шило, костяной нож, у пояса справа — бронзовое зеркало и трубочка.

В кургане 6 могила 4, расположенная в пристройке, грунтовая, имела покрытие из крупных каменных плит, которое было ориентировано по длинной оси кургана. Под ним два разновременных погребения. Погребение 1 в северо-западной части содержало скелет женщины на спине, головой на юго-запад; при ней находились два сосуда, нагрудное украшение из бронзовых литых биконических и круглых бусин, аргиллитовых и бронзовых пронизок, бронзовые нож, шило и зеркало. Погребение частично нарушено при введении погребения 2, которое было на 20 см глубже, и только над ним помещалось бревенчатое покрытие. Погребенный мужчина положен в противоположную сторону — головой на северо-восток. Это погребение ограблено. У головы справа стоял сосуд, в ногах слева — миска.

Курган 4. В нем расположены в ряд три основные могилы, просторные и глубокие, на дне которых сохранились остатки бревен от сруба. В могиле 2 было два последовательных погребения. На дне у юго-восточной стены положена женщина, ничком, головой на северо-восток. Рядом с ней на одном уровне и в одном направлении, на спине — мужчина. С ними найдены: бронзовые боевой топорик, нож и шило, три баночных сосуда и кувшинчик на поддоне красного цвета, относимые к подгорновскому этапу. Второе погребение было на 15—20 см выше. В нем погребена



Кичик-Кюзюр I. Керамика из могильника

женщина, лежавшая на спине, головой на северо-восток. За головой — сосуд, аналогичный сосудам с р. Биджи и из неопубликованного могильника Туран II.

Могила 5 вплотную примыкала с северо-восточной стороны к центральным могилам, не нарушая их. Она расположена перпендикулярно им, с северо-запада на юго-восток. По-видимому, ее соорудили в то время, когда положение других могил в кургане еще не забыли. Скелет подростка, не потревоженный грабителями, лежал на спине, головой на юго-восток. Найденные предметы (сосуд и миска, пять костяных наконечников стрел и роговое острие, клинок бронзового ножа, каменный оселок, стеклянная бусина) не характерны для подгорновцев.

Курган 8 с тремя основными могилами. В них погребено по три-четыре человека. Центральная могила 3 обставлена плитками в несколько рядов, она менее глубокая по сравнению с двумя другими, которые укреплены срубом на дне. Обряд погребения и сосуды из могилы 3 указывают, что она сооружена раньше остальных могил кургана. В кургане найдена глиняная посуда разнообразных форм.

Курган 7 состоял из двух больших оград, в них обнаружены пять могил, укрепленных срубами, и один каменный ящик за оградой. В могиле 5 сохранились остатки сруба не менее чем из десяти тонких бревен, в местах соединения которых сделаны прямоугольные вырубки. Снаружи сруб обставлен каменными плитами. В могиле 6 погребен юноша, лежавший на спине головой на юго-запад. Возле головы стояли большой сосуд и нижняя часть украшенного узкими желобками сосуда с цилиндрическим основанием.

В большом материале, доставленном из раскопанных курганов, особо примечательна керамика, так как здесь имеются сосуды не встречавшихся ранее форм. Полученные материалы дополняют наши знания по тагарской культуре и позволяют уточнить относительную классификацию раннетагарских памятников.

Еще в 1965 г. было выявлено, что могилы в курганах Кичик-Кюзюр не одновременны. Большинство их относится к подгорновскому этапу. В текущем сезоне удалось выделить новую хронологическую группу, представленную как впускными погребениями в подгорновские могилы или в курганы, так и самостоятельными курганами. Последовательность погребений, а также обрядовые изменения и инвентарь позволяют определить место этой группы памятников между подгорновским и сарагашенским этапами тагарской культуры. Обе группы погребений укладываются в рамки VI—IV вв. до н. э. Собранные данные отчетливо показывают, какие изменения в материальной культуре происходили в этот отрезок времени. Особенно ярко это прослеживается в керамике. Глиняная посуда новой группы отличается от подгорновской по формам, орнаментации и технологии. Появляются новые типы вещей, не характерные для подгорновского этапа. Однако эти изменения не были резкими. Новая группа тесно связана с предыдущей и является ее хронологическим продолжением.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА УЛУГ-КЮЗЮР НА ЕНИСЕЕ

М. И. Пшеницына

Вскрыты курганы 3—5, содержащие 14 могил. В кургане 3 под насыпью обнаружена низкая прямоугольная ограда из довольно крупных вертикально врытых плит. По углам и серединам сторон ограды поставлено восемь массивных плит, возвышающихся в среднем на 50 см над поверхностью земли.

В ограде три основные прямоугольные могилы, расположенные в ряд по продольной оси, ориентированные в направлении северо-восток — юго-запад и покрытые массивными плитами. В первой могиле хорошей сохранности лиственничный сруб в семь венцов, рубленый в обло с остатком. Пол выстлан бревнами. В двух соседних могилах сохранились лишь остатки срубов. По углам ограды в каменных ящиках найдены детские погребения.

В трех основных могилах погребено одиннадцать человек: в могиле 1 — два взрослых мужчины и три женщины; в могиле 2 — два подростка девяти лет и в могиле 3 — две взрослые женщины, юноша восемнадцати-девятнадцати лет и подросток.

Улуг-Кюзюр. Бронзовый кинжал из кургана 5

В кургане 4 также имелась прямоугольная ограда с поставленными по углам и серединам ее сторон восемью массивными плитами. В ограде две основные могилы, ориентированные в направлении северо-восток — юго-запад, покрытые довольно крупными плитами в несколько слоев. В обеих могилах прослежены остатки лиственничных срубов. В первой он сохранился на высоту 60 см. Прослежены четыре венца и несколько бревен от пола. В западном углу ограды в каменном ящике раскопано погребение годовалого младенца.

В первой могиле захоронены мужчина и женщина, оба в возрасте от двадцати пяти до сорока лет, и подросток восьми лет, в могиле 2 — две взрослые женщины и юноша четырнадцати-пятнадцати лет.

Все могилы (за исключением детских) в обоих курганах ограблены. Сохранились семь глиняных сосудов и пять мисок, бронзовые нож, шило, бляшки, три костяных наконечника стрел и клык кабарги. В могиле 2 кургана 4 найден бронзовый нож с фигуркой зверя на рукояти. В обеих могилах была положена пища (обнаружены кости коровы и овцы).

Оба кургана по конструкции и размерам ограды, устройству погребальных камер и характеру сопровождающего инвентаря — типичные памятники сарагашенского этапа. Несколько отличается от них курган 5.

Под плоской земляной насыпью этого кургана обнаружена прямоугольная ограда из вертикально врытых плит с четырьмя массивными плитами, поставленными по ее углам. В ограде три могилы, ориентированные в направлении северо-восток — юго-запад и покрытые довольно крупными плитами.

Во всех погребальных камерах прослежены остатки лиственничных срубов, сохранность дерева плохая. Пространство между стенкой могильной ямы и сруба сверху заполнено небольшими плитками.

Могила 2, занимавшая центральное положение в ограде, оказалась не тронутой грабителями. На дне ее лежал скелет мужчины сорока — шестидесяти лет в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Справа, у пояса, находился бронзовый кинжал с остатками кожаного чехла, а на костях предплечья — бронзовое зеркало. Слева около локтя — плоский боевой топорик с остатками деревянной рукоятки. В головах — глиняный сосуд и миска. Справа в ногах остатки мясной пищи — кости коровы и овцы. В заполнении найдены костяной наконечник стрелы и проколка.

Другие могилы потревожены грабителями. В них погребено четыре человека: в могиле 1 — два взрослых мужчины, головами на северо-восток, в могиле 3 — две женщины. Из погребального инвентаря сохранились три глиняных сосуда, два костяных наконечника стрел, бронзовое массивное зеркало. Особо следует остановиться на находке бронзового кинжала с шилом — вкладышем в рукоять и бронзового пластинчатого ножа в кожаном чехле со следами раскраски (могила 1). Кинжал такого типа впервые найден в могиле.

Конструкция ограды этого кургана типична для памятников подгорновского этапа (VI—V вв. до н. э.), однако ее размеры, северо-восточная ориентировка погребенных, форма глиняных сосудов и перекрестия кинжала из могилы 1, а также положение самого кургана в могильнике среди курганов сарагашенского этапа дают основания отнести его к группе памятников, в погребальном обряде которых, с одной стороны, прослеживаются черты, типичные для нового, сарагашенского этапа, а с другой — еще сохраняются некоторые особенности предыдущего подгорновского этапа.

Таковы же курган 2, вскрытый в прошлом сезоне на Улуг-Кюзюре, и погребение на пристани Новоселово (пункт Заготзерно). Видимо, в дальнейшем удастся выявить целую серию таких погребений.

НАХОДКИ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ЕНИСЕЯ

Я. А. Шер, Г. П. Григорьев, Н. Л. Подольский

Раскопки велись на могильнике Каменка III, в котором нет курганов, а могилы, занимавшие строго ограниченную территорию, вплотную примыкают одна к другой.

Первый компонент надмогильных сооружений — закладка из плоских плит, перекрывавшая бо́льшую часть могильника. Эта закладка не была развалом сооружения, мы застали ее почти в первоначальном виде: после ее сооружения на кладбище продолжали хоронить — две-три могилы были сооружены на поверхности этой закладки.

Под общим перекрытием следовали сооружения, воздвигнутые над отдельными могилами: это конструкции в форме параллелепипеда из плоских плит. Их строили, либо складывая плоские плиты одну поверх другой, либо крупные плиты чередовали с наклонно или вертикально поставленными мелкими — «распределителями нагрузки», либо сооружали «гармошку» из наклонно поставленных плит, прислоненных одна к другой. Сама могила — это грунтовая яма, или ящик из плит, или ящик из плит с вложенным в него деревянным срубом, перекрытым досками.

Особо редкие и своеобразные типы — ящик в виде пятигранника или грунтовая яма, разделенная по длинной оси плитой.

Положение скелета и его ориентировка столь же разнообразны: скорченные, вытянутые, на спине и на боку. Захоронения индивидуальные и групповые. Ориентировка погребенных чаще широтная, чем меридиональная.

Групповые погребения составляют большинство, и уже сейчас можно предполагать, что группой, хоронившей всех своих членов в одной могиле — ярус за ярусом или одного возле другого, — была семья.

Могилы без вещей встречаются, но чаще погребенного сопровождал набор вещей индивидуального пользования: украшения костюма, оружие, посуда и пища (кости барана).

Можно было проследить в ряде случаев, что для каждого нового покойника надмогильное сооружение разбиралось, могила вскрывалась; иногда при этом тревожили кости более ранних захоронений той же могилы, нарушали соседние могилы.

В нескольких могилах содержался набор вещей, состоящий из пряжек, ножа и горшка; при них во всех случаях находили пяточные кости, пару ребер и крестец человека.

В этом сезоне впервые найдены две целые гипсовые маски. Первая из них находилась в индивидуальном захоронении в грунтовой могиле; на руках покойника были две низки бус, а в ногах — листки слюды и золотой фольги. Вторая маска обнаружена в могиле, где погребенный лежал в полуразрушенном каменном ящике, перекрытый более поздним погребением и подстилаемый еще одним скелетом. Обе гипсовые маски погрудные, удовлетворительной сохранности. Изготовлены они из белого алебастра или гипса, покрытого сверху блестящей обмазкой. Лица расписаны красными перекрещивающимися полосами в сочетании с трилистником.

Инвентарь, сопровождающий погребенных в Каменке III, тоже нестандартный. Некоторые предметы, особенно железные ножи с петлевидным навершием позволили датировать могильник концом тагарской эпохи и предташтыкским временем. Однако керамические и костяные изделия, в изобилии обнаруженные в раскопанных могилах и за их пределами, по формам во многом существенно отличаются от известных в Минусинской котловине на памятниках указанного времени.

Работы по копированию произведений древнего наскального искусства были сосредоточены по р. Тубе (правому притоку Енисея) и в урочище Усть-Кулог, там, где в Енисей впадает другой правый приток — р. Тесь. В связи с некоторым усовершенствованием методики копирования представляется необходимым перекопировать некоторые прежде обследованные комплексы. Идя по следам А. В. Адрианова, который в начале 900-х годов обследовал енисейские писаницы, мы установили, что нашему предшественнику были известны далеко не все «картинные галереи» древних художников.

По некоторым явным признакам рисунки относятся ко времени ранней и поздней бронзы, к тагарскому и кыргызскому периодам. Среди них есть как совершенно своеобразные, так и перекликающиеся с древними рисунками Лены и Ангары, изученными А. П. Окладниковым. Среди тубинских писаниц выделяется мастерски выполненная композиция, изображающая охоту. Она, несомненно, принадлежит к памятникам скифо-сибирского звериного стиля.

При копировании писаниц идет подготовительная работа по созданию основ логико-математической методики их классификации: уточняются исходные параметры для измерений, формулируются классификационные понятия, подбирается подходящий аппарат для математической обработки наблюдений. Сделаны первые попытки выявить количественные закономерности в распределении рисунков внутри одного комплекса, внутри одной композиции.

В ходе работы по копированию наскальных рисунков было обнаружено несколько новых древнетюркских надписей, которые переданы для прочтения в Институт народов Азии АН СССР.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Л. П. Хлобыстин

Ненецкие предания говорят, что полуостров Ямал и прилегающие к нему районы были некогда заселены исчезнувшим ныне народом сиирти. Жилища сиирти, относящиеся к концу II—I тысячелетию до н. э., в конце 20-х годов нашего века открыл В. Н. Чернецов на северной оконечности Ямала. В задачи Заполярного отряда Института археологии АН СССР входили поиски следов предков сиирти, живших в этих краях несколько тысячелетий назад. Разведки, проводившиеся в различных по ландшафту местах, привели к открытию ранее неизвестных, самобытных культур.

На юге Ямала, близ пос. Ярсале, открыто свыше 20 древних стоянок, относящихся ко II тысячелетию до н. э. Особенно интересны находки по

речке Хадыта-яха, пойменные берега которой, заросшие лесом, сжаты тундрой. Здесь, на песчаных холмах, люди бронзового века устраивали свои стоянки. На местах расположения этих стоянок найдены, впервые в западносибирском Заполярье, многочисленные наконечники стрел, скребки, проколки, ножевидные пластинки и другие изделия из камня. Вместе с ними встречаются кусочки медных сплавов и обломки круглодонных и плоскодонных горшков, украшенных ямочно-гребенчатыми и штампованными узорами, иногда нанесенными даже изнутри и по днищу сосудов. Большинство находок собрано на поверхности выдувов, где они залегают в непотревоженном состоянии. Так, на ярусе IX (выдуве) на площади в 5 кв. м, на месте, где стоял, по-видимому, чум, найдены два скребка, обломки сосуда, отщеп, служивший ножом, один наконечник дротика и 14 треугольных с прямым основанием наконечников стрел из яшмы. При этом 10 наконечников лежали рядом, остриями в одну сторону, как в колчане. На нескольких стоянках сохранились неразвеянные участки культурных напластований. Как правило, они однослойны и содержат те же предметы, что и собранные на прилегающих выдувах. Стоянки близки памятникам окуневско-самусьского облика, существовавшим на юге Западной Сибири.

Среди безлесной ямальской тундры расположены озера Яррото. На западном берегу оз. Яррото I найдены остатки восьми стойбищ железного века. Обитатели их делали из камня только округлые скребла, аналогичные эскимосским, вставлявшимся в двуручные держатели. Они изготовляли глиняные сосуды, украшенные около венчика рядом ямок и гребенчатыми отпечатками. Эти сосуды имеют отдаленное сходство с нижнеобской керамикой последних веков I тысячелетия н. э. Следы стоянки железного века обнаружены также на территории пос. Новый Порт.

В лесотундре, на берегу Обской Губы, неподалеку от пос. Ныда найдена разрушенная современным кладбищем стоянка усть-полуйского времени.

Дальнейшие работы 1966 г. проводились на территории Ханты-Мансийского национального округа. Разлив Оби в 1966 г. был большим и длительным, и поэтому разведки, проведенные в окрестностях с. Селиярово, ограничились высокими берегами, на которых обнаружено восемь новых местонахождений, датированных последними веками I тысячелетия до н. э.— началом I тысячелетия н. э. Среди них два обнесенных рвами городища — «мыс-хата» (земляной дом).

В бассейне р. Юконды, левого притока Конды, были обследованы археологические памятники, расположенные близ с. Карым, в том числе городище Ус-Толт, стратиграфия которого позволила В. Н. Чернецову выработать периодизацию нижнеобских памятников I тысячелетия н. э.

В настоящее время на городище вырыт котлован, уничтоживший его четвертую часть. Культурные напластования на месте котлована де-

лятся на три четких слоя, насыщенных углем и берестяными прослойками. Общая их мощность 3,3 м. В 2 км от Карыма в местности Заречный Бор обнаружены четыре прямоугольные площадки (от 400 до 800 кв. м), окруженные валами и рвами, и одно земляное жилище, датируемые железным веком.

На территории пос. Шугур найдены три стоянки I тысячелетия н. э. На правом берегу Средней Речки, в 6 км от Шугура обследовано древнее селище, состоящее из 11 земляных жилищ. Они устроены около небольшого мыса, на котором, защищенные рвом и валом, располагались две землянки и святилище. На его месте отмечен полуметровый слой пережженного песка, насыщенного углями. Этот памятник можно предварительно датировать эпохой раннего железа.

На правобережье р. Конды, на Леушинских Туманах, вблизи поселков Дальний и Сумпаньинский, открыто 14 разновременных, от неолита до I тысячелетия н. э., поселений. Местонахождения изделий позднеолитического возраста встречаются здесь в основном на пляжных участках берега. На них найдены кремневые скребки, пуклеусы, ножевидные пластинки, сланцевый топорик, фрагменты керамики. Интересно, что для изготовления каменного инвентаря употреблялись кремнистые породы, месторождения которых находятся на Южном Урале. В устье р. Сумпаньи обследовано четыре стоянки. Одна из них располагается на невысоком мысе. На нем было вырыто земляное жилище размером 4,5×4,5 м с очагом, устроенным на неоднократно обновлявшейся глиняной обмазке. На площадке перед жилищем найдено много обломков горшков. Керамика, украшенная оттисками «шагающей гребенки», шашечным гребенчатым узором, перемежающимся с горизонтальными поясами ямочных вдавлений, залегает совместно с кремневыми пуклеусами, скребками, наконечником копья и другими изделиями. Эта керамика типична для памятников позднего неолита средней Оби и Иртыша. Выше залегают черепки сосудов, украшенные типичными для эпохи бронзы узорами, среди них — «уши зайца», до сих пор излюбленный среди ненецкого и ханты-мансийского населения Западной Сибири.

РАСКОПКИ В НИЗОВЬЯХ ЧУЛЫМА

М. Ф. Косарев

Нарымский отряд Западно-Сибирской экспедиции Института археологии АН СССР продолжал исследование памятников бронзы и железа в окрестностях Десятовской заимки и производил раскопки древней стоянки у дер. Новокусково.

Культурный слой Новокусковской стоянки (мощность его колебалась от 0,5 до 1 м) был очень насыщен находками — обломками глиняной посуды, каменными орудиями, отщепами.

Для новокусковской керамики характерны плоское или уплощенное дно и баночная (обычно бочонковидная) форма. Наиболее частый орнамент — волнистые узоры, выполненные прочерчиванием или техникой «отступающей» палочки, и заполнение боковой поверхности сосудов сплошными взаимопроникающими треугольными зонами, которые наносились «отступающей» палочкой или «отступающей» лопаточкой. Днища или не орнаментировались или украшались концентрическими окружностями, спиральными узорами и другими несложными рисунками, выполненными той же техникой («отступающая» палочка, «отступающая» лопаточка).

Каменный инвентарь стоянки включает наконечники стрел, ножи и точильца. Наконечники стрел сделаны из кремнистого сланца и обработаны по всей поверхности аккуратной мелкой ретушью. Они небольших размеров, имеют укороченные пропорции и большую выемку в основании. Ножи изготовлены из отщепов кремнистого сланца путем обработки их крупными небрежными сколами. Все они имеют листовидную форму. В качестве материала для изготовления точилец использовался серый или темно-желтый мелкозернистый песчаник. Все точильца, найденные на Новокусковской стоянке, имеют удлиненную форму и четырехугольное сечение. Они сильно сточены со всех четырех сторон.

Керамика с орнаментом, аналогичным новокусковскому («отступающая» палочка, волнистые узоры, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны и т. д.), имеется в ранних памятниках Зауралья (свердловско-тагильский район) и в Самусьском могильнике (низовья р. Томи), что дает основание включить Новокусковскую стоянку в зауральско-сибирский круг родственных культур.

Нам кажется, что Новокусковская стоянка относится к несколько более позднему времени, чем Самусьский могильник (датируемый началом II тысячелетия до н. э.). Об этом свидетельствуют характерная для Новокускова плоскодонность посуды (в Самусьском могильнике большинство сосудов круглодонны или остродонны) и более развитая форма новокусковских наконечников стрел (наконечники из Самусьского могильника имеют более архаичные миндалевидные и ланцетовидные очертания).

Мы думаем, что Новокусковская стоянка занимает в хронологическом (и генетическом) отношении промежуточное место между Самусьским могильником (энеолит) и поселением Самусь IV (андроновское время) и характеризует один из этапов выделенной нами в среднем Приобье «самусьской» линии развития.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИИРТЫШЬЕ

В. А. Могильников

Работы Иртышского отряда Западно-Сибирской экспедиции Института археологии АН СССР проводились главным образом в лесостепной части Омской обл. Спирановское городище расположено на правом, коренном берегу р. Оми, в 20 км от впадения ее в Иртыш. В ходе раскопок этого поселения вскрыты остатки двух наземных жилищ размерами около 5×4,5 м, слегка углубленных основаниями в землю. Оба жилища одновременны и могут быть датированы первой половиной I тысячелетия н. э.

В центре жилищ, в ямах, обнаружены открытые очаги. Устройство очагов в ямах отличает жилища Спирановского городища от жилищ эпохи железа лесной и лесостепной полосы Западной Сибири, в которых очаг обычно находился или на ровном полу, или на небольшом грунтовом возвышении. Материал, полученный при раскопках жилищ, представлен костяными наконечниками стрел, костяной ложкой, украшенной циркульным орнаментом, костями рыб и животных, керамикой. Последняя по форме и орнаментации типична для племен лесной полосы Западной Сибири первых веков нашей эры и не находит аналогий у лесостепных племен Приртышья конца I тысячелетия до н. э.— начала I тысячелетия н. э. Керамика, идентичная встреченной на Спирановском городище, имеется на нескольких других поселениях правобережья Оми, например в среднем слое городища Большой Лог в окрестностях Омска.

Иную по облику культуру лесостепного населения первых веков нашей эры характеризует материал из кургана у дер. Калачевка, в 100 км севернее Омска, на левом берегу Иртыша. Под его насыпью вскрыто шесть погребений, лежащих почти в ряд. Центральное погребение находилось в прямоугольной могильной яме и ориентировано на восток-юго-восток. Остальные погребения имели ориентировку с запада на восток с отклонениями и располагались или в прямоугольных неглубоких могильных ямах, или на уровне древнего горизонта. Сохранились остатки какой-то деревянной обкладки стенок могилы. Среди инвентаря погребений представлены предметы вооружения (железные трехлопастные черешковые и костяные наконечники стрел, костяные накладки сложного лука), украшения (бронзовые штампованные бляшки), предметы культа (глиняные блюда-жертвенники), а также глиняные сосуды. По форме и орнаментации эти сосуды близки керамике из соседних курганов II в. до н. э.—I в. н. э. у с. Саргатки, а также из курганов ишимской лесостепи. В совокупности с рекогносцировочно обследованными поселениями эти памятники обрисовывают этнокультурный круг племен Среднего Приртышья и Прииишимья конца I тысячелетия до н. э.— начала I тысячелетия н. э.

Калачевка. Глиняное блюдо-жертвенник из кургана

На основании имеющегося материала, дополненного исследованиями этого года, можно представить следующую картину взаимодействия лесных и лесостепных племен в первые века нашей эры. Будучи включенными во II—III вв. н. э. в сферу военно-политического воздействия гуннского союза, лесостепные племена Западной Сибири частично отступили на запад, частично были истреблены пришельцами. Небольшая часть их осталась на старых местах. После ухода в III—IV вв. н. э. гуннов и примкнувших к ним племен на запад лесостепное Прииртышье оказалось крайне редко населенным. Незначительная плотность населения лесостепи обеспечила легкость проникновения на юг лесных племен, занявших облесенные речные долины Иртыша и его притоков.

В курганной группе Калачевка II впервые в лесостепном Прииртышье были вскрыты погребения переходного периода от бронзового века к железному (VIII—VII вв. до н. э.). Под насыпью кургана I было четыре погребения. Центральное находилось на уровне горизонта в прямоугольной деревянной обкладке или срубе в один венец, ориентированном с севера на юг. У восточной стенки сруба стояла глиняная круглодонная чаша с зубчатым и валиковым орнаментом, сверху которой лежал бронзовый нож с круглым завершением рукояти. Несколько выше, в насыпи, обнаружен костяк второго погребения, без вещей. Еще два погребения этого же кургана представлены только черепами и аккуратно сложенными длинными костями. Около одного из них найден бронзовый двулопастный наконечник стрелы. Аналогии погребальному обряду этого кургана нам пока неизвестны.

РАСКОПКИ В ОМСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЯХ

В. И. Матющенко, А. С. Чагаева, Л. А. Павленок

В Омской и Томской областях в 1966 г. производились раскопки нескольких могильников и поселений. В мае 1965 г. учащиеся дер. Ростовка Омского района Омской обл. доставили в школу с. Новомосковка вещи, найденные ими в осыпи берега оврага, который находится близ деревни: несколько каменных ножей-вкладышей, два бронзовых втульчатых наконечника копий, один бронзовый кельт и два бронзовых пластинчатых ножа. Школьники сообщили также, что на месте находок они видели и человеческие кости.

Летом 1966 г. экспедиция Томского государственного университета и Омского педагогического института произвела обследование этой местности и установила, что школьники обнаружили могильник раннего бронзового века. Он располагался на третьей левобережной надпойменной террасе р. Оми в 15 км выше Омска. Терраса сложена из грязно-желтого суглинка. В этом месте в левый берег Оми врезается глубокий овраг.

Вся территория памятника занята огородами, поэтому удалось произвести раскопки только склонов оврага. Найдены могилы и разрозненные вещи из разрушенных осыпающимся берегом оврага могил.

Две могилы содержали плохо сохранившиеся остатки скелетов, обожженных в могиле, в сопровождении погребального инвентаря. Погребенные были уложены головами на юг. Сохранилось довольно много углей и обожженной глины. Погребальный инвентарь составляют каменный наконечник стрелы с усеченным основанием, бронзовый кельт с ромбическим рисунком, ножевидные пластинки, ожерелье из нефритовых и костяных бус с миниатюрным бронзовым изображением птицы. В одной могиле лежали кусок тщательно ограненного горного хрусталя, а также великолепный бронзовый нож турбинского типа, навершие которого выполнено в виде тщательно отлитой скульптурной группы: спокойно стоящая фигура лошади, правее и сзади нее изображен мужчина с лыжами на полусогнутых ногах. Мужчина держит с большим напряжением поводья сбруи. Нож этот пока единственный в Западной Сибири, аналогичный происходит из Турбинского II могильника.

Третья могила, залегающая в тех же условиях, что и две предыдущие, содержала аккуратно уложенные костяные латы, сверху которых находилась жженая земля с углями.

Вне могильных комплексов найдены каменная булава, несколько наконечников стрел и дротиков, ножи-вкладыши, бронзовый пластинчатый нож, обломки баночных плоскодонных сосудов, покрытых мелким лощеным орнаментом и оттисками «отступающей» гребенки.

Памятник датируется XV—XIII вв. до н. э.

Еловский курганный могильник II эпохи бронзы находится на третьей надпойменной террасе Оби у южного конца дер. Еловка Кожевниковского района Томской обл.

Могильник содержит 70 слабо выраженных насыпей курганов, которые расположены четырьмя группами. До 1966 г. экспедиция Томского государственного университета раскопала девять курганов в трех группах насыпей. Могильник можно датировать эпохой поздней бронзы (X—VIII вв. до н. э.).

Летом 1966 г. мы раскопали четыре кургана в трех группах. Курган 50 включал восемь могил, из которых две были полностью разграблены.

Остальные шесть могил содержали костяки, ориентированные черепами в основном на юго-запад. Четыре костяка уложены на спину с вытянутыми вдоль туловища руками. Два остальных лежали в скорченном положении на левом боку. Пять могил имели плоскодонные горшки баночной формы, покрытые отпечатками гребенки и ямочками от венчика до дна. Они очень напоминают сосуды Томского могильника эпохи бронзы. Курган 51 содержал три могилы с интересными андроновскими сосудами, богато украшенными типичными андроновскими орнаментами.

В одной из этих могил, кроме двух андроновских сосудов, найден сосуд томской культуры. Существование андроновской и томской керамики у одного родового коллектива подтверждено в данном случае самым очевидным образом. В другой могиле обнаружены два бронзовых кинжала андроновского типа. И, наконец, в третьей могиле, кроме двух типично андроновских сосудов, имелся бронзовый кинжал, несколько бронзовых бляшек и пуговиц. В этих курганах удивительно сочетаются в одних и тех же погребальных комплексах элементы различного происхождения, как предшествующих эпох, так и андроновской и карасукской культур верхней Оби.

Городище Ростовка открыто в 1966 г. Оно находится в 1,5 км к югу от дер. Ростовка Омского района Омской обл.

Городище расположено на третьей террасе коренного берега Оми, на высоком мысу, и вытянуто вдоль него с севера на юг. С трех сторон оно защищено естественной преградой — обрывом берега Оми и оврагом, с четвертой стороны сооружены вал и ров. В юго-западной и центральной частях оборонительного укрепления — два входа на городище.

На всей его площади прослеживаются блюдцеобразные углубления — остатки древних жилищ.

В раскоп были включены часть вала и рва и четыре углубления, одно из которых оказалось хозяйственной ямой. В остальных углублениях нет следов жилищ — ни очагов, ни остатков кострищ; что представляют собой эти углубления — неясно.

Городище, вероятно, было населено в течение короткого времени — находки в культурном слое малочисленны. Нами собрана небольшая

коллекция керамики и костей животных. Это один из памятников племен степного Прииртышья.

Фрагменты керамики принадлежат плоскодонным сероглиняным сосудам.

Наиболее характерен для керамики городища гребенчатый орнамент в сочетании с ямками и горизонтальными желобками. Встречаются также фрагменты с орнаментом из отпечатков уголкового (рамчатого) штампа.

Анализ керамического материала позволяет датировать городище I тысячелетием н. э.

Могильник Релка находится на высоком мысу коренного берега р. Оби в с. Молчаново Томской обл. Памятник открыт в 1955 г. А. П. Дульзоном.

По материалу раскопок прежних лет (оружие, пряжки, украшения) он датируется VII—IX вв. н. э.

В 1966 г. вскрыто шесть курганов. Насыпи их насыщены остатками от поминальных тризн.

В могильнике есть грунтовые и наземные захоронения. Умершего укладывали на бересту в могилу с деревянной или дерновой обкладкой.

Костяки лежали на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентировка захоронений в основном головой на юго-восток с отклонением на юг или на восток.

Инвентарь курганов богат и разнообразен. Особый интерес представляют керамика и подвески с зоо- и антропоморфными изображениями.

Малгетское поселение находится в среднем течении р. Шудельки, левого притока Оби, в Колпашевском районе Томской обл. Оно возникло на месте поселения эпохи ранней бронзы. Впервые о нем стало известно в 1961 г. от зоолога В. Е. Добычина. В 1964 г. разведкой собран небольшой подъемный материал.

На поселении 46 землянок, из них нами раскопаны четыре. Земляночные углубления имеют округлую и продолговатую форму. В округлых землянках обнаружено по два углубления: внешнее (основная площадь жилища) и внутреннее (очаг). В продолговатых землянках только одно углубление, очага нет.

Инвентарь землянок беден. Найдены точило, заготовка для пряслица, железный стержень, каменный пест. Наиболее массовый материал — керамика: круглодонные сферические и горшковидные сосуды и плоскодонные низкие банки.

По форме и орнаменту посуда поселения близка молчановской на Релке. Это дает возможность датировать Малгетское поселение второй половиной I тысячелетия н. э.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА КОК-СУ I НА ЮЖНОМ АЛТАЕ

С. С. Сорокин

Южно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа совместно с Горно-Алтайским областным музеем продолжала начатые в 1965 г. раскопки могильника эпохи ранних кочевников на правом берегу р. Кок-су, левого притока Аргута. В могильнике 42 кургана, расположенных цепочкой в меридиональном направлении (по течению реки). Раскопано 18 курганов.

Под каменными набросками диаметрами от 9 до 14 м, часть которых обведена по основанию кромлехом, открыты прямоугольные могилы глубиной до 2,5 м. Как правило, в южной части яма глубже, в северной мельче. В углублении помещался сруб в три-четыре венца с долевым перекрытием из нетолстых бревен. В двух случаях для перекрытия были использованы каменные плиты. Погребения одиночные, с конем.

Характерно положение покойного: головой на восток, слегка на правом боку, левая рука согнута в локте так, что предплечье приходится поперек туловища, правая — вытянута; ноги слегка подогнуты коленями вправо.

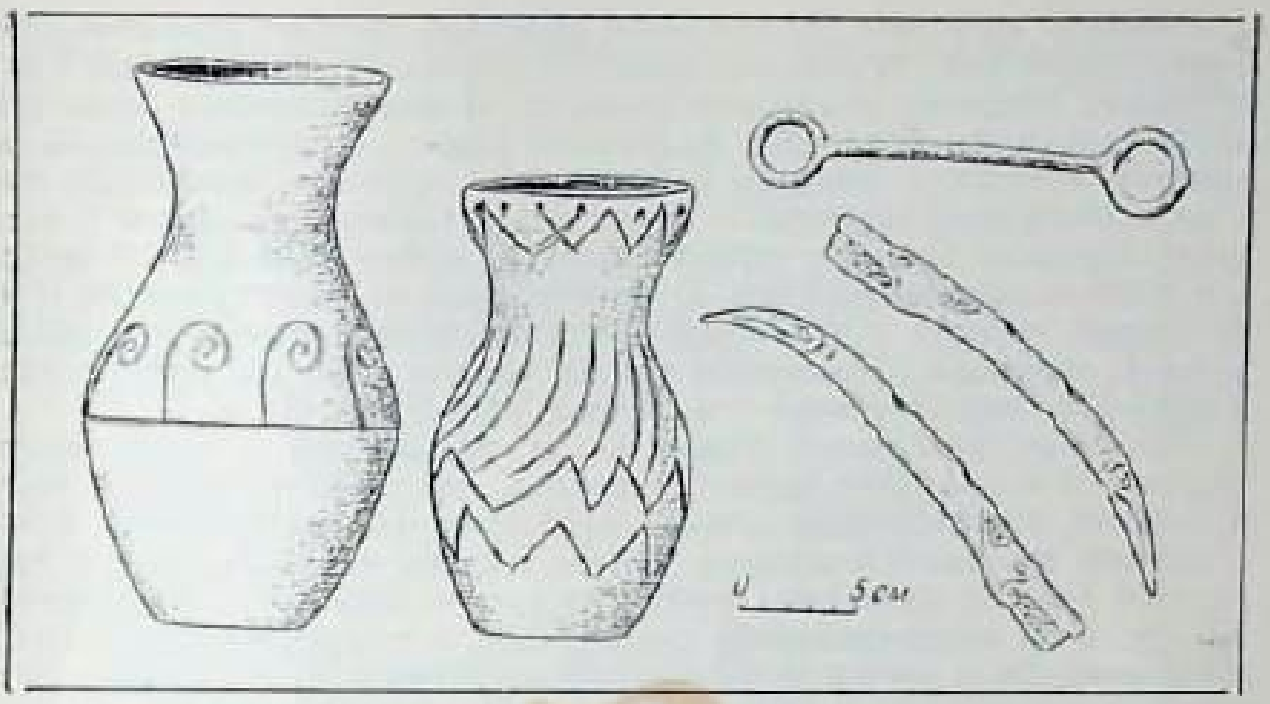
К северу от срубов, в более мелких частях ям, сохранились полные костяки лошадей — по одной, редко по две в могиле. Их убивали ударами клевца в лоб и клали в могилы на брюхо, с подогнутыми ногами и приподнятой головой, под которую подкладывался камень.

В могилах северной и центральной частей могильника бронзовые вещи преобладают над железными. Здесь найдены бронзовые проушные клевцы, бронзовые зеркала с боковой ручкой и с центральной ручкой-кнопкой на трех стойках, литые бронзовые кинжалы с брусовидным навершием и бабочковидным перекрестием, бронзовые, реже железные ножи. Кольчатые шарнирные удила (в кургане 26 — прямые, без шарнира) тоже преимущественно бронзовые.

Имеется довольно много изделий из кости: украшения узды в виде кабаньих клыков, подпружные пряжки с наружным шилом и без него, двудырчатые простые и резные псалии.

Резные псалии (курган 26) представляют собой слегка изогнутые костяные (роговые?) стержни с двумя овальными отверстиями, оси которых взаимно параллельны и лежат в плоскости, в которой изогнут стержень. Более массивный конец, почти прямой, оформлен в виде морды волка с оскаленной пастью и злобно прижатым ухом; другой, заостренный и загнутый книзу, изображает голову хищной птицы с длинным клювом.

Вблизи бронзовых предметов сохранились остатки тканей и меховой одежды.



Кок-су. Кувшины, бронзовые удила и костяные псалии из могильника

В могилах южной части могильника, как правило, бронзовых вещей нет. Устройство могил такое же: те же срубы в южной, более глубокой части могилы, то же положение костяков, так же к северу от сруба, на приступке, хоронили коня.

Из погребального инвентаря здесь сохранились железные ножи, железные кольчатые шарнирные удила, остатки железного кинжала и обломки других железных вещей.

Почти во всех раскопанных могилах в северо-западном углу сруба стоял глиняный сосуд; в одном кургане их было два, в одном горшков не было.

Керамика могильника Кок-су I представляет собой единую компактную группу, но каждый сосуд чем-либо отличается от других. Преобладают кувшины весьма совершенной формы и пропорций. Корпус их большей частью близок к яйцевидному, горло высокое, раструбом. Многие кувшины украшены процарапанным по сырой глине рисунком, каждый кувшин — своим. Преобладают плавные изогнутые линии, ритмично чередующиеся или образующие подобие фестонов. Встречаются завитки, треугольники и зигзаги.

Уникален маленький кувшинчик с широким горлом, на поверхности которого черной минеральной краской небрежно нанесены кривые линии и завитки.

Все описанные выше погребения следует датировать V—IV, может быть III в. до н. э. включительно.

Рядом с курганом 26 раскопано каменное кольцо (диаметр 3,5 м). В неглубокой яме сохранилась золистая линза, над ней и рядом с ней — несколько обломков истлевшей челюсти. В юго-восточном крае углубления находились бронзовые шарнирные удила со стременидными окончаниями и вместе с ними (в рабочем соединении) — бронзовые псалии в виде изогнутых стержней с двумя отверстиями у концов и с «запонкой» посредине. Рядом с удилами найдена кубической формы пронизка для перекрытия ремней узды. В юго-западной части углубления лежала бронзовая пряжка с заклепкой для крепления к ремню и с овальной рамкой, имеющей обращенный внутрь крючок. Там же найден парный с пряжкой блок. Эти вещи относятся к VII—VI вв. до н. э.

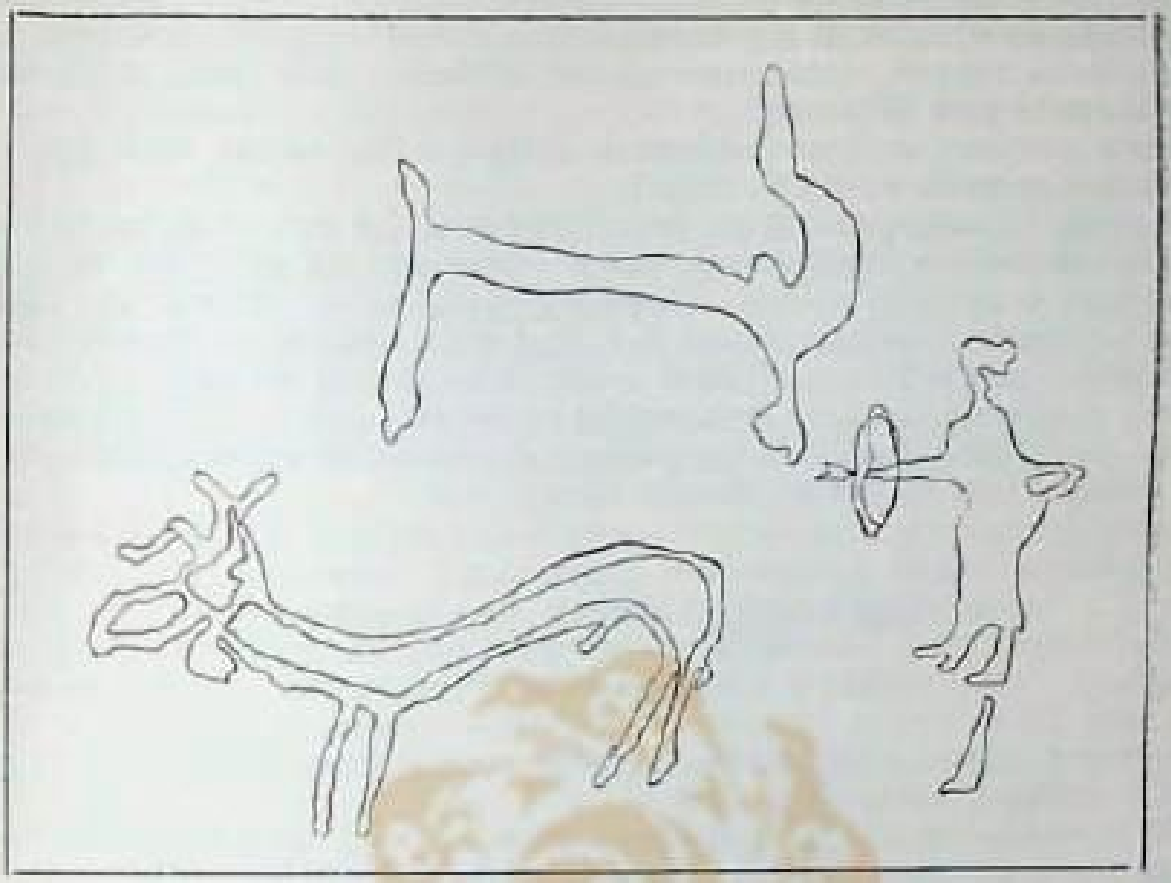
Раскопки могильника Кок-су I, где похоронены рядовые воины и, видимо, их жены, дают ценный материал для характеристики местных элементов, составляющих основу культуры ранних кочевников Алтая. Особенно интересна керамика. Формы сосудов и их украшения трудно связать с более древними. В оригинальности сосудов из погребений на Кок-су, в их индивидуальном своеобразии, в характерной для них свободе замысла и смелости выполнения орнамента, в отсутствии скованности и пристрастия к каноничности, по-видимому, отразилась идеология скотоводческих племен, порвавших с ограниченностью и замкнутостью предшествующей эпохи.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНИХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Б. В. Фролов, А. И. Сперанский

Задачей экспедиции Сибирского отделения АН СССР было выявление и изучение древних наскальных изображений в двух пунктах у с. Куюс Шебалинского района Горно-Алтайской автономной области, а также археологическое обследование всего прилегающего к этому местонахождению района левобережья р. Катуни, протяженностью около 5 км.

Первый пункт, где найдены наскальные изображения, находится на окраине с. Куюс, у спуска к берегу Катуни, второй — на расстоянии около 5 км вверх по течению Катуни, на ее правом берегу, у бома. В первом пункте около 20 рисунков на двух крупных камнях среди камнепада: это едва различимые мелкие (не более 20 см) изображения козлов, оленей и людей, выбитые грубо и довольно схематично, как силуэты. Они едины по технике исполнения и стилю и аналогичны мелким силуэтным рисункам второго пункта — бома.



Горный Алтай. Наскальные рисунки

Бом представляет собой останец скалы высотой около 8 м, окружность его основания около 30 м. С южной стороны в нем образовалось укрытие в виде неглубокого грота, козырек которого обрушился. Одна из стенок грота сложена из зеленоватых и бурых сланцев и до блеска отполирована сбегавшим по ней водным потоком. На ней особенно много рисунков.

Рисунки покрывают и западную сторону бома, где специально для них в нескольких местах поверхность скалы зашлифована человеком. Наконец, на материковых скалах, от которых бом отстоит на 12—15 м, у основания имеются петроглифы и одиночные рисунки и композиции. Первый такой пункт находится прямо за бомом: здесь на зашлифованной грани скалы выбиты контуры двух оленей, самца и самки, на боках зверей сохранились четырехугольники скального фона, а по контурным желобкам после выбивки сделана прошлифовка.

Далее вверх по течению Катуни у подножия скал есть несколько изображений одиночных фигур зверей, выполненных той же техникой: выбивкой по контуру с последующей прошлифовкой. Но гораздо больше здесь фигур меньшего размера, у которых выбивкой обозначен весь силуэт, без прошлифовки. Только из таких фигур состоит последняя

композиция, находящаяся у доминицы, т. е. на расстоянии около 150 м от бома вверх по Катуни. В эту композицию входят две человеческие фигуры и восемь зверей, преимущественно козлов — все они схематичны, выбиты грубо или небрежно.

Всего на боме и прилегающих к нему скалах более 200 рисунков. Они подразделяются на три цикла.

Первый, самый древний, на вершине бома. Он представлен огромными (длиной до 2 м) фигурами лосей, выбитыми по контуру широкими желобками с прошлифовкой. Звери изображены идущими на юг. Это самые реалистические по стилю и самые тщательные по технике исполнения петроглифы Куюса. Самая близкая аналогия им — неолитические фигуры лосей на Ангаре. Фрагменты подобных фигур обнаружены и у самого основания бома в ходе раскопок: они были перекрыты культурным слоем с керамикой железного века.

Второй цикл представляют гораздо более мелкие (до 40 см) рисунки, выполненные также аккуратной, тщательной выбивкой по контуру желобком с последующей прошлифовкой желобка, но иногда и без нее. Изображают они в основном оленей-маралов, но порой очень условно. Подобные звери входят и в центральную композицию грота, где воспроизведена сцена охоты: справа от основной массы зверей два человека стреляют в них из лука, слева частыми параллельными штрихами показана, очевидно, изгородь загона.

К третьему циклу относятся еще более мелкие изображения зверей. Чаще всего это силуэтные фигурки козлов, разбросанные без видимого порядка.

В укрытии бома, где сосредоточена бо́льшая часть петроглифов, было заложено несколько шурфов; в результате выявлены последовательно залегающие три горизонта культурного слоя.

В верхнем слое вместе с керамикой железного века найдены фрагменты железного долотца (чекана?). В среднем слое обнаружено несколько мелких кремневых орудий, много отщепов и фрагментов керамики. Третий слой, отделенный от второго стерильной прослойкой, не содержит керамики, в нем найдено лишь несколько массивных кремневых орудий неолитического облика.

При археологическом обследовании левобережья Катуни, прилегающего к месту древних наскальных рисунков, был выявлен большой курганный могильник, названный Куюсским. Он расположен в 8 км к юго-востоку от с. Куюс, в узкой речной долине. В нем насчитывается 100 курганов, вытянутых по линии запад — восток. Курганы сложены из камней, образующих либо каменную наброску, круглую или овальную в плане, либо кольцо. Часть курганных насыпей повреждена ямами. По-видимому, это следы грабительских раскопок. Некоторые курганы имеют памятные стелы в западной части насыпи или выступающие на поверхность каменные прямоугольные ящики, сложенные из больших вертикально стоящих плит и камней. Эти курганы не раскапывались. По

некоторым особенностям конструкции надмогильного сооружения они сближаются с афанасьевскими погребениями, найденными в Горном Алтае (Усть-Куюмский могильник и др.).

Археологической разведкой в долине р. Чуя, в 10 км от поселка Актыш, выявлено более 180 древних погребальных памятников, курганов и могил, объединенных в четыре курганные группы. Курганы сложены из камня, могилы также отмечены на поверхности выкладками из камней. Часть курганов имеет характерную особенность — длинные цепочки из вертикально стоящих камней, числом до 20, идущие от курганной насыпи. Этот погребальный обычай установки «балбалов» бытовал у древнетюркского населения Алтая в VI — IX вв. На принадлежность этих курганов древним тюркам указывает и их расположение «цепочками». Возможно, что часть этих погребальных комплексов относится к более древней эпохе — к бронзовому веку Алтая.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭВЕНКИИ

Г. И. Андреев

Нижнеенисейский отряд Западно-Сибирской экспедиции Института археологии АН СССР продолжал работы на Нижней и Подкаменной Тунгусках. Наряду с разведками на этих притоках Енисея впервые в Эвенкии были начаты раскопки наиболее важных памятников, открытых в предшествующие годы. Раскопано поселение в пос. Тура — центре Эвенкийского национального округа.

Результаты раскопок превзошли все ожидания. Поселение А по р. Кочечумо (приток Нижней Тунгуски, впадающий в нее около Туры) оказалось многослойным, что подтвердило предположения о разновременности материалов, собранных здесь же на берегу. Теперь эти материалы могут быть сопоставлены с вещами из определенных слоев.

Культурный слой поселения четко разделен на три горизонта, которые, в свою очередь, делятся на слои и прослойки различной толщины. Выявлено, что люди в различные периоды заселяли неодинаковую по ширине полосу берега: чем древнее слои, тем более узкую полосу террасы они занимают.

В настоящее время наиболее ранний слой имеет всего около 4—5 м ширины, однако не следует забывать, что в последние десятилетия вода размыла около 20 м берега. Видимо, поселение тянулось полосой в 20—25 м вдоль берега.

Судя по всему, уже в ранний период существования поселения люди селились на участках, свободных от деревьев. Деревья тогда рубили лишь при крайней необходимости, поэтому пней очень мало.

Позднее площадь, очищенная от леса, несколько увеличилась, и лес еще немного отступил от берега. Он все время был как бы естественной

границей поселка. Как далеко деревья отступали от берега в последний период существования поселения, когда отложился верхний культурный горизонт, сказать пока нельзя, так как границы его еще окончательно не установлены. Наиболее близкие к воде пни, «подстилающие» верхний горизонт, начинаются в 6—8 м от кромки террасы. В это время порубки уже не случайны и носят сплошной характер. Благодаря этому удалось взять образцы дерева от нескольких пней, находящихся на одном уровне.

Бо́льшая часть орудий верхнего горизонта (скребки, ножи, наконечники стрел) — небольших размеров. Они сделаны из прозрачного халцедона. Иной материал использован для тесел, абразивных плиток, отбойников, ретушеров. Хорошо представлены различные этапы обработки орудий (от заготовок до завершенных). Собрано много нуклеусов, пластин, отщепов.

В слоях среднего горизонта орудия из халцедона встречаются редко. В нижнем они совершенно отсутствуют.

Очень характерны для комплекса верхнего горизонта треугольные или трапециевидной формы халцедоновые скребки с желобчатым рабочим краем. Вместе с такими скребками встречаются обломки керамики — с отпечатками ткани, сетчатая и гребенчатая. Формы сосудов и композиции узоров в целом пока неясны. В нижнем горизонте керамики нет. Основным материалом для изготовления орудий здесь были ороговикованные породы шоколадного или зеленого цвета. Скребки из них отличаются от халцедоновых и формой и размером.

Во всех культурных горизонтах очень четко фиксируются очаги в виде красной прокаленной земли с остатками пепла и угольками по периферии. В очагах и на их границах очень много целых и растрескавшихся галек. Около одного очага среднего горизонта обнаружено скопление костей, рогов и челюстей оленя, видимо, северного.

Кроме раскопок, была проведена разведка по Подкаменной Тунгуске. Обследованы оба ее берега между поселками Ванавара (районный центр Тунгусо-Чунского района) и Оскобой на протяжении 160 км. В 1964 г. на Чамбинском пороге и в Оскобое геологи нашли интересные предметы. После разведки эти находки стали относить к определенным поселениям. Собрано много материалов: отщепы, пластины, нуклеусы, заготовки орудий и готовые изделия. Они часто прослеживаются на протяжении многих сотен метров и даже километрами в виде отдельных скоплений. Между такими скоплениями бывают участки по 200—300—400 м. Трудно пока сказать, сколько здесь было поселений, во всяком случае не менее 20.

Наиболее интересные и перспективные из них — поселения у Чамбинского порога и в 3 км ниже его (здесь найдены обломки бронзового орудия), а также у Паноликского порога и в самом Панолике.

Самые крупные поселения находятся у порогов. Это, видимо, не случайно. Ведь и сейчас пороги — излюбленное место рыболовов.

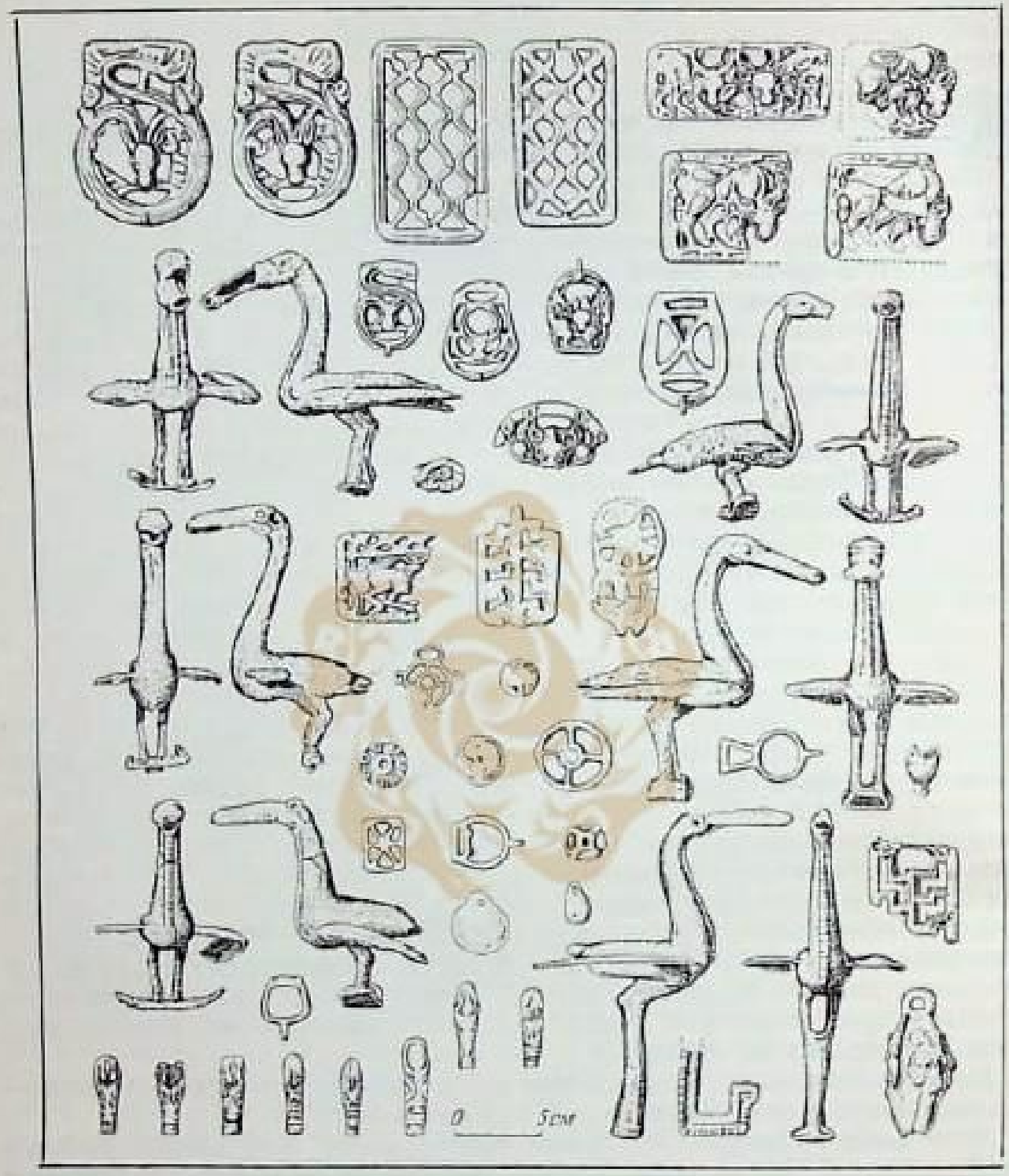
КОСОГОЛЬСКИЙ КЛАД

Н. В. Нащекин

Осенью 1966 г. в Красноярский краевой музей поступил клад вещей тагарской культуры, найденный у северо-восточной окраины оз. Большой Косоголь в Ужурском районе. Клад насчитывает около 200 предметов, из которых 130 — бляхи и пряжки, выполненные в зверином стиле, и другие украшения; остальные вещи клада представляют собой слитки бронзы, куски бронзовой стружки. Кроме того, найдены два скифских котла. Наиболее интересны следующие вещи клада: тринадцать бронзовых рельефных блях, изображающих фантастическое существо с головой козла и свернутым в спираль змееподобным туловищем со стилизованным изображением змеиной головы на хвосте; бронзовая бляха, близкая во многом к описанным выше, но вместо головы козла здесь голова быка, змееподобное тулово кончается изображением головы хищника; пять бронзовых плоских четырехугольных ажурных блях с изображением двух пар ползущих змей; четыре бронзовые рельефные бляхи с изображением одного или двух быков, по всей вероятности, сарлыков; шесть бронзовых полых внутри фигур птиц (гусей?); фигуры слегка отличаются друг от друга размерами, наклоном головы и формой подставки; бронзовая ажурная пряжка с изображением головы быка; бронзовая выпукло-вогнутая пряжка с рельефным изображением фигуры козла; обломок бляхи с изображением кошачьего (рысь?) хищника; бронзовые пряжки разных типов с неподвижным торчащим шпеньком; 35 бронзовых наконечников для ремней с рельефным стилизованным изображением морды зверя; бронзовая модель скифского котла; бронзовые ажурные бляхи в виде прямоугольников или кругов; бронзовые полушаровидные пуговицы с орнаментом в виде рельефной розетки или запятых; бронзовые четырехугольные бляхи со стилизованным изображением вцепившихся друг в друга хищников; бронзовый четырехугольный, полый внутри предмет с ушком наверху (колоколец?); два скифских котла, причем у одного ручки имеют гвоздеобразный выступ; на тулове обоих котлов в верхней части — орнамент в виде веревочки, один конец которой свернут в спираль; два бронзовых, кнопковых дисковых зеркала на ножках.

Косогольский клад, видимо, можно датировать концом тагарской — началом таштыкской эпохи, т. е. III—I вв. до н. э.

Этот клад случайно обнаружен скреперистом Ужурского рыбхоза Нефедкиным во время работ по восстановлению дамбы у оз. Большой Косоголь в месте впадения в него р. Сереж. По словам Нефедкина, все вещи, кроме фигурок гусей, лежали под перевернутым вверх дном котлом на глубине 50—60 см. В 10 м к северу им был обнаружен второй котел. Нефедкин вынул вещи из земли. Позже бо́льшая часть их попала



Косогольский клад. Вещи тагарской культуры

к геологу Г. М. Еханину, который сообщил о находке в музей. Остальные вещи собраны у местных жителей. По словам Нефедкина, в кладе была еще одна фигурка гуся, но найти ее не удалось. На месте находки был заложен раскоп, не давший никаких дополнительных материалов. В районе находки клада весь берег изрезан старыми карьерами, из которых в течение шести лет брали землю для подсыпки дамбы. При осмотре и зачистке стенок карьеров выявлен культурный слой мощностью 30—40 см, начинающийся у современной дневной поверхности. По всей толще культурного слоя встречаются фрагменты керамики: толстостенных сосудов с закругленными или срезанными внутрь краями венчика с тщательно залощенными стенками и посуды типично андроновского облика (найден почти целый горшок), которая попадается гораздо реже керамики первого вида и преимущественно в нижней части культурного слоя.

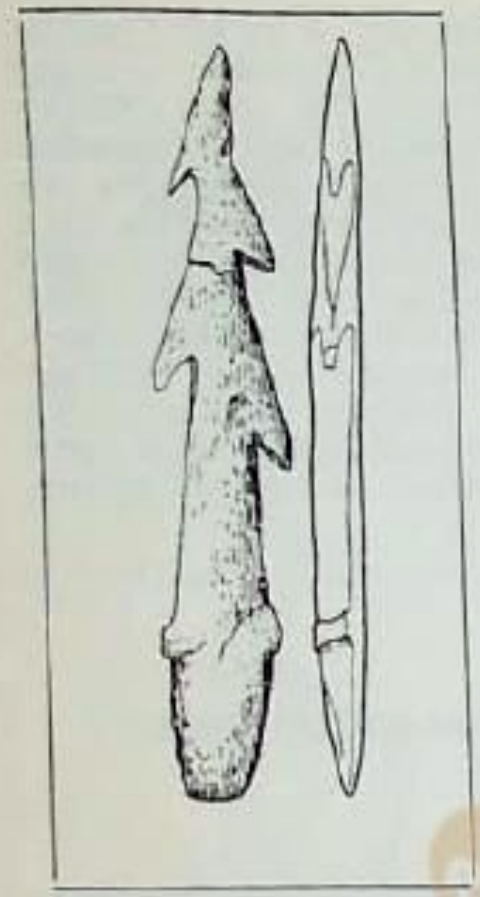
ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЗОЛИТА В ВЕРХНЕМ ПРИАНГАРЬЕ

Г. И. Медведев

Изучение мезолитических стоянок Верхнего Приангарья проводил Ангарский археологический отряд Иркутского государственного университета. Были обследованы и частично раскопаны памятники мезолита в долине Ангары на протяжении 150 км — от Иркутска до устья р. Иды, уже затопленного водами Братского моря.

На Верхоленской горе вскрыт участок, расположенный на самой вершине горы, в 500 м от места старых раскопок. Он назван Верхоленская Гора II. Здесь у борта старой каменоломни вскрыт культурный горизонт, материал которого имеет сходство с нижним комплексом Верхоленской Горы I. Среди изделий из кремня — двусторонне ретушированные ножи (ула), чоппер из гальки, грубый галечный нуклеус, правильные клиновидные и призматические нуклеусы, долотовидное орудие из кремня с двусторонней подтеской лезвия, боковые резцы верхоленского типа и пластинки.

Древний рельеф поселения Верхоленская Гора II, так же как и Верхоленской Горы I, осложнен глубокими рытвинами, образовавшимися от растрескивания коренных пород, сложенных юрским песчаником. Одна трещина была вскрыта полностью, что дало возможность проследить характер затекания рыхлых отложений, а вместе с ними и культурных остатков. Новым для Верхоленской Горы является факт перекрытия культурного комплекса в трещинах мощным слоем погребенной почвы, видимо, раннеголоценового возраста.



Уляха. Костяной гарпун

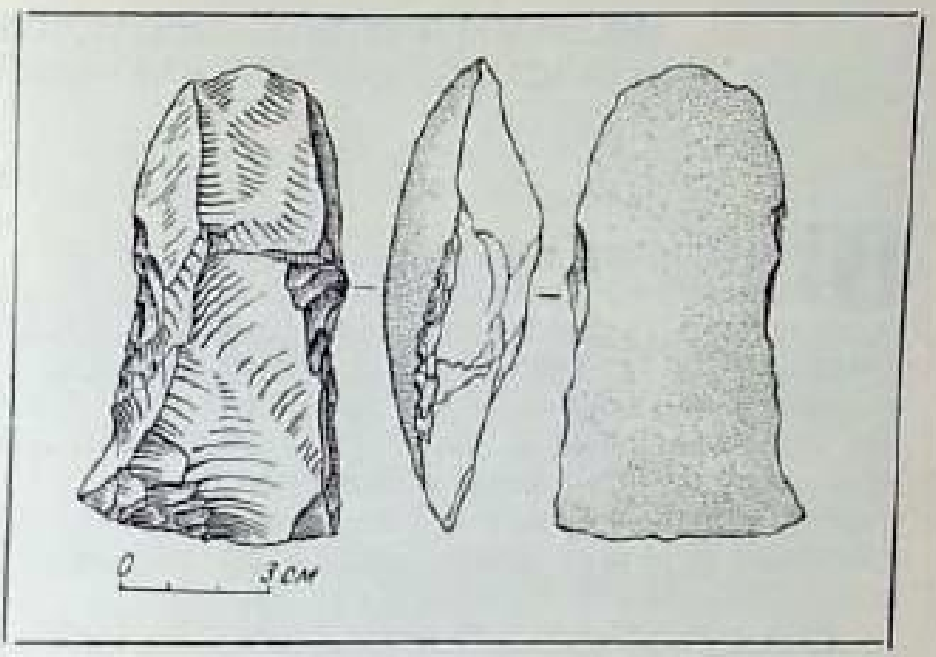
Другой интересный памятник мезолита — многослойная стоянка в местности Уляха на первой террасе правого берега Ангары, в 95 км ниже Иркутска. Она почти полностью уничтожена карьером, а в ближайшее время будет размыта водами Братского моря. В разведочном раскопе вскрыты три культурных горизонта позднемезолитического времени. Горизонт II заключен в погребенной почве раннеголоценового возраста. Находки представлены многочисленными скребками, клиновидными и аморфными нуклеусами, ножами из пластин и отщепов и обломками гарпунов из рога изюбра. Особенно интересен гарпун, являющийся переходной формой к гарпунам погребального комплекса серовской неолитической культуры. В целом стоянка обнаруживает чрезвычайно близкое сходство и по условиям залегания и по облику инвентаря с XIII—I горизонтами многослойного поселения Усть-Белая.

Обследование раннемезолитических стоянок бадайской группы в приустьевом участке р. Белой (Черемушник, Бадай и т. д.) показало, что стратиграфически они соответствуют постплейстоцену. Культурные остатки залегают на глубине 0,4—0,6 м от поверхности в красно-бурых супесях и суглинках третьей и четвертой террас, перекрывая повсеместно толщу палевых карбонатных облёссованных суглинков со следами размытой погребенной почвы в их кровле.

Между культурным слоем и размытой погребенной почвой имеются клиновидные внедрения, образующие в плане полигональную сетку растрескивания. Эти явления криогенного порядка, вероятно, соответствуют верхнему подгоризонту Сартана. Изделия из камня, собранные на стоянках бадайской группы, представлены скребками, ножами с двусторонней обработкой лезвия, микронуклеусами, пластинами, чоппераами, грубым клиновидным топориком.

Типологически комплекс более всего сходен с нижними (XV—XIV) горизонтами Усть-Белой, которым он, видимо, соответствует и по времени.

В районе бадайских стоянок летом 1966 г. обнаружено новое местонахождение — Сосновый Бор, на правом берегу р. Белой, в 15—18 км выше ее устья. Стоянка расположена на четвертой террасе, ландшафт которой носит дюнный характер. По разведочным данным, на поселении



Сосновый Бор. Галечное тесло

с фронтальной протяженностью до 2 км обнаружены многочисленные предметы позднемезолитического облика. В инвентаре стоянки обращают на себя внимание «галечные тесла», оформившиеся на базе широко распространенных в мезолите Приангарья рубящих орудий с боковыми выемками.

Остальной материал, собранный в раскопе и на поверхности, представлен призматическими пластинками, нуклеусами различных форм, скребками, миниатюрным отжимником из шиферного сланца и отщепами. Обнаруженные кости — единственные фаунистические находки — свидетельствуют о том, что здесь, как и в Усть-Белой, обитали рыболовы.

Последним объектом работ Ангарского отряда была группа стоянок в приустьевом участке р. Иды у пос. Каменка. Обследовано пять местонахождений, названных Каменка I—V. Они дислоцированы на второй, третьей и четвертой террасах и по характеру залегания полностью соответствуют бадайскому комплексу, а в культурном отношении обнаруживают удивительное сходство с Верхоленской Горой.

Работы отряда носили в целом рекогносцировочный характер, выяснялось состояние памятников и возможность их дальнейшего исследования. Тем не менее, получены ценные материалы, позволяющие уточнить некоторые вопросы стратиграфии и хронологии донеолитических комплексов Верхнего Приангарья, а также их культурные характеристики.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МНОГОСЛОЙНОМ ПОСЕЛЕНИИ УСТЬ-БЕЛАЯ

Г. М. Зайцева

Исследования проводились археологическим отрядом Иркутского областного краеведческого музея и Иркутского педагогического института. В средней части поселения, у бровки первой надпойменной террасы был заложен раскоп общей площадью 135 кв. м. Раскопом вскрыта лишь делювиальная толща отложений. Стратиграфический разрез имеет следующую картину: 1) гумусированный слой, залегающий сразу под дерном, общей мощностью 8—10 см; 2) слой гумусированной супеси общей мощностью 40—45 см, а в отдельных случаях до 60 см, имеющий бурую окраску; ближе к полу супесь заметно опесчанивается и приобретает более светлую окраску.

Делювиальная толща очень четко отделяется от аллювиальных пойменных отложений плотной железистой прослойкой, которая, видимо, является древней поверхностью поймы и нивелируется более поздними отложениями. Настоящая дневная поверхность сохраняет лишь едва заметные чашеобразные углубления.

Несмотря на то, что имеется довольно ясная стратиграфическая колонка в данной части поселения, культурные горизонты выделить трудно.

Дело в том, что в средней части поселения совершенно отсутствует горизонт с остатками курыканской культуры. Первый культурный горизонт содержит остатки эпохи поздней бронзы, пол этого слоя залегает на глубине 15—20 см от дневной поверхности и отделяется от лежащих ниже горизонтов прослойкой, очень бедной находками, а в большей части раскопа они полностью отсутствуют. Этот горизонт дал большой керамический материал — фрагменты сосудов, различающихся по технике изготовления и по орнаментам. Один сосуд (найден в больших фрагментах) имеет утолщенный венчик и орнамент из фигур, напоминающих рыб. Кроме того, в этом слое найден наконечник стрелы ланцетовидной формы, скребки, нуклеусы и т. д. Бронзовых изделий не обнаружено.

Второй культурный горизонт был выделен условно, стратиграфически он включается в среднюю часть гумусированной супеси. Инвентарь этого горизонта чрезвычайно невыразителен. Имеется довольно много керамики, но определить ее типологически трудно из-за разнообразия технических приемов и мотивов орнаментации. Весь этот культурный комплекс можно условно отнести к глазковской стадии прибайкальского неолита.

Третий — неолитический — горизонт залегает в самом низу слоя гумусированной супеси и совпадает с опесчаненной частью отложений

светлой окраски. Здесь очень интересны остатки фауны: кости медведя и, по всей вероятности, бобра, а также косули. В этом горизонте довольно четко определился керамический комплекс, который в основном содержал фрагменты сосудов с орнаментом «отступающей» лопаточки, реже — с личиночным. Из каменного инвентаря необходимо отметить массивный пест с хорошо выраженным поясом, двусторонний нефритовый топор, оббитую нефритовую гальку и множество обломков нефритовых изделий.

Подобное распределение культурных остатков, залегающих в делювиальной толще, на поселении Усть-Белая установлено впервые, его нужно уточнить и подтвердить новыми материалами.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ ДОЛИНЫ ЛЕНЫ

М. П. Аксенов

В 1966 г. Ленская археологическая экспедиция, организованная Иркутским областным музеем краеведения, обследовала участок долины Лены от устья р. Анги до устья р. Тиры. Здесь открыто 15 новых местонахождений. На трех из них найдены только каменные орудия, на остальных они сопровождаются керамикой, характерной для неолита, бронзового и железного веков Прибайкалья.

Кроме разведки, экспедиция произвела раскопки на ранее известном памятнике Макарово. Обследовалась часть террасы, ограниченная с севера склоном высокой (40 м) террасы, с востока — линией карьеров и с юго-востока — руслом сухого ручья. С юга к террасе примыкает высокая пойма. Раскопами и шурфами вскрыто 75 кв. м.

Геологический разрез террасы: 1) гумусированный почвенный слой красновато-бурого цвета, мощностью от 20 до 40 см; 2) этот же слой, постепенно осветляющийся и одновременно карбонатизирующийся; 3) слой серой тонкозернистой вертикально столбчатой лёссовидной супеси, в средней части которого прослеживается сильно карбонатизированная белесоватая, очень плотная прослойка; мощность слоя 40—45 см; 4) слоистые пески, в низах перемежающиеся иловатыми прослойками; 5) слегка окатанный плитняк мелкозернистого песчаника, перемешанного с дресвой, галькой и песком.

Культурные остатки заключены в диапазоне от 1-го до верха 4-го слоя. В разных уровнях почвенного горизонта залегают остатки железного века и бронзы. С переходным (2-м) слоем связаны находки неолита. В лёссовидной супеси (3-й слой) под плотной карбонатизированной прослойкой обнаружены остатки жилища с очагом из плит и каменными

орудиями. В сторону бровки террасы плиты жилища и отдельные орудия уходят в нижележащий слой песка (4-й Б).

Остатки жилища, раскопанные в 1966 г., представлены блюдцеобразной круглой площадкой, вокруг которой лежали крупные, с закругленными выветриванием гранями плиты песчаника. Плиты располагались по окружности диаметром 7 м.

В центре круга из плит в плавном углублении располагался очаг — несколько крупных плит песчаника, положенных плашмя без особого порядка, со следами золы и редкими древесными угольками. Вокруг очага, внутри круга, очерченного плитами внешней кольцевой обкладки, найдено подавляющее большинство находок: отщепы, призматические микропластинки, обломки костей крупных млекопитающих, кости рыб, боковой резец «верхоленского» типа, микроскребок, скребло из крупного скола с гальки, гобийский нуклеус, галечные орудия типа чопперов и чоппингов, девять крупных кварцитовых галек, лежавших компактной группой (отбойники и своеобразные нуклеусы).

За пределами жилища обнаружено только два чопперовидных галечных орудия, несколько мелких обломков костей и четыре отщепа.

Наиболее близкая аналогия этому жилищу — раскопанные в 1962 г. остатки жилища с очагом на раннемезолитической стоянке Черемушник на р. Белой. Подобные очаги в 1965 г. исследованы в раннемезолитическом слое Верхоленской Горы (слой III).

Орудия из жилища со стоянки Макарово по морфологическим признакам не выходят за рамки мезолитического комплекса Приангарья. Особую близость они обнаруживают с каменными орудиями из слоев II и III Верхоленской Горы и с забайкальской стоянки Ошурково.

Хозяйственные занятия населения в верховьях Лены в этот период не отличались от занятий населения Ангары и Селенги в мезолите. Основой хозяйства были охота и рыбная ловля.

Данные, полученные при исследовании Макарова, позволяют отнести нижний слой к восточному, верхоленско-забайкальскому крылу мезолитической культуры Прибайкалья, наиболее изученные памятники которого — Верхоленская Гора и Ошурково. Новые исследования на стоянке Макарово утверждают этот многослойный памятник в качестве опорного для верхней Лены.

Особо ценно, что в непосредственной близости от Макарова находятся такие абсолютно аналогичные ей в геологическом и близкие в археологическом отношении памятники, как Шишкинская многослойная стоянка и вновь открытая стоянка Нефтебаза.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОЛИНЕ р. ОНОН

Р. С. Васильевский, И. И. Кириллов

В 1965 г. Сибирское отделение АН СССР начало и в 1966 г. продолжило раскопки неолитического поселения Чиндант, расположенного на террасе левого берега р. Онон, примерно в 3 км вниз по течению от старого моста, связывавшего левый берег с современным пос. Чиндант.

Это поселение привлекает к себе внимание необычной для Восточной Сибири стратиграфией. Культурный горизонт его перекрывается толщей супесей мощностью до 6 м, местами до 8 м. Перекрывающая толща супесей слоистая, с чередованием темных гумусированных и светлых песчаных прослоек. Анализ образцов, взятых из этих «ленточных» отложений геоморфологом П. М. Долухановым, возможно, покажет климатические колебания на протяжении нескольких тысячелетий.

Культурный слой поселения не нарушен. Он залегал на сравнительно ровной площадке в темной гумусированной супеси. Толщина его колебалась в пределах 30—50 см.

Жизнь на поселении, как свидетельствуют находки, концентрировалась в основном вокруг очагов. Часть из них обложена камнями, часть представляет собой простые зольники. Все они имеют форму овала диаметром от 60 до 90 см и глубиной 10—15 см.

Рядом с очагами рассеяны обломки расколотых костей животных, главным образом кулана, а также более крупные трубчатые кости, принадлежащие, возможно, дикой лошади. У одного очага обнаружено значительное скопление костей животных. Здесь же лежали горизонтально две каменные плиты, которые, по-видимому, использовались для дробления костей. Об этом говорит найденная рядом с одной из плит продолговатая галька со следами сбитости на конце. Вместе с костями животных на том же уровне залегали каменные орудия, фрагменты глиняных сосудов, отщепы.

Это было типичное поселение бродячих охотников неолита, близкое, в целом, к временным поселениям лесных неолитических охотников Прибайкалья и Забайкалья.

Каменный инвентарь Чинданта характеризуется в основном мелкими изделиями, изготовленными с большой тщательностью из халцедона, яшмовидных и окремненных пород камня. Особенно многочисленную группу инвентаря составляют скребки. Это, как правило, миниатюрные изделия величиной от 1 до 2 см. Среди них есть концевые скребочки треугольных очертаний, скребки с прямоугольным рабочим краем, обработанным крутой ретушью, скребки четырехугольной формы, а также с хорошо выраженной рукояткой и небольшими плечиками. Рабочее

лезвие у них сравнительно широкое, выпуклое, круто затесанное. Типичны для Чиндана и нуклеусы-скребки.

Ножевидные пластинки, очень тонкие и изящные, всегда правильной огранки; многие из них с брюшка обработаны мелкой тщательной ретушью. Имеется, кроме того, несколько ножевидных пластинок, у которых один конец заострен и изогнут в виде клюва. Это, по-видимому, универсальные орудия, выполняющие функции проколки и концевого скребка.

Из других орудий здесь обнаружены треугольные наконечники стрел с полукруглой выемкой в основании, оформленные тончайшей отжимной ретушью; проколки, в том числе с плечиками; отбойники с характерными мелкими выбоинами на конце. У нуклеусов пластины скалывались с одной, иногда с двух сторон, противоположные же грани оставались нетронутыми, сохраняя естественную поверхность.

Среди этих мелких и тщательно оформленных изделий резко выделяется серия крупных скребловидных орудий, изготовленных на гальках, которые оказываются во многом сходными с подобными инструментами, найденными в Громатухе (р. Зея). Это важная и существенная черта, указывающая на определенную близость поселения Чиндант к неолитической стоянке Громатуха.

Однако керамика этого поселения (тонкостенные сосуды с оттисками «веревочки») характерна в целом для забайкальской керамики нижнеберезовского типа. В кремневом инвентаре прослеживаются параллели с инвентарем неолитических стоянок Монголии. Все это дает основание полагать, что поселение Чиндант было в прошлом своего рода промежуточным звеном между неолитическими памятниками среднего Амура и Монголии.

Одновременно с раскопками неолитического поселения была произведена зачистка обнажения стенки оврага, примыкающего к поселению с северо-восточной стороны. В этом месте, в слое лёссовидной глины, который был как бы перекрыт слоем с неолитическими находками, обнаружены мелкие отщепы и нуклевидные галечки зеленого кремня, а также кости ископаемых животных, в том числе лошади, шерстистого носорога и медведя. По мнению А. П. Окладникова, эти находки как стратиграфически, так и по общему облику относятся к верхнему плейстоцену и дают первое представление о верхнем палеолите бассейна р. Онон.

ПОСЕЛЕНИЯ НЕОЛИТА И ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРИАМУРЬЕ

А. П. Деревянко, Е. И. Деревянко

В 1966 г. экспедиция Сибирского отделения АН СССР исследовала поселение эпохи неолита на р. Громатухе (левый приток Зеи) и поселение Польцо железного века у с. Кукелево на Амуре. Неолитическое поселение расположено на правом берегу в устье Громатухи, в 150 км выше г. Свободного.

Поселение трехслойное. Стратиграфия следующая: 1) дерн (10—15 см); 2) светло-коричневая супесь (20—25 см); 3) темная гумусированная слабо уплотненная супесь (30—40 см); 4) светло-желтая гумусированная супесь (15—30 см). Все три слоя насыщены находками, которые располагались обычно большими скоплениями. Во всех трех слоях сохраняется единство форм и техники обработки изделий из камня, а также приемов орнаментации сосудов.

Для изготовления орудий труда применялись кремень, вулканический туф, вулканическое стекло. Преобладали орудия больших размеров, обработанные сколами и ретушью. Кроме того, найдено много желваков, которые не были специально обработаны. Они служили для снятия крупных отщепов. Из массивных орудий чаще всего встречаются своеобразные тесловидно-скребловидные инструменты. Они выделывались из плоских удлиненно-овальных галек. Одна сторона их тщательно обработана сколами, а по краю — мелкой ретушью, другая же совершенно не обработана. Значительную часть обнаруженных на поселении крупных орудий труда составляли ножи-клинки и наконечники копий и дротиков. Клинки выделывались из массивных заготовок. Все стороны их тщательно обрабатывались мелкими сколами, а лезвия тщательно ретушировались. Наконечники копий и дротиков имеют устойчивую ромбическую форму, они несколько удлинены у насада. Размеры наконечников варьируют от 4 до 15 см.

Резцы в преобладающей массе срединные, многофасеточные, но есть и боковые и угловые. Много комбинированных орудий: резцы-ножи, скребки-проколки. Из ножевидных пластин изготовляли наконечники стрел иволистной формы, проколки, вкладыши лезвия для составных ножей-кинжалов, концевые скребки. Нуклеусы, от которых отделяли ножевидные пластины, представлены гобийскими призматическими формами.

Керамики на поселении обнаружено сравнительно немного. Приемы ее орнаментации разнообразны. Наиболее распространены орнамент, нанесенный колотушкой, обмотанной грубой травой или тканью, и орнамент, состоящий из различных ромбических, прямоугольных вдавлений, которые рядами опоясывают сосуды. Есть также фрагменты с орнамен-

том, выполненным подвижным зубчатым колесиком, с налепным рассеченным валиком, с комбинациями различного рода из прочерченных линий.

Во втором и третьем слоях обнаружены очаги и небольшие хозяйственные ямы. Каменный инвентарь в этих слоях концентрировался в основном вокруг очажных пятен. Очаги, очевидно, находились внутри жилища типа чума.

Раскопки на Громатухе дают, таким образом, представление об оригинальной громатухинской культуре, игравшей, несомненно, важную роль в культурной истории Дальнего Востока, Забайкалья и Якутии.

Поселение Польцо железного века у с. Кукелево располагается на невысокой (4—6 м) террасе, круто опускающейся к широкой болотистой долине старицы Амура. Оно вплотную примыкает к идущей по самому краю террасы дороге. Часть жилищ, по-видимому, была уничтожена во время ее строительства.

Жилища прослеживаются в виде глубоких чашевидных западин-котлованов. При их вскрытии и зачистке пола обнаружены остатки обуглившихся деревянных конструкций. Это были большие полуподземные дома с котлованом глубиной более 1 м. У стен котлована в жилище ставились столбы толщиной 10—20 см с интервалами в 0,5—1 м. Собственно стены жилищ состояли из толстых жердей или плах, которые или горизонтально закладывались между стенами котлована и столбами, или крепились к столбам с внутренней стороны. В пятом жилище обнаружена часть такой стены площадью около 4 кв. м.

В центре жилищ, на расстоянии 2 м от очага стояли центральные столбы, от четырех до шести штук. Они служили опорами для кровли. В жилищах имелись нары и, вероятно, широкие полки типа нар, на которых стояли сосуды с запасами пищи. Во всех жилищах обнаружено много совершенно целых сосудов (всего около 150). Сосуды во время пожара рухнули на пол, над их скоплениями прослеживаются остатки обуглившихся плах и жердей. В скоплениях сосудов, на полу, а то и прямо в сосудах, встречались обгоревшие и обугленные зерна проса. Размеры, форма и орнаментация сосудов разнообразны: есть сосуды, вмещающие менее десятой части литра и емкостью до 10 л. Большие сосуды служили для хранения зерна.

По форме сосуды делятся на три основные группы. Первую составляют сосуды с шаровидным или сферическим туловом и прямым или сильно отогнутым венчиком (типа яей). Они обычно украшены резным орнаментом из прямых или волнистых линий, опоясывающих сосуд. Их наносили штампом с пятью или четырьмя зубцами. Довольно часто эти резные линии чередуются с рядом налепных жемчужин и валиков. По форме и орнаментике сосуды этого типа близки к сосудам урильско-сидиминской культуры. Сосуды второго типа — ситулообразной формы, слабо профилированные. Украшали их, как правило, шахматно-шашеч-

ным штампом. Сосуды третьего типа представляют как бы переходную форму от первого типа ко второму.

В жилищах обнаружено много изделий из глины, кости и железа. Из глины изготавливали грузики для ткацких станков, украшения в виде колец, бусы. Широко использовалась обитателями поселения кость. Во всех жилищах имеются скопления костей, предназначенных для обработки, и рабочие площадки, на которых обрабатывали кость и рог.

Из железа изготовляли различные орудия труда (кельты, крючки, шилья, проколки, иглы) и предметы вооружения (наконечники стрел двух типов, ножи, кинжалы, панцирные пластинки), а также украшения в виде больших колец и бусы. Часть изделий отливали, а часть выделывали из специальных пластин-заготовок. Обнаружено около десятка больших железных пластин, из которых вырубали, а затем проковывали наконечники стрел, ножи и крючки. Для резания железа применялись специальные зубила. Их на поселении обнаружено шесть штук. Железо на этом этапе стало основным материалом для изготовления орудий труда и предметов вооружения. Изделия из камня встречаются крайне редко.

Важные изменения на этом этапе произошли и в хозяйстве. Большое количество зерна в жилищах свидетельствует, что земледелие стало основой хозяйственной жизни. Хозяйство из присваивающего превратилось в производящее. Поселение Польцо характеризует новый этап урильско-сидимиской культуры, так как многие формы сосудов и их орнаментика, железные кельты и украшения очень близки к инвентарю памятников этой культуры.

ПОСЕЛЕНИЕ У с. ВОЗНЕСЕНОВКА ВБЛИЗИ УСТЬЯ р. ХУНГАРИ

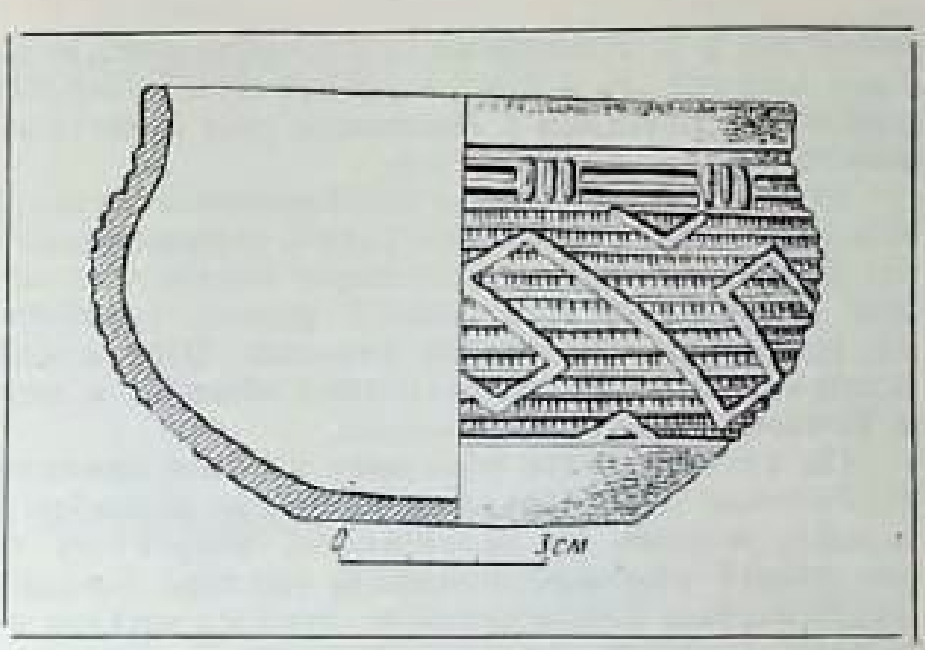
А. П. Окладников

У с. Вознесеновки еще В. К. Арсеньев собрал коллекцию мелких кремневых изделий, куда входили тонко отделанные ретушью типичные неолитические наконечники стрел и «кнопчатые» ножи, удивительно сходные с ножами из памятников культуры дземон. В 1935 г. нами были произведены сборы в 2,5—3 км выше Вознесеновки, в местности Старый Станок. Наше внимание остановила характерная керамика, отличавшаяся тщательностью и изяществом орнаментации, в том числе фрагменты сосудов с окрашенной в красный цвет и лощеной наружной поверхностью. В 1964 г. на этом же пункте вместе с каменными изделиями неолитического типа обнаружены новые интересные вещи: небольшой сплошь орнаментированный сосудик и фрагменты роскошного большого сосуда с рельефными личинами антропоморфных существ.

В 1966 г. экспедиция Сибирского отделения АН СССР продолжила работы на поселении у Вознесеновки. В работе экспедиции принял участие геоморфолог П. М. Долуханов. Выяснилось, что поселение Старый Станок занимает особое место среди остальных неолитических поселений нижнего Амура по самому характеру отложений, с которыми связаны культурные остатки. Отложения эти мощные, многослойные. В них представлены неодновременные культуры и культурно-исторические этапы. Это произошло потому, что вся толща наслоений возвышенности, на которой находится поселение, образовалась в процессе накоплений пойменного аллювия, преимущественно супесей и песков. На поверхности этой толщи и в непосредственно перекрывающих ее речных песках залегают два нижних культурных горизонта, выше — два слоя супеси, более темный внизу и более светлый вверху. Сверху все перекрыто дерновым горизонтом, представляющим собой слой заброшенной пахотной земли старого огорода. Культурные остатки встречаются в этих слоях с дернового горизонта. Сверху обнаружены черепки мохэсских сосудов и даже почти целые сосуды. Последние связаны с древними ямами-углублениями, впущенными местами довольно глубоко в подстилающие отложения и в более ранние культурные слои. В заполнении мохэсских ям (очевидно, хранилищ для запасов) имеются кости рыб и раковины речных моллюсков. Глубже встречается керамика раннего железного века, вместе с ней изредка попадаются обломки неолитических сосудов, орнаментированных пунктирно-гребенчатыми линиями, иногда образующими достаточно четко выраженный вертикальный зигзаг.

В контрольной траншее и зачистке обреза берега в толще супеси выявлены остатки древних углублений — котлованов неолитических жилищ. В заполнении одного котлована найдены обломки сосудов, орнаментированных в гребенчато-пунктирной технике, характерной для неолита Дальнего Востока. Орнаментальная композиция обычная, в виде параллельных рядов вертикального зигзага. Здесь же оказались фрагменты сосуда с лощеным малиново-красным фоном и рельефными личинами и целый сосудик в виде высокой узкогорлой вазы, тоже лощеный, но не орнаментированный. К этому же жилищу относится небольшой «клад», состоящий из плотно уложенных заготовок каменных топоров, оббитых, но еще не зашлифованных.

Особый интерес представляют остатки второго жилищного углубления, впущенного в отложения холма почти до слоя аллювиального песка, и содержащихся в нем двух самых нижних культурных слоев поселения. Здесь оказались самые эффектные находки: семь миниатюрных колечек из непрозрачного белого, «как сало», нефрита, лежавший кучкой, великолепный по отделке двусторонне ретушированный наконечник стрелы из желтоватого полупрозрачного кремня и крупное шлифованное тесло. Керамика этого жилища представлена выразительными образцами типичных для неолита нижнего Амура сосудов с орнаментом из тисненых ромбиков, образующих «амурскую плетенку». Вторая группа



Вознесеновка. Неолитический сосуд

фрагментов керамики украшена тремя орнаментальными рядами. Весь этот комплекс выделяется богатством орнаментации керамики и совершенством изготовления каменных изделий, особенно наконечников стрел.

Наконец, в двух самых нижних слоях, отделенных от всех других стерильным песком, содержатся не менее интересные находки, которые дают возможность судить о культуре самых ранних неолитических обитателей Вознесеновского холма. Больше всего здесь миниатюрных изделий из кремнистых пород, обработанных отжимной ретушью. Керамика в нижних слоях единообразна, ее можно разделить на две группы. В первую входят обломки сосудов с богатым штамповым узором, часто расположенным в виде вписанных друг в друга треугольников. Иногда этот узор кажется выполненным в шнуровой технике, может быть, палочкой, обмотанной круто перевитым шнуром. Такие сосуды нередко имели лощеную ярко-красную блестящую поверхность. Вместе с такой керамикой встречаются обломки сосудов с прямыми стенками, усеченно-конической формы. Основным формообразующим элементом являются поставленные вертикально и объединенные в горизонтальные пояса прямые и короткие вдавления гребенчатого штампа.

Итак, на Вознесеновском холме имеются два разновременных культурных горизонта эпохи железа, а также впервые наблюдается серия неолитических слоев, соотношение которых представляется здесь в стратиграфически четких рамках.

Это позволяет расчленить неолит нижнего Амура на хронологические этапы. Совершенно четко отслаивается прежде всего комплекс памятников, представленных в Вознесеновке двумя нижними слоями. Этот комплекс можно назвать по керамике зонально-гребенчатым. Ближайшей аналогией ему служат интереснейшие находки на однослойном

поселении в с. Малышево ниже Хабаровска, у Затона, подобная керамика встречалась и при раскопках около Амурского санатория в Хабаровске. По находкам в Малышеве этот культурно-хронологический этап можно назвать малышевским.

За ним следует этап, представленный меандровой керамикой, кольцами из белого нефрита, сосудами, украшенными «амурской плетенкой». Из уникальных предметов следует отметить глиняную хорошо обожженную погремушку грушевидной формы, украшенную ямочным узором, внутри которой находятся каменки. Этот комплекс инвентаря ближе всего к известному по раскопкам обширного неолитического поселения в Кондоне около Комсомольска.

На третьем этапе обращает на себя внимание изобилие керамики, украшенной вертикальными зигзагами в гребенчато-пунктирной (роликовой?) технике. Не менее важно присутствие в орнаменте спирали — это второй классификационный признак. Кроме того, третий этап характеризуется наконечниками стрел из шифера с выемкой в основании, а также шиферными клинками ножей. Классический памятник этого этапа на нижнем Амуре — жилище на острове Сучу, раскопанное частично в 1934 и 1935 гг. А. М. Золотаревым и А. П. Окладниковым. Здесь появляются неорнаментированные сосуды с четким профилем нового типа — с узкой шейкой, широко используются орудия, изготовленные из оббитых галек и из широких шиферных пластин.

Таким образом, работы на древнем поселении у Вознесеновки полнее, чем прежде, характеризуют самобытную культуру неолитического населения Дальнего Востока.

II. УКРАИНСКАЯ ССР

ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОМ КРЫМУ

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова

В Крымских степях ведет работы Северо-Крымская археологическая экспедиция — одна из крупнейших новостроечных экспедиций Института археологии АН УССР. Она образована в 1962 г. для исследования памятников в зоне строительства Северо-Крымского канала. Экспедиция выявила и раскопала несколько сот памятников от эпохи мезолита до позднесредневекового времени, тем самым опровергнув ошибочное представление о якобы слабой заселенности этой части полуострова в древности.

В 1966 г. основные работы экспедиции были сосредоточены в Раздольненском, Сакском (Северо-Западный Крым) и Белогорском (Восточный Крым) районах. Всего исследовано 20 курганов, содержавших свыше 130 разнообразных погребений; 15 из них находятся в Раздольненском районе у сел Кропоткино, Новое и Портовое (близ кошары Сары-Булат). Они содержали 118 погребений ямной и катакомбной культур, а также эпохи поздней бронзы. Курганы располагались на невысоком степном водоразделе в 3—4 км от Каркинитского залива. Высота насыпей от 0,5 до 3 м, диаметр — от 20 до 65 м. В лёссовидном суглинке под насыпями нескольких курганов выявлены кольцевые ровики явно культового назначения. В их засыпи встречается лепная керамика эпохи бронзы, кости крупных домашних животных, в одном случае — череп лошади. Основные погребения всех курганов относятся к ямной культуре.

Судя по четкой стратиграфии больших курганов, их насыпи созданы в несколько приемов теми же племенами ямной культуры. Погребения этой культуры совершены в грунтовых ямах прямоугольной формы. Перекрытия двух типов — плахи и крупные известняковые плиты, одна могила перекрыта каменной антропоморфной стелой. Захоронения совершены на спине с подогнутыми в коленях ногами, головой чаще всего на восток или северо-восток. На костях, особенно на черепе и ногах,

прослеживаются следы охры. В каждой могиле находилось от одного до трех скелетов. Инвентарь состоит из лепных сосудов, небольших каменных терок, костяных булавок с молоточкообразными головками; реже встречаются изделия из металла — шильца и ножи. В одном погребении найдены медные продолговатые пластинки, которые, очевидно, были прикреплены к одежде погребенного.

Раскопки курганов подтвердили высказанные ранее предположения, что в Крыму, как и на юге Украины, погребения ямной культуры по деталям погребального обряда и по инвентарю можно условно разделить на несколько хронологических этапов.

Захоронения катакомбной культуры, как правило, впускные, совершены в хорошо выраженных катакомбах. В более ранних костяки лежат на спине с поджатыми ногами, в более поздних — в вытянутом положении. Характерно, что скорченные катакомбные погребения обычно сопровождаются неорнаментированными сосудами, а вытянутые — орнаментированными. Ориентировка погребенных неустойчивая.

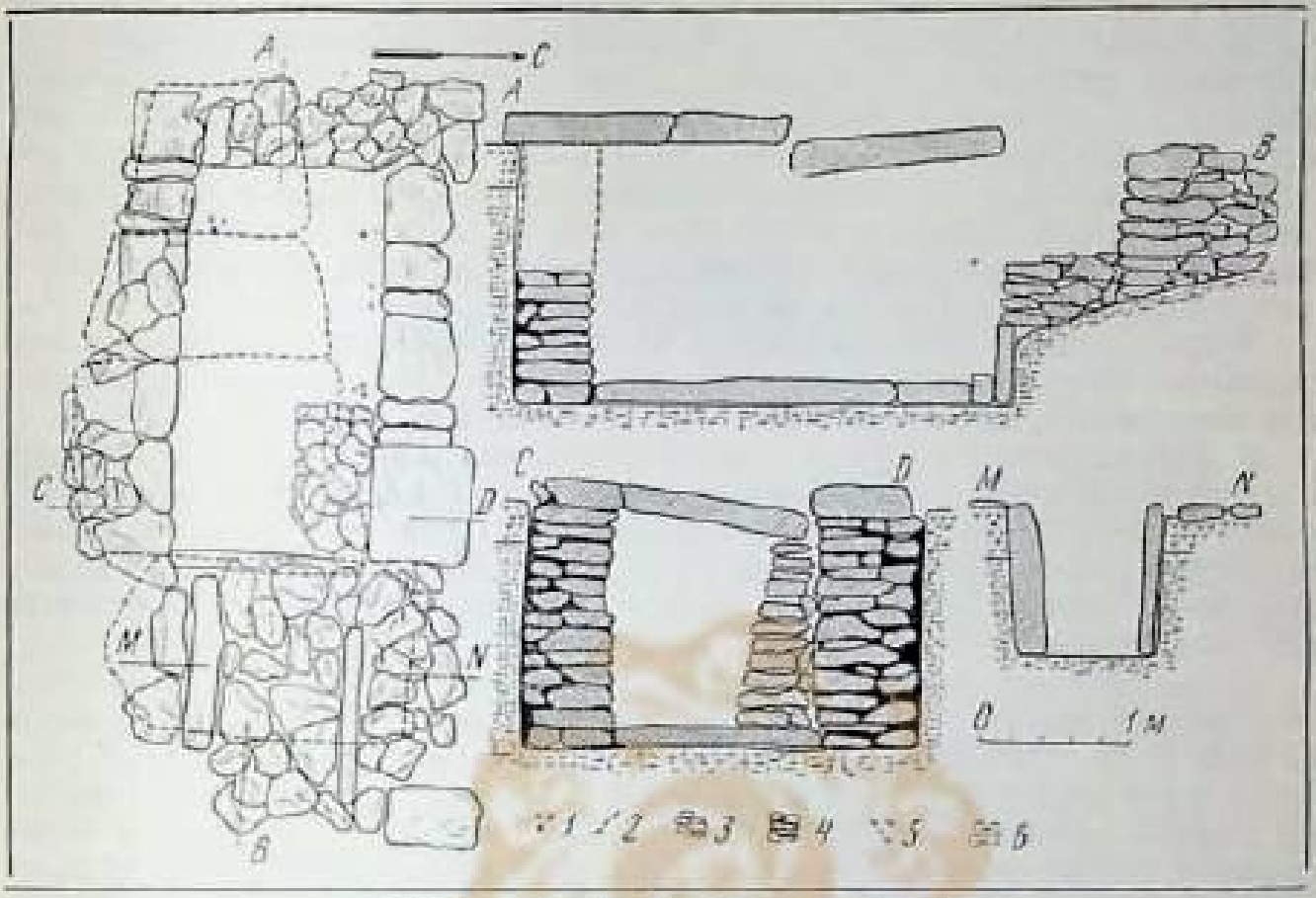
Погребения эпохи поздней бронзы обычно совершены в насыпях курганов. Костяки лежат в сильно скорченном положении на боку. Рядом со скелетами часто встречаются грубые лепные сосуды баночной формы. Иногда в насыпях курганов стоят только сосуды; скелеты либо отсутствуют совсем, либо около горшка оказываются только черепа погребенных. Эти своеобразные захоронения следует связывать со срубной культурой. Погребения скифо-сарматского времени единичны. Все они впускные и бедны инвентарем. Только в одном из них найдены железный нож и кости овцы.

В одном из немногочисленных здесь раннесредневековых впускных погребений рядом со скелетом взрослого человека в подбойной могиле найдены железный меч, железные наконечники стрел, бронзовые и серебряные украшения, инкрустированные золотом и цветными камнями. На ступеньке могилы лежал целый скелет коня, рядом с могилой — конский череп.

На месте одного из Сары-Булатских курганов в эпоху поздней бронзы возникло поселение, с которым связаны восемь прорезавших насыпь расширяющихся ко дну хозяйственных ям. В их золистом заполнении обнаружены лепная керамика и кости животных.

Кроме курганов, у кошары Сары-Булат на берегу Тельманской балки были изучены две стоянки эпохи поздней бронзы. На одной вскрыта площадь в 100 кв. м. Культурный слой мощностью до 0,4 м насыщен многочисленными обломками костей крупного и мелкого рогатого скота и фрагментами лепной керамики. Найдены бронзовый нож и несколько браслетов, зернотерки и изделия из кости.

В Сакском районе, к северу от Евпатории, экспедиция раскопала три кургана. Кроме погребений ямной, катакомбной и срубной культур, здесь выявлено несколько захоронений кеми-обинской культуры в каменных ящиках; на внутренних стенках двух из них сохранились следы росписи.



Зыбино. Скифский склеп кургана 1

1 — керамика; *2* — покровные плитки; *3* — камни, сложенные насухо; *4* — камни, сложенные на растворе; *5* — слой древней погребенной почвы; *6* — материковый суглинок

Особо интересен впервые встреченный в Крыму каменный ящик овальной формы, вырубленный из цельной глыбы известняка. Захоронения совершены на спине, с поджатыми ногами, на костях заметны следы охры. Инвентарь состоит из лепных плоскодонных горшков, костяных и медных изделий.

В третьем пункте работ экспедиции — у с. Зыбино Белогорского района — доследованы два сильно разрушенных кургана. Здесь открыты каменные, неоднократно подвергавшиеся ограблению склепы. Лучше всего сохранился склеп под насыпью кургана I. Это прямоугольное сооружение, впущенное в материк; его покровные плиты лежали на уровне древней погребенной поверхности. Погребальная камера длинной осью ориентирована с востока на запад. Ее стенки состояли из необработанных, но тщательно сложенных плашмя на глиняном растворе плиток песчаника, перекрытие и дно — из больших плоских плит известняка. Такие же, но значительно меньшие плиты оформляли и боковые стенки дромоса, находившегося с восточной стороны. С внешней стороны дромос был закрыт сложенными насухо камнями. Грабители проникли в

склеп с северо-западного угла, разрушив покровные плиты и верхнюю часть стенки. Судя по тому, что бо́льшая часть камней от стенок была аккуратно сложена грабителями в северо-восточном углу погребальной камеры и в дромосе, ограбление произошло тогда, когда склеп не был еще заполнен землей. В засыпи склепа близ дна у западной стенки находилось скопление поломанных человеческих костей. Здесь же найдены мелкие обломки амфор, чернолаковых и краснолаковых сосудов (в том числе канфара), которые позволяют датировать склеп скифским временем и отнести его к IV—III вв. до н. э.

Вокруг кургана прослеживалась крепида. Среди камней попадались обломки амфор. В соседнем кургане находилось аналогичное погребальное сооружение, но сохранилось оно значительно хуже.

В Крыму имеется целая группа подобных погребальных склепов скифского времени. Ближайшие аналогии им — склепы у с. Константиновка близ Симферополя, у с. Чернополье близ Белогорска, а также Белогорский склеп, исследованный П. Н. Шульцем в 1947 г. Зыбинские склепы — самые северные из склепов подобного типа на территории степного Крыма.

Кроме раскопок, экспедиция провела широкую разведку по всей трассе Северо-Крымского канала и его ответвлениям: от оз. Донузлавского на западе до основания Арабатской стрелки на востоке. Во время разведки выявлены новые разновременные памятники. Разведки и раскопки Северо-Крымской экспедиции показали, что Северо-Западное Присивашье, как и остальные участки степного Крыма, было хорошо обжито с эпохи неолита. Основную массу находок здесь составляют материалы ямной, катакомбной и срубной культур. Погребений кеми-обинской культуры здесь нет, зато они хорошо представлены несколько южнее, в курганах близ Евпатории. Особенно густо степи Крыма были заселены в эпоху энеолита и бронзы, в III — первой половине I тысячелетия до н. э. Это подтверждается обилием стоянок и поселений по берегам степных балок и курганов. Судя по многочисленным остаткам костей животных (главным образом мелкого и крупного рогатого скота), по наличию зернотерок и хозяйственных, так называемых хлебных ям, основными занятиями человека в Присивашье в то время были земледелие и скотоводство.

Памятников скифо-сарматского и раннесредневекового времени на обследованной территории мало. По мере приближения к Керченскому и Тараханкутскому полуостровам число скифских поселений с обломками амфор и другой привозной керамикой в культурном слое возрастает. Они явно тяготеют к Боспорскому царству и к Керкенитиде. Так, уже в районе Раздельного имеются большие по площади скифские поселения земледельческо-скотоводческого облика; возможно, в античное время по мелководному Каркинитскому заливу к Лебяжьим островам сюда подходили за зерном легкие плоскодонные торговые суда или лодки с судов, стоявших на рейде в открытом море.

Работы экспедиции показали, что степи Крыма исключительно богаты разнообразными археологическими памятниками. Характер их свидетельствует, что эта часть Крыма неотделима от остальной части юга СССР; исторические судьбы этих территорий имеют много общего.

ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРЧЕНСКОГО УЧАСТКА ТРАССЫ СЕВЕРО-КРЫМСКОГО КАНАЛА

А. М. Лесков

В 1966 г. Керченская экспедиция Института археологии АН УССР проводила раскопки на керченском участке трассы Северо-Крымского канала. Пять отрядов, в которых вместе с сотрудниками Института археологии АН УССР принимали участие археологи Москвы, Ленинграда и Керчи, исследовали памятники Восточного Крыма начиная с каменного века и вплоть до средневековья.

Отряд Керченского историко-археологического музея (руководитель Л. Г. Машкевой) проводил раскопки стоянок эпохи мезолита и неолита. Добытый материал позволяет отнести заселение Керченского полуострова к мезолиту, а не к неолиту, как считалось ранее, и выделить четыре группы мезолитических памятников, различающихся по кремневой индустрии. Дальнейшее накопление материала позволит выяснить вопрос о характере взаимоотношений древнейшего населения Восточного Крыма, северо-западных областей Кавказа и причерноморских степей.

Астанинский отряд (руководитель Э. В. Яковенко) исследовал 12 курганов. Из них наиболее интересны погребения энеолита и бронзы. Именно этот период до работ Керченской экспедиции оставался почти не изученным в Восточном Крыму.

Материалы раскопок показали, что в конце III — начале II тысячелетия до н. э. в Восточном Крыму жили племена ямной культуры. К этому же времени относится особая группа памятников, явно отличающихся от ямных. Для нее характерны мегалитические погребальные сооружения и специфическая подлощенная керамика, аналогичная керамике из дольменов Северо-Западного Кавказа. Ранее эти памятники были известны лишь в горных и приморских районах Крыма. Открытие их на Керченском полуострове позволяет решить вопрос о происхождении так называемой кеми-обинской культуры. Картографирование памятников дольменной культуры показало, как шло продвижение этих племен с территории современной Абхазии на северо-запад, по берегу Черного моря, а также по рекам Лабе и Белой на Кубань, Тамань и далее через Керченский полуостров в горные и приморские районы Крыма. Некоторые отличия в материальной культуре племен Северо-Западного Кавказа и

горного Крыма объясняются оторванностью последних от основной территории. Типологически памятники Керченского полуострова занимают среднее положение между ними.

Таким образом, кеми-обинскую культуру следует рассматривать не как особую крымскую, а как локальный вариант единой дольменной культуры, охватывавшей значительную территорию Северо-Восточного Причерноморья и оказавшей заметное влияние на синхронные памятники причерноморских степей в целом.

Во II — начале I тысячелетия до н. э. в Восточном Крыму жили те же племена, что и в причерноморских степях,— носители катакомбной культуры, которые уже в середине II тысячелетия до н. э. сменились срубными племенами, дожившими здесь до конца бронзового века.

Раннесрубным временем датируются погребения, сопровождаемые остроребериыми горшками с геометрическим орнаментом, нанесенным отпечатками шнура. Позднесрубные памятники сабатиновского и белозерского этапов представлены впускными погребениями с типичной керамикой и несколькими поселениями.

Кировский отряд (руководитель А. М. Лесков) завершил раскопки позднесрубного поселения у с. Кирово. В этом году вскрыта площадь более 600 кв. м. Открыты землянка и наземное жилище с каменным основанием стен, несколько хозяйственных ям и часть зольника. Из находок особенно интересны многочисленные костяные изделия: штампы, шилья, тупики, лощила, наконечники стрел, а также кремневые вкладыши для серпов.

Важнейший итог раскопок Кировского поселения в этом году — открытие наиболее поздней западной части поселения, заселенной на белозерском этапе, в начале I тысячелетия до н. э.

Рядом с поселением раскопаны три кургана, оказавшиеся скифскими. Еще раз подтвердилась установленная в прошлые годы особенность погребальных сооружений скифов V—III вв. до н. э., живших в Восточном Крыму,— обильное использование камня (кромлехи в основании курганов, каменные заклады, перекрывающие могильные ямы; коллективные гробницы, по-видимому семейные, строили в виде каменных ящиков или склепов).

Сравнительное изучение скифского погребального обряда позволяет выделить в Восточном Крыму особую локальную группу, четко отличающуюся от нижнеднепровской и имеющую много общего с синхронными памятниками нижнего Дона и Кубани. Склепы с дромосом, близкие боспорским, и сравнительно большое количество греческих импортных вещей среди погребального инвентаря указывают на тесную связь скифов Восточного Крыма с Боспорским царством.

Фронтовский отряд (руководитель В. Н. Корпусова) закончил исследование первого в Крыму грунтового могильника скифо-сарматской эпохи у с. Фронтовое. Всего здесь исследовано 96 погребений, из них 28 в 1966 г. Большой интерес представляет планировка могильника. Он состо-

ит из трех компактных групп погребений, около 30 могил каждая. Средняя группа относится к сарматскому времени. Дата ее — II—III вв. н. э.— определяется монетами, фибулами, плитами с греческими надписями. В этих могилах найден очень интересный керамический комплекс, имеющий аналогии в синхронных могильниках Кубани и не встречающийся в степях Причерноморья.

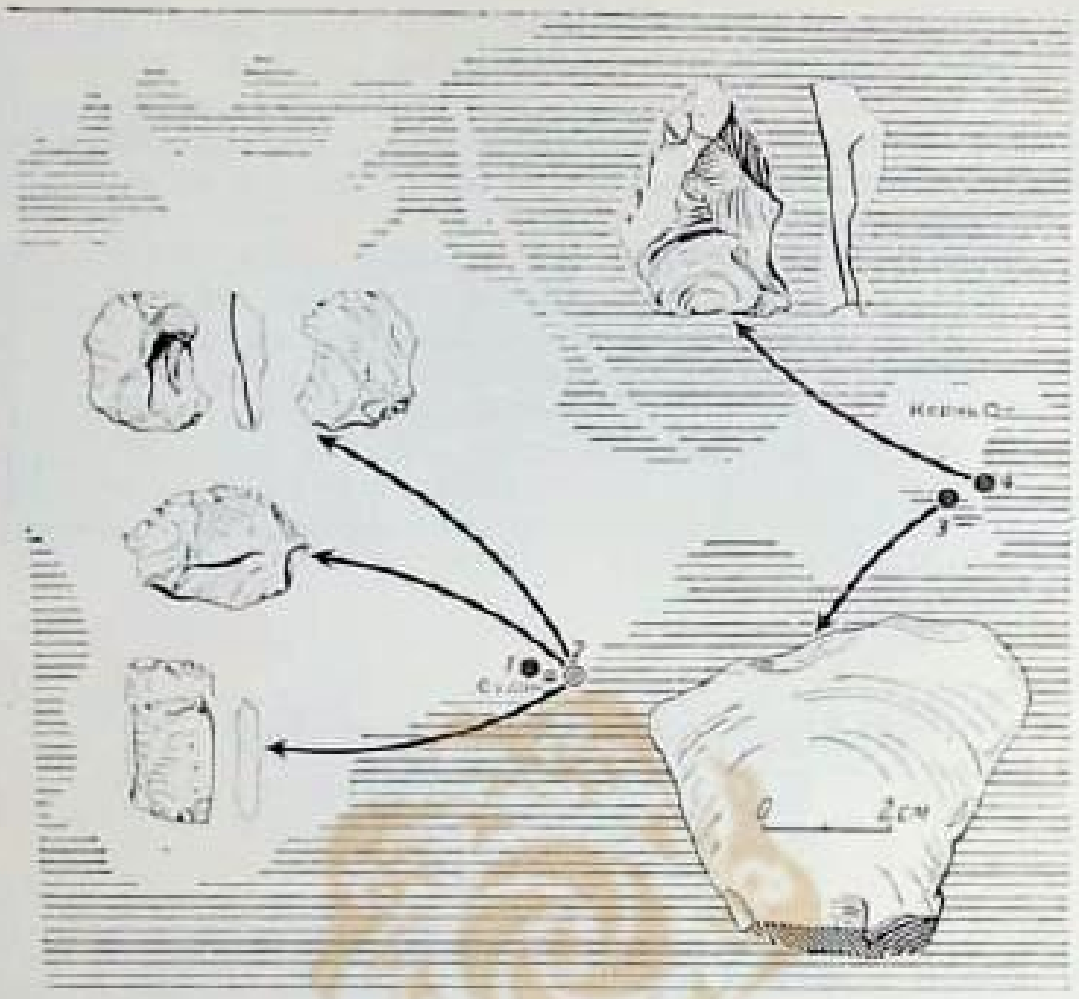
Две крайние группы относятся к скифскому времени и на основании находок бронзовых наконечников стрел и железных акинаков датируются V—IV вв. до н. э. Синхронность обеих групп скифских погребений имеет важное значение для решения вопроса об общественной организации скифов. Кроме того, грунтовой могильник, как и подкурганные коллективные склепы, свидетельствует об оседлом образе жизни скифов Керченского полуострова. В этой связи особую важность приобретает изучение поселений хоры Боспора и решение вопроса об этническом составе ее населения.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Н. Д. Праслов

Весной 1966 г. Институт археологии АН СССР прололжил исследование палеолита Крыма. П. Ф. Федоров, В. М. Муратов и Н. Д. Праслов провели обзорную экскурсию по опорным разрезам четвертичных отложений Восточного Крыма и Тамани. При изучении истории развития Черноморского бассейна было сделано несколько новых находок, относящихся к палеолиту. Все известные палеолитические памятники Крыма сосредоточены в горах его западной части. Поиски памятников палеолита в степном Крыму и на Керченском полуострове большинству исследователей казались бесперспективными. Лишь в самое последнее время ареал палеолитических находок стал расширяться. В 1957 г. Л. А. Невесская, П. А. Каплин и Е. Н. Невесский нашли кремневый остроконечник раннепалеолитического облика в карангатских отложениях на южном склоне горного Крыма в районе Судака (бухта Новый Свет). При обследовании этого местонахождения, почти полностью разрушенного морем, на поверхности террасы, у подножия горы Сокол, нами найден обломок двустороннеобработанного орудия. Такие орудия характерны для мустьерских памятников горного Крыма.

Несколько предметов палеолитического времени собраны на поверхности манжильской террасы у мыса Алчак-Кая, в Капсельской бухте у мыса Мегаком, а также на берегу Керченского пролива близ оз. Тобечикского.



Находки палеолитических изделий в Восточном Крыму
1 — Старый Свет; *2* — Капсельская бухта; *3* — Тобечикское оз.; *4* — Эльтиген

В Капсельской бухте на ограниченном участке террасовой поверхности высотой 20—25 м над уровнем моря собрано около двух десятков расщепленных и обработанных кремней, в том числе скребок на отщепе, три долотовидных орудия с чешуйчатой подтеской концов (pièces écaillées), обломки призматических пластин и отщепы. Pièces écaillees имеют аналогии на позднепалеолитических памятниках юга нашей страны, что позволяет считать и их позднепалеолитическими. По данным Л. Г. Мацкевого, на более поздних памятниках Керченского полуострова их нет.

На самом берегу Керченского пролива под обнажением карангатской террасы недалеко от античного Нимфея найдено несколько каменных изделий мустьерского облика. Основным сырьем для изготовления орудий здесь служили кремень и кремнистый известняк. Изделия из кремнистого известняка окатаны сильнее. Из находок наиболее выразительны треугольный леваллуаский отщеп второго снятия и несколько отщепов из кремнистого известняка.

Один массивный отщеп раннепалеолитического облика из кремнистого известняка, глубоко патинизированный, найден на левом берегу оз. Тобечикского под обнажением древнеэвксинской террасы. Этот отщеп не претерпел сильных перемещений и залегал в покровных отложениях террасы поблизости от места находки.

Таким образом, можно считать установленным, что и Керченский полуостров Крыма был заселен первобытными людьми с мустьерского времени.

НОВАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ

И. Г. Шовкопляс

Палеолитические памятники на Черниговщине до последнего времени были известны только на среднем течении Десны, в районе Новгорода-Северского. К западу от Десны вплоть до Днепра их даже не предполагали, поскольку этот район считался малопригодным для обитания человека в столь раннюю историческую эпоху. Однако в 1964 г. краевед П. И. Толочко обнаружил древние кремневые изделия в окрестностях с. Клюсы Щорского района Черниговской обл. В 1966 г. Палеолитическая экспедиция Института археологии АН УССР провела здесь раскопки, открыв новую позднепалеолитическую стоянку.

Она находится на левом склоне довольно глубокой и широкой древней балки, выходящей в долину р. Цаты — правого притока р. Снов (правого притока Десны) и расположена на высоте 8—10 м над дном балки. Место это открыто к югу и хорошо защищено с севера более высокими участками склона. Культурные остатки встречаются на довольно значительной площади (более 2 га), что указывает на длительное время существования стоянки. Это подтверждается и обилием находок на ней.

Культурный слой находится в верхней части мощного (несколько метров) слоя темно-коричневой глины, перекрытого слоем светлого и желтого стерильного песка, на котором залегает современная серая подзолистая (песчанистая лесная) почва, характерная для полесских районов Восточной Европы. Глубина залегания культурных остатков различна и зависит от расположения того или другого места древней площади стоянки на современном склоне балки.

Поверхность древней площади стоянки на всем протяжении сохранила в целом горизонтальное положение; очень незначительное общее понижение имеется лишь в направлении современного склона местности, с севера на юг. Вероятно, в древности место стоянки представляло

довольно ровную террасовидную площадь берега балки, открытую солнцу и хорошо защищенную от холодных северных ветров. Это и обусловило возникновение на ней поселения древнего родового коллектива.

Сохранность культурного слоя находится в прямой зависимости от глубины его залегания по отношению к современной поверхности. Вдоль южного края площади стоянки он содержит преимущественно кремневые изделия, разрозненные костные угли, кусочки красной охры, мелкие обломки бивней и трубчатых костей мамонта и несколько плохо сохранившихся крупных костей этого животного (преимущественно зубы, иногда по два вместе — остатки черепов). Дальше от южного края, по мере возрастания глубины залегания культурного слоя, число лучше сохранившихся крупных костей мамонта постепенно увеличивается. На более высоких участках по склону балки, вскрытых контрольными траншеями и шурфами, крупные кости животных залегают близко одна возле другой. В некоторых случаях они находятся в непосредственной близости от хорошо сохранившихся небольших округлых очагов — очень плотных темных скоплений костных углей и золы. Те и другие, вероятно, имеют прямое отношение к остаткам древних хозяйственно-бытовых комплексов стоянки, в частности к долговременным жилищам, обычным для памятников позднепалеолитической эпохи Среднеднепровского бассейна, в центральной части которого находится район Клюсовской стоянки.

В 1966 г. раскопано около 1300 кв. м поверхности стоянки. На одном из ее участков на сравнительно небольшой площади (около 40 кв. м) обнаружено скопление (несколько тысяч предметов) различных кремней на всех этапах обработки, от желваков — заготовок сырьевого материала, их обломков и отщепов до готовых орудий труда. Это остатки одного из производственных центров стоянки — кремнеобрабатывающей позднепалеолитической мастерской.

В кремневом комплексе Клюсовской стоянки среди 10,5 тыс. кремней имеется более 400 готовых орудий. Преобладают острия, изготовленные на ножевидных пластинах. Большинство их довольно крупно и массивно, ретушью обработан верхний конец пластины, а иногда также часть одного или обоих краев. Реже попадаются небольшие острия на узких тонких пластинах. Встречаются двойные острия на противоположных концах заготовок. По формам они очень близки к остриям со стоянки Пушкари I на Десне, но клюсовские более совершенны по отделке.

Далее следуют резцы, преимущественно боковые и срединные, в том числе многофасеточные. Меньше угловых резцов. Изготовлены они преимущественно на массивных пластинах. Имеются двойные инструменты. Среди скребков преобладают концевые на пластинах. Есть двойные инструменты, изготовленные на тонких ножевидных пластинках. В последних ретушью часто обработан и один из краев, что придает этим изделиям характер вкладышей.

Значительную группу изделий из кремня составляют мелкие пластиночки с затупленным краем. Встречаются комбинированные орудия на разных концах пластин — острия-резцы, резцы-скребки и др. Имеется много крупных ножевидных пластин со следами употребления в работе и участками ретуши по краям. Большое число резцовых сколов, в целом отвечающее количеству собранных резцов, указывает на то, что изготовление кремневых орудий происходило на площади самой стоянки.

Кремневый инвентарь Клюсовской стоянки позволяет отнести ее ко второй половине ранней поры позднего палеолита Среднеднепровского бассейна и поместить между такими известными стоянками, как Радомышль и Пушкари I, с одной стороны, и Новгород-Северская и Погон — с другой.

РАЗРАБОТКА ВОПРОСОВ МЕЗОЛИТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

П. И. Борисковский

Одесский палеолитический отряд Института археологии АН СССР продолжал начатое еще в 1954 г. изучение проблемы тарденуазской культуры на юго-западе СССР. Основной вопрос, который стоял перед отрядом: распространяются ли тарденуазские стоянки Правобережной Украины вплоть до Днепра или имеются только между Днестром и Южным Бугом. Чтобы ответить на этот вопрос, отряд перенес работы еще дальше к востоку, в бассейн р. Ингульца, левого притока Днепра. После длительных поисков на правом берегу речки Висуни, правого притока Ингульца, близ с. Казанки Николаевской обл. была открыта типичная тарденуазская стоянка Казанка.

Стоянка Казанка расположена на мысу, возвышающемся на 20 м над уровнем Висуни. Площадь ее примерно 100×100 м. Мезолитический культурный слой, видимо, залегал на небольшой глубине, в нижней части почвенного слоя, и был разрушен. В разведочных шурфах он не обнаружен. Найдены только обработанные кремни, собранные на поверхности. Они очень выразительны. Всего в 1966 г. здесь обнаружено около 900 кремней, в том числе 19 миниатюрных тарденуазских трапеций (6 целых и 13 обломков), 45 маленьких округлых скребков и 4 маленьких призматических нуклеуса. Очень много миниатюрных пластинок с правильным параллельным ограничением, а особенно — коротких сечений таких пластинок. Карандашевидные нуклеусы, как и сегменты, отсутствуют. Нет и керамики, которую можно было бы связать с этим комплексом кремневых изделий.

Таким образом, перед нами мезолитическая тарденуазская стоянка, близко напоминающая Гребеники, но, возможно, несколько более поздняя (в Гребениках тарденуазские кремни залегают ниже почвенного слоя).

Стоянка Казанка расположена примерно в 45 км к западу от Кривого Рога и в 10 км к западу по прямой линии от Днепра. Она находится уже в бассейне Днепра. Таким образом, в результате открытия Казанки тарденуазский пласт, установленный до того работами Одесского палеолитического отряда в Северо-Западном Причерноморье, сомкнулся с бассейном Днепра, с зонами мезолита Левобережной Украины и Крыма. Видимо, этот пласт был распространен на всей Правобережной Украине.

Разумеется, этот вывод предстоит подкрепить открытием аналогичных памятников, как в свое время открытие Гребеников (1954 г.) было подкреплено открытием Гиржева (1961 г.), Довжанки (1962 г.), Орловки (1962 г.) и др.

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ДЕСНЕ

В. И. Митрофанова

В 1964—1966 гг. Институт археологии АН СССР проводил раскопки на неолитическом поселении с ямочно-гребенчатой керамикой возле с. Погореловки Кролевецкого района Сумской обл., в урочище Вырчище. Оно располагалось на возвышенной части левого берега р. Эсмани, в 800 м вверх по течению от впадения Эсмани в Десну. Раскопками вскрыта площадь около 600 кв. м.

Культурные остатки залегают на глубине 0,3 м от поверхности под наносным желтовато-серым суглинком, стерильным в археологическом отношении, в погребенном гумусированном почвенном слое и в слое подпочвы светло-коричневого цвета, а местами ниже подпочвенного слоя, в светло-сером песке. Подстилает культурный слой белый речной песок. Мощность слоя с находками — 30—45 см.

Отмечено три горизонта залегания остатков культуры ямочно-гребенчатой керамики, соответствующих основанию погребенного почвенного слоя (1), основанию подпочвы (2) и слою сероватого песка ниже слоя подпочвы (3).

Культурные остатки всех горизонтов — обломки глиняных сосудов, кремневые и кварцитовые орудия и отходы их производства, кости животных — иногда сосредоточены в большие по площади скопления, вероятно, соответствующие каким-то наземным сооружениям. Материалы трех горизонтов близки между собой и, по-видимому, не отделены друг

от друга большими промежутками времени. Скорее всего, они образовались в результате непрерывной жизни на поселении.

Для кремневого инвентаря характерно сочетание микро- и макролитической техники. Из микролитов найдены две трапеции высокой формы, микроскребки, две пластинки с притупленным краем, одна из которых представляет собой острие с двумя резцовыми сколами в основании пластинки. Макролиты представлены разнообразными орудиями для обработки дерева: топорами древнейшего типа, клиньями, теслами и пр. Кроме того, имеются разнообразные скребки на отщепах и пластинках, множество резцов из отщепов или нуклевидных кусков, ножи из пластин и пластинчатых отщепов, наконечники стрел на пластинках с подретушевкой черешка и пера и из отщепов — треугольные, сердцевидные и треугольно-черешковые, а также орудие из изогнутой пластинки с заполировкой на лезвии, вероятно, серп.

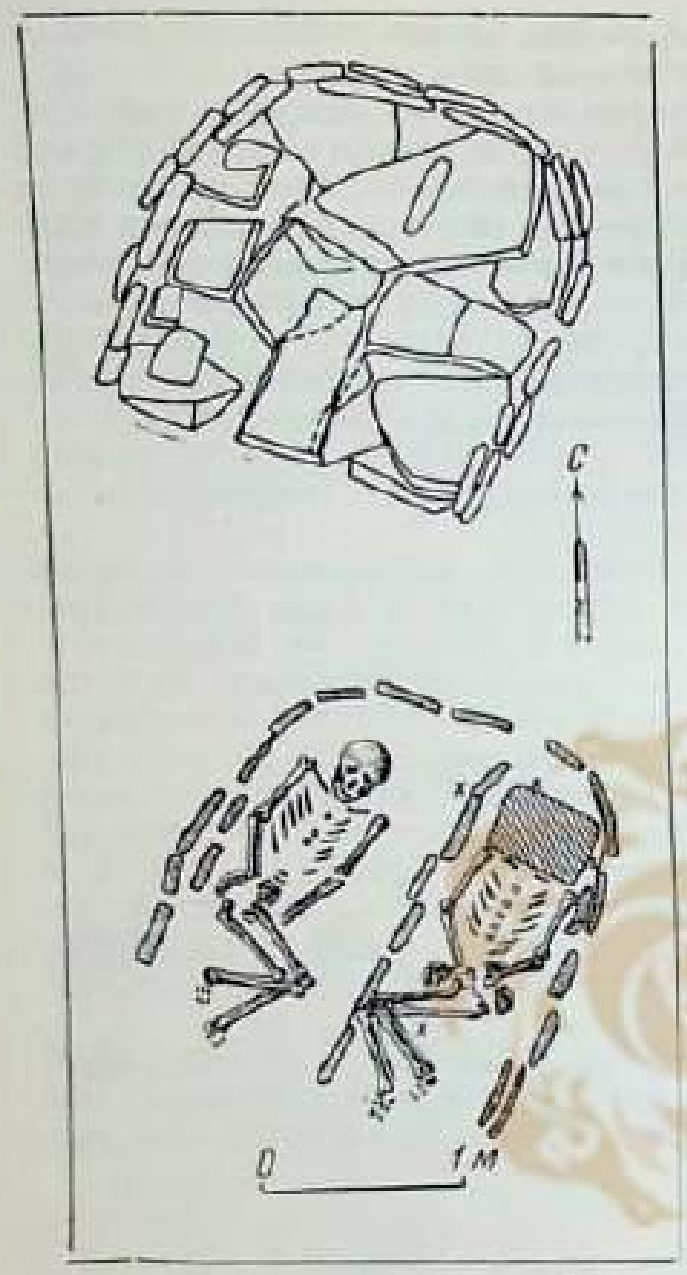
Многочисленны обломки яйцевидных или котловидных сосудов, обычно орнаментированных чередующимися рядами ямок и гребенок. Есть сосуды только с ямочным или только с гребенчатым орнаментом. К глине примешан песок, часто и песок и редкие растительные волокна. Особняком стоит сосуд с высокой цилиндрической шейкой и небольшими резко выделяющимися плечиками. В его глине содержится примесь толченого гранита и песка, орнамент на плечиках — редкие вертикальные отпечатки двузубчатого штампа. Сосуд, по всем данным, характерен для наиболее ранних звеньев степной культуры типа Среднего Стога II и культуре неолита ямочно-гребенчатой керамики не принадлежит. Он залегал в основании погребенного почвенного слоя, т. е. связан с наиболее поздним горизонтом и, по-видимому, свидетельствует о каких-то контактах с племенами степной культуры.

В целом комплекс поселения в урочище Вырище характеризует древнейший этап культуры неолита ямочно-гребенчатой керамики на Украине и может быть датирован первой половиной — серединой IV тысячелетия до н. э.

ГРОБНИЦА МЕДНОГО ВЕКА У СОВХОЗА ЯМСКИЙ

Д. Я. Телегин

Весной 1966 г. на огородах совхоза Ямский в г. Яма Артемовского района Донецкой обл. при земляных работах был обнаружен энеолитический могильник, состоявший из одиночных и парных гробниц, сложенных из каменных плит. Могильник расположен на водоразделе Северского Донца и впадающей в него справа р. Бахмутки.



Ямский. Гробница медного века до и после расчистки

К сожалению, основная часть древних могил была разрушена строителями еще до прибытия археологов. От уничтоженных погребений сохранилась лишь богатая коллекция кремневых изделий, собранная учителем истории В. Я. Поденковым. В музее местной школы хранятся кости семи-восьми скелетов взрослых людей из разрушенного могильника, а также обломок какого-то изделия из клыка кабана.

Институт археологии АН УССР совместно с Донецким областным музеем (В. М. Галабурда) исследовали лишь одну почти полностью сохранившуюся могилу. Она представляет собой прямоугольную гробницу 1,8×1,85×0,5 м, сложенную из плоских плит песчаника случайной формы и различных размеров. Стенки могилы обставлены в два, а местами в три ряда вертикально стоящими плитами. Такими же плитами она разделена на две равные части. Сверху гробница перекрыта крупными плитами, опиравшимися одним концом на ее стенку, а другим — на внутреннюю перегородку. После снятия верхних плит под слоем охристой земли расчищено два взрослых скелета, залегавших по одному в каждом отсеке гробницы. Кости плохо сохранившихся скелетов, обильно засыпанные порошком ярко-красной охры, лежали непосредственно на глинистом дне могилы. Под голову одного покойника был подложен небольшой плоский камень. Оба умерших были положены на спине с согнутыми в коленях ногами. Руки несколько согнуты в локтях, кисти в области таза. Ориентированы головой к северо-востоку. При первом скелете найдены крупный кремневый нож, обломок наконечника дротика и обломок большой ножевидной пластины. Вблизи черепа второго скелета, слева у каменной перегородки, обнаружен обломок крупного кремневого ножа.

По утверждению рабочих, исследованная нами гробница «в точности напоминает» разрушенные ими могилы, которые также имели каменную обкладку и содержали красные скелеты с кремневыми находками. Рабочие указали место шести разрушенных могил, расположенных в 25 м западнее раскопанной гробницы. При осмотре этого места удалось зафиксировать остатки лишь одной квадратной ямы, заполненной охристой землей.

Разрушенные строителями могилы и раскопанная гробница, судя по устройству и составу находок при погребенных, принадлежат, вне всякого сомнения, к одному времени, что дает право рассматривать весь инвентарь, добытый в гробнице и собранный при разрушении могил, как единый комплекс. Все кремневые находки Ямского могильника изготовлены в одной технике из высококачественного мелового кремня донецкого происхождения. На всех без исключения вещах заметны следы красной краски. Всего обнаружено 18 кремневых изделий, в том числе один большой призматический нуклеус, семь больших ножевидных пластин без следов вторичной обработки, четыре ножа, изготовленных из таких же пластин, один большой скребок, три двусторонне обработанных наконечника дротиков и два топора — кремневый и каменный. Кремневый топор имеет треугольные очертания, закругленный острый обух и прямое хорошо отточенное лезвие; в поперечном сечении он овален. Обе поверхности топора тщательно отшлифованы, лишь по краям заметны остатки сколов, с помощью которых был сформирован топор до начала шлифовки. Каменный топорик (долотце) изготовлен из кристаллической породы зеленоватого цвета. Он имеет удлиненную форму, в сечении округлый, лезвие асимметрично сточено.

Аналогии кремневому инвентарю Ямского могильника известны во многих памятниках энеолита Левобережной Украины. Крупные ножевидные пластины и ножи из них сопровождали погребения Петро-Свистуновского, Александрийского и Чаплинского могильников. Среди камней одной закладки в Чаплях найден большой нуклеус. Большой кремневый нож был «в руках» погребенного в каменной гробнице 21 Мариупольского могильника. Крупные ножевидные пластины обнаружены при погребениях разрушенного Новоданиловского могильника в Запорожской обл. Большой кремневый скребок, аналогичный найденному в Ямском могильнике, сопровождал одно из погребений Александрии.

Кремневые ножи длиной до 15—18 см и наконечники копий треугольной формы хорошо представлены в комплексах поселений среднестоговской культуры. Эти изделия составляют основную часть кладов медного века из долины Северского Донца и Днепра — Гончаровского, Старо-Орлицкого, Игренского. Во многих названных выше памятниках имеются и другие обнаруженные в Ямском могильнике категории инвентаря. В комплексах Петро-Свистуново, Стрильчей Скели и Александрии есть, например, довольно близкие нашим находкам кремневые топоры с пришлифованной поверхностью; в Александрии, кроме того, найдено

зеленокаменное долотце, по форме и технике изготовления весьма близкое долотцу из Ямского могильника.

Приведенные аналогии позволяют, безусловно, относить Ямский могильник к энеолиту. Могильники Левобережной Украины того времени — Чаплинский, Петро-Свистуновский, Александрийский, Ямской — характеризуются общими чертами погребального ритуала (скорченные на спине скелеты, обильная посыпка их охрой, применение во многих случаях при сооружении гробниц камня).

Так как в некоторых погребениях рассмотренной группы могильников (Александрия, Квитяна) найдены сосуды того же типа, что в Среднем Стоге II, их можно увязать с памятниками среднестоговской культуры, которая по трипольским аналогиям датируется второй половиной IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. Эти хронологические рамки, по-видимому, следует принять и для Ямского могильника.

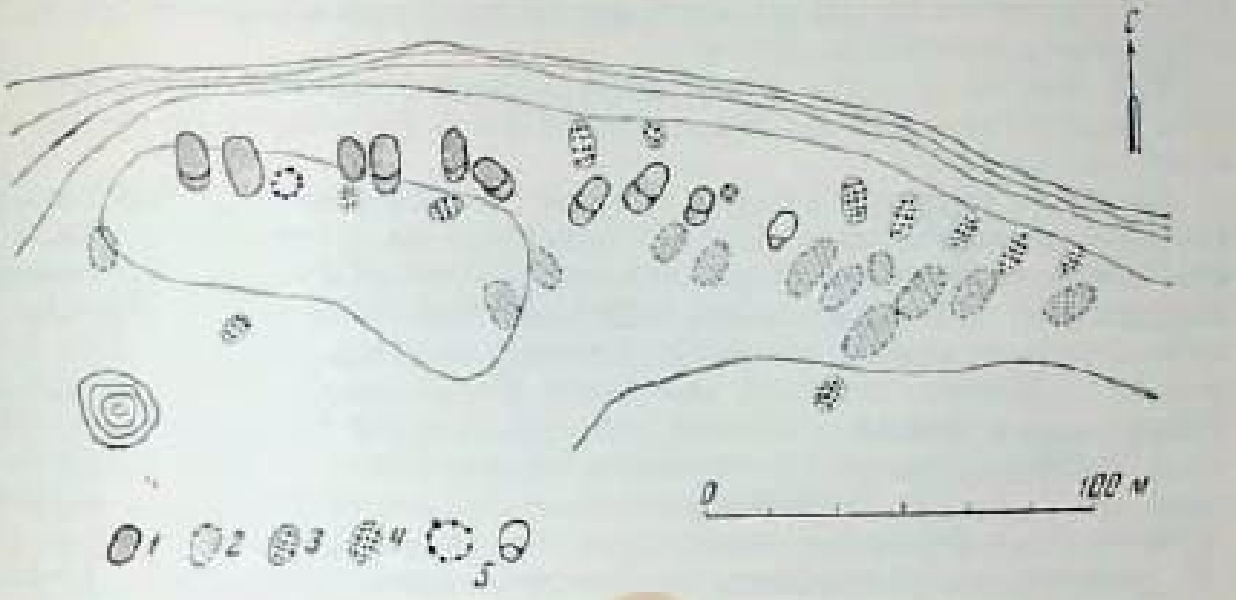
Обстоятельства сооружения энеолитических могил Ямского некрополя и глубина их залегания не совсем ясны. Дело в том, что все они обнаружены под насыпью большого кургана (диаметр около 60 м и высота 2—3 м), почти полностью разрушенного. Курган имел кромлех вокруг насыпи и каменную облицовку всего склона. Исследованная гробница находилась почти в самом центре насыпи, на глубине 1—1,5 м от начала суглинка, а разрушенные строителями могилы — на западной окраине кургана, под камнями кромлеха.

В сохранившейся части насыпи кургана удалось зафиксировать лишь остатки четырех погребений, относящихся, судя по положению скелетов (скорченные на боку) и находкам при них (развал сосуда с оттисками тесьмы, медные бусы со щитком), к катакомбному времени. Центральное погребение в кургане, к сожалению, не сохранилось, что затрудняет решение вопроса об отношении всего кургана к энеолитическому могильнику. Судя по другим могильникам медного века Левобережной Украины, для которых курганные насыпи не характерны, разрушенный курган катакомбного или, возможно, ямного времени был сооружен на месте уже существовавшего здесь энеолитического могильника.

ПОСЕЛЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА БЛИЗ ХУТОРА ПУСТЫНКА

С. С. Березанская

В 1966 г. Институт археологии АН УССР продолжал раскопки поселения XIII—XII вв. до н. э. в окрестностях хутора Пустынка Черниговского района Черниговской обл. На протяжении четырех сезонов раскопок поселение обследовано почти полностью. Оно расположено на



Пустынка. План поселения XIII—XII вв. до н. э.

1 — раскопанные жилища; *2* — разведанные жилища; *3* — раскопанные хозяйственные постройки; *4* — разведанные хозяйственные постройки; *5* — культовые постройки

левом берегу Днепра, в пойме, на невысокой дюнной возвышенности, окаймляющей озеро. Жилища вытянуты в один, местами в два ряда вдоль северного склона дюны, перпендикулярно берегу.

Здесь было 35—36 построек. Из них 17 раскопаны, остальные только разведаны. Выявлены 21 жилище, хозяйственные постройки и остатки культовых сооружений. Раскопаны полностью 9 жилищ. Это землянки правильной прямоугольной формы, их средние размеры 14×7 м или 12×6 м, глубина от 1,5 до 1 м. Обычно они состоят из двух помещений, одно из которых более глубокое. В кухонной части находится купольная печь, построенная из обожженных глиняных валков, и много хозяйственных ям, в «чистом» помещении — земляные нары, иногда открытый очаг.

Поселение погибло от пожара, поэтому хорошо сохранились остатки столбов, обуглившееся дерево, обожженная глина с отпечатками прутьев и другие строительные остатки, по которым можно выяснить устройство жилищ. Внутри земляной ямы сооружался бревенчатый каркас. Стены облицовывались либо бревнами, либо плетнем. Крыша была двускатной, пол земляной, некоторые его участки выстилались глиняными валками и обмазывались глиной.

Почти возле каждого жилища находились хозяйственные постройки. Раскопаны шесть из них. Их расположение, размеры и форма различны,

однако принцип устройства аналогичен. Большинство хозяйственных построек — свайные. От них сохранилось много столбовых ям (в каждом помещении от 15 до 20) одинаковых размеров, расположенных на близком расстоянии одна от другой.

Так как место здесь болотистое, вполне естественно, что постройки, предназначенные для хранения продуктов и прежде всего зерна, сооружали на сваях.

Во время раскопок удалось получить некоторые сведения об идеологических представлениях жителей поселка. Обнаружено два сооружения, связанных, очевидно, с отправлением культов. Оба они расположены в центральной части поселения, несколько обособленно от жилищ. Одно из них, судя по конфигурации столбовых ям, имело форму круга диаметром 10 м. Помещение было наземным. В западной части его находился аккуратный ровик. Он оказался заполненным 120 обломками зернотерок, сильно обожженными. Пространство между камнями и дно ровика были засыпаны золой и мелкими обломками кальцинированных костей. Вокруг ровика найдено несколько фрагментов парадной посуды.

Скопление в одном месте зернотерок, принесенных сюда, по-видимому, из жилищ, естественнее всего объяснить как проявление земледельческого культа.

Второе сооружение представляло собой слегка углубленное помещение прямоугольной формы размером 10×7 м с маленькой треугольной пристройкой к южной стене. В пристройке был обнаружен, по-видимому, жертвенник в виде углубления, тщательно обмазанного глиной. Углубление оказалось заполненным золой белого цвета, плотно цементированной какой-то жидкостью. Рядом лежали фрагменты тонкостенного сосуда. В соседнем (основном) помещении находились два открытых очага и вокруг них в различных местах шесть погребений с сожжением. Обломки кальцинированных костей и пепел были высыпаны в небольшие грушевидной формы ямки, вырытые в полу. Несколько таких же захоронений обнаружено и в жилищах. Обычно они находились вблизи очагов.

Вещей на поселении найдено мало. Вероятно, жители успели унести наиболее ценное имущество. Интересна коллекция керамики. Особенно широко были распространены тюльпановидные сосуды, украшенные геометрическим узором, и горшки с наколами под венчиком. Значительно реже встречаются банки, миски, дуршлаги, кубки и т. д.

Каменные изделия представлены зернотерками, кремневыми серпами, сверленными топорами, наконечниками копий и стрел.

Материал поселения находит аналогии в тшинецкой и комаровской культурах, но особенно близок он памятникам сосницкой группы.

РАСКОПКИ КУРГАНА БРОНЗОВОГО ВЕКА У с. ИВАНЬЕ РОВЕНСКОЙ ОБЛ.

И. К. Свешников

Волынская археологическая экспедиция Львовского государственного университета продолжала обследование Западной Волыни, выявляя и изучая памятники бронзового века. Разведки велись вдоль р. Иквы (приток Стыри) в районе г. Дубно Ровенской обл. и в верхнем течении Западного Буга в окрестностях г. Сокаля Львовской обл. Открыты памятники разных эпох, в том числе два поселения культуры шнуровой керамики стжижовского типа у сел Спасов и Скоморохи Львовской обл., а у с. Иванье Дубновского района раскопан курган бронзового века. Один из двух находившихся здесь курганов в 1964 г. поврежден земляными работами, причем было разрушено погребение с трупоположением взрослого мужчины, сопровождаемое бронзовыми вещами, из которых боевой топор венгерского типа передан в Дубновский краеведческий музей.

Второй курган, 25 м диаметром и 1,16 м высотой, находился в 100 м от первого. Недалеко от центра кургана в северо-западном его секторе на древнем горизонте прослежена прямоугольная яма, по углам которой находились истлевшие деревянные столбы, вкопанные в ее дно. Дно и стенки ямы были обложены дубовыми плахами. Такие же сильно истлевшие и прогнувшиеся внутрь плахи составляли перекрытие ямы. На ее дне вдоль северной стенки были ссыпаны пережженные человеческие кости, видимо, взрослого мужчины. Среди них найден кремневый наконечник стрелы. Возле костей обнаружены бронзовая булавка с цилиндрической косо приколотой головкой и четырьмя утолщениями на верхней части головки, серьга из золотой проволоки, бронзовый кинжал с втульчатой рукояткой и грибообразным навершием и глиняный ковш, вверх тулова которого орнаментирован группами вертикальных прочерченных линий.

Восточную часть ямы занимали остатки второго сожженного покойника, вероятно женщины. Это погребение было отделено от первого поперечно положенной обуглившейся деревянной плахой. Инвентарь его составляли два сосуда (ковш, украшенный концентрически расположенными полукруглыми канелюрами, и тюльпановидный кубок с пластичным и углубленным орнаментом), два бронзовых спиральных наручных браслета и один наножный браслет из бронзовой проволоки с концами, свернутыми в спиральные диски.

В юго-западном секторе кургана вскрыто место кремации в виде обкопанной рвом прямоугольной площадки из чернозема, окруженной слоем пережженной докрасна материковой глины. Во рву находились вкопанные в его дно обуглившиеся дубовые столбы, а на площадке — много

Иванье. Инвентарь из погребения бронзового века

обгорелых бревен, угля и пепла. В восточной части площадки обнаружено трупосожжение на месте. По сохранившим первоначальное положение остаткам пережженных костей установлено, что покойник (судя по инвентарю — женщина) был положен головой на север. На груди погребенной находилась бронзовая булавка с конической головкой, на руках — браслеты из спирально согнутой бронзовой полоски, над коленом левой ноги — бронзовый браслет с концами в виде спиральных дисков, над правой стопой — два бронзовых браслета того же типа, возле ног — крупная миска, орнаментированная косыми канелюрами. К западу от этого погребения на том же уровне вскрыты два скорченных несожженных костяка, пол и возраст которых из-за плохой сохранности костей определить не удалось. На груди одного из них обнаружены следы распавшегося мелкого бронзового украшения.

Сосуды из кургана возле с. Иванье — миска, украшенная каннелюрами, кубок и два черпака с прочерченным и канелированным орнаментом — имеют точные аналогии в погребениях комаровской культуры у сел Комаров Ивано-Франковской обл., Серники и Красов Львовской обл., Дитиничи Ровенской обл. Из кургана VIII в Комарове происходит булавка, подобная найденной в женском погребении у с. Иванье. Браслеты со спиральными завитками на концах также известны из нескольких погребений упомянутой культуры: Комаров, Войцеховка (теперь Колосовка) и Кустовцы Житомирской обл., Теклино Черкасской обл. Аналогичная нашей золотая серьга была найдена в кургане VI у Комарова. Таким образом, принадлежность раскопанного кургана к комаровской культуре

не вызывает сомнений. Булавке, найденной в мужском погребении, известны аналогии в ранних памятниках культуры ноа, что позволяет датировать наш комплекс приблизительно XIII в. до н. э. и указывает на связи, существовавшие между племенами двух упомянутых культур. Эти связи подтверждаются также находками в других погребениях комаровской культуры (Звенигород Львовской обл., Войцеховка Житомирской обл., Дубно Ровенской обл.).

Курган у с. Иванье свидетельствует, что племена комаровской культуры населяли Западную Волынь. Благодаря раскопкам получены новые данные о погребальных обычаях племен комаровской культуры. Курган — место захоронения представителей родовой знати — дает новые сведения и для изучения общественных отношений у этих племен.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ УССР

Б. А. Шрамко

Экспедиция Харьковского государственного университета производила разведки и раскопки в полосе лесостепи на территории Харьковской, Полтавской, Киевской и Винницкой областей Украинской ССР. Обследовались памятники разного времени — от бронзового века до раннего средневековья.

На Восточном Бельском городище скифской эпохи продолжались исследования внутренней площади и оборонительных валов. Удалось выяснить, что валы этого городища представляли собой не простые земляные насыпи, а имели сложное устройство. В верхней части вала шла деревянная оборонительная стена. Вдоль нее с внутренней стороны городища у входа расположена в виде уступа площадка для воинов.

Двухлетние работы на внутренней площади городища показали, что в юго-восточной его части были расположены комплексы, связанные с ремесленным производством. Здесь обнаружены остатки бронзолитейной мастерской с плавильной печью. И в 1965 и в 1966 гг. на этом участке постоянно попадались бронзовые слитки, шлаки с вкраплениями кусочков меди, обломки тиглей, литки. Найдены и различные орудия: долотца, шилья, точильные бруски и уникальный железный напильник с прямой однорядной насечкой, предназначенный для обработки цветных металлов. Открыта древнейшая из известных в настоящее время печь скифской эпохи для обжига керамики. Она была однокамерной, глинобитной, с подом в форме овала. Под печки покрывал слой древесного угля и золы, а также более 200 фрагментов глиняных сосудов скифской эпохи. Судя по этим обломкам, в печи для обжига находилось одновременно 10—12 горшков, несколько из них были поставлены вверх дном. Сосудов

архаических типов нет. Вокруг печи найдены обломки сосудов, керамический брак и скопление хорошо вымешенной гончарной глины. Датируется этот комплекс IV в. до н. э., а бронзолитейная мастерская с плавильной печью относится к концу VI в. до н. э.

Из железных предметов, найденных в 1966 г. на Восточном Бельском городище, можно отметить наконечник копья, обломок меча, обломок столбикового серпа, бурав, чешуйку от панциря и ножи разных типов; из бронзовых — наконечники стрел, перстень с выпуклым щитком и несомкнутыми концами, бляшку, орнаментированную в зверином стиле, и ножной браслет. Кроме того, найдено необычное треугольное блюдо из желтовато-серого песчаника. Из керамических находок интересны обломки донышек лепных горшков, на которых зафиксированы отпечатки ткани и циновки, и зооморфные статуэтки, среди них обломок с изображением грифона.

На Западном Бельском городище в 1966 г. начато изучение загадочных майданообразных сооружений, примыкавших к валу изнутри городища. В. А. Городцов считал, что это ямы, имеющие очень позднее происхождение. Раскопки определенно показали, что это остатки специально устроенных одновременно с насыпью вала крытых помещений, предназначенных, видимо, для гарнизона. Вал Западного Бельского городища тоже имел деревянные конструкции из бревен и досок. Укрепление было сооружено в первой половине VI в. до н. э., но впоследствии вал ремонтировался и перестраивался. Поселения скифской эпохи на Западном и Восточном Бельском городищах возникли на месте более древних поселений бронзового века.

Бросается в глаза существенное различие хронологически одновременных комплексов материальной культуры Восточного и Западного Бельских городищ, в том числе керамики, вместе с тем очень близкой к одновременным керамическим комплексам соответственно донецких и посульских поселений. На Восточном Бельском городище нет таких жилых землянок, которые найдены на соседнем Западном городище, отсутствуют многочисленные ярко выраженные холмообразные зольники, вал устроен иначе, без майданообразных сооружений. Имеются и другие особенности. Несмотря на небольшое расстояние между городищами и объединяющий их общий вал Большого Бельского городища, оказывается, что жители двух этих поселений принадлежали, видимо, к разным этническим группам с разными хозяйственными традициями и обычаями. Этот вывод подтверждается и результатами исследования курганного могильника в урочище Скоробор около Бельского городища, где зафиксировано очень большое разнообразие в устройстве могил и в погребальном обряде хронологически близких курганов скифской эпохи.

На левом берегу Днепра, к юго-востоку от Переяслава-Хмельницкого были еще раз осмотрены так называемые Змиевы валы, происхождение которых оставалось загадочным. Установлено, что эти валы образуют грандиозное городище скифской эпохи, возникшее на месте более древне-

го поселения бронзового века. Произведена съемка плана этого городища, названного Каратульским, и собран подъемный материал. Здесь найдены обломки архаической скифской керамики, фрагменты греческих амфор, пряслица, обломки зернотерок, терочники, бронзовая гвоздевидная булавка и бронзовый трехперый втульчатый наконечник стрелы с шипом на втулке. Судя по находкам, Каратульское городище возникло в VI в. до н. э.

Экспедиция провела заключительные работы на селищах у Волчанского городища салтовской культуры VIII—X вв. н. э. Здесь вскрыта одна землянка и обнаружены остатки сыродутного горна. Изучение материалов Волчанского краеведческого музея и раскопки показали ошибочность предположения Н. Т. Евстропова, что местные горны салтовской культуры были железоделательными горнами ямного типа. На самом деле это остатки наземных сыродутных горнов шахтного типа.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НЕМИРОВСКОМ ГОРОДИЩЕ

А. А. Моруженко

Немировский отряд Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского государственного университета проводил раскопки на Немировском городище — одном из крупнейших укрепленных поселений лесостепи скифского времени, расположенном в Винницкой обл. Основное внимание было обращено на изучение оборонительных сооружений.

Городище занимает возвышенности по обоим берегам р. Мирки, которую местное население называет Замчик. Территория поселения изрезана многочисленными ложбинами, по дну которых текут ручьи, впадающие в Мирку. Городище обнесено мощным валом, высота которого колеблется от 6 до 8 *м*, и рвом. На мысу, ограниченном долиной реки и глубоким оврагом, находится центральное укрепление, защищенное валом и рвом лишь с напольной стороны.

Была исследована восточная часть вала большой внешней ограды городища. Здесь высота вала достигает 8,5 м, ширина — 32 м. Удалось выяснить, что оборонительные сооружения Немировского городища созданы в два периода. Первоначально была сооружена деревянная стена на валу из земли, глины и крупнозернистого песка, взятых при рытье рва. Вал был насыпан на выходящий в этом месте на поверхность отрог скалы. Внутри вала была устроена деревянная конструкция из бревен, расположенных почти горизонтально по отношению к плоскости основания вала. Зафиксировано 12 находящихся почти друг под другом ямок от столбов со следами истлевшего дерева в заполнении. Для

укрепления внешней стороны насыпи была использована каменная вымостка.

После разрушения этого первоначального оборонительного сооружения вал был досыпан. В верхней части устроили горизонтальную площадку, на которой, по-видимому, вновь была сооружена деревянная стена. В профиле четко прослеживаются две ямки от вертикальных столбов: большая ямка конусовидной формы, меньшая — цилиндрической. Очевидно, деревянную конструкцию, опиравшуюся на столбы, со стороны рва присыпали землей, а с внутренней стороны была сделана площадка, так называемый банкет, где находились защитники поселения.

Кроме раскопа на валу, был заложен раскоп площадью 137 кв. м в юго-восточной части центрального укрепления. Культурный слой здесь незначительный (40—50 см) и насыщен весьма слабо. Много находок лишь в заполнении ям. Их вскрыто семь. В плане они круглой или овальной формы, в разрезе — цилиндрической. Вероятно, это было какое-то хозяйственное помещение скифской эпохи со ступенчатым входом с западной стороны. Материал в этом раскопе типичен для лесостепных поселений скифского времени и подтверждает датировку городища VII—началом V в. до н. э., данную М. И. Артамоновым. Кроме массы костей животных и фрагментов местной лепной керамики с налепным валиком, с пальцевыми защипами по венчику, проколами и наколами под ним, а также чернолощеной керамики, следует отметить бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы, типичный для скифского времени железный нож с горбатой спинкой, костяные проколки, глиняные пряслица, катушки, зооморфные статуэтки, изображающие лошадь и собаку, культовые сосудики. В двух разведочных траншеях, кроме скифского материала, обнаружены остатки, относящиеся к трипольской культуре и к средневековью.

Отряд провел разведку на славянском городище, расположенном в 1—1,5 км восточнее Немировского городища у с. Сажки; сняты план и профили этого городища, заложены шурфы. Кроме того, осмотрено селище скифского времени на террасе вдоль правого берега р. Мирки, в 1 км к востоку от Немировского городища.

Материалы, добытые во время раскопок, уточняют сведения об оборонительных сооружениях Немировского городища и показывают определенную общность в технике строительства фортификационных сооружений левобережной и правобережной лесостепи скифского времени.

ПОСЕЛЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. ЛАГОДОВ

Л. И. Крушельницкая

В 1965—1966 гг. Верхнеднестровская археологическая экспедиция Львовского государственного университета производила раскопки поселения раннего железного века у с. Лагодов Перемышлянского района Львовской обл.

Поселение открытого типа расположено на северо-западном склоне Гологорского хребта (урочища Помирки, Залука и Липовица). Судя по подъемному материалу, оно занимало площадь около 80 га. Слабые следы культурного слоя обнаружены также на плоской вершине горы Вежа, возвышающейся над территорией поселения и служившей, по-видимому, естественным оборонительным городищем.

В 1966 г. исследования были сосредоточены в основном на урочище Помирки, на плато холма в западной части поселения. На площади 376 кв. м обнаружено восемь хозяйственных ям круглой и овальной формы, диаметром в среднем 2 м. В заполнении их собрано много обожженных и обваренных костей животных, а на дне трех ям выявлены остатки очагов. К западу от ям открыто шестиметровое каменное заграждение, состоящее из шести больших плоских плит. Каменные плиты находились и на дне некоторых ям.

Среди найденного материала преобладает керамика. Наиболее распространенный тип посуды — тюльпановидные и баночные горшки разной величины, с проколами и расчлененными валиками ниже венчика, гладкие, иногда лощеные внутри миски с загнутыми краями и плоские крышки с заглаженной поверхностью. Меньше обнаружено обломков тонкостенных и баночных горшков без украшений, мисок конической формы, черпаков с ручками, толстостенных корчаг с гладкими стенками и ручками опоры. За исключением некоторых форм высоцкого типа, такая керамика характерна для поселений скифского времени Западного Подолья.

Орудия труда представлены глиняными пряслицами, каменными топорами, кремневыми серпами, каменными терочниками, железными ножами. Из других вещей интересны роговой псалий с отверстиями, костяные проколки и железные булавки. В этой части поселения, а также на крутых склонах у вершины горы Вежа часто попадаются бронзовые наконечники стрел, обычно двулопастные с втулкой и ромбовидной головкой, но встречаются и трехлопастные остролистные скифского типа.

Небольшой раскоп и ряд шурфов заложены и на других участках поселения. В раскопе открыты следы наземной постройки с разрушенной глиняной печью. Среди развала глиняных валиков печи, а также в куль-

турном слое около постройки найдены обломки керамики, железная булавка и бронзовая подвеска-бубенчик, аналогичная подвеске из кургана V в Братышеве (Западное Подолье).

Собранные на поселении у с. Лагодов материалы можно датировать VI—V вв. до н. э.

Экспедиция провела разведку в верховьях рек Гнилой и Золотой Липы. Судя по подъемному материалу, здесь имеется несколько местонахождений памятников, синхронных поселению в Лагодове.

РАСКОПКИ НА МОГИЛЬНИКЕ И ПОСЕЛЕНИИ IV—III вв. до н. э. У с. НИКОЛАЕВКА

А. И. Мелюкова

Западноскифская экспедиция Института археологии АН СССР совместно с Одесским археологическим музеем продолжали исследования у с. Николаевка Беляевского района Одесской обл. Производились раскопки северо-восточного участка могильника, свободного от курганных насыпей. На площади около 2 тыс. кв. м открыто 30 погребений.

Могилы расположены неправильными рядами, идущими в направлении с северо-северо-востока на юго-юго-запад, на разном расстоянии одна от другой. Есть основания предполагать, что они составляли группы, между которыми находились свободные от захоронений участки. Над некоторыми могилами на уровне древней поверхности имеются отдельные камни или скопления камней и остатки тризны в виде фрагментов амфор. Одна могила была окружена кольцом диаметром 7 м, сложенным из небольших известняковых камней. До сих пор каменные кольца встречались на этом памятнике только под курганными насыпями. Теперь можно говорить о том, что иногда их делали и над бескурганными погребениями.

Так же, как при раскопках 1965 г., в 1966 г. были вскрыты могилы двух основных типов: ямы, в плане близкие к прямоугольнику или овалу (17), и с подбоями (13). Некоторые ямы больших размеров перекрыты массивными известняковыми плитами без следов обработки. Камнями, реже камышом закрывали входы в подбой. Могилы ориентированы с востока на запад или с небольшим отклонением от этой оси.

Почти во всех погребениях покойники были положены головой на восток, на спину, с вытянутыми руками и ногами. Только в трех случаях отмечена западная ориентировка. Преобладают одиночные захоронения, наряду с которыми изредка встречаются коллективные (до пяти погребений в одной могиле). В 1966 г. впервые здесь открыты 14 безынвен-

тарных погребений. Фрагменты амфор IV—III вв. до н. э., найденные в заполнении могил, позволяют относить эти погребения к той же эпохе, что и погребения с инвентарем. Интересно, что большинство безынвентарных погребений находилось на периферии исследованного нами участка, центральную часть которого занимали главным образом подбойные могилы с инвентарем. Среди последних имелись ограбленные погребения. В неограбленных обязательно находили кости передней части туши коровы или овцы с воткнутым в нее ножом, амфору, чернолаковый канфар, килик или другой сосуд для питья. В мужских погребениях найдено оружие — наборы скифских бронзовых и костяных наконечников стрел, железные наконечники копий, обычные для IV—III вв. до н. э., бронзовые и железные браслеты. В женских могилах чаще всего встречаются глиняные пряслица, мелкие бронзовые украшения, пастовые бусы; в трех могилах были бронзовые зеркала, неизвестные ранее в этом могильнике. Интерес представляет серебряное височное кольцо с рельефной фигуркой пантеры. Техника изготовления свидетельствует о том, что это местное подражание античному образцу. Из других находок следует отметить железный нож с горбатой спинкой, ручка которого сделана из стекловидной пасты желтого цвета с коричневыми и зеленоватыми прожилками. Ножи с подобными рукоятками в Северном Причерноморье прежде не были известны.

Все погребения датируются второй половиной IV — началом III в. до н. э.

На поселении, одновременном могильнику, были исследованы остатки наземного жилища, стены которого сложены из необработанных известняковых камней, хозяйственные и зерновые ямы. Кроме того, было произведено доследование одного из жилищ с каменными стенами, частично раскопанного нами в 1964 г. (раскоп III). Выявлены основание печи, находившейся в юго-западном углу дома, и вымостки. Поблизости от жилища обнаружены зерновые и хозяйственные ямы.

Новые археологические материалы позволяют с большей уверенностью, чем ранее, говорить, что исследуемые нами памятники принадлежали местному земледельческому населению, скорее всего потомкам каллипидов Геродота. Погребальные сооружения и обряд, а также керамика, найденная на поселении, заставляют думать, что по этнической принадлежности они в основном были скифами. В их экономике большую, может быть главную, роль играло производство хлеба и других сельскохозяйственных продуктов для продажи греческим купцам. Тесные экономические связи с греками, города которых находились поблизости, в устье Днестровского лимана, способствовали эллинизации культуры обитателей поселения. По находкам на поселении и в некоторых погребениях можно говорить и об их связях с соседними фракийскими, скорее всего гетскими, племенами.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОСТРОВЕ БЕРЕЗАНЬ

К. С. Горбунова

Отряд Государственного Эрмитажа уже пять сезонов производит работу на острове Березань. Исследования сосредоточены в северо-западной части острова и у современной бухты на восточном его побережье. В 1966 г. на восточном раскопе были последовательно открыты средневековые наслоения, остатки сооружений классической эпохи и архаических жилищ типа полуземлянок.

Над остатками двух средневековых полуземлянок с материалами X—XII вв. находился небольшой горн с довольно хорошо сохранившимся сводом (разрушена лишь верхняя часть перекрытия — края загрузочного отверстия) и боковым отверстием для сопла. Почти полное отсутствие шлаков, вероятно, объясняется близостью от поверхности земли. Невдалеке от горна найдены две литейные формочки: одна — для отливки креста, другая — для пронизки с ложной филигранью. Вместе с многочисленным керамическим материалом все эти находки характеризуют жизнь на острове в то время, когда его под названием Евферии, упоминал в описании пути «из варяг в греки» Константин Багрянородный.

На северо-западном участке раскрыта часть мощеного дворика дома римского времени, довольно хорошо сохранившаяся каменная печь II—III вв. н. э. и большая яма, заполненная массой фрагментов толстостенных красноглиняных амфор с желобчатыми стенками и массивными ручками и нескольких светлоглиняных миниатюрных амфор.

Чрезвычайно важны для восстановления истории острова прямоугольное углубление, открытое частично, так как оно находится непосредственно под средневековым горном, который решено было временно сохранить, и две ямы с очень большим количеством аттической керамики V и IV вв. до н. э. Здесь найдены обломки чернолаковой посуды со штампованным орнаментом, краснофигурного кратера с изображением колесницы (первая половина IV в. до н. э.) и аттического скифоса, типичного для IV в. до н. э. как по форме, так и по характеру беглого краснофигурного рисунка. На водосточном участке обнаружена крупная ольвийская литая монета с изображением Деметры на аверсе и орла на дельфине — на реверсе.

Вероятно, к классическому времени следует отнести и остатки круглой цистерны, облицованной каменными плитами, часть которых использована вторично. Цистерна сильно пострадала при устройстве средневековой землянки, и поэтому высота ее стен едва достигает 0,75 м. Судя по характеру кладки, цистерна, возможно, была предназначена для хранения сухих продуктов, а не жидкости.

Архаические полуземлянки и ямы содержали обычный для Березани керамический материал, среди которого наиболее интересны обломки

Березань. Ольвийская литая монета

родосской тарелки VII в. до н. э. и родосского диноса, аттические черно-фигурные килики, в том числе редкий даже для Березани килик типа Сиана с изображением пляшущих комастов, а также великолепный мелкофигурный.

Особого внимания заслуживает лепной круглодонный сосуд с резным орнаментом и белой инкрустацией, датируемый по сопровождающему его в яме материалу VI в. до н. э.

В 1965 г. здесь же, на северо-восточном раскопе, были открыты довольно хорошо сохранившиеся строительные остатки первых веков нашей эры. Таким образом, именно здесь прослеживаются все периоды существования поселения на острове. Раскопки северо-западного участка тоже рисуют яркую картину жизни острова как в архаический период, так и в первые века нашей эры.

РАСКОПКИ В ОЛЬВИИ

Ю. И. Козуб

Раскопки Института археологии АН УССР в Ольвии по-прежнему проводились западнее городища, на трех возвышенностях западного края Заячьей балки, где, как предполагалось до сих пор, находился лишь некрополь, но в последние годы открыты жилые, хозяйственные и культовые комплексы второй половины VI—V в. до н. э., а также участок некрополя первых веков нашей эры.

Ольвия. Фигурный сосуд из погребения 5

В 1966 г. удалось определить хронологические рамки различных групп памятников, характеризующих эту территорию на протяжении почти тысячелетия и отражающих основные вехи истории ольвийского полиса.

Первый период — вторая половина VI—V вв. до н. э. В то время здесь была заселенная часть города. Открыты жилые комплексы: землянка, полуземлянка и круглая яма, возможно, хозяйственного назначения. Ранние жилища имели много общего: это земляные сооружения, вырытые в материке, четырехугольные в плане, чуть вытянутые в широтном направлении.

Уникальна землянка довольно хорошей сохранности. У западной стены ее уцелели остатки глинобитной конструкции с ямкой для столба, у южной стены — развал печи, возможно, перекрытой сводом. Печь сооружена из сырцовых вальков и кирпичей с примесью соломы. На полу около печи найден крупный фрагмент закопченной кастрюли с ручкой. Здесь было много золы, угля, закопченной керамики. Напротив печи в северной стене была устроена неглубокая продолговатая ниша, выложенная у основания мелким камнем. В этой части землянки найдено несколько терракот культового характера: фрагмент фигуры богини, сидящей на троне; головка богини в калафе, маска Силена. Только большой фрагмент статуэтки Деметры редкого архаичного типа находился у печи. Западная часть землянки сверху была забита очень твердым глинистым заполнением, которое, вероятно, представляло собой остаток разрушенной сырцовой кровли. Вещественный материал землянки богат и разнообразен. Бо́льшую его часть составляют обломки амфор (хиосских, коринфских, протофасосских VI—V вв. до н. э., фасосских V в. до н. э.), красноглиняной расписной керамики ионийского образца (мисок, тарелок, кувшинов, рыбных блюд).

Различными формами представлена сероглиняная кухонная лепная керамика. От чернолаковой, чернофигурной и краснофигурной керамики

осталось много мелких фрагментов киликов, скифосов, лекан, светильников. Здесь же были железный нож, пряслице, несколько дельфинчиков, наконечников стрел, бус, костяное шлифовало. Довольно много костей животных, в том числе пять рогов. В 5,3 м к востоку от землянки обнаружена круглая расширяющаяся книзу яма, вырытая в материке. Она заполнена плотным глинистым грунтом с немногочисленными обломками керамики V в. до н. э. На глубине 2 м в яме обнаружено скорченное погребение. Назначение ямы пока неясно.

В 38 м к югу от землянки открыто жилище полуземляночного типа. Стены его опущены в материк на 0,7—0,75 м. В полужилища по центру и под южной стеной было пять углублений, расположенных в два ряда, которые, видимо, имели конструктивное значение. Сравнительно немногочисленный материал свидетельствует о том, что это рядовое жилище V в. до н. э. Здесь найдены фрагменты нескольких хиосских амфор, сероглиняных мисок с валикообразным загнутым венчиком и кувшинов с двустольными ручками, закопченных кастрюль и лепных горшков, а также обломки каменных изделий: жернова и плоского сосуда, в котором что-то растирали, возможно, крупу. На стене жилища была подвешена терракотовая статуэтка богини, от которой сохранилась только голова в высоком головном уборе.

Второй период — IV—III вв. до н. э. По-видимому, эта территория стала уже загородной, хотя здесь еще сооружались какие-то постройки. К этому периоду относятся остатки каменной конструкции. Сохранившаяся длина конструкций 4,3 м, ширина 1,8 м. Она ориентирована по линии северо-запад — юго восток.

Вероятно, этому же сооружению принадлежит и примыкающая к нему фрагментарная сырцовая кладка. Судя по характеру облицовок и вещественному материалу, оно выстроено не позднее IV в. до н. э. (может быть, даже в первой половине этого столетия). Остатки его перекрыты материалом конца III—II в. до н. э.

В третий период — II в. до н. э.— III в. н. э. Жизнь на участке окончательно замерла, он стал частью некрополя. Наиболее ранними являются детские захоронения в грунтовых могилах II—I вв. до н. э. Это трупоположения с северной и южной ориентировкой скелетов. Погребение 5 было ограждено наклонно поставленными каменными плитами и черепицей; сохранились остатки деревянного гроба. В состав погребального инвентаря входил фигурный сосуд в виде обезьяны, сидящей в скорбной позе.

Земляной склеп первой половины I в. н. э., прорезавший восточную стену ранней землянки, состоял из пологого дромоса и четырехугольной камеры. Входной проем был заложен каменным закладом. Две ступени вели из дромоса в камеру склепа. Склеп ограблен, сохранились лишь остатки двух деревянных гробов, стоявших у северной и южной стен, разрозненные человеческие кости, бусы, в том числе пронизь-скарабей, очень тонкий стеклянный бальзамарий изящной каплеобразной формы, кусочки мела и розовой краски. В дромосе найдены крупные фрагменты двух светлоглиняных узкогорлых амфор I в. до н. э.—I в. н. э. и часть антропоморфного надгробия.

Наиболее поздним, по-видимому, является трупосожжение в амфоре, обложенной обломками черепицы и мелкого камня. Среди кальцинированных костей находился железный нож, над урной — красноглиняный закрытый светильник. Рядом открыты остатки погребального костра, около которого вкопана верхняя часть большой красноглиняной амфоры II—III вв. н. э., возможно, служившей эсхарой.

Таким образом, раскопки на территории к западу от Заячьей балки, открывающие новый, до этого не известный район древнейшей Ольвии, дают материалы для пересмотра вопроса о западных границах города на первоначальном этапе его развития. Кроме того, эти работы дополняют наши сведения о местоположении и характере ольвийского некрополя первых веков нашей эры.

РАСКОПКИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

А. Н. Щеглов

Экспедиция Херсонесского музея проводит исследования на северо-западе Крыма с 1959 г. В 1966 г. продолжались раскопки двух памятников: крупной эллинистической сельской усадьбы у бухты Вегреной поблизости от Калос Лимена, и городища Тарпанчи у с. Окуневка. Наряду с этим были продолжены разведывательные работы.

Усадьба, стоявшая на одном из клеров земледельческой округи Калос Лимена, была построена, видимо, не раньше последней трети IV в.

до н. э. Во II в. до н. э. ее уничтожил сильный пожар. Усадьба состояла из нескольких помещений различного назначения, сгруппированных вокруг прямоугольного дворика в единый архитектурный комплекс. В прежние годы открыта часть служебных помещений северо-западной и северо-восточной сторон здания: кладовая с пифосами, баня, хозяйственные комнаты. В 1966 г. осуществлены раскопки северо-восточной половины внутреннего двора усадьбы. Первоначально поверхность двора была земляной; затем, во втором строительном периоде, его уровень несколько подняли вымосткой из каменных плит и подсыпкой гравия. Вдоль всех помещений северо-восточного крыла шел узкий навес, крытый черепицей. Завал рухнувшей кровли навеса состоял из керамид преимущественно синопского и гераклейского производства и синопских калиптеров. Очень пополнена коллекция клейм на черепицах.

В северо-западной части усадьбы раскрыто большое хозяйственное помещение с двумя крупными печами. Есть основания предполагать, что эта часть дома была двухэтажной, причем на втором этаже, вероятно, находились жилые комнаты.

Исследованы ров и вал, которыми была окружена усадьба, вероятно, незадолго до гибели. Интересна такая особенность: с юго-западной стороны ров устроен на полный профиль, с северо-восточной он едва углублен в материковую скалу, хотя это и не может быть оправдано фортификационными соображениями. По-видимому, обитатели усадьбы в напряженный период войн Херсонеса со скифами начали превращать ее в укрепление, но не успели до пожара завершить сооружение рва и вала. Не исключено, что усадьба на какое-то время перед пожаром была захвачена скифами.

На городище Тарпанчи исследовался северный участок оборонительных стен скифской крепости, возведенной во II в. до н. э. на месте греческого укрепления, к этому времени разрушенного (начальник отряда В. И. Кац). Здесь уточнена конструкция системы обороны с напольной стороны крепости. Выявлены следующие ее элементы: ров, укрепленный по внутреннему скату каменной облицовкой из бута; крепостная стена сравнительно небольшой толщины с прямоугольными башенными выступами и дополнительный мощный противотаранный пояс, состоящий из наклонных рядов кладки и достигающий более 2 м высоты. Система крепостных сооружений городища напоминает укрепления нижнеднепровских городищ и крепостей на Таманском полуострове, хотя последние возводились из глины. В устройстве противотаранного пояса несомненно также определенное воздействие греческой крепостной архитектуры.

На северном участке городища продолжены раскопки зернохранилища, начатые в 1960 г. На открытой площади склада обнаружено около 2 куб. м обуглившихся зерен пшеницы, лежавших слоем до 0,35 м толщины. На глинобитном полу хранилища зерно было насыпано, очевидно, двумя кучами: с одной стороны пшеница, с другой — ячмень.

Установлено, что зернохранилище предшествовало сооружению дополнительного противотаранного пояса крепостной стены.

Основной задачей разведок сезона было изучение системы земледелия в Северо-Западном Крыму в период подчинения его Херсонесу. Для этой цели была применена аэрофотография (К. К. Шишкин), что оказалось весьма эффективным как для проверки разведок прошлых лет, так и для установления древних систем полеводства на тех участках, где обычная археологическая разведка их не может обнаружить. Практика показала, что наиболее целесообразно сочетать работы по дешифровке аэрофотоснимков с полевой рекогносцировкой на местности.

В результате разведок во многих местах прибрежной полосы Северо-Западного Крыма выявлено несколько систем размежевки полей, накладывающихся одна на другую. Наиболее ранняя, по-видимому, та, которая по ориентировке и прямоугольной разбивке земельных участков близка к системе херсонесских наделов на Гераклейском полуострове и уже известных клеров Калос Лимена, а также надела у Ойрата. Следы ранней размежевки перекрывают дороги и ограды вокруг поселений несколько более позднего времени.

Разведка на городище Калос Лимен дала подъемный материал в виде нескольких фрагментов крупных архитектурных деталей, по-видимому, от общественных зданий III—II вв. до н. э. Одна из них найдена на дне Черноморской бухты.

Детали такого рода обнаружены на городище впервые и дают возможность по-новому представить архитектурный облик этого небольшого греческого города.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЛИЗ оз. ДОНУЗЛАВ

О. Д. Дашевская

Донузлавская экспедиция Института археологии АН СССР и Евпаторийского краеведческого музея, проводя в 1966 г. седьмой сезон полевых работ, продолжала раскопки двух городищ античной эпохи на северо-западном побережье Крыма — Южно-Донузлавского и Беляуса.

Южно-Донузлавское городище, расположенное у с. Поповка, в 28 км к северо-западу от Евпатории, было, как показали раскопки предыдущих лет, основано на рубеже IV и III вв. до н. э. Херсонесом, а в середине II в. до н. э. захвачено скифами, после чего переходило из рук в руки.

Южно-Донузлавское городище. Надгробная стела

На основном раскопе в северо-восточной части городища в 1966 г. раскопаны четыре хозяйственные ямы, относящиеся к первому периоду жизни городища (III в. до н. э.). Они почти не содержали находок. В конце III в. до н. э. ямы были засыпаны землей и на их месте построили большие каменные здания (В — с вымощенным каменными плитами полом — и М). В 1966 г. доследовалось здание М, состоящее из шести помещений. В одном из помещений рядом с загородкой из поставленных на ребро плит раскрыта одновременная зданию хозяйственная яма, в которой обнаружены чернолаковые тарелочки и херсонесский расписной кувшин.

Особенно интересные результаты дали раскопки двух более поздних хозяйственных ям, относящихся к рубежу нашей эры. Они заполнены золистой землей, обломками печины и массой фрагментов керамики. Одна яма содержала исключительно разнообразный ассортимент сосудов, среди которых реставрированы пифос с тремя валиками, различные амфоры (одна с надписью граффито, указывающей на принадлежность ее моряку), краснолаковые блюда, миски и тарелочки, большие и малые кувшины, в том числе сероглиняные с лощеным орнаментом и чернолаковые типа гуттов с ситом в горле и носиком. Лепные сосуды также представлены многочисленными формами, среди которых миска с четырьмя ручками-упорами. В этом комплексе оказался уникальный сосуд — рельефный пергамский канфар, покрытый зеленовато-коричневой поливой, с орнаментом из ов, желудей и листьев.

Среди керамики из другой ямы привлекают внимание большой лепной горшок с двумя витыми ручками и лепная ойнохоя. Здесь же найдены бронзовые украшения, зеркало, стеклянные бусы, железное копье. Еще одно копье обнаружено на том же участке вне ямы. Поблизости в слое находились обломки трех амфор из коричневой глины (колхидских?) с граффити.

Продолжалось исследование скифских оборонительных сооружений II в. до н. э.— вала и рва, облицованных ступенчатой каменной кладкой. Прослежена обкладка наружного склона рва и определена его ширина — 4,3 м по дну. Продолжалась также работа в юго-восточной части поселения, за пределами скифской крепости. Здесь выявлены два каменных здания хорошей сохранности.

В северо-западной части поселения, также вне кольца скифской обороны, учительница Н. Г. Пиксасова и учащиеся с. Поповка случайно обнаружили и передали экспедиции надгробную стелу с очень схематичным рельефным изображением двух женских фигур местной работы I—II вв. н. э. Это второе надгробие, найденное в Поповке. Поиски могильника здесь пока не увенчались успехом.

На городище Беляус, расположенном по другую сторону устья оз. Донузлав, в 40 км к северо-западу от Евпатории, в предыдущие годы была раскрыта античная башня, замечательная своей рустованной кладкой с метками древних камнетесов (IV в. до н. э.). В 1966 г. обнаружена на

упавшем камне еще одна метка — буква «дельта». К востоку от башни раскопаны две последовательные каменные вымостки, небольшие здания из рваного камня и зерновая яма. Наиболее важным результатом было открытие оборонительной стены из тесаных блоков, непосредственно примыкающей с севера ко второму поясу башни (II в. до н. э.) и соответствующей рельефу городища. Судя по этим материалам, Беляус был укрепленной херсонесской усадьбой.

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ЧАЙКА В ЕВПАТОРИИ

А. Н. Карасев

В 1966 г. Чайкинская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Московского государственного университета работала пятый сезон. Были открыты как греческие, так и скифские строительные остатки, расположенные в восточной части холма, перекрывающего древние памятники.

В 1966 г. удалось раскрыть в южной части раскопа большую площадь древнегреческого здания IV в. до н. э. На восточной его стороне большинство помещений первого строительного периода были складскими, вдоль южного фасада находились помещения для людей. Стены этих помещений сложены из крупных квадров известняка, дверные проемы имеют ширину около 1 м.

К стене IV в. до н. э. примыкают кладки более позднего времени. Здесь же частично раскрыты кладки конца V — начала IV в. до н. э.

В башне 4 древние остатки перекрыты мощным слоем чистого песка. Эта башня резко отличается от трех остальных бо́льшими размерами и более сложным планом: она неоднократно перестраивалась. Возможно, что она была угловой юго-западной башней фактории IV в. до н. э. В более позднее время ее надстроили. Исследована только наземная часть. Дальнейшие раскопки внутри башни и вокруг нее позволят уточнить назначение и историю этой части комплекса.

В непосредственном соседстве с северной стеной башни 4 раскрыты остатки небольшого здания V в. до н. э., стены которого украшены рустами. Великолепное качество всех сохранившихся частей здания и его положение на самой высокой точке материка (скалы) в данном месте указывает, что оно, вероятнее всего, было культовым. Здесь же обнаружен вырубленный в скале котлован для какого-то монументального сооружения.

Внутреннее пространство (двор) здания IV в. до н. э. застроено. Застройка была очень интенсивной и длительной.

Городище Чайка. Башня 4

Здание это построено на месте фактории, меньшей по размерам и более скромной по оформлению. От нее осталась сравнительно хорошо сохранившаяся кладка одного помещения в юго-восточном углу двора, бо́льшая часть которого была разобрана при сооружении здания в IV в. до н. э.

В 1966 г. начались работы по раскрытию северного фасада этого здания. Было раскрыто место предполагаемых ворот фактории и обнаружен нижний ряд кладки из великолепно сохранившихся рустованных квадров. Все как будто указывало на то, что здесь находится восточная стена ворот, но в полуквадрате, заложенном для выявления западной их стены, ее не оказалось. Здесь были обнаружены только остатки фундамента из мелкого камня. Он плохо сохранился и почти полностью перекрыт грунтовой водой, поэтому нет возможности определить, когда и для каких целей он построен.

В кладке рустованного цоколя IV в. до н. э. была в III в. до н. э. пристроена с севера стена, от которой сохранились три ряда крупных квадров, обработанных в совершенно иной манере.

Одно из наиболее важных открытий в северной части городища — здание III в. до н. э. Раскрыты его северо-западный, северо-восточный и юго-восточный углы. Особенно хорошо сохранилась северная стена. Здание облицовано крупными квадрами известняка с характерным разрушением лицевой поверхности.

Это здание не было разрушено скифами. Более того, они укрепили его дополнительным поясом толщиной около 2 м, облицованным квадрами из разобранного ими здания IV в. до н. э. В одном из помещений найден пифос в полной сохранности.

Здание III в. до н. э. существовало длительное время, судя по тому, что в нем обнаружена кладка из блоков вторичного употребления, у подошвы которой и в непосредственной близости от нее встречены обломки амфор I — начала II в. н. э.

В 1966 г. продолжались раскопки новых скифских сооружений и доследование ранее открытых. Все они перекрывают древнегреческие строительные остатки. Основные работы по изучению скифского периода были сосредоточены на большом северо-восточном раскопе, где выявлено несколько небольших помещений со следами неоднократных переделок. По-прежнему наблюдается частая смена строительных периодов. В средней части раскопа раскрыта хорошо сохранившаяся вымостка из крупных плоских плит.

Продолжалось расширение западного раскопа со скифскими постройками очень плохой сохранности. Заложен новый раскоп в юго-западной части городища, на месте предполагаемой угловой башни фактории. Здесь под слоем чистого песка обнаружены только крайне фрагментированные скифские кладки стен и вымосток. Проведены работы по консервации скифских сооружений в северо-восточной части городища.

Вещественный материал из древнегреческого здания представлен в

основном керамикой, среди которой преобладает продукция херсонесских мастерских III в. до н. э. В одном из помещений, пристроенных к главному зданию IV в. до н. э., в южной части раскопа был найден завал кровельной черепицы синопского производства, среди которой имеются клейменые керамиды, датирующиеся IV в. до н. э. Вблизи башни 4 найдено железное копье, при раскрытии скифских строительных остатков — много скифской лепной посуды. Из находок в верхнем слое интересна бронзовая пряжка, покрытая позолотой и инкрустированная камнями.

РАСКОПКИ В НИМФЕЕ

Н. Л. Грач

Экспедиция Государственного Эрмитажа вела раскопки на двух объектах — на территории акрополя города и на некрополе. Прослежены разные периоды истории жизни города от VI в. до н. э. до III в. н. э. Основной задачей было исследование большого здания из розового мергеля. Оно привлекает внимание большими размерами (северная стена, уходящая в борт раскопа, имеет протяженность 14 м) и необычным материалом. Розовый мергель — хрупкий строительный материал — встречен впервые не только в Нимфее, но и во всем Северном Причерноморье.

Наиболее интересными оказались раскопки внутри здания. Удалось обнаружить остатки пола из известковой крошки, сильно поврежденного глубокими ямами римского времени, и подвальное помещение с хорошо сохранившейся западной стеной. По характеру постройки и многочисленным находкам в подвале этот памятник датируется эллинистическим временем, скорее всего III в. до н. э. До настоящего времени в Нимфее строительных остатков эллинистического периода найти не удавалось, так как в первые века нашей эры город перестраивался и предшествующие этому времени здания IV—I вв. до н. э. в основном были разобраны на постройку новых. Мергель, очевидно, тоже был употреблен вторично. Об этом свидетельствует небрежность кладки, нерегулярное использование в ней плит местного желтого известняка и, наконец, грубое применение остатков зданий классического времени в качестве фундамента. Вряд ли привезенный издалека строительный материал первоначально мог быть использован подобным образом. Тем не менее здание из мергеля, имевшее, вероятно, общественное назначение, свидетельствует об интенсивной городской жизни в эллинистический период, а главное, заполняет пробел в истории города.

К востоку от мергелевого здания продолжались раскопки так называемой Северной улицы. Она вымощена обломками стенок амфор и че-

Нимфей. Фрагмент аттического килика рубежа VI—V вв. до н. э.

репицей, а местами мелким камнем. Обнаружено несколько слоев вымостки, что свидетельствует о ее многократных ремонтах в длительном функционировании улицы — от конца V до III в. до н. э. Под вымосткой открыты рядом два обложенных камнем водосборника. Расположение улицы дополняет представление о планировке этой части города: она находилась на искусственной террасе, подкрепленной каменной оградой, имела неправильное направление (по кругу) и, очевидно, соединялась с калиткой в крепостной стене, ограничивавшей город с южной стороны.

В верхних слоях были открыты плохо сохранившиеся остатки зданий II—III вв. н. э. Кроме того, обнаружены 19 хозяйственных ям разного времени (VI в. до н. э.— III в. н. э.).

Нимфей. Гипсовый рельеф от саркофага I в. н. э.— змеехвостая богиня

При раскопках найдено много предметов быта, в том числе привозная и местная керамика. Имеются интересные образцы аттических сосудов, терракоты, изделия из кости, клейменые ручки и горла амфор, монеты.

К северу от Нимфея на территории некрополя велись охранные раскопки. При пахоте поля в насыпи невысокого кургана образовались две ямы. Обвалы произошли на месте вырубленных в скале склепов. Оба склепа состоят из четырехугольной камеры и короткого аркообразного дромоса. Расчистка производилась только внутри. Погребения были разграблены, вероятно, еще в древности. Однако в них обнаружены гипсовые украшения от саркофагов с хорошо сохранившейся раскраской — разного рода маски, изображения змеиногой богини, украшения в виде волют и пальметок.

Кроме того, найдены разбитые стеклянные сосуды, железный меч в обломках, бронзовые пряжки, сердоликовый перстень с резным изображением льва, монеты.

Дата погребений — I в. н. э.

РАСКОПКИ СЕЛЬСКОЙ УСАДЬБЫ У дер. АНДРЕЕВКА

И. Т. Кругликова

В 1966 г. Анапо-Керченская экспедиция Института археологии АН СССР продолжала исследование сельской усадьбы у дер. Андреевка. Раскоп был расширен. Найдены восточная и западная стены дома, однако полностью усадьбу раскопать не удалось. Выяснилось, что длина северной стены здания достигает 40 м, но протяженность постройки с севера на юг пока еще неизвестна; во всяком случае, она превышает 25 м.

При расширении раскопа на запад и на восток открыты новые постройки, не примыкающие к основному зданию усадьбы, но аналогично ориентированные и вытянутые по одной линии с ее северным фасадом. Еще две небольшие изолированные постройки обнаружены в 15 и 35 м к северу от усадьбы.

В 1965 г. такая же постройка была раскопана на 100 м севернее усадьбы. Уцелели лишь один-два нижних ряда каменной кладки стен. Судя по завалам мелких бутовых камней, верхняя их часть была сложена из небольших камней на глине. Нигде не найдено хорошо обработанных квадров. До полного открытия всей площади поселения нельзя установить назначение всех построек и плана поселения в целом. Бесспорно, усадьба не была изолированной, она представляла часть

сельского поселения. Возможно, рядом с ней располагались не только хозяйственные помещения, но и дома крестьян или сельскохозяйственных рабочих, обрабатывавших земли владельца усадьбы.

Раскопки 1966 г. позволили уточнить время существования поселения. Наиболее ранние находки — обломки лепных сосудов с поверхностью, заглаженной гребенчатым инструментом. Они свидетельствуют, что холм, на котором находилось поселение античного времени, был обитаем еще в эпоху бронзы. Но строительных остатков того времени пока еще не обнаружено. Из античных материалов, найденных на поселении, наиболее ранние могут быть датированы концом VI или V в. до н. э. Это обломки хиосских пухлогорлых амфор. К V—IV вв. могут относиться обломки фасосских остродонных амфор и амфор со стакановидными ножками. Больше всего находок относится к IV—III вв. до н. э.— времени наиболее интенсивной хозяйственной жизни поселения. Это многочисленные обломки амфор: синопских, гераклейских, херсонесских, фасосских, боспорских, так называемых типа Солохи, с колпачковыми ножками и др.

Андреевка. Стеклянная пронизь из сельской усадьбы

В одном из помещений усадьбы найдены две медные пантикапейские монеты — конца IV в. до н. э. и начала III в. до н. э. Интересные находки — пронизь из синего финикийского стекла в виде лица человека, верхняя часть бронзового черпака в виде головки лебедя, обломки терракотовых статуэток: двух протом богини с прижатыми к груди руками и головка. Чернолаковые сосуды, рыбные блюда, терракоты, черепицы, простая круговая посуда боспорского производства, преобладание амфор и редкость лепных сосудов — все это свидетельствует о сильной эллинизации быта обитателей поселка.

Андреевка. Верхняя часть бронзового черпака из сельской усадьбы

О РАСКОПКАХ МИХАЙЛОВСКОГО ГОРОДИЩА

Б. Г. Петерс, Г. М. Ефимова

Михайловский отряд Института археологии АН СССР продолжал раскопки античного городища, начатые в 1963 г. Основные исследования были сосредоточены в западной укрепленной его части. В процессе работ проводились реставрация и консервация памятника. Раскопками доследована северная оборонительная стена, а также обнаружена и частично вскрыта западная оборонительная стена и примыкающие к ней постройки.

Особое внимание уделялось изучению слоя пожарища конца I в. н. э. На глинобитном полу помещения обнаружены бронзовые монеты, фибулы, обработанная кость, краснолаковая посуда, стеклянные сосуды, терракотовые статуэтки, железный наконечник копья и гвозди. Под завалом камней найдено скопление плоских прозрачных кристаллов гипса в форме вытянутых четырехугольников размером 11×4×2,5 см. Возможно, они использовались для закрывания световых проемов помещения в зимнее время. Месторождение кристаллического гипса находится в 1,5 км к востоку от городища.

В слое пожарища были обнаружены костяные иглы, которые считают челноками для плетения сетей или для домашнего производства тканей. В прошлом году 55 таких костяных игл нашли в краснолаковой миске в комплексе с остатками пищевых продуктов. Возможно, эти иглы были своего рода орудиями для приема твердой пищи.

Слой II—III вв. н. э. содержал фрагменты светлоглиняных амфор с узким горлом, бронзовый браслет, бусину из ветки красного коралла, украшение в виде круглой односторонней линзы из синего стекла.

Разведки, проведенные в 1963—1966 гг. в районе городища, показали, что на всей прилегающей территории прослеживаются остатки античных клеров, ориентированных с северо-востока на юго-запад в виде сетки квадратов, которая покрывает равномерно как плодородные долины, так и скалистые холмы. Эта сетка заметна по остаткам каменной кладки и валообразным возвышениям, по узким полосам выжженных посевов и трав, что особенно хорошо видно на аэрофотоснимках. Нарезка квадратов производилась дважды.

Основываясь на результатах работ, можно предположить, что Михайловское городище было небольшим военно-хозяйственным поселением Боспорского царства.

Кроме раскопок городища, в 1966 г. производилась топографическая съемка курганного могильника северо-восточнее с. Михайловка. Курганный могильник включал 17 насыпей. Два кургана были ограблены и один из них продолжает разрушаться, на нем произведены охранные раскопки.

В насыпи кургана 1 (высота 3,6 м, диаметр 60 м), в его западной поле имелся грабительский шурф. Во вскрытой нами части насыпи обнаружена плита из кристаллического известняка, орнаментированная каннелюрами, ниже — ограбленное впускное погребение в каменном ящике. В засыпке обнаружены обломки черепа и длинных человеческих костей. В насыпи найдены фрагменты керамики эпохи бронзы и античного времени.

РАБОТЫ НА БОСПОРЕ

Е. Г. Кастанаян, Н. З. Кунина, В. И. Пругло, Л. Ф. Силантьева, И. Г. Шургая

Экспедиция Института археологии АН СССР под руководством В. Ф. Гайдукевича в соответствии с разработанным им научным планом осуществляла раскопки трех археологических объектов: Мирмекия, Илурата и кургана Кара-Оба. Однако скоропостижно скончавшийся В. Ф. Гайдукевич не успел изложить результаты раскопок. Эту работу взял на себя коллектив экспедиции.

В последние годы в Мирмекии были открыты два обширных строительных комплекса культового назначения IV в. до н. э. и первой половины V в. до н. э.

В 1966 г. к северу от уже вскрытых построек первой половины V в. до н. э. раскопано еще одно помещение с глинобитным полом и с частично сохранившейся печью (очагом) в северо-западном углу. Теперь можно считать установленным, что центральная часть Мирмекия в первой половине V в. до н. э. была застроена культовыми сооружениями, образовавшими целый квартал площадью свыше 40 кв. м. Постройки западного крыла этого квартала обнаружены под главным помещением святилища Деметры IV в. до н. э. и к северу от него. Культовые строения были обнесены общей оградой. Хорошо видны северная и восточная ее стены.

Расширение участка И в западном направлении привело к открытию под насыпью зольника П развалин еще одной постройки IV в. до н. э. На ее глинобитном полу отлично сохранился слой белой известковой обмазки. По-видимому, и это сооружение, возведенное одновременно со святилищем Деметры, в непосредственной близости к нему, было культовым.

Раскопки западной части зольника П существенно пополнили ранее добытый разнообразнейший вещевой материал. Найдено много медных пантикапейских монет, клейменых амфорных ручек, орудий труда, предметов утвари; увеличилась коллекция терракот, среди которых имеются

Мирмекий. Терракоты

1 — часть алтарика с изображением Аполлона и Артемиды; *2* — фигурка девочки-канефоры

интересные экземпляры аттического производства. Весь этот материал ярко характеризует культуру раннеэллинистического Боспора. Вместе с тем значительно расширились наши представления о Мирмекии — городе виноделов, обретшем теперь и свой культовый центр.

Боспорская экспедиция возобновила (после пятилетнего перерыва) раскопки на городище Илурата. Планомерные исследования Илурата — города-крепости I—III вв. н. э., которые вела Боспорская экспедиция с 1947 г. в течение четырнадцати полевых сезонов, позволили составить представление о большом и своеобразном военно-земледельческом поселении, служившем важным опорным пунктом на западных подступах к столице Боспорского царства. Эти исследования открыли новую страницу археологического изучения Боспора.

Систематические раскопки четырех участков городища привели к раскрытию обширной части территории древнего Илурата, в котором органически сочетаются жилые кварталы и мощные фортификационные сооружения. Раскопками был добыт богатейший материал, характеризующий самобытность культуры Боспора того времени.

В 1966 г. продолжались раскопки городского квартала у юго-западной оборонительной стены, в районе крепостных ворот (участок IV). Был открыт квартал жилых домов, располагавшихся к северо-западу от главной улицы, идущей от юго-западных ворот в глубь города. Юго-западным фасадом эти строения выходили в узкий переулок, который

тянулся вдоль жилых домов, пристроенных к оборонительной стене. Здание с бутовыми стенами состояло из нескольких помещений, сгруппированных вокруг мощеного двора. Самое большое помещение, несомненно, было жилым. Слева от входа здесь открыты остатки устроенной на глинобитном полу печи, сооруженной из вертикально установленных каменных плиток и подпорного столбика внутри топки. Такого рода печи обычны в жилых домах Илурата. Раскопанное помещение имело, кроме того, столь же обычный на Илурате «Ларь», состоящий из двух рядов поставленных на ребро больших прямоугольных плит. «Ларь», расположенный перпендикулярно к юго-западной стене помещения, разделял его на две неравные части; пол в меньшей, юго-восточной части устлан плитами. Над этим большим помещением в древности возвышался второй этаж, куда попадали со двора по лестнице, от которой сохранились две нижние ступени. Остальные помещения были меньше по площади и, возможно, использовались в качестве подсобных.

В культурном слое, перекрывавшем полы раскопанного дома, найдены обломки лепной посуды и амфор. Среди находок выделяется терракотовая статуэтка богини, восседающей на троне.

Третьим объектом работ Боспорской экспедиции был курган Кара-Оба. Расчищена вершина скалистого холма, на котором сооружен курган, и выявлено двойное кольцо крепиды высотой около 3 м, сложенной из крупных глыб известняка. Промежуток между кольцами (шириной 7 м) заполнен суглинком, смешанным с крупным бутом. В земляной насыпи встречались обломки эллинистических амфор. Назначение этого памятника пока неясно.

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. И. Кубышев

В 1966 г. экспедиция Института археологии АН УССР открыла и начала исследовать могильник на правом коренном берегу р. Днепр, между селами Корчеватое и Ходосовка Киево-Святошинского района, в 1 км к югу от с. Пирогов. Могильник находится недалеко от известного Пироговского поселения. Площадка мыса, на которой он обнаружен, занимает площадь до 1,5 га.

Были произведены раскопки вдоль восточных и южных склонов мыса. Территория могильника неоднократно распахивалась, однако на поверхности не прослеживалось зарубинецкого материала.

Обнаружено 50 погребений. Два из них относятся к бескурганному скифскому могильнику, расположенному в северо-восточном углу мыса. По найденному при погребениях инвентарю они датируются концом

VI в. до н. э. Остальные погребения относятся к зарубинецкому времени и состоят из 45 трупосожжений и трех трупоположений.

Трупосожжения — ямные и урновые — находятся на глубине 0,22—0,84 м, преимущественно в слое сероватой земли, которая постепенно переходит в лёссовидный серо-желтый суглинок.

Удалось проследить несколько могильных ям, хорошо отличающихся темным заполнением от окружающего материкового лёсса. В большинстве случаев они ориентированы длинной осью с востока на запад с некоторым отклонением на север или юг.

В могильнике найден чрезвычайно интересный и разнообразный комплекс керамических изделий. Вся керамика лепная и разделяется на две группы: чернолощеные сосуды и два горшка более примитивного изготовления серо-красноватого цвета. Керамика этих двух групп вместе не встречена.

Среди орнаментированных керамических изделий есть несколько сосудов с характерным для зарубинецкой культуры орнаментом в форме налепных декоративных полукруглых ушек (псевдоручек).

В керамических комплексах встречаются сосуды разных форм и размеров: большие горшки-урны, а также небольшие горшки, миски, кружки, кубки, которые часто лежали в мисках.

Инвентарь погребений сравнительно небогат, однако очень часто в погребении было по три сосуда, а в одном случае — четыре.

Сосуды обычно стояли в западном углу могильной ямы. Около них почти во всех погребениях обнаружены кости жертвенных животных. Кальцинированные кости располагались в центре или северо-восточном углу могильной ямы. Ямных погребений насчитывается 39, а урновых — шесть.

Трупоположения — безынвентарные; могильные ямы ориентированы на запад и находятся в северо-восточной части могильника. Глубина их от современной поверхности — 0,28—0,44 м.

В материалах могильника у с. Пирогов прослеживается сходство с ранее исследованными могильниками зарубинецкой культуры. В погребениях Пироговского могильника, кроме керамики, найдено 10 проволочных бронзовых фибул среднелатенской схемы и одна — позднелатенской, обнаружены остатки двух сильно коррозированных железных ножей со следами пребывания в огне, а также несколько небольших кусочков охры. Во многих случаях в заполнении могильных ям найдены кусочки древесного угля.

Керамические комплексы и фибулы дают основание считать Пироговский могильник одним из самых ранних долго существовавших в Среднем Приднепровье — с середины II в. до н. э.

Наиболее позднее погребение можно датировать на основании фибулы позднелатенской схемы с сильно изогнутой спинкой I в. до н. э.

ПОСЕЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ У с. РЕМЕЗИВЦЫ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛ.

В. М. Цигылык

Поселение расположено на северо-восточной окраине села в урочище Куты, представляющем собой пологую надпойменную террасу левого берега р. Золотой Липы. Исследования, проведенные Львовским государственным университетом в 1965—1966 гг., показали, что культурный слой на этом участке поселения насыщен слабо; находки встречаются в основном вблизи объектов. На исследованной площади вскрыты девять углубленных и одно наземное жилище, несколько очагов, 12 хозяйственных ям.

Шесть жилищ имели неправильную овальную форму, отвесные стенки, ровный или с небольшими углублениями пол. У стенок нескольких жилищ прослеживались вырезанные в материке специальные возвышения-ступени.

Два жилища по форме близки к четырехугольным и различались только степенью углубления. У восточной стенки более углубленного жилища прослежены возвышения-ступени, на полу другого находился очаг с приочажной ямой.

Девятое жилище — четырехугольной формы, заметно отличается от предыдущих и заслуживает особого внимания. Его западная часть имела отвесные стенки и ровный, сильно утрамбованный пол. Восточная часть была глубже западной. Ее стенки книзу слегка сужены, пол неровный. В несколько закругленном северо-восточном углу выявлено пять железоплавильных горнов. Четыре из них находились вместе, образуя единый комплекс, а пятый — на небольшом расстоянии от них.

Вырезанные в специально оставленном материке, горны имели расширенные книзу стенки и ровное дно. Продухи, по которым подавался воздух, выходили внутрь жилища.

На дне горнов имелся слой древесного угля, перекрытый железным шлаком, в отдельных местах прикипевшим к стенкам.

Можно считать, что западная часть была жилищем мастера, а восточная — мастерской по выплавке железа.

Наземное жилище сохранилось в виде завала обмазки неправильной формы. В северо-восточном углу завала находился очаг, сложенный из кусков песчаника. На очаге прослежен слой угля, перемешанного с золой, а под завалом обмазки найдено значительное количество лепной керамики.

Большинство хозяйственных ям имело округлую или овальную в плане форму, суженные книзу стенки переходили в слегка углубленное дно.

В гумусированном заполнении объектов найдено значительное количество лепной и небольшое количество гончарной керамики, изготовленной из хорошо отмученной глины.

Наряду с керамикой, относящейся к липицкой культуре (горшки, украшенные расчлененным валиком, конические плошки с массивной ручкой, чаши на высокой ножке), имеется керамика, более близкая к зарубинецкому типу (шероховатые горшки с косыми нарезами по венчику, лощеные ребристые миски, лощеные горшки с налепами в виде полумесяцев). Импортная керамика представлена фрагментами римских амфор.

На основании аналогий в керамике, а также бронзовых фибул и других находок поселение можно датировать I—II вв. н. э.

На исследованном участке выявлено также жилище с керамикой VIII в. н. э.

ЧЕРНЯХОВСКИЙ МОГИЛЬНИК И ПОСЕЛЕНИЕ У с. РУЖИЧАНКА

И. С. Винокур

Славянский отряд Подольской археологической экспедиции Каменец-Подольского педагогического института продолжил исследования черняховского могильника и поселения в урочище Безодня у с. Ружичанка Хмельницкой обл. Значительная часть могильника разрушена при разработке песчаного карьера. Некоторые из материалов разрушенных погребений поступили в Хмельницкий областной краеведческий музей.

Вскрыты остатки 73 захоронений. Это грунтовые трупоположения и трупосожжения в урнах и ямах (примерно 50% трупоположений и столько же трупосожжений). Большинство трупоположений ориентировано головой на север, некоторые — на запад. Захоронения сопровождались целой серией гончарной посуды и отдельными лепными сосудами с жертвенной пищей.

Это горшки, миски, кувшин и кубки. Наиболее богатые захоронения содержали, кроме того, наборы ювелирных украшений и бытовых предметов: серебряные и бронзовые арбалетовидные фибулы, пряжки, янтарные, стеклянные и сердоликовые бусины различных форм, костяные гребни и т. п.

Но наряду с такими захоронениями открыты и погребения без вещевого инвентаря, что свидетельствует об ощутимой имущественной и социальной дифференциации общества.

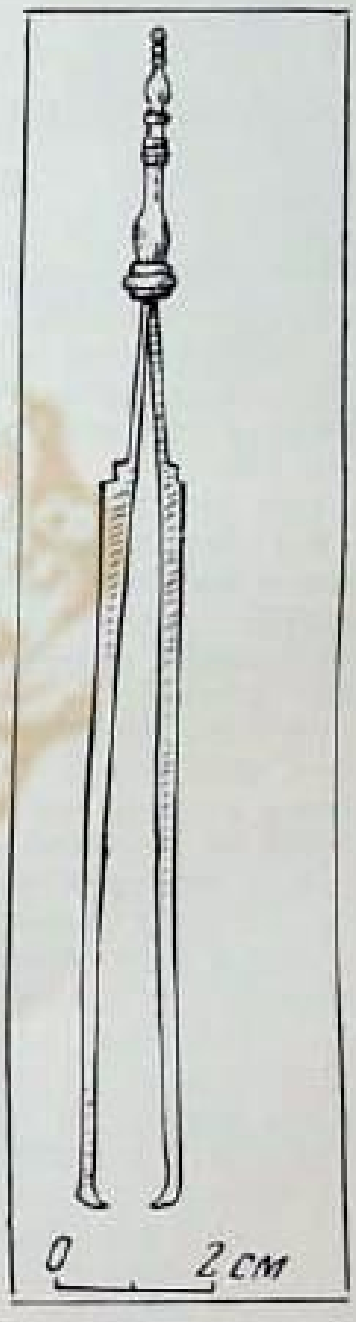
Интересно, что в могильнике обнаружено и одно погребение-кенотаф. В нем не было остатков скелета или кремации тела умершего. Но в яму этого символического захоронения были поставлены сосуды с жертвенной пищей.

В двух погребениях найдены костяная пирамидальная подвеска, покрытая циркульным орнаментом, и две средиземноморские раковины — вещи сугубо магического характера.

Ружичанка.
Кенотаф черняховского времени

Весь комплекс находок Ружичанского могильника дает основание для датировки этого памятника рубежом III и IV вв. н. э.

Неподалеку от могильника, на берегах небольшого ручья, открыты остатки трех черняховских поселений. На одном из них (Ружичанка I) проведены раскопки. Обнаружены остатки трех наземных построек с вещевым инвентарем, идентичным тому, который выявлен на могильнике.



Ружичанка I.
Бронзовый пинцет

Наряду с обычными для черняховских поселений предметами (керамикой, глиняными коническими грузилами для ткацких станков, биконическими пряслицами и т. п.) тут обнаружена и уникальная находка — бронзовый пинцет медицинского назначения. Концы его загнуты внутрь и имеют зубчатую насечку. Эта вещь, очевидно, не местного изготовления. Но она свидетельствует об элементах медицины и врачевания у населения Днестро-Бужского междуречья в первой половине I тысячелетия н. э.

ЧЕРНЯХОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПОБУЖЬЯ

В. В. Кропоткин

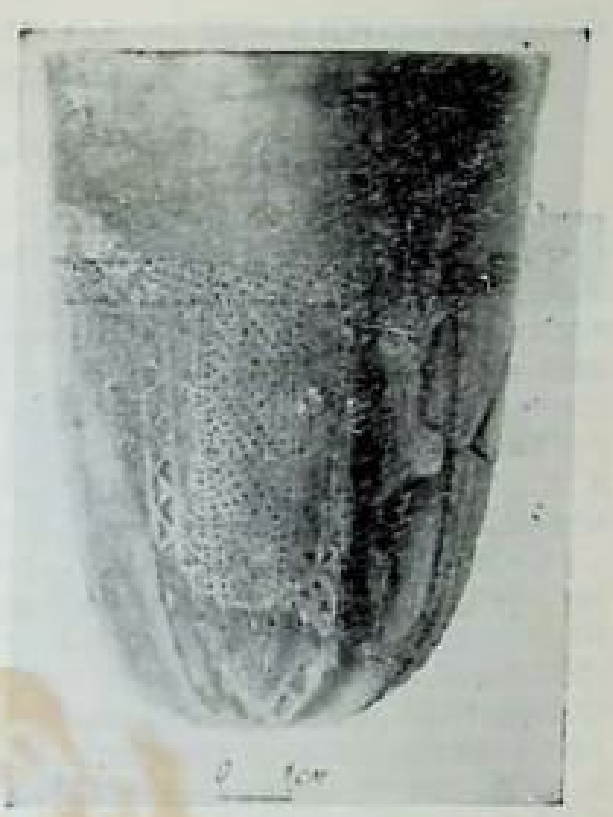
В 1966 г. Кременчугский отряд Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР продолжал систематические исследования черняховского могильника в с. Рыжевка Уманского района Черкасской обл., которые были начаты в 1962 г.

За три года раскопок в могильнике обнаружено 45 погребений, из них 23 — в 1966 г.

Во время добычи глины на карьере до приезда экспедиции было открыто три погребения с трупоположениями. В одном из них найдены 12 сосудов и костяной гребень. В пахотном слое обнаружены остатки разрушенных трупосожжений (кальцинированные кости, бронзовые фибулы и пряжки, осколки стеклянных кубков, сердоликовые и янтарные бусы, обломки светлоглиняных узкогорлых амфор, глиняные пряслица и многочисленные обломки гончарных и лепных сосудов черняховского типа, в том числе глиняных кубков с орнаментом). На исследованном участке найдено 14 трупосожжений и шесть трупоположений. Остатки трупосожжений, совершенных на стороне, сложены в ямы округлой или овальной формы на глубине от 0,3 до 0,7 м от современной поверхности. В погребении 33 кальцинированные кости были положены в горшок с отогнутым наружу венчиком и на дно ямки; в горшке обнаружена бронзовая пряжка и обломок костяного гребня с бронзовой заклепкой. Урна была накрыта сосудом. Рядом с горшком стоял великолепный тонкостенный гончарный кубок, выполненный в подражание привозным стеклянным сосудам римского производства. Кубок полуовальной формы, с четырьмя вертикальными каннелюрами, сходящимися на дне, край его немного отогнут наружу; верхняя часть кубка гладкая; между каннелюрами вытянутые треугольники упираются в горизонтальную полосу. Орнамент нанесен зубчатым колесиком и штампом.

Трупосожжения разделяются на две категории по обряду захоронения: трупосожжения в ямке (12) и трупосожжения в урне (2). Очевид-

Рыжевка. Глиняный кубок из могильника



но, многие трупосожжения, расположенные близко к поверхности, были разрушены вспашкой площади могильника.

Трупоположения обнаружены на глубине от 0,75 до 2 м. Могильные ямы, как правило, углублены до материковой глины; только одно трупоположение (37) найдено в черноземном слое на глубине 0,83 м. Очертания могильных ям удалось проследить в плане и профиле не во всех случаях (четыре детских погребения и пять погребений взрослых). Все костяки лежали на спине, в вытянутом положении, головой на север.

В погребении 37 обнаружены бронзовая фибула и три гончарные миски, поставленные около черепа. В детском погребении 27 около черепа стояли остроребериый горшок, чернолощеная мисочка на кольцевом поддоне и небольшой чернолощеный кубок, в котором найдена скорлупа от яиц. В детском погребении 43 в головах стояли лепной горшок, чернолощеная миска и нижняя часть гончарного сосуда. На груди обнаружены две маленькие серебряные фибулы, в ожерелье — янтарная подвеска, несколько янтарных бусин, сердоликовая бусинка и темный стеклянный бисер.

Датировка Рыжевского могильника на основании многочисленных аналогий и импортных изделий (обломки светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками, осколки стеклянных кубков конической и полуовальной формы с зашлифованными плоскостями) не вызывает сомнений: все погребения не выходят за границы III—IV вв. н. э.

Керамика Рыжевского могильника по формам и обработке поверхности близка к посуде Косановского могильника (недалеко от г. Гайсин Винницкой обл.), исследованного в 1960—1964 гг. в Среднем Побужье экспедицией Института археологии АН УССР.

ПОГРЕБЕНИЯ I—III вв. н. э. НИКОЛАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Э. А. Сымонович

Раскопки производились Институтом археологии АН СССР совместно с Институтом антропологии при МГУ. Обнаружено 16 могил с 30 захоронениями. Самые ранние погребения находились в земляных склепах или катакомбах, которые продолжали сооружать на всем протяжении использования могильника (имеются в виду поздние захоронения в склепах, содержавшие черняховские материалы III—IV вв. н. э., подобные которым были обнаружены на черняховском причерноморском могильнике в с. Коблево).

Склепы имели округлую или овальную форму и были ориентированы перпендикулярно к входной яме, т. е. так, как на Золотобалкинском могильнике. Умерших клали на спину в вытянутом положении, обычно ориентируя меридионально, иногда с руками на тазе или груди и со скрещенными в коленях ногами. При последующем открывании склепа ранее захороненных отодвигали и рядом с ними клали нового покойника, так что от первых погребенных в склепе нередко сохранялась лишь бесформенная куча костей. Под голову умершим часто подкладывали плитчатые камни, а пол под покойниками подмазывали зеленоватой глиной. Основными находками в могилах-склепах были бусы, железные ножички, кости животных, каменные точильные бруски, глиняные пряслица и редкие изделия из бронзы (зеркальца, фибулы, перстеньки). Сосуды в могилах встречались единицами. Только в одном из захоронений (1), описанном М. Эбертом, возле двух погребенных было шесть сосудов. Кроме посуды античного производства, чрезвычайный интерес представляют лепные лощеные миски типа зарубинецких, а также обломки сероглиняной гончарной посуды типа черняховской. Нами в погребениях она не встречена, но в раскопках М. Эберта случаи находок ее в могилах отмечены. К редким находкам следует причислить две стеклянные геммы античной работы. Одна — с погрудным изображением головы негра. Другая — с изображением молодого сатира (?), доящего козу под деревом.

Кроме захоронений в земляных склепах, в могильнике имелись погребения в подбоях и грунтовых ямах. Часть последних одновременна захоронениям в склепах (судя по находкам бус). Время тех и других — рубеж и два первых века нашей эры.

Наиболее поздними погребениями могильника следует считать разрушенное подбойное захоронение, ориентированное с севера на юг, и непотревоженное грунтовое захоронение. В яме с заплечиками, перекрытыми деревом, лежал на спине в вытянутом положении, головой на север, костяк пожилого мужчины. Дно могилы было ровным, оно подма-

зано зеленоватой глиной. В головах костяка найдены железные удила и шильце, костяной многочастный гребень, скрепленный железными гвоздиками, и каменный четырехгранный точильный брусок. Над грудью и в ногах найдены две бронзовые пряжки. У запястья правой руки лежала

Николаевский могильник. Стеклянная гемма

стеклянная бусина, параллельно правой руке — железный короткий обоюдоострый меч. Золотое с несомкнутыми концами кольцо в районе грудной клетки было, видимо, связано с креплениями меча. У стопы правой ноги лежал железный массивный наконечник нагайки. Это захоронение не похоже на другие грунтовые могилы некрополя. По времени оно явно более позднее и по типу меча и других находок относится ко II—III вв. н. э.

Длительное время существовавший в степях, около с. Николаевки, могильник принадлежит к малоизученным памятникам рубежа и начала нашей эры. Его археологический материал дает некоторые основания для суждения об эволюции обряда погребения нижнеднепровского позднескифского населения первых веков нашей эры, о его контактах с сарматскими, зарубинецкими (?) и черняховскими племенами.

НОВЫЕ РАСКОПКИ НА ДЕСНЕ

О. Н. Мельниковская

Исследования городищ на средней Десне проводились Юхновским отрядом Института археологии АН СССР. В 1966 г. были продолжены раскопки одного из типичных городищ юхновской культуры Черниговщины — у с. Кудлаевка, в 18 км к югу г. Новгорода-Северского.

Исследование Кудлаевского городища в целом можно считать законченным. Городище является первым полностью раскопанным памятником не только юхновской, но и смежных культур этого периода.

Полное вскрытие площадки позволило выяснить планировку городища, оказавшуюся совершенно оригинальной. Площадка этого типичного мысового городища, огражденная со стороны плато валом, была в древности разделена на две части дополнительной линией укреплений. Жилая часть, занимавшая примерно две трети мыса, была окружена мощными деревянными стенами, от которых сохранились двойные канавы с остатками сгоревшего дерева, параллельные канавам ряды глубоких ям от столбов, а по бокам площадки — две симметрично расположенные большие глубокие ямы — подземные части стоявших здесь в старину башен. Примерно на линии продольной оси городища в стенах находились ворота, соединявшие внутреннюю часть с наружной, отделенной от плато напольным валом, концы которого в древности охватывали городище с боков, замыкая, таким образом, и эту часть площадки. На пространстве, ограниченном внутренним укреплением, обнаружены следы трех длинных наземных домов, расположенных параллельно друг другу и продольной оси городища. Каждый дом имел около 40 м в длину и предназначался для нескольких семей, о чем свидетельствует расположение очагов.

Часть площадки городища между внутренним укреплением и валом имеет следы лишь нескольких ям. Скорее всего здесь держали скот, судя по костным остаткам на городище — довольно многочисленный.

Система укреплений Кудлаевского городища в целом оригинальна. В отдельных элементах (стены частокольного типа, устройство ворот) она сходна с городищем Кузина Гора на Сейме.

При раскопках найдены большая коллекция посуды (в том числе несколько полных форм), грузил, пряслиц и других изделий из глины, костяные, каменные и металлические изделия, ценная остеологическая коллекция, материалы по ихтиофауне. Дата городища уточнится после обработки материалов. Пока с определенностью можно говорить о IV в. до н. э.

Незначительное количество изделий из цветных металлов и некоторые другие данные говорят о крайне замкнутом образе жизни населения, что наряду с другими признаками (характер и уровень экономики, устройство жилищ и т. д.) резко отличает Кудлаевское городище от смежных синхронных ему памятников милоградской культуры.

К важным открытиям 1966 г. следует отнести впервые обнаруженное здесь погребение юхновской культуры. Оно найдено на мысу, в юго-западной части городища, в пределах дополнительно укрепленной жилой части. Погребальная яма округлой формы имела золистое заполнение, особенно плотное в нижних горизонтах, со слабыми углистыми включениями и значительным количеством мелких кальцинированных костей. Погребальный инвентарь, представленный только изделиями из глины,

Кудыкевское городище. Следы стен наземных домов

отличается некоторым своеобразием. Наряду с грузилами обычных типов и размеров здесь обнаружены ни разу не встреченные на городище миниатюрные грузила, небольшие яйцевидные блоки, поделки в виде пирожков. В погребении найден также необожженный зуб жертвенного животного — свиньи и ребро рыбы. Нельзя не отметить общие черты в обряде этого погребения с трупосожжениями милоградской культуры — единственным пока сравнительным материалом для одновременных культур лесной зоны.

РАСКОПКИ РАННЕСЛАВЯНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В с. ЗЕЛЕНЫЙ ГАЙ НА ДНЕСТРЕ

В. Д. Баран

Экспедиция Львовского государственного университета вела раскопки поселения в с. Зеленый Гай. Поселение расположено в центре села, на южном пологом склоне плато левого берега Днестра, в 1,5 км от реки. Рядом с ним имеется несколько родников. Значительная часть поселения разрушена современными постройками, ямами и посадками, нетронутой осталась лишь небольшая площадка приблизительно в центре поселения, где можно производить раскопки. Культурный слой довольно бедный: находки встречаются главным образом в местах, где имелись жилые или хозяйственные постройки. Кроме лепной славянской керамики, попадаются фрагменты керамики липицкой культуры, а также раннежелезного века. Это наблюдение подтвердилось и наличием построек трех упомянутых периодов.

Кроме четырех славянских жилищ, выявлены три постройки липицкой культуры и очаг вытянутой формы раннежелезного века на глубине 0,43—0,54 м от современной поверхности. По краям он обложен каменными плитами, поставленными на ребро. Пол подмазан глиной с включениями обломков керамики культуры фракийского гальштатта, что и определяет его культурную принадлежность.

Постройки липицкой культуры представлены двумя полуземлянками и ямой.

Полуземлянки имели четырехугольную форму и были ориентированы углами по странам света. Стенки, вырезанные в материке, отвесные, пол ровный и хорошо утоптанный. В обеих полуземлянках приблизительно посредине двух коротких противоположных стенок расчищены по две столбовые ямы, расстояние между которыми не превышало 0,5 м. Кроме того, в полуземлянке 2 одна столбовая яма находилась приблизительно в центре постройки. Под юго-восточной стенкой этой же полуземлянки в полу расчищена канавка, на дне которой найдена часть гончарной лощеной миски. Возможно, эта стенка была укреплена дере-

вяной облицовкой и канавка была вырыта для укрепления самой нижней плахи. Очагов в постройках не прослежено.

Яма, относящаяся к липицкому слою, также имела четырехугольную форму.

В гумусированном заполнении построек найдено значительное количество лепной керамики, некоторое количество гончарной, изготовленной из отмученной глины, а также несколько фрагментов импортных амфор. На полу полуземлянки 2 найдены часть жернова, пряслице, сделанное из черепка, а также несколько фрагментов гончарной миски, покрытой красным ангобом. Кроме чаш на высокой ножке, лепных конических плошек с одной ручкой и горшков, украшенных расчлененным валиком, характерных для липицкой культуры, в постройках имелась керамика и других форм, для этой культуры не совсем обычных, свидетельствующих об окраинном положении данного поселения.

Все вскрытые на поселении славянские жилища — полуземлянки четырехугольной формы, ориентированные углами по странам света. Их стенки, вырезанные в глине, отвесные, пол ровный. В юго-восточной стенке жилища 3 расчищена довольно большая овальная выемка, дно которой поднималось несколько вверх от пола землянки. Возможно, здесь находился вход в жилище.

Во всех жилищах имелись столбовые ямы. Они обычно располагались по углам и посредине двух противоположных стенок; в жилище 6 открыта одна подпольная яма.

В трех жилищах расчищены печи-каменки, в четвертом — очаг. Все они были расположены в восточном углу. Нижняя часть стенок печей сложена из довольно больших камней, верхняя — из более мелких.

При разборке печей собрано наибольшее количество керамики, хотя на полу и в гумусированном заполнении жилищ также довольно часто встречались обломки сосудов.

Вся лепная керамика представлена горшками с бугристой поверхностью, очень близкими к сосудам из поселения Рипнев II, наиболее ранним славянским комплексам поселения в Незвиско и Бовшев I.

В печи жилища 4 найдено несколько фрагментов гончарного сосуда, наличие которого в данном комплексе пока еще не совсем ясно.

Славянское поселение в с. Зеленый Гай, судя по керамике, довольно раннее. Его предварительно можно датировать VI — первой половиной VII в. н. э.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ В ЧЕРНИГОВСКОЙ ОБЛ.

П. Н. Третьяков

Задачей небольших археологических обследований, проведенных Институтом археологии АН СССР в 1966 г. в поречье Десны, в районе г. Сосницы Черниговской обл., были поиски древностей середины и третьей четверти I тысячелетия н. э.

Остатки поселений, городища и могильники того времени за последние годы неоднократно изучались в более северных частях Подесенья. Они известны на верхнем Днепре в пределах Гомельской и Могилевской областей. Имеется предположение, что оставившее их население в третьей четверти I тысячелетия н. э. расселилось в Среднем Приднепровье. Его археологическими памятниками являются здесь места многочисленных поселений и могильники, известные в районе Киева, по Роси и Тясмину, в Надпорожье и смежных частях поречья Южного Бута. Эти древности, относящиеся к раннесредневековой славянской культуре, как и верхнеднепровские, характеризуются специфическими биконическими формами керамики. Чтобы установить, насколько справедливо данное предположение, затрагивающее проблемы далекого славянского прошлого на территории Восточной Европы, необходимо исследовать соответствующие древности в местностях, лежащих на рубеже Верхнего и Среднего Приднепровья.

Относящееся к таким местностям поречье средней Десны около г. Сосницы было выбрано для обследования по причине его благоприятных географических особенностей. Это важный узел речных путей. Десна принимает здесь воды своего крупнейшего притока — Сейма, а также небольших правых притоков — Убеди и Мены. По работам предыдущих лет здесь известны славянские древности так называемого волынцевского типа, относящиеся, по мнению некоторых исследователей, к сравнительно раннему времени. В начале нашего века недалеко отсюда, у с. Артюховка, Н. Е. Макаренко обнаружил остатки могильника с трупосожжением, по-видимому, однотипного верхнедесенским древностям. Еще раньше Д. Я. Самоквасов в смежных частях поречья Десны наряду со средневековыми славянскими курганами исследовал курганы, по-видимому, более ранние, с посудой биконических форм.

Во время обследований 1966 г. были осмотрены три района: 1) оба берега Убеди в ее нижнем течении и участок долины Десны к югу от г. Сосницы; 2) правый берег Десны выше Сосницы между селами Вишенки и Оболонье и 3) небольшой участок левого берега Мены между г. Мена и с. Феськовка.

В пределах первого района, известного своими многочисленными поселениями периода неолита и бронзы, бесспорных древностей I тысячелетия н. э., предшествующих роменским и волынцевским, обнаружить не

удалось. Все местонахождения, относящиеся, возможно, к указанному времени, не сохранили культурных наслоений и содержали лишь отдельные обломки лепной керамики.

Во втором районе были обследованы остатки древнего поселения, впервые зарегистрированного в 1963 г. Д. А. Мачинским. В обнажениях берега здесь видны профили характерных ям-погребов колоколовидной формы. В них и в культурном слое найдены обломки неорнаментированных лепных сосудов биконических форм и «сковородок» с невысокими бортиками, близких посуде упомянутых выше верхнедеснинских поселений, а также памятников типа Пеньковки на среднем Днепре. Остатки подобного же поселения найдены ниже с. Вишенки.

В третьем районе обнаружены остатки подобного же поселения в 1,5—2 км выше известных ранее средневекового городища и расположенного рядом селища.

Предстоящие раскопки в этих пунктах и поиски новых подобных же, очевидно, позволят дать ответ на поставленный выше вопрос о связи верхнедеснинских древностей третьей четверти I тысячелетия н. э. с одновременными среднеднепровскими.

РАБОТЫ ДРЕВЛЯНСКОГО ОТРЯДА

И. П. Русанова

В последние годы Древлянский отряд Института археологии АН СССР проводил разведки и раскопки на Житомирщине. В 1966 г. здесь был раскопан лишь один древнерусский курган и затем работы были перенесены в более западные и северо-западные районы.

Древнерусский курган, раскопанный под Житомиром, относился к курганной группе около с. Буки, расположенной на р. Бобривке, притоке Тетерева. В этой группе с 1961 г. раскопано восемь курганов. Курган 8 так же, как и курганы, исследованные ранее, содержал трупоположение, ориентированное головой на запад и помещенное в небольшом углублении. Особенностью всех курганов этого могильника являются круговые канавки от частокола, окружавшего погребение. В последнем кургане помимо такой канавки, открыто еще второе кольцо, состоявшее из небольших ямок от вертикальных столбов. Таким образом, погребение было окружено двумя рядами частокола. В кургане был погребен ребенок семи-восьми лет, кости его сохранились плохо. При погребении найдены железный нож и перстень из бронзовой проволоки.

В более западных областях Украины, Ровенской и Волынской, были начаты разведки по рекам Горыни, Стыри, Турии и Западному Бугу. Здесь встречены памятники различного времени, начиная с эпохи брон-

зы (Агатовка и Михалковцы на р. Горыни, Станиславчик и Хрешики на р. Стырь). К эпохе раннего железа относятся обломки сосудов с грубоватой поверхностью, с жемчужным и ямочным орнаментом. Такая керамика найдена на р. Западный Буг (Заставное, Скоморохи), на р. Стырь (Станиславчик, Смелевичи, Боремель), на р. Турия (Датин, Вулька). Ко времени черняховской культуры относятся находки у с. Волосковцы на притоке Горыни, между селами Гумнище и Перемиль на берегу Стыри. Памятники середины и начала второй половины I тысячелетия н. э. встречены на р. Горынь (Агатовка и Башина), на р. Западный Буг (Скоморохи), на р. Стырь (Витковцы). Но наиболее многочисленными оказались памятники эпохи Киевской Руси. Они найдены на Горыни (Симоновка, Агатовка), на Турии (Датки, Милановичи), на Западном Буге (Заставное, Скоморохи), на Стыри (Смержин, Смелевичи, Галичаны, Новостав).

Как правило, памятники эпохи бронзы в исследованных районах располагались на невысоких останцах и песчаных выдувах среди болотистых пойм рек, памятники эпохи железа и Киевской Руси — на первой или второй надпойменной террасе, иногда довольно высоко над водой, так же высоко располагались находки черняховского времени, поселения середины I тысячелетия н. э. занимали всегда часть невысокого коренного берега, мысообразно выдающегося в пойму или перерезанного долинами небольших ручьев и лощинами.

Около г. Бреста на р. Лесной у с. Скорбичи (новое название — «Дружба») на одном из открытых поселений проведены раскопки. Поселения располагались здесь на невысоком мысу коренного берега, выдающегося в пойму реки, и на небольшом возвышении среди поймы на берегу ручья. Раскопки проводились на втором поселении. Культурный слой составлял всего 30—40 см, но он несколько увеличивался на склоне над ручьем, где в его нижнем горизонте встречалась керамика поморской культуры, имеющая грубоватую поверхность. Основной слой поселения относится к IX — началу X в. н. э. Здесь найдены лепная и гончарная керамика, железные ножи, остроги, удила, серп, синяя тройная бусина.

Наряду с жилищами, углубленными в материк и относящимися к тому же типу, что и жилища на известном славянском поселении Хотомель в Полесье, здесь открыты наземные столбовые дома с фундаментом, укрепленным камнями. Глинобитные печи в этих жилищах находились в небольших углублениях в полу. Характер жилищ, а также не совсем обычные для славянских поселений формы гончарной керамики с валиком под венчиком позволяют предполагать, что здесь славянское население жило совместно с ятвяжским. В районах к северу от Бреста вплоть до XII в. были распространены каменные курганы, принадлежавшие ятвягам.

РАСКОПКИ ЯЗЫЧЕСКИХ КУРГАНОВ ЧЕРНИГОВЩИНЫ

С. С. Ширинский

Задачей Черниговского отряда Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР являлось изучение последних сохранившихся на территории Черниговской обл. языческих погребальных памятников восточнославянского племени полян.

К настоящему времени в г. Чернигове и других семи пунктах области раскопано 65 курганов (20 из них — в 1966 г.). Под насыпью большинства курганов на уровне древнего горизонта находились остатки трупосожжений, произведенных на месте погребения. Развалы погребальных костров в таких курганах представляли собой значительные скопления древесного угля, золы, пережженных костей. В плане они имели округлую, овальную, квадратную или прямоугольную форму. При погребении наиболее крупные обломки кальцинированных костей из потухшего костра собирали в урну, а все оставшееся сгребали к центру кострища. Урну ставили на поверхность кострища, а иногда и вкапывали в него или рядом с ним в специальную яму. Несмотря на то, что подобная обрядность всегда в меньшей или большей степени нарушала целостность кострища, все же в отдельных случаях при раскопках удавалось установить как конструкцию погребального костра, так и ориентировку тела умершего. Так, у местечек Любеч, Пересаж, Мохнати во многих курганах покойника помещали головой на запад на штабеле из сосновых бревен или плах. В высоту такой штабель возводился на два бревна с промежутками между параллельными бревнами до 8-12 см.

Остатки сожжений, произведенных за пределами мест погребений, обнаружены лишь в пяти курганах у местечек Галков, Голубовка, Любеч, Пересаж. Все они однотипны и представляют собой небольшую кучку золы и жженых костей, высыпанных на уровне древнего горизонта рядом с обломками разбитых одного или нескольких горшков.

В основном в курганах найдена раннегончарная керамика с характерным стреловидным или сложно профилированным венчиком. Лепные горшки встречены только в двух случаях на деревенском кладбище у местечка Пересаж, но и здесь они найдены в комплексе с гончарной посудой. Обнаружены также копья, части резных костяных псалиев, серебряное височное кольцо волынского типа, хрустальные и глухого стекла бусы, ременные бляхи, пуговицы и др.

Из наиболее интересных комплексов, исследованных в 1966 г., следует отметить два кургана у местечка Пересаж. В одном из них, в погребении женщины, вместе с разнообразными бусами обнаружена серебряная монетовидная накладка с изображением сегнерова колеса. В другом, мужском погребении был, вероятно, деревянный колчан, о чем свидетельствуют две стрелы, лежавшие на кострище рядом, острием к голове, и под ними железное кольцо с остатками дерева. Все исследованные курганы по встреченным в них вещам датируются второй половиной X в.

РАДИМИЧСКИЕ КУРГАНЫ

Г. Ф. Соловьева

Радимический отряд Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР, как и в предыдущие годы, производил раскопки курганов в Гомельской обл. близ сел Новый Кривск, Старгород, Сельцо Халепеево, Обидовичи, Вишенка.

Новый Кривск. Группа состоит из 70 курганов очень хорошей сохранности. Всего в ней раскопано 22 кургана. По обряду погребения курганы можно разделить на два вида: курганы с трупосожжением и с погребением умершего в земле. К первому виду принадлежат два кургана с трупосожжением на стороне и с керамикой второй половины I тысячелетия н. э. и один курган также с трупосожжением на стороне и с двумя горшками, из которых один — обычный славянский X в., а другой имеет несколько необычную форму вазы с поддоном.

Курганы с трупоположением содержали как погребения на уровне древнего горизонта — более ранние, с семилучевыми височными кольцами, так и погребения в яме — более поздние и более бедные по инвентарю. Обычно покойники лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад, но были и погребения с восточной ориентировкой умершего. Следует отметить одну особенность этой курганной группы. В северной части ее расположен самый большой курган, окруженный как бы двумя рядами других курганов. Все курганы в северном от него ряду содержали женские погребения, а в южном ряду — только мужские. В последующих курганах порядок нарушается.

Сельцо. Курганная группа расположена вдоль левого берега Днепра. В группе свыше 40 курганов, раскопано четыре. В одном кургане

Новый Кривск. Горшок с поддоном из трупосожжения в кургане

найдено детское погребение на горизонте, в другом — костяк очень плохой сохранности лежал в насыпи, в двух — погребения в яме. Судя по инвентарю, курганы можно датировать XI—XII вв.

Старгород. Группа из 40 курганов, рассыпанных по полю. Многие из них попорчены кладоискательскими ямами; все сильно опахиваются.

Раскопано семь курганов: шесть обычных, средней величины, содержали погребения умершего на уровне древнего горизонта и в яме. Курган высотой 3 м и диаметром 15 м подтвердил замеченную нами закономерность и в других группах: самые большие курганы — обычно мужские и, как правило, без вещей.

Вишенка. Группа расположена к северо-западу от Рогачева на правом берегу Друти и состоит из 20 курганов, почти полностью уничтоженных окопами, дотами и пескокорьером. Раскопано четыре кургана XI—XII вв. с погребениями на уровне древнего горизонта. В одном из них найдено довольно интересное височное кольцо — трехбусинное, бусы состоят из двух полых полушаров. Такие бусы характерны для Запада и на указанной территории встречены впервые.

Обидовичи. Раскопан один из двух оставшихся курганов. Вскрыто трупоположение на уровне древнего горизонта, вещей не обнаружено.

Производилась зачистка (с целью разведки) строительной ямы на городище Рогачев. Городище расположено на южной окраине современного города. Сохранились остатки валов. Найден материал XII в. — летописного периода существования городища.

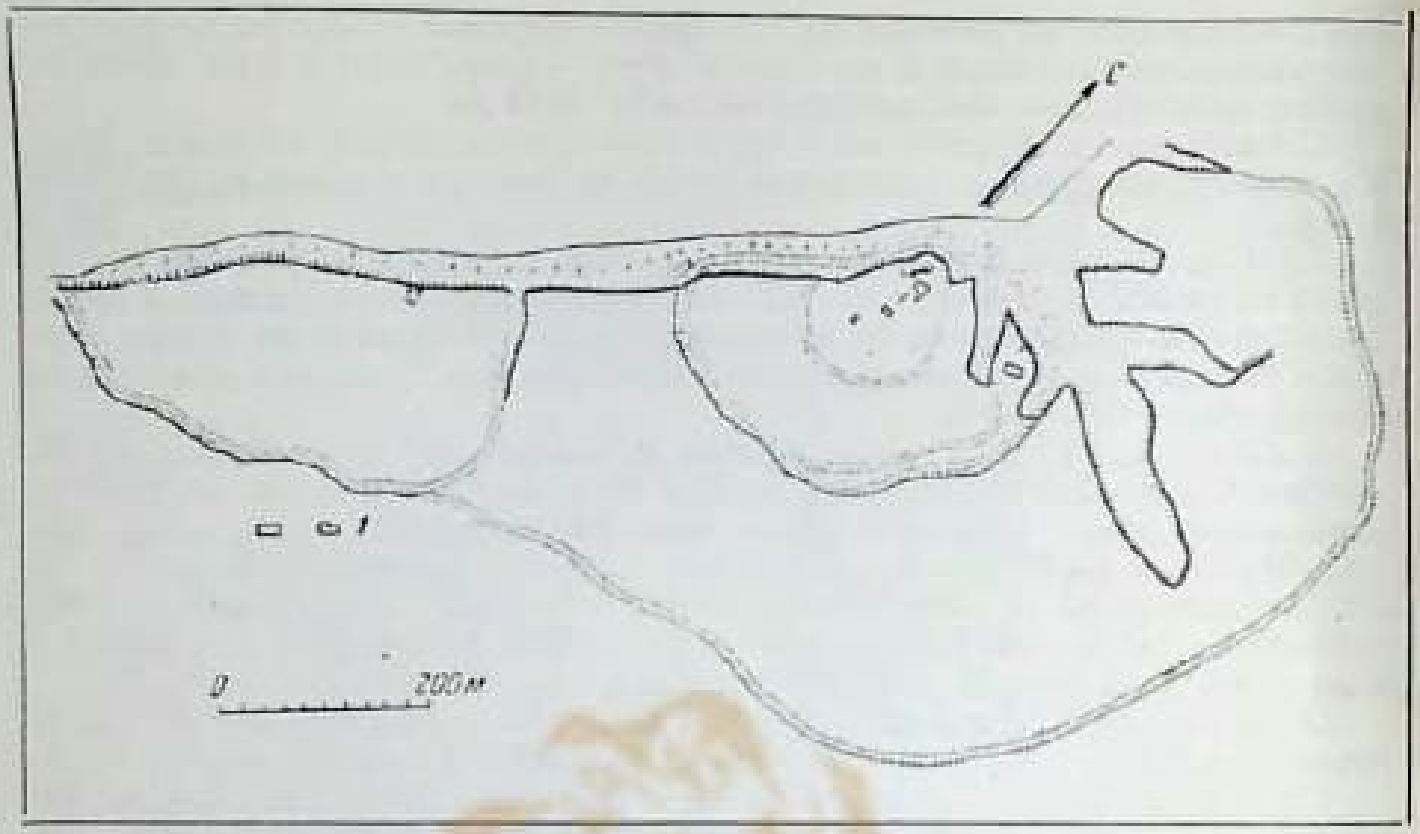
ТОРЧЕСК — ГОРОД ЧЕРНЫХ КЛОБУКОВ

Б. А. Рыбаков

В 38 км к востоку от Белой Церкви (древнего Юрьева) между селами Ольшаница и Шарки близ р. Роси, находится огромное городище XI—XIII вв., давно уже связанное с летописным Торческом, столицей испомещенных здесь тюркских племен, носивших собирательное имя торков, черных клобуков или берендеев.

С конца XI по начало XIII в. торки служили киевским князьям и защищали ядро Руси с юга от половцев. Торческ расположен в южной, пограничной части Перепетова поля, где кочевали между Росью и Стугной торческие племена «своих поганых».

Городище Шарки состоит из большого укрепленного загона протяжением около 1400 м и двух сегментообразных внутренних укреплений (420 и 340 м), между которыми проложен широкий пандус въезда, позволявший быстро загонять стада внутрь крепости. Внутри северного



Шарки. План-схема городища

I — раскопы 1953 г.

сегмента имеется кольцевой вал, образующий двойной ряд укреплений.

Раскопки Института археологии АН СССР велись главным образом внутри этого кольцевого вала. Культурный слой весь распахан и очень тонок. Остатки наземных жилищ и отдельных очагов очень нечетки и плохо сохранились. В южной части за валом, вероятно, располагались мастерские, так как здесь найдены шлаки. В центре детинца имеется кладбище XI—XIII вв. с русским (полянским) инвентарем. Обнаружено более 20 погребений. Некоторые могилы перекрывают друг друга. В женских погребениях были бусы и перстнеобразные височные кольца с заходящими концами. Найдены также бронзовые пуговки, железные ножи и стрелы. Одно детское погребение совершено в колодце. Возможно, что поблизости была деревянная церковь, так как найдены майоликовые плитки и часть бронзового хороса. Детинец представлял собой, по всей вероятности, русский квартал этого берендейского города. Вещевых находок на городище очень немного; все они не выходят за рамки XI — начала XIII в., что соответствует времени жизни летописного Торческа, упоминаемого с 1093 г. Среди найденных вещей можно отметить обломки стеклянных браслетов и перстней, многочисленные амфорные черепки,

шиферные пряслица, фрагменты привозной (восточной и византийской) поливной посуды, а также железные предметы: ножи, ключи, пряжки, пробои, гвозди и т. д.

Весь облик городища площадью около 90 га со слабой недолговечной заселенностью очень хорошо согласуется с представлением о столице кочевников, используемой как временное убежище лишь в момент редких нападений половцев.

РАСКОПКИ НА СТАРОКИЕВСКОЙ ГОРЕ

П. П. Толочко, С. Р. Килиевич

В 1966 г. Киевская археологическая экспедиция Института археологии АН УССР и Киевского государственного исторического музея продолжала начатые в 1965 г. исследования склонов Старокиевской горы. Раскопки склонов имели важное значение для решения следующих вопросов по исторической топографии древнего Киева: были ли заселены склоны киевских гор в древности; если были, то с какого времени; какой характер городской планировки имели эти районы; что они представляли в социальном плане и др.

Результаты раскопок вносят новый и весьма существенный штрих в историко-топографический образ древнего Киева.

В 1965 г. на склонах Старокиевской горы были обнаружены следы жизни двух исторических эпох: VII—VIII и IX—X вв. (материалы более ранние не встречены).

В раскопе 1966 г. обнаружены четыре хозяйственные ямы овальной формы и три жилища X в. В заполнении одной ямы была исключительно лепная керамика, аналогичная керамике из жилища, раскопанного в 1965 г. Жилища отличались хорошей сохранностью и позволили проследить некоторые их конструктивные особенности.

Жилище 1 прямоугольной формы. Южная его стена вырезана в материке на глубину до 1 м. Вдоль южной стены проходила глинобитная лежанка. Печь находилась в северо-восточном углу и была сложена из глины и плинфы. При расчистке стен жилища найдены железные кованые гвозди. Жилище 2 располагалось впритык к жилищу 1, но с другой ориентировкой (по странам света). Южная его стена сохранилась хорошо. Вдоль нее, у основания, отчетливо прослеживалась неглубокая канавка, которая упиралась в угловые ямки от столбов. Эта канавка служила своеобразным фиксатором положения нижнего бревна стены жилища. В юго-западном углу жилища выявлена хорошо сохранившаяся глинобитная печь, в конструкции которой использован песчаник. Интересно, что подобная конструктивная деталь печи имела место и в жилище VII—VIII вв.

Жилище 3 размещалось на 1 м ниже уровня первых двух. Вдоль его северо-восточной и северо-западной стен прослеживались канавки от сгнивших лаг. Нижнее бревно юго-западной стены было обгоревшим. Глинобитная печь в юго-восточном углу сохранилась почти в том виде, в каком функционировала. Очень хорошо сохранился также глиняный пол. В заполнении жилища встречены в большом количестве железные гвозди.

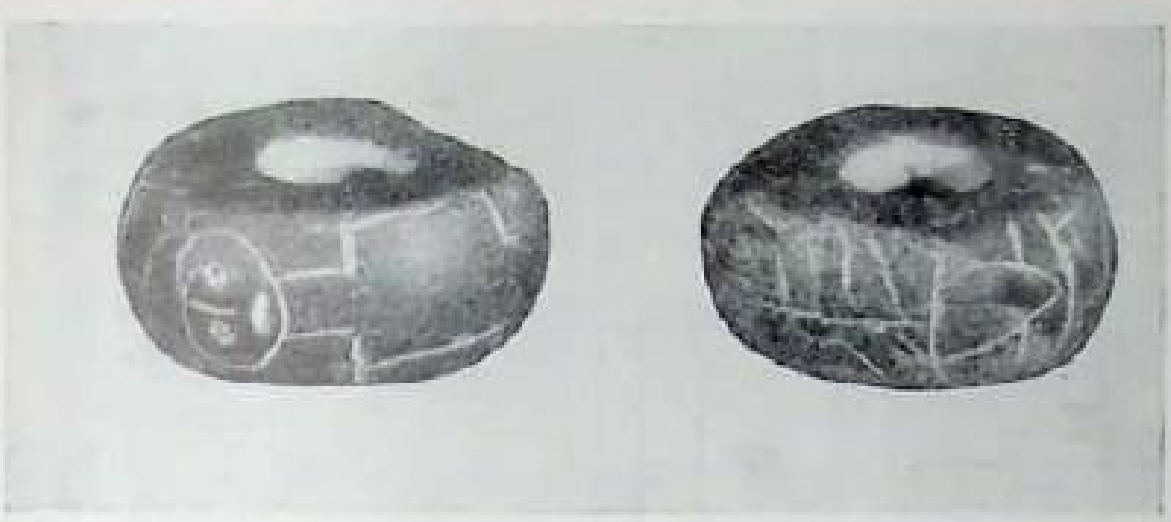
Выявленные в жилищах канавки от лаг, ямки от столбов, а также большое количество железных гвоздей свидетельствуют о довольно существенной роли деревянного каркаса в массовых жилищах древнего Киева.

Инвентарь жилищ бедный: керамика, железные ножи, шиферные пряслица, витое бронзовое кольцо, серебряный наконечник пояса, кабаньи клыки. Как и в 1965 г., стеклянные браслеты не обнаружены.

К уникальным находкам относится небольшое пряслице из шифера, на ободке которого имеются стилизованные изображения фигуры человека в головном уборе, а также ветки или дерева, произрастающих из какого-то сосуда. Над фигурой человека расположен орнамент. Предварительное изучение пряслица позволяет отнести его к дохристианскому времени.

Небольшие работы были проведены также в 30 м к северо-востоку от апсид Десятинной церкви. Цель их заключалась в том, чтобы вскрыть остатки фундаментов княжеского дворца (раскопки которого проводили

Старокиевская гора. Печь из жилища X в.



Старокиевская гора. Шиферное пряслице

в свое время В. В. Хвойка, Ф. Н. Молчановский, М. К. Каргер), точно нанести их на карту киевского детинца, а также попытаться установить его датировку и планировку.

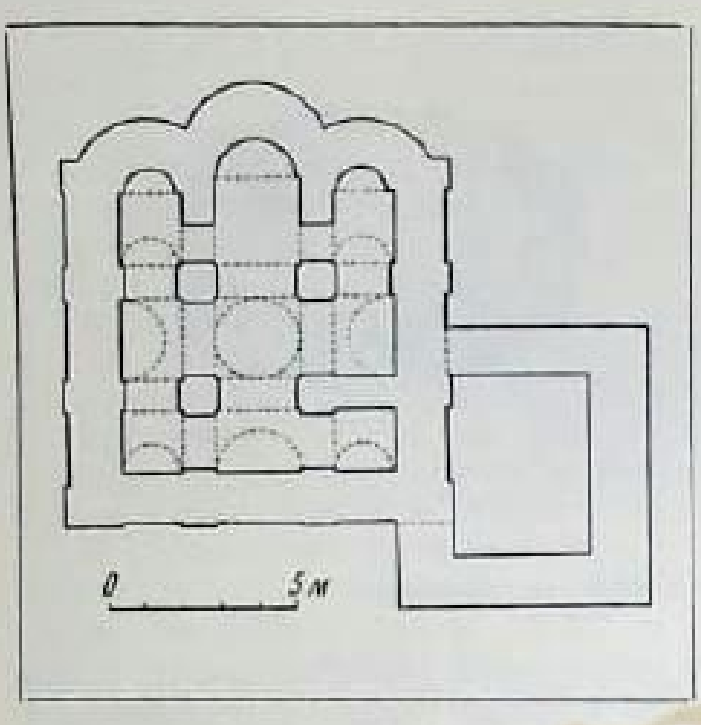
К сожалению, от дворца до настоящего времени дошла лишь часть стены. Массивность кладки фундамента (сложен из больших камней железистого песчаника на цемяночном растворе) дает основание полагать, что это внешняя, ближняя к Десятинной церкви стена дворца. Упоминавшаяся в киевской прессе стена этого же дворца, обнаруженная в 75 м к востоку от Десятинной церкви в 1875 г., свидетельствует о том, что дворец имел длину более 40 м и своей длинной осью был ориентирован не с северо-запада на юго-восток (как он нанесен на большинстве планов), а с юго-запада на северо-восток.

Сохранившаяся на бутовых камнях часть кладки из плоского кирпича свидетельствует о довольно ранней дате дворца. Вполне возможно, что летописец, описывая под 945 г. прибытие в Киев древлянских послов и упоминая терем каменный «вне града», имел в виду именно это сооружение.

РАСКОПКИ В ЗВЕНИГОРОДЕ НА БЕЛКЕ

А. А. Ратич

В 1966 г. Звенигородская экспедиция Львовского государственного университета продолжала исследования архитектурных памятников летописного Звенигорода на р. Белке, стольного города Звенигородского княжества. В течение 1965—1966 гг. экспедицией вскрыты на детинце городища остатки архитектурного комплекса, из которого полностью



Звенигород Львовской обл.
План храма XII в.
Реконструкция И. Р. Могитыча

исследован пока один храм XII в. От храма сохранились рвы для фундаментов и частично остатки фундаментов. Рвы прослеживались в желтой глине со всех сторон храма. Стены рвов вертикальные, с подкопами. Их заполняла смесь чернозема с темным песком и редко с обломками камней. Камни выбраны из рвов еще в древности. Из остатков фундаментов сохранились: прямоугольная кладка в северо-западном углу храма, прямая стенка по линии север — юг в юго-западном углу и прямоугольные, частично разрушенные основания двух столбов внутри храма. У внешних стен прослеживались лопатки. Стены были скреплены раствором извести, песка, местами плинфы.

Исследованный в Звенигороде храм — прямоугольный в плане, трехнефный, с тремя полуциркульными апсидами с восточной стороны: большой центральной и меньшими по бокам. Юго-западная его часть, между внешней стеной и столбом, была отделена внутренней стенкой. Наличие в этой стенке с западной стороны прямоугольной выемки дает основание предполагать, что у края стенки были деревянные столбы, возможно, от лестницы вверх или от других переходов. Храм, исходя из четырех внутренних столбов, был однокупольным. С юга к его западной части примыкала прямоугольная пристройка. По технике строительства она составляла с храмом одно конструктивное целое. Это, по всей вероятности, остатки башни. Главный вход в храм был с запада, а боковой — в башню и храм — с юга.

Вокруг храма вскрыто пять разрушенных безынвентарных трупоположений, ориентированных головами на запад. Культурный слой на раскопанной площади был слабо насыщен материалами двух разновремен-

ных поселений: эпохи древней Руси XII—XIV вв. и XVII—XVIII вв.— времени существования здесь позднефеодального замка.

В Звенигороде на юг и восток от описанного храма обнаружены остатки и завалы еще двух каменных сооружений. Полное вскрытие этих памятников запланировано на 1967 г.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДИЩА В ЗАПАДНОЙ ВОЛЫНИ

В. В. Аулих

В 1966 г. Славянская экспедиция Львовского государственного университета начала изучение древнерусских археологических памятников Западной Волыни (Волынская и Ровенская области УССР). Разведкой установлено наличие культурного слоя древнерусского времени на городищах в Дитиничах, Листвине и Мирогоще Дубновского района Ровенской обл., а также в Борисковичах и Городище Гороховского района Волынской обл. Остатки городища, уничтоженного помещичьей усадьбой, обследованы в с. Коршев Рожищенского района Волынской обл. В ряде случаев оказалось, что памятники, известные в литературе как древнерусские, относятся к позднефеодальному времени (XVI—XVII вв.). Такая дата установлена для замчищ в Чарукове, Колмове, Миркове Гороховского района, Горке Полошной Рожищенского района и в Литовеже Владимир-Волынского района Волынской обл. Несколько памятников, расположенных на границе двух населенных пунктов, числятся в археологических картах дважды (Борисковичи-Борочицы, Коршев-Одерады). На болотном городище Старгород в Литовеже Владимир-Волынского района установлено отсутствие культурного слоя.

Раскопки произведены на городище у с. Белев Ровенского района Ровенской обл. Это городище, расположенное на высоком правом берегу р. Стублы, имело неправильную овальную форму и было окружено мощным валом и глубоким широким рвом. В северной и северо-западной части вал был насыпан из лёсса, добытого при сооружении рва, без дополнительных конструкций. В южной части, над обрывистым склоном со стороны реки, он имел сердечник из слоя аморфных кусков мела.

В культурном слое городища находок немного. В верхнем горизонте здесь встречалась преимущественно керамика позднефеодального времени. Ниже преобладала древнерусская керамика XII—XIII вв. и попадались отдельные фрагменты керамики X—XI вв. Найдены также предметы энеолитического времени.

На вскрытой площади исследованы полуземляночное жилище, две наземные печи и несколько ям с характерным для XII—XIII вв. керамическим материалом, яма с материалами X—XI вв. и погребение в скорченном положении неопределенного времени.

Жилище имело в плане почти квадратную форму и было углублено в материковый лёсс. Пол ровный, немного углубленный в центре. В юго-восточном углу сохранились остатки глиняной печи, которая была вырезана в останце материковой глины. Под имел два уровня. К северо-восточному углу примыкала небольшая нишевидная яма, дно которой находилось на уровне пола. Яма являлась, по-видимому, составной частью жилища.

Наземная печь 1 имела подковообразную в плане форму и была сооружена из желтой глины на подстилающем слое чернозема. Под имел два уровня, каждый из которых содержал большое количество мелких фрагментов керамики.

Наземная печь 2 частично уничтожена ямами более позднего времени. Она тоже была подковообразной формы. Под печи имел три уровня: верхний и средний — из глины с примесью камней, нижний — из глины, перемешанной с углем.

В. Б. Антонович выдвинул в свое время предположение, что Белевское городище следует считать остатками летописного города Пересопницы, переместившегося позднее вверх по течению р. Стублы на место нынешнего с. Пересопницы. Результаты полевых исследований 1966 г., в частности бедность культурного слоя городища, заставляют отказаться от этого взгляда и признать памятник сторожевой заставой, защищавшей доступ к Пересопнице по долине р. Стублы.

БРОНЗОВЫЙ ИДОЛ, НАЙДЕННЫЙ НА ТРУХАНОВОМ ОСТРОВЕ В КИЕВЕ

Д. Я. Телегин

Осенью 1966 г. в Киевский государственный музей для определения была передана двуликая статуэтка, извлеченная со дна Матвеевского залива Днепра на Трухановом острове. По сообщению киевского журналиста Аркадия Хидекели, статуэтка найдена им вблизи берега залива на глубине около 2 м. Находилась ли статуэтка все время в воде залива или попала туда недавно в связи с происходящей планировкой берега — сказать трудно.

Статуэтка отлита из бронзы. Толщина стенок фигурки различная.

Статуэтка представляет собой мифическое существо в виде стоящего человека с хорошо выделенной двуликой головой в остроконечном головном уборе, относительно небольшими отростками рук, мордой животного, моделированной в верхней части торса, большим округлым животом и короткими ножками.

Трухачов остров. Бронзовый идол

Очертания лиц статуэтки — их подчеркнутая уплощенность, широкий нос, узкие раскосые глаза — не вызывают сомнения в том, что древний мастер пытался придать ей облик представителей монголоидной расы. Можно предполагать, что перед нами изображение мужского и женского лица.

Со стороны женского лица статуэтки в области груди резко выступает вперед морда какого-то животного, по-видимому быка, рогами которого служат руки статуэтки, повернутые в сторону мужского лица. Резцом на морде быка обозначены четкий рот и еле заметные ямки глаз. Эта находка должна быть отнесена к разряду уже довольно хорошо известных в литературе «уродливых» статуэток домонгольского и монгольского периодов. Они служили, как считают некоторые исследователи, идолами или оногонами в домусульманских религиях Азии. Более близкие аналогии среди бронзовых изделий того времени нам неизвестны. По некоторым деталям (тип лица, манера передачи ног, большой живот) трухановский

идол несколько напоминает широко известных в степях Восточной Европы каменных баб печенегов и половцев. Но это сходство весьма отдаленное.

Статуэтка была найдена вблизи древнего Киева на месте частых переправ степных племен — печенегов и половцев, а позже татаро-монголов во время их нападения на Киев. Вряд ли можно предположить появление этого изделия под Киевом раньше или позже печенежско-половецкого и татаро-монгольского периода в истории Приднепровья, что позволяет относить фигурку к концу I — первой четверти II тысячелетия н. э.

РАСКОПКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

А. Л. Якобсон

Раскопки Института археологии АН СССР, связанные с проблемой раннесредневековых сельских поселений Таврики, велись в двух пунктах: близ сел Гончарного (бывшая Варнаутка в Варнаутской долине) и Передового (бывшая Уркуста в Байдарской долине).

Близ Гончарного был исследован участок, насыщенный кусками железного шлака, указывающий на древнюю выплавку железа. Выявлены продолжение монументальной стены, ограничивавшей с южной стороны храм с некрополем, и небольшой жилой дом XIV—XV вв., при постройке которого были полностью уничтожены все остатки несомненно существовавшего здесь в VIII—IX вв. металлургического производства.

Близ Передового был доследован жилой дом, в основном раскопанный в 1965 г. Выявлены два отрезка стены, ограничивавшие узкое пространство вдоль юго-западной стороны дома, — по всей вероятности, навес, который поддерживали, очевидно, деревянные столбы. Этот навес — зародыш террасы-веранды (айвана), обычной у татарских домов, перенятой татарами у местного коренного населения и, как видно, глубоко традиционной.

Раскопанный в 1966 г. жилой дом состоял из одного основного помещения не совсем правильной формы и примыкавшей к северному углу его небольшой хозяйственной пристройки. Стены его были сложены из размерного камня на глине слабо выдержанными рядами. Дом ориентирован почти так же, как и соседний, — с северо-запада на юго-восток.

Юго-восточная стена дома, обращенная к склону, сохранилась плохо, углы ее распались. Изнутри к стене примыкала выкладка, обложенная вертикально поставленными плитами и заполненная коричневой глиной.

Передовое. Остатки жилого дома

По-видимому, это возвышение вдоль стены служило хозяйственным целям (здесь ставили продовольственные припасы и пр.). Вдоль выкладки частично уцелела глинобитная приступка, аналогичная приступке с очагами в соседнем доме.

Смежная северо-восточная стена была деформирована (сильно накренилась внутрь помещения); здесь, возможно, находился один из входов со ступеньками, по которым спускались в помещение, так как с наружной стороны дневная поверхность была значительно выше.

Северо-западная стена сохранилась лучше других; здесь разница в уровне наружной дневной поверхности и пола в помещении особенно большая — 0,95 м.

Юго-западная стена уцелела не на всем своем протяжении. В ее южном конце, возможно, находился второй вход в помещение.

Глинобитный пол, сравнительно ровный, немного поднимался в северо-западную сторону; он сильно золистый, с мелкими угольками; под ним проступала коричневато-желтая глина.

В северном углу помещения было сооружено небольшое возвышение, заполненное мелким камнем и коричневой глиной; оно могло служить лежанкой.

Близ северо-восточной стены находилось очажное углубление.

К северному углу дома примыкало (без перевязи в кладке) небольшое прямоугольное помещение, открытое с одной стороны. Судя по форме и расположению, оно служило кладовой или стойлом.

К югу от дома под острым углом тянулась кладка из крупных камней, упиравшаяся, по-видимому, в грунт (лесистый склон) и являвшаяся скорее всего остатком крепиды.

Среди находок в помещении доминировала, как обычно, керамика. Состав керамического комплекса был обычен и характерен для VIII—IX вв. (фрагменты черепиц, пифосов, причерноморских амфор, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, кухонных горшков — гончарных и лепных). Своеобразие заключалось в незначительности количества фрагментов черепиц и пифосов (одно днище пифоса), амфор и других видов привозной тары и посуды и в обилии лепной посуды (горшков с коротким почти вертикальным горлом). Последнее обстоятельство наглядно подтверждает, что гончарное ремесло в деревне VIII—IX вв. было еще слабо развито.

Найдены также обломки двух железных ножей, кованые гвозди, фрагмент бронзового котла и половина каменного жернова.

Важны находки нескольких фрагментов позднеантичных амфор; однако малочисленность и разрозненность их (как здесь, так и на других одновременных поселениях) показывают, что непосредственной связи (преемственности) между античными и раннесредневековыми поселениями не было.

РАСКОПКИ НА БАКЛИНСКОМ ГОРОДИЩЕ

Д. Л. Талис

Раскопки являются продолжением работ, которые Государственный исторический музей ведет здесь систематически с 1961 г. Баклинское городище представляет собой комплекс цитадели и открытого поселения вокруг нее, что и обусловило в значительной степени выбор основных объектов для раскопок. Внутри цитадели — это прежде всего жилые помещения и оборонительные сооружения, вне цитадели — территория, примыкающая к боевым стенам, в особенности к узловым участкам обороны: боевым башням и входам или въездам.

Ранее было установлено, что оборонительная система Баклинской цитадели в северо-восточной части крепости состоит из двух линий стен, причем наружная, вторая стена служила утолщением первой. Это усиление обороны явилось частью обширных строительных работ, проводившихся на городище во второй половине IX — начале X в., после которых городище и приняло вид почти правильного прямоугольника. Одна сторона его примыкает к обрыву высотой в 8—10 м, на котором стоит городище, а три другие ограждены стенами.

Куртина, примыкавшая к обрыву, завершалась в непосредственной близости от последнего башней или боевой площадкой (из-за плохой сохранности основания решить с определенностью нельзя), а с противоположной стороны — прямоугольной башней, от которой следующая куртина шла уже параллельно линии обрыва, с юго-запада на северо-восток.

Около обрыва в основании скалы, на которой стоит стена, был высечен тоннель, через который можно было выйти из цитадели в открытую часть поселения. Впоследствии тоннель был заложен.

Башня на стыке двух куртин являлась привратной, охранявшей въезд в цитадель. Около нее на территории цитадели дорога была вымощена каменными плитами, а далее покрыта толстым слоем щебенки на глинистом основании.

На расстоянии 5 м от башни проезжая дорога шла мимо пятиугольного помещения, по всей вероятности, караульного назначения.

Далее к юго-западу от караульного помещения начинались жилые кварталы. В 1965—1966 гг. раскопан очень интересный жилой комплекс, в который входили жилой дом, состоявший из двух помещений, и хозяйственный дворик, отделенный от дома узкой каменной оградкой, но не сплошной, а имевшей проем, через который можно было по ступеням спуститься от дома во дворик. Следует заметить, что и дневная поверхность двора, и полы помещений дома были заглублены в землю.

Дом был полутораэтажным, стены его выложены в технике кладки «в елочку». Нижние этажи обоих помещений предназначались для хранения продовольствия и различного инвентаря, а потому печей не имели,

верхние этажи были жилыми. В помещениях, а также вокруг дома было найдено большое количество обломков керамики и железных изделий. Поскольку дом сгорел, многие обломки собираются в целые сосуды. Хорошо сохранились также и железные изделия. В основном это орудия каменотеса: зубатки, кайла, топоры, секиры, но есть и другие инструменты и изделия. Важны находки сосудов, указывающие на наличие сильных местных традиций в гончарном производстве, на воздействие более передовых центров производства, прежде всего Херсонеса, а также на влияние тех форм, которые хорошо известны по керамике из средневековых поселений Восточного Крыма и Подонья. Здесь же встречается и красноглиняная поливная керамика. Дата всех этих вещей: вторая половина XII—XIII в., возможно, начало XIV в.

Большой интерес представляют найденные в хозяйственном дворике пять совершенно целых пифосов, а также прекрасной сохранности большой горшок и амфора. Все эти сосуды были вкопаны в землю и предназначались для хранения зерна. В них найдено большое количество обгоревших зерен ржи.

Среди других находок во дворе нужно отметить красноглиняные поливные блюда, большое количество пряслиц, железные орудия.

Одной из существенных особенностей Баклинского городища является возможность установить во многих случаях четкую стратиграфию, а отсюда и достаточно твердую хронологию отдельных строительных периодов. Исследования 1966 г., позволившие сопоставить стратиграфию различных участков городища, указывают, вместе с материалами предыдущих лет, на следующую картину смены строительных периодов.

Вначале здесь находилось неукрепленное поселение, возникшее во второй половине III в. н. э.

В конце V или начале VI в. была сооружена первая линия обороны, усиленная не позднее начала X в.

Следующий период интенсивного строительства был здесь во второй половине XII или начале XIII в.

Городище погибло в XIII или начале XIV в. в результате насильственного разрушения и сильного пожара.

Вне цитадели продолжены исследования большого общественного здания, очевидно базилики, сгоревшей не позднее начала X в. К базилике примыкал некрополь, в котором погребения совершались и после гибели базилики. Могилы высечены в скале и являлись по большей части семейными усыпальницами.

Важно отметить в устройстве некоторых самых поздних погребений традиции, восходящие еще ко времени плитовых гробниц, что указывает на непрерывность жизни здесь одного и того же населения по меньшей мере с VII по XIII—XIV вв.

ПОДВОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ У БЕРЕГОВ ХЕРСОНЕСА

В. И. Кадеев, В. И. Вишневский

Подводные исследования экспедиции Харьковского государственного университета в 1966 г. были продолжением систематических изысканий под водой у берегов Херсонеса, начатых объединенной археологической экспедицией Харьковского и Уральского университетов и Херсонесского музея в 1964 г.

Основное внимание подводного отряда было направлено на изучение дна у восточного берега Песочной бухты, где, как показали наши исследования 1965 г., затонул античный корабль I в. н. э., шедший от южного берега Черного моря с грузом оливкового масла или вина.

В ходе подводных исследований района кораблекрушения были сняты профили дна и подробный план, заложены три шурфа: два — в местах наибольшего скопления обломков амфор, а один — дальше в сторону моря в донном песке. Шурфовка показала, что уже на глубине 1,3 м от поверхности дна слой песка сменяется илистым песком и предскальной глиной, а обломки амфор исчезают на глубине 0,7 м. Совершенно очевидно, что при такой толще донного песка нет никаких шансов на то, чтобы в нем могли сохраниться остатки погибшего корабля. Кроме того, тщательные поиски на дне Песочной бухты в месте кораблекрушения обнаружили, что наибольшие скопления фрагментов амфор находятся среди камней, где они лучше задерживались. На песчаных участках дна фрагменты амфор встречаются значительно реже.

Остатки античного корабля на дне Песочной бухты не сохранились. Уцелела только часть корабельного груза в виде нескольких тысяч крупных и мелких фрагментов амфор.

Другим районом подводных археологических исследований была Карантинная бухта. Здесь в 1966 г. найдено, большей частью у восточного берега при входе в бухту, несколько целых и большое количество фрагментов эллинистических, позднеантичных и средневековых амфор. Среди них имеются: круглодонная амфора с желобчатыми стенками VIII—IX вв. н. э., амфора с перехваченным туловом IV в. н. э. и две такие же амфоры, но с отбитыми горлами. Впервые в Карантинной бухте встречены фрагменты эллинистических амфор с ножками, оканчивающимися кольцеобразным валиком, III—II вв. до н. э., а также фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками I в. до н. э.— I в. н. э. и узкогорлых I в. н. э. Встречались горла позднеантичных амфор III—IV вв. н. э. и раннесредневековых IX—X вв. н. э., обломки средневековых амфор XII—XIII вв.

Все эти находки свидетельствуют о том, что Карантинная бухта была местом многих кораблекрушений в античную и средневековую эпохи.

Большой интерес представляет открытие на дне Карантинной бухты новых строительных остатков, о существовании которых раньше известно

не было. Они обнаружены примерно в 30 м от западного берега на участке к северу от башни XX оборонительной стены Херсонеса. Сначала здесь были найдены хорошо обработанные блоки, погребенные в мощном слое донного песка. Затем была открыта оборонительная башня (?), имевшая в плане вид ромба; ее тупой угол направлен в море. Стены башни состоят из двух поясов: внешнего облицовочного, сложенного в основном из крупных блоков, и внутреннего, состоящего из каменных блоков меньших размеров. Блоки хорошо отесаны. Следы раствора в кладке пока не обнаружены. Вертикальные зачистки показали, что сохранилось два ряда кладки, хотя в некоторых местах верхний ряд разрушен.

Во время исследований башни со дна Карантинной бухты были подняты многочисленные фрагменты поливной посуды XIII—XIV вв., однако датировать башню этим временем было бы неверно. Наличие в кладке башни многих черт, присущих кладке античной эпохи, позволяет отнести ее к раннесредневековому времени. Ближайшей аналогией ей может служить ромбовидная башня В четвертой куртины западной оборонительной стены Херсонеса.

III. БЕЛОРУССКАЯ ССР

БЕЛОРУССКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В. Д. Будько

Палеолитический отряд археологов Института истории АН БССР продолжил поиски древнейших поселений на территории Белоруссии. Расщепленные кремни с мустьерской техникой обработки встречены в бассейне среднего Сожа, около дер. Турищевичи, в размывах второй надпойменной террасы правого берега. Они представлены двумя скребловидными отщепами леваллуазского типа, двумя близкими к остроконечникам по форме орудиями, тремя дисковидными ядрищами. Здесь отмечены и выходы коренных меловых пород с обилием кремневых конкреций. Район дер. Турищевичи является весьма перспективным для дальнейших исследований.

Вторым пунктом, где найдены орудия с мустьерской техникой обработки, было урочище Шубин (правый берег Сожа в месте впадения Беседи). Здесь у подошвы размытой второй надпойменной террасы правого берега Сожи были собраны расщепленные кремни с мустьерской техникой обработки: два скребла, три архаичных отщепа трсугольной формы, отщеп с круговой ретушью по краям и площадкой, обработанной широкими поперечными сколами, четыре дисковидных ядрища. Обследование района Каменной Горы на Беседи близ дер. Чемерни также привело к находкам орудий с мустьерской техникой обработки.

Учитывая находки прежних лет и результаты разведок 1966 г., можно говорить о заселении бассейна верхнего Днепра (в пределах Белоруссии) в мустьерскую эпоху.

Подъемный материал, собранный в текущем полевом сезоне в Гренске (Кормянский район Гомельской обл.) и Латках (Ветковский район Гомельской обл.), явился прекрасным дополнением к богатейшему материалу, найденному на этих памятниках в предыдущие годы. Он подтверждает сделанные ранее выводы о датировке упомянутых выше памятников позднейшей порой верхнепалеолитической эпохи.

Шесть памятников, близких к Гренеку и Латкам, открыты в бассейне Беседи (Ветковский район) и два — в бассейне Ипути (Добрушский район).

Припятский неолитический отряд (руководитель Исаенко) открыл более 30 поселений мезолита и неолита на верхней Припяти. Тем самым общее количество поселений, известных на территории Пинского Загородья и особенно Заречья, достигло 17 для мезолита и около 100 для неолита. По сравнению с другими, эта территория представляется очень заселенной в III—II тысячелетиях до н. э. По-видимому, отсюда шло расселение в более северные районы, в частности в бассейн Немана. Материалы, собранные на ряде поселений, и из раскопок указывают на сходство поселений верхней Припяти, в особенности Ясельды, с близкими им по времени памятниками Понеманья. Раскопки на поселении у дер. Бокиничи Пинского района показали, что здесь наряду с обычной для этих мест керамикой имеются и более ранние керамические материалы — обломки сосудов с обильной растительной примесью, что сближает это поселение с южными памятниками нижней Припяти. На поселении у дер. Камень обнаружены следы двух жилищ.

Лишь после исследований 1966 г. можно в должной мере оценить значение крупных поселений мезолитического времени у деревень Нобель, Семьчицы, Ополь, вновь открытого памятника у дер. Переволоки. Протяженность этих поселений от 1 до 2 км. Обилие и разнообразие собранных материалов, среди которых имеются и более ранние (финальный палеолит), позволяет рассматривать указанные поселения в качестве важных пунктов расселения древнейшего населения Белоруссии.

Теперь уже можно более обстоятельно и точно представить материальную культуру и очертить границы верхнеприпятской области с производством макролитических орудий. Эта область была очень удобна для поселения неолитических охотников и рыболовов.

Продолжалось изучение неолитических поселений средней и нижней Припяти.

Северо-западный неолитический отряд (руководитель Черняевский) проводил разведку нижнего течения Сервечи и ближайших районов течения Немана, где в свое время А. Г. Митрофановым было открыто несколько неолитических поселений. Здесь в урочище Побинка проведены небольшие раскопки, найден кремневый инвентарь и керамика, дополняющие наши представления о неолите Немана. Разведки памятников неолита и бронзы по течению р. Вилии, на участке от г. Вилейка до впадения Сервечи Вилянской, на территории будущего водохранилища, привели к обнаружению нескольких местонахождений неолитического времени; особый интерес вызывает здесь находка типичной прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики, что позволяет высказать мнение о передвижении южной границы этой культуры к югу, в окрестности Вилейки.

Большое научное значение имеют поселения у дер. Осовец Бешенковичского района. Здесь, в 3 км к северу от исследованных К. М. Поли-

Осовец II. Костяная острога

карповичем пунктов Кривина и Осовец, открыто новое торфяниковое поселение Осовец II. Был вскрыт культурный слой мощностью в 0,6 м, залегавший под метровой толщей торфа. Он содержал фрагменты керамики, кремневые, костяные и деревянные изделия. Особого внимания заслуживают многочисленные предметы из рога и кости. Это в первую очередь топоры, шилья, обломки ножей, орудия для вязания сетей, наконечники стрел и т. д. Кремневых изделий мало, что вообще характерно для памятников такого типа. Керамика, орнаментированная в основном частыми рядами насечек, очень близка к керамике верхнего слоя Кривины. Поселение датируется находкой горшка среднеднепровской культуры первой половиной II тысячелетия до н. э.

В культурном слое этого поселения найдена деревянная резная скульптура, вероятно идол. Это первая подобная находка на территории Белоруссии. Обнаружены также статуэтка оленя из рога лося и фигурка цапли, вырезанная из копыта.

Благодаря хорошей сохранности, многочисленности и разнообразию находок поселение Осовец II имеет большое значение для характеристики позднего неолита на севере Белоруссии, а также для изучения переходного периода от неолита к бронзовому веку.

Разведками на севере Белоруссии было выявлено 16 стоянок и местонахождений каменного века: четыре — на Лиснянских (две из них с ямочно-гребенчатой керамикой), две — на Браславских и 10 — на Лепельских озерах.

Отряд по изучению славян и балтов работал в составе трех групп. Первая под руководством Л. Д. Поболя продолжала раскопки селища позднего этапа зарубинецкой культуры (II—V вв. н. э.) в урочище Абидня Быховского района Могилевской обл., бескурганного могильника около г. Ново-Быхова и проводила разведки в Могилевском Приднепровье.

Селище в урочище Абидня было обнаружено Л. Д. Поболем в 1960 г. В 1966 г. здесь в культурном слое найдено большое количество лепной керамики, железные и бронзовые орудия труда, украшения.

В могильнике у Ново-Быхова вскрыто 21 погребение. Погребальные ямы были двух типов: круглые и удлиненные, близкие к чаплинским. В двух погребениях обнаружены лепные горшки и украшения. Погребения относятся к V—IX вв. н. э. Полученные данные освещают некоторые вопросы культуры славянских племен, обитавших в Верхнем Приднепровье накануне сложения Древнерусского государства.

Обследованы городища раннего железного века в Быховском районе — Абидовичи, Барколабово, Добужа и др. Изучались также селища I тысячелетия н. э. Собраны материалы, характеризующие быт и культуру племен, обитавших в Могилевском Приднепровье в период разложения первобытнообщинных отношений.

Вторая группа под руководством А. Г. Митрофанова занималась изучением памятников железного века в Центральной и Северной Белоруссии. Разведками в бассейне Березины, в пределах Воложинского района Минской обл., были выявлены городища — одно близ дер. Замостяны и другое — около станции Воложин. Оба городища относятся к культуре штрихованной керамики. Весьма важные результаты дали разведки на территории Псковской обл. Сравнительное изучение археологических материалов в Себежском музее (городища Себежское, Язбовское, Жуки, Ульяновщина и др.), главным образом керамики, а также разведки городищ близ деревень Осыно и Кременцы показали, что на территории Себежского и Опочского районов распространены такие памятники, материальная культура которых полностью соответствует днепро-двинской культуре Среднего Подвинья. Обе эти территории были заселены одним и тем же в этническом отношении населением. Это убедительно опровергает точку зрения П. Н. Третьякова, согласно которой в бассейне Себежских озер была распространена самостоятельная культура. Это не так: в область распространения поселений днепро-двинской культуры с полным основанием можно включить наряду с бассейнами Среднего и Верхнего Подвинья, Верхнего Приднепровья и бассейн Себежских озер и частично бассейн р. Великой.

На селище Замковая Гора было вскрыто восемь полуземляночных четырехугольных жилищ. В жилищах в одном из углов стояла печь-каменка. Найдены гладкостенная лепная керамика в форме тюльпановидных горшков или сосудов баночных форм, биконические пряслица с относительно большими отверстиями в центре, обломок лезвия топора, обломки тиглей для плавки цветных металлов, железные шлаки. К числу редких находок относится крупная янтарная бусина.

На городище близ дер. Васильковка, в урочище Тартак проведены довольно большие раскопки. В культурном слое мощностью в среднем 0,4—0,5 м обнаружены следы жилищ столбовой конструкции и открытые очаги. Много встречено керамики. Городище связано с культурой шри-

хованной керамики, но штрихованной посуды найдено не более 30—35%. Это объясняется тем, что городище относится к поздней, заключительной поре существования культуры штрихованной керамики, т. е. к тому времени, когда прием покрывать стенки сосудов штрихами стал исчезать. Своеобразна и форма сосудов. Как известно, для культуры штрихованной керамики характерны сосуды в форме остроребериых горшков, а также сосуды баночных форм. На городище близ дер. Васильковка остроребериых сосудов встречено мало, преобладают сосуды двух форм: горшки баночных форм (причем здесь они встречаются чаще, чем на поселениях более ранней поры) и сосуды с прямым венчиком, слабо выраженным плечиком и почти цилиндрическим, слегка сужающимся к днищу туловом. Попадались также сосуды с эсовидным профилем. На городище найден железный серп, глиняные пряслица, железные шлаки, кости домашних и диких животных.

Весьма интересными оказались раскопки на селище близ дер. Городище Мядельского района. Культурный слой здесь в среднем составлял 0,3—0,4 м. Обнаружено четыре наземных жилища, нижняя часть которых на 0,3—0,5 м была углублена в землю. Объясняется это тем, что селище расположено на пологих склонах возвышенности и поэтому его обитатели, чтобы сделать пол горизонтальным, вынуждены были врезаться в склоны и в связи с этим опускать нижние венцы срубов в землю. Границы жилищ удалось проследить по остаткам нижнего венца, сохранившимся в виде обугленных бревен. Одно из этих жилищ было срублено в угол («в обло»), а в другом прослежен оригинальный способ крепления вертикальных столбов с горизонтальными бревнами стен. Как известно, в настоящее время в угловых столбах выдалбливаются прямоугольные пазы с двух сторон, в которые и вкладываются в горизонтальном положении бревна. Способ крепления, выявленный нами, был иным: в угловых столбах вырубался один, а не два, и не прямоугольный, а треугольный паз, куда подгонялись бревна, концы которых были обрублены под острым углом. Стены жилищ ориентированы строго по странам света. В обоих жилищах находились печи-каменки. От них сохранились развалы крупных и мелких камней, располагавшиеся в углу, налево или направо от входа.

Находок в культурном слое довольно много. Правда, основная масса вещей встречена в нижнем горизонте культурного слоя, а в верхнем, перепаханном, их почти не было. Керамика вся лепная от руки, гладкостенная. Формы сосудов обычны для такого рода памятников. Имеются сосуды с отогнутым венчиком, со слабо выраженными шейкой и плечиком и выпуклым туловом. Наибольший диаметр у сосудов этой формы находится в верхней части тулова. Помимо этого найдены сосуды баночных форм. Среди обломков сосудов первой группы есть черепки с волнистым орнаментом.

Других вещей мало: два железных ножа, 12 глиняных пряслиц, обломки тиглей для плавки цветных металлов, точильные камни.

Судя по керамике, селище относится ко второй половине I тысячелетия н. э.

Работы третьей группы (руководитель К. П. Шут) были сосредоточены главным образом на городищах, содержащих материалы от середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э.

Произведены раскопки на городище IV в. до н. э. близ дер. Урагово Верхнедвинского района, расположенного на холме коренного берега Освейского озера. В северо-западной части городища открыто восемь наземных жилищ с каменными очагами в центре. Дома, составляя единый комплекс столбовой конструкции, располагались вдоль края площадки. Пол у всех жилищ земляной. Один дом был обмазан глиной.

В центральной части городища выявлены две постройки, связанные с обработкой железа. Они имели также столбовую конструкцию, но в отличие от жилищ были углублены в материк до 0,5 м. В их заполнении найдено много шлаков. Кроме того, здесь встречены обломки камней и целые большие камни с ровной и гладкой рабочей площадкой, употреблявшиеся в качестве наковальни. Вблизи мастерских обнаружен кузнечный молоток из железа в форме усеченного овала с круглым отверстием.

Найдено большое количество костей животных, изделий из глины, камня, кости и рога, железа и бронзы.

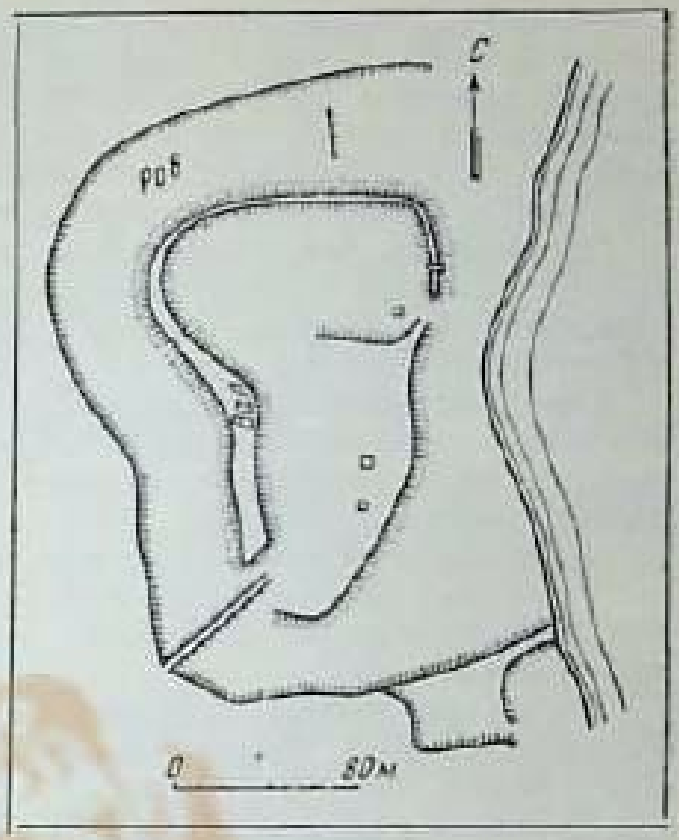
Большой и интересный материал получен при раскопках Кубличского городища (III в. до н. э.—IV в. н. э.). На северном его конце выявлена сплошная кольцевая застройка, идущая вдоль края городища. Все постройки столбовой конструкции. Каждое жилище имело каменный очаг, чаще подковообразной формы.

В северо-восточной части городища в ряду кольцевой застройки обнаружены фундамент и основание сыродутной печи для выплавки железа. Круглая у основания домница была установлена на толстом фундаменте из глины, перемешанной с камнями. Вокруг домницы найден шлак.

На городище собрана большая коллекция изделий из глины, камня, кости, железа и бронзы, дающая полное представление о жизни и деятельности обитателей поселения.

Небольшие, но важные работы были проведены по изучению комплексного памятника (городища и селища), расположенного в 3 км к западу от дер. Новый Болецк Городокского района и известного в археологии под названием городища Бураково. Материалы, полученные при раскопках, указывают на то, что переход на открытые поселения в данной местности происходил постепенно как по мере разрастания поселения, так и под действием социально-экономических преобразований, происходивших в среде племен изучаемой эпохи.

Полоцко-Витебский отряд (руководитель Г. В. Штыхов) производил раскопки и разведки в древних городах Полоцкой земли для выяснения их топографии и получения новых археологических материалов.



Логойск. План замка с обозначением раскопов

Начаты раскопки в Логойске, который до сих пор археологическому исследованию по существу не подвергался. Найдено значительное количество древних предметов. Установлено, что Логойск возник примерно то время, когда о нем появились сообщения в письменных источниках (последняя треть XI — первая треть XII в.), и располагался на теперешнем своем месте.

Основные раскопки производились в Лукомле. Лукомль вместе с Логойском впервые упоминается в «Поучении» Владимира Мономаха (1078 г.). Получен большой вещевой материал, основная часть которого относится к XI—XIII вв. Раскопки показали, что Лукомль возник на месте поселения XI—XIII вв., жители которого были носителями культуры типа Банцеровщины.

Около Лукомля раскопан курган. В нем был захоронен древнерусский воин XI в. Рядом с костяком найдены железный боевой топор, наконечник копья, нож. На рукояти ножа выгравирован княжеский знак — трезубец.

Отряд П. Ф. Лысенко сосредоточил свое внимание на древнерусских городах Туровской земли и Приднепровья.

Были проведены работы на городище древнерусского Случеска, известного по летописям с 1116 г. Оно расположено у впадения в р. Случь правого ее притока — небольшой речки Бычек. Это типично мысовое городище, состоящее из детинца и окольного города. Округлый в плане детинец возвышается над поймой реки на 5—6 м, окольный город на 2—3 м ниже него. От оборонительных сооружений сохранился только искусственно сооруженный глубокий и широкий ров, разделявший детинец и окольный город.

В восточной части детинца был заложен раскоп. Мощность культурного слоя достигала 4,5 м. В песчаном материке уже на глубине 0,5—0,6 м проступала грунтовая вода. В раскопе вскрыты жилые (с глинобитными печами) и хозяйственные постройки, дворовые вымостки, частокол. Хорошая сохранность древесины позволила взять спилы для дендрохро-

нологического анализа. Обнаружено много предметов деревообрабатывающего, кожевенного и сапожного ремесла, стеклянные браслеты, шиферные пряслица. Из железных изделий найдены обломок косы, зубило, ножи, замки, ключи, удила, наконечник стрелы и писало. Керамика в основном аналогична керамике южных городов Туровской земли (Турова, Пинска, Мозыря, Давид-Городка).

Проводились исследования на городище древнерусского Клецческа (1127 г. — первое летописное упоминание), расположенном на северо-западной окраине современного г. Клецка, на высоком береговом плато у болотистой поймы р. Лань

Городище состоит из детинца и окольного города. Почти по всему периметру детинца возвышаются остатки оборонительных валов, искусственно сооруженный ров отделяет детинец от окольного города, также защищенного с напольной стороны валом и рвом. Культурный слой детинца сильно поврежден при строительстве за́мка.

Лишь на незначительной площади раскопа в южной части детинца под развалинами за́мка встречен неповрежденный культурный слой, но находок в нем мало.

Были обследованы городища древнерусских городов Приднепровья — Рогачева, Лучина, Речицы, Брагина, а также расположенных на Соже Пропойска и Кричева.

Группа под руководством Я. Т. Зверуго продолжала археологическое изучение древнего Волковыска. В результате раскопок на Шведской горе получено значительное количество вещевого материала, относящегося к XI—XIV вв. При раскопках на Муравельнике обнаружены остатки жилищ земляночного типа с печами-каменками. Здесь же найдены двушипные наконечники стрел, наконечник копья ромбовидной формы, глиняные пряслица и другие вещи.

На городище, расположенном в 2 км к северо-востоку от дер. Большаны (левый берег р. Гольшанки), обнаружены остатки печей-каменок, металлические предметы (двушипные и шиловидные втульчатые наконечники стрел, шпора с вращающимся колесиком, подковообразная фибула, лировидная пряжка и др.), изделия из кости (в том числе фрагмент орнаментированной накладки), глиняные пряслица.

На городище в дер. Городок (левый берег Неманской Березины) найдено значительное количество предметов, относящихся к позднему средневековью, в том числе более 300 фрагментов изразцов разнообразного рисунка и цвета (зеленые, коричневые, желтые, перламутровые и др.). В шурфе на внутренней площадке обнаружено несколько фрагментов штрихованной керамики.

ИССЛЕДОВАНИЕ КРЕМНЕДОБЫВАЮЩИХ ШАХТ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Н. Н. Гурина

Экспедиция Института археологии АН СССР по изучению кремнедобывающих шахт продолжала свою работу на территории Волковыского района Гродненской обл. Это был четвертый раскопочный сезон.

Объектом исследования явилась часть меловой линзы, расположенная наиболее близко к р. Россь, которая выделена в 1965 г. в качестве заповедника.

Для выявления шахт на данном участке была произведена зачистка снятого ранее почвенного слоя. Удалось обнаружить устья около 150 шахт, выступающих обычно в виде округлых пятен темного или белого цвета, окаймленных темной прослойкой. Раскопано 19 шахт.

В отличие от исследованных в предшествующий год, шахты, раскопанные в 1966 г., не имели сильно вытянутой формы, как правило, они были округлыми, часто соединялись штреками, идущими в различных направлениях. Многие шахты опоясывали подбои, разделенные опорными столбами. Длина штреков и ширина подбоев были более значительными по сравнению с наблюдавшимися в предшествующие годы. Прослеживались и значительные различия в деталях конструкции шахт.

В двух случаях обнаружены следы от крепления. На стенах шахт наблюдались следы от кайла древних шахтеров и копоти от лучины, найденной на дне шахт.

Роговые орудия шахтеров имели несколько иную форму. Кроме кайла обычного типа из рога благородного оленя, в ряде шахт найдены небольшие ножевидные орудия, вставлявшиеся в деревянную рукоять. Этим инструментом работали в подбоях и узких штреках.

Помимо большого числа разбитых кремневых конкреций и сколов с них, встречены заготовки топоров и тесел.

Получен очень большой материал из мастерских — сезонного шахтерского поселка. Вместе с огромным количеством отщепов кремня здесь лежала масса скребков, отбойников, ретушеров; многие скребки носили следы использования.

Наблюдения над большим количеством красносельских горных выработок, расположенных на участках, разделенных значительным пространством, особенности в конструкции шахт и орудиях древних горняков позволили выявить хронологические различия отдельных групп шахт.

В результате четырехлетних исследований к настоящему времени удалось зафиксировать свыше 500 шахт в плане и произвести наблюдения над разрезами многих десятков шахт. С помощью археологических раскопок изучено около 150 шахт, расположенных на протяжении свыше 1 км. Полученные материалы являются чрезвычайно важным источником

для изучения развития производительных сил и производственных отношений древнего общества.

В целях сохранения данного участка с шахтами в качестве заповедника проведены работы по закреплению его от естественного разрушения, произведена первичная консервация раскопанных шахт, определено место для возведения охранного здания музея.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В НОВОГРУДКЕ

Ф. Д. Гуревич, М. В. Малевская

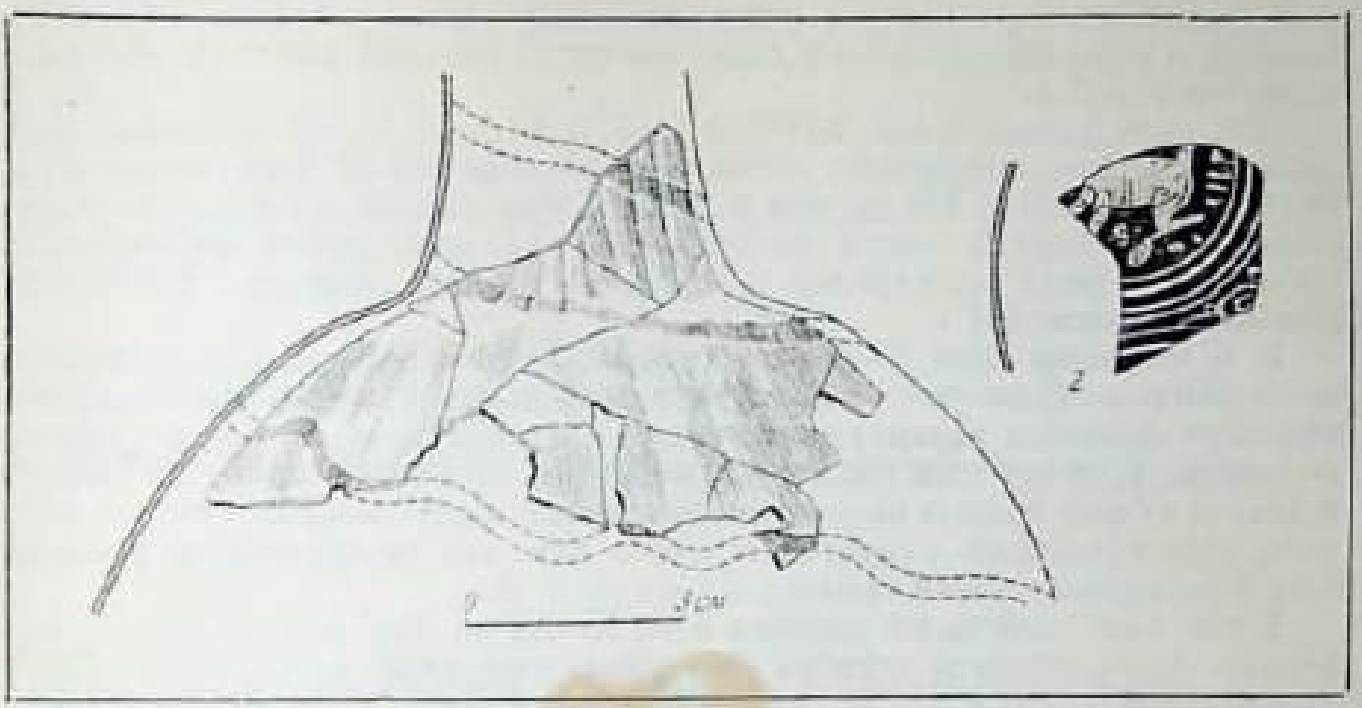
В 1966 г. Институт археологии АН СССР продолжил многолетние раскопки окольного города древнерусского Новогрудка. Первый раскоп был разбит вблизи вала. Остатки города домонгольской поры находились здесь под мощным слоем нивелировочного песка, отделявшего древний город от городских слоев XVI—XVII вв.

В культурном слое домонгольского времени была вскрыта часть сгоревшей срубной постройки, в развале которой найдено много обожженной глиняной обмазки с отпечатками досок, а также встречены обломки кирпича. В углу дома была полка, на которой стояла какая-то деревянная утварь, возможно маслобойка.

Среди находок на этой постройке имеются осколки стеклянной посуды, изготовленной в киевских и ближневосточных мастерских. К первым относится часть рифленого флакона из бесцветного стекла, украшенная спиралью из фиолетового стекла. Изделиям ближневосточных мастерских принадлежат два пережженных обломка толстостенного бесцветного сосуда, орнаментированного выпуклыми точками, нанесенными белой эмалью. Аналогичные фрагменты были найдены в Новогрудке в 1960—1961 гг., что позволило реконструировать сосуды в виде флаконов, расписанных золотом, красной, зеленой и белой эмалью. Характерной чертой их является также нанесенная золотом арабская надпись. Местом изготовления таких бокалов считается Сирия (Ракка).

Стратиграфическое положение открытой части постройки, которая является одной из наиболее поздних построек домонгольского периода, и обломки сирийского сосуда, датирующиеся временем не ранее XIII в., дают основание отнести ее к первой половине XIII в. Этот жилой комплекс принадлежит к числу богатых построек окольного города XII—XIII вв., которые хорошо известны по раскопкам предшествующих лет.

На данном раскопе открыт еще один строительный развал какой-то богатой постройки, состоявший из горелого дерева, необожженной и обожженной глины. Среди находок обращает на себя внимание обломок византийского голубого стеклянного сосуда. На нем сохранилась часть



Новогрудок. Осколки стеклянных сосудов

1 — фрагмент флакона древнерусского производства, *2* — фрагмент византийского сосуда

медальона в виде окружностей, нанесенных золотом и белой эмалью. В заполнении медальона золотом изображено какое-то животное. Мелкий растительный орнамент за пределами медальона также нанесен золотом.

В раскопе открыт негорелый настил. Негорелое дерево — большая редкость в окольном городе Новогрудка, и пока трудно связать его с каким-либо сооружением.

Второй раскоп был заложен вблизи рва, отделявшего окольный город от детинца. И здесь город домонгольской поры был отделен от более поздних напластований слоем нивелировочного песка, лежавшим почти на всей площади. Этот участок города в XII—XIII вв. был очень слабо заселен (в юго-западной части раскопа толщина культурного слоя достигала 10—30 см). В центре раскопа беспорядочно лежали горелые бревна от постройки, к которой, вероятно, относился развал печи, состоявший из обожженной глины, обломков кирпича и золы. При разборке этой постройки найдена керамика, типичная для XII—XIII вв., обломки амфор, стеклянные браслеты и некоторые другие вещи.

Обнаружены также остатки небольшой горелой срубной постройки. В ее восточном углу стояла печь, от которой сохранились развал камней, зола и песок. К числу находок на этой постройке относятся керамика XII—XIII вв., стеклянная биконическая бусина, бронзовая посеребренная поделка и др.

Строительные развалы в виде негорелой глины, камней, обломков кирпича и золы обнаружены в северной части раскопа вместе с обычным инвентарем XII в.

Под культурным слоем XII—XIII вв. в юго-восточной половине раскопа лежал нивелировочный песок, отделявший его от слоя черного гумуса конца X—XI в. На других участках этот ранний слой почти отсутствовал. В северной части раскопа, где удалось дойти до материка (лежавшего здесь на глубине 0,7—0,8 м), жизнь началась преимущественно в начале XII в.

В культурном слое X—XI вв. содержались строительные остатки и были найдены бусы-лимонки, двучастные проволоки, бронзовая подковообразная фибула с завернутыми концами и типичная для этого времени керамика. К этому же периоду относится скопление криц, железного шлака и кусков сильно пережженной глины у юго-западной стенки раскопа. Это, возможно, свидетельствует о том, что за пределами раскопа был железоплавильный горн.

В юго-западной части раскопа слой X—XI вв. был исследован до материка. Здесь открыты остатки постройки, лежавшие почти на материке (на глубине 1,2—1,4 м). От нее сохранились развал каменной печи и угольный слой от сгоревшего пола. Постройку датирует керамика конца X— начала XI в.

Материк на исследованном участке прорезан ямами различных размеров и глубины. Две из них, удлиненной формы со столбовыми ямками по краям, представляют собой несомненно остатки хозяйственных сооружений.

Постройки и строительные остатки на втором раскопе были прорезаны погребениями. Всего найдено 65 костяков. Они лежали в вытянутом положении, головой на запад и юго-запад. В ряде случаев уцелели остатки гробов. Обращает на себя внимание большое количество детских костяков. Дважды были обнаружены парные погребения. Вещей при костяках не было, лишь в одном случае в женском погребении найдены ожерелье из бисера, бронзовые бляшки и обрывки ткани. Погребения были впущены в культурный слой XII в. и относились, таким образом, ко времени не ранее второй половины XII в. Отдельные костяки были древнее, так как лежали под строительными остатками XII в., в культурном слое XI в. Одно из таких погребений прорезало материк.

В итоге работ 1965—1966 гг. на территории окольного города древнего Новогрудка открыто более 80 костяков XI—XIII вв. До окончания раскопок трудно сказать, что представлял собой данный могильник, возникший на городской территории.

IV. ЛИТОВСКАЯ ССР

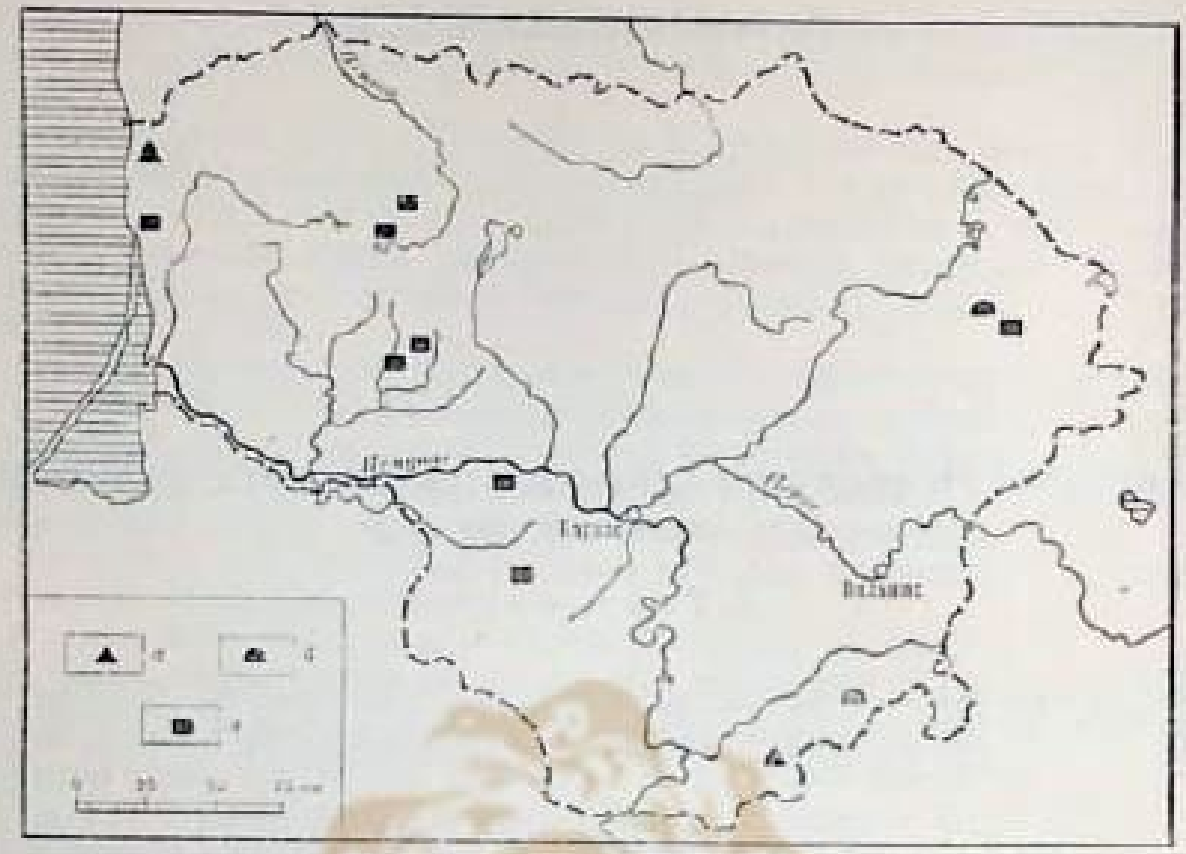
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН ЛИТОВСКОЙ ССР

А. Тautавичюс

Неолитические стоянки исследовала Р. Римантене. Первая находится в богатом дюнными стоянками Варенском районе, на берегу речки Ула, около Линупис. На глубине 35—50 см был обнаружен культурный слой толщиной в 5—20 см, а в некоторых местах в белом песке под культурным слоем встречались еще отдельные кремневые мезолитические изделия (скребки, резцы и т. д.). В культурном слое найдены сердцевидные наконечники стрел, наконечники копий, частично отшлифованный топорик, а также немногочисленные мелкие фрагменты керамики, часть которых имеет веревочный орнамент и украшена штампами. На исследованном участке найдено четыре очага. Стоянка датируется концом III — началом II тысячелетия до н. э.

В окрестностях этой стоянки обследовано еще 17 стоянок.

Во время мелиорационных работ в болотах недалеко от берега Балтийского моря, южнее местечка Швентойи, найдены следы стоянок каменного века. Культурный слой мощностью 10—15 см обнаружен под слоем торфа на глубине 60—80 см. В нем встречались куски углей, крупные кости рыб, кости птиц и животных, мелкие обломки керамики, куски янтаря и янтарные изделия, а также немногочисленные кремневые изделия. Глиняные черепки принадлежат сосудам с незначительно профилированными стенками, некоторые сосуды остродонные. Большинство черепков не имеет орнамента, поверхность их гладкая или слегка штрихованная. Орнамент составляют разные оттиски, и только один обломок керамики украшен веревочными оттисками. Немногочисленные кремневые изделия сделаны из кремня плохого качества. В большинстве это сердцевидные наконечники стрел и скребки. Найдены янтарные полуфабрикаты, готовые изделия и их фрагменты. Это в основном круглые шлифованные пуговицы с V-образными отверстиями, трапециевидные



Литовская ССР. Археологические памятники, исследованные в 1966 г.

а — неолитические стоянки; *б* — курганы; *в* — грунтовые могильники

подвески и цилиндрические бусы. Найдено также два фрагмента костяных наконечников.

Янтарные изделия в археологическом материале Литвы давно известны по кладам Йодкранте и Паланги. Стоянка Швентойи интересна в том отношении, что здесь они найдены в культурном слое вместе с керамикой и кремневыми изделиями конца III — начала II тысячелетия до н. э.

Курганы восточнолитовского типа исследованы около Пабаре Эйшишкского района (в совместной экспедиции с Вильнюсским историко-этнографическим музеем, руководитель О. Кунцене). В 1966 г. раскопано еще 15 из 56 сохранившихся курганов, некоторые из них частично разрушены кладоискателями. Курганы имеют песчаные насыпи, у подножия окружены продолговатыми ямами. Под насыпями находился тонкий слой песка, перемешанный с мелкими кусками угля. Восемь курганов оказались пустыми.

В кургане 10 были найдены три трупосожжения, два из них без погребального инвентаря. В третьем среди фрагментов сожженных костей находились два глиняных пряслица, бронзовая спираль и янтарные бусы.

В остальных шести курганах обнаружено по одному трупосожжению коня. В курганные насыпи закопаны только обгоревшие железные вещи: удила, стремена, серпы, а в одном кургане — железный цилиндрический колокольчик.

Исследованные курганы датируются X—XII вв.

Остатки трех разрушенных кладоискателями курганов исследованы около хутора Мартинишкес Зарасайского района (руководитель М. Михельбертас). Насыпи курганов сделаны из песка с небольшой примесью мелкого гравия. В основаниях курганов прослеживался тонкий слой белого песка, а над ним прослойка песка, перемешанного с мелкими углями. Погребения не сохранились. По устройству эти курганы следует отнести к IX—XII вв.

В дер. Жадавайняй (Утенский район) были проведены раскопки в поисках остатков грунтового могильника IV—V вв. Здесь в 20-х и 30-х годах нашего столетия при распашке поля были обнаружены несколько узколезвийных топоров, втульчатых наконечников копий, более 10 бронзовых височных колец, подковообразная фибула, украшенная эмалью, и ажурная украшенная эмалью цепь с прикрепленным к ней колокольчиком римского происхождения.

В 1966 г. вскрыта площадь 200 кв. м, однако лишь в распаханном слое почвы обнаружены обломки черепа и два бронзовых височных кольца. Не удалось установить, связаны ли они с грунтовым могильником или с разрушенными курганами.

В северной части Занеманья на предполагаемой ятвяжской земле исследованы два грунтовых могильника.

Каунасский исторический музей продолжал раскопки могильника в Пакальнишкяй Шакяйского района (руководитель Ю. Антанавичюс). Вскрыто 13 трупосожжений людей и 23 трупоположения коней.

Трупосожжения людей находились в отдельных ямах или в насыпях ям конских трупоположений (над ними). Большинство трупосожжений было без погребального инвентаря. В 13 трупосожжениях найдено всего пять вещей. Среди них имеется одна арбалетовидная бронзовая фибула с длинной ножкой, относящаяся к VI в. н. э. Это еще раз подтверждает установленный раскопками 1963 и 1964 гг. факт, что часть трупосожжений данного могильника относится к V—VI вв. В другом трупосожжении найдена серебряная подковообразная фибула с зооморфными головками и витой дужкой, типичная для XIII—XIV вв.

В конских погребениях встречались железные удила, стремена, пряжки, многочисленные бронзовые спирали, бубенчики, янтарные бусы. Датируются эти погребения X—XIV вв.

Могильник в Занеманье, в Няндриняй (Капсукский район), на правом берегу Шешупе, занимал довольно обширный холм, который в течение многих лет распахивался, часть могильника уничтожена пескокарьером. Здесь произведены раскопки (руководитель А. Меркевичюс).

В распаханном слое обнаружены фрагменты сожженных костей и подковообразных фибул, витых шейных гривен, бубенчик, шило, глиняное пряслице и другие вещи погребального инвентаря, указывающие на то, что здесь при распашке полей разрушены трупосожжения XI—XIII вв. В этом же слое встречались фрагменты керамики со штрихованной и шероховатой поверхностью, куски шлака. По-видимому, в I тысячелетии н. э. здесь находилось поселение.

На южной окраине холма обнаружено 31 погребение несожженных коней. В 17 из погребальных ям находилось по одному скелету коня, семь погребений двойных, пять — тройных, а в двух ямах найдено по четыре конских скелета. Погребальные ямы узкие, продолговатые, до 1,3 м глубиной, ориентированы с северо-запада на юго-восток. Кони в основном положены головой на юго-восток.

Инвентарь конских погребений немногочислен: железные удила, круглые или четырехугольные пряжки, остатки ремней от узды, покрытые бронзовыми пластинками.

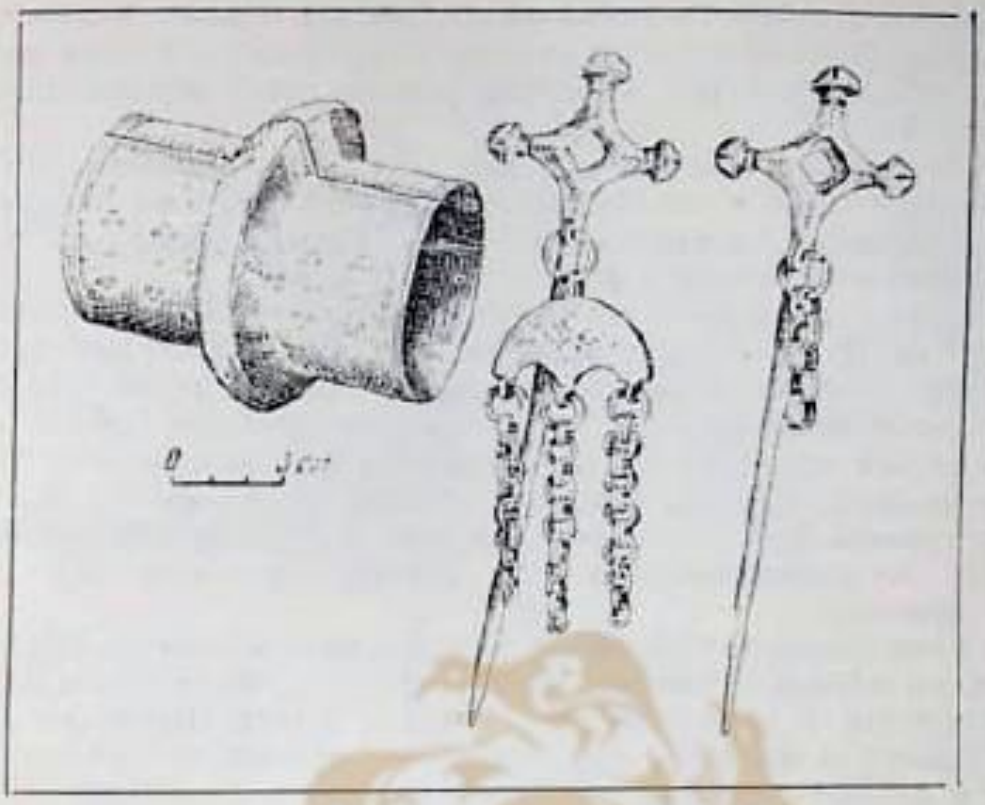
Могильник в Няндриняй — наиболее южный из всех до сих пор известных конских могильников на территории Литовской ССР.

В 1966 г. велись раскопки четырех могильников в Жемайтии (жмудь).

Тельшяйский краеведческий музей продолжал раскопки могильника в Мауджорай Кяльмеского района (руководитель В. Валатка). В 1966 г. здесь вскрыто 85 трупоположений V—VI вв., но почти 70% погребений оказались в значительной мере разрушены любительскими раскопками или кладоискателями. Собрано около 370 вещей: железные втульчатые топоры и наконечники копий, ножи, бронзовые спиральные и ленточные браслеты, перстни. Раскопки показали, что с V в. в женские погребения реже клали шейные гривны и ожерелья, но распространились головные венки из бронзовых спиралей и янтарные бусы. В мужских погребениях шейные гривны также редки. Часто встречаются железные посоховидные булавки. Арбалетовидные фибулы с подогнутой ножкой постепенно исчезают, распространяются фибулы с длинной ножкой.

Экспедиция совместно с Вильнюсским историко-этнографическим музеем исследовала жемайтский могильник в Паэжярис Шилальского района (руководитель А. Таутавичюс). Найдено 133 трупоположения VII—VIII вв. Костяки почти не сохранились. По погребальному инвентарю можно выделить 43 детских погребения, 35 женских, 42 мужских; принадлежность 13 еще остается не определенной.

Для женских погребений характерны железные шилья, каменные или керамические пряслица, ножи, головные уборы в виде узких лент с прикрепленными маленькими бронзовыми колечками по краям и крупными спиралями на затылке. Женская одежда застегивалась булавками. Встречались железные посоховидные булавки, бронзовые с колечкообразными головками, с раструбовидными головками, а также крестовидные, часть их которых имеет сквозную ромбическую прорезь в центре



Пажэряе. Браслет и булавки из погребения женщины

головки. Руки украшались крупными цилиндрическими браслетами с выпуклой поперечной гранью посредине. В женских погребениях шейные гривны отсутствовали, не было ожерелий из стеклянных бус, имелось лишь по одной маленькой янтарной бусинке около каждой булавки.

Женские украшения из этого могильника, а также из северной части Литвы, земгальских и латгальских памятников Латвийской ССР похожи. Это указывает на тесную связь между соседними жемайтскими и земгальскими племенами.

До сих пор считалось, что булавки с раструбовидными головками и крестовидные со сквозной ромбовидной прорезью в центре головки в основном относятся к V—VI вв., а цилиндрические браслеты датировались главным образом IX—X вв. Тот факт, что эти изделия найдены во многих погребениях вместе, заставляет изменить их хронологию. По-видимому, упомянутые булавки употреблялись не только в V—VI вв., но еще и в VII в., а может быть, даже и в VIII в., а цилиндрические браслеты были известны не только в IX—X вв., но и в VII—VIII вв.

В мужских погребениях встречались втульчатые (в двух погребениях и черешковые) наконечники копий, ножи, короткие широкие мечи, иногда втульчатые железные топоры, удила. Украшения немногочисленны. Это железные посоховидные булавки, арбалетовидные фибулы, спираль-

ные перстни, а иногда и спиральный браслет. Только в одном погребении найдена шейная гривна с седловидным концом. В двух погребениях к фибулам цепочкой или кожаным ремнем были прикреплены бронзовые пинцеты.

В 14 мужских и в одном детском погребении найдены символически похороненные кони: в одной стороне погребальной ямы, несколько выше останков человека, лежал конский череп. Иногда около него находились еще бронзовые подвески в виде кленовых семян.

На другом месте этого же могильника вскрыто 14 трупоположений XV—XVI вв. В мужских погребениях еще имеются втульчатые наконечники копий, проушные широколезвийные топоры, ножи. На дне одной погребальной ямы около гроба мужчины лежал череп собаки или волка.

В женских погребениях этого периода еще встречаются подковообразные фибулы, крупные круглые пряжки из бронзовой жести, витые шейные гривны, бубенчики, многочисленные бронзовые перстни, а также подвески из окованных звериных когтей, бронзовые ключики, ножи, иногда пряслица.

Эти находки свидетельствуют о сохранности языческих традиций в погребальном обряде и материальной культуре в Жемайтии в XV—XVI вв.

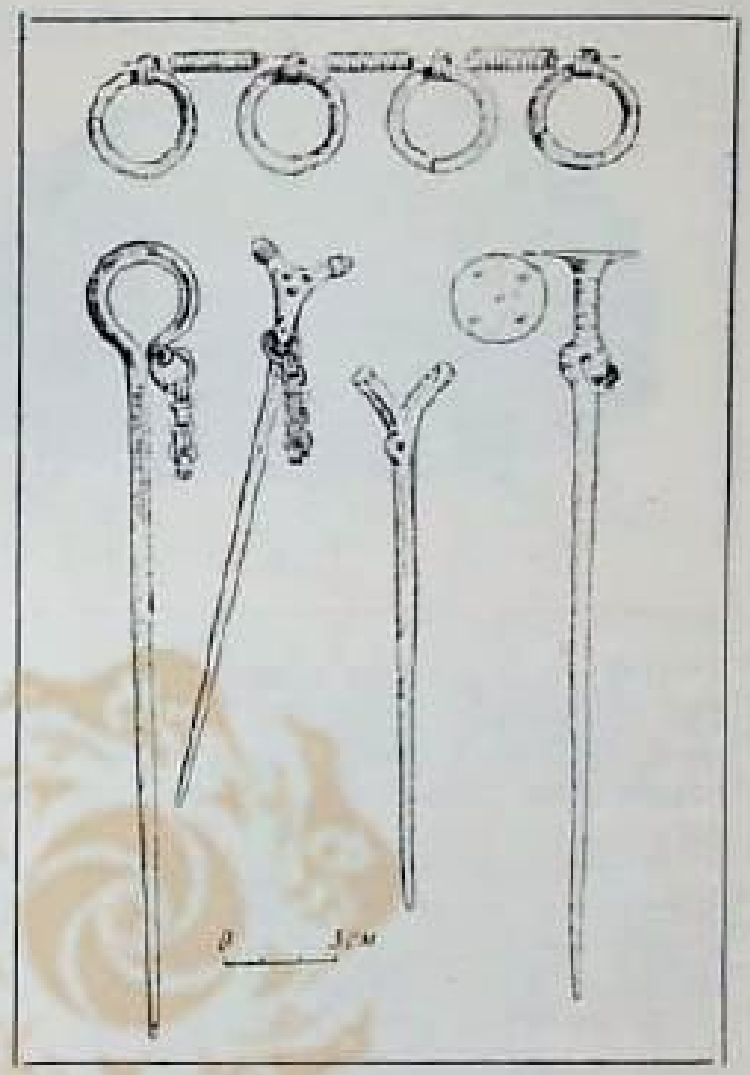
Исследован и грунтовый могильник в Упине (Шилальский район), где на площади 500 кв. м вскрыто 106 погребений X—XI вв. Среди них одно — с трупосожжением без погребального инвентаря. В могилах с трупоположениями сохранились только следы некоторых костей и погребальный инвентарь.

По погребальному инвентарю 46 погребений следует считать мужскими, 31 — женскими, 22 — детскими, остальные не определены.

В мужских погребениях найдено около 70 втульчатых наконечников копий, часть которых имеет втулки с нарезным орнаментом (их следует считать скандинавскими). Двое мужчин захоронены с двулезвийными мечами, а в одном погребении найдены два втульчатых наконечника стрел. Кроме того, в мужских погребениях часто встречались крупные железные ножи с украшенными бронзой деревянными рукоятками, ремни, окованные бронзовыми пластинками, иногда удила, одиночные шпоры.

В мужских погребениях жемайтов X—XI вв. много украшений. Часто встречались витые шейные гривны, концы которых заходят друг за друга и имеют небольшие петли, многоугольные или конусовидные головки. Найдены подковообразные фибулы с цилиндрическими и многоугольными, реже — зооморфными головками, спиральные перстни, а иногда и браслеты.

В семи мужских погребениях прослеживались символические захоронения коней: выше мужского черепа лежал конский череп. Это свидетельствует о том, что обряд символического захоронения коней, возникший в юго-западной части Жемайтии в VII—VIII вв., сохранялся еще и в X—XI вв.

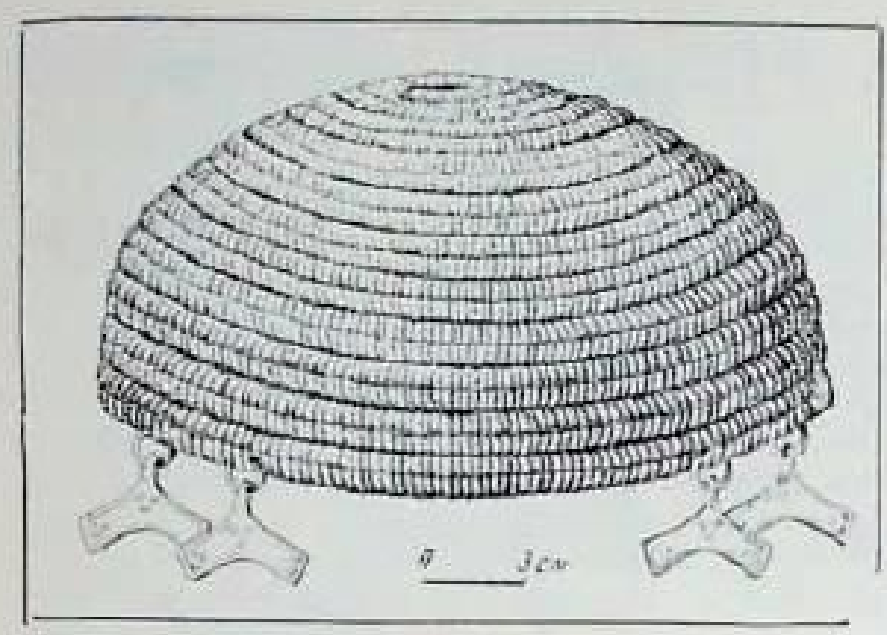


Упина. Часть ожерелья и булавки из погребений женщин

В женских погребениях встречались лишь шилья, ножи, пряслица и бронзовые украшения, такие же шейные гривны, ожерелья из бронзовых спиралей и подвесок в виде колец. Часто попадались также спиральные перстни и браслеты. Для женских погребений характерны не фибулы, а две или четыре булавки. Преобладали крестовидные булавки, головки которых украшены пятью конусиками, и булавки в виде гвоздя с круглой широкой шляпкой, реже встречались посоховидные булавки и булавки с треугольной головкой. Около булавок находили отдельные мелкие янтарные бусы.

В более богатых женских погребениях сохранились остатки шапочек из толстых ниток, целиком покрытых нанизанными бронзовыми колечками, край их украшен подвесками.

Могильник Упина показывает, что в материальной культуре жемайтов X—XI вв. еще сохраняются старые связи с культурой земгалов и латгалов, но одновременно сильно возрастает влияние соседних скальвов и куршей.



Упина.
Шапочка из погребения женщины
Реконструкция

В Шлапгирис (Кяльмеский район) вскрыто 20 трупоположений XV—XVI вв. (руководитель В. Урбанавичюс). В погребальном обряде еще господствовали языческие верования. В некоторых погребениях у ног покойников сохранились кости птиц, видимо остатки пищи. В других погребениях около костяка поставлены глиняные горшки с углями.

В женских погребениях найдены пряслица, ножи, круглые большие пряжки из жести, подковообразные фибулы с многоугольными и зооморфными головками, подвески из звериных когтей, витые шейные гривны, многочисленные бронзовые перстни.

В мужских погребениях еще имеются проушные широколезвийные топоры, ножи, втульчатые наконечники копий, пряжки, перстни.

Материалы этого могильника показывают, что в XV—XVI вв. употреблялся целый ряд украшений, известных с X—XII вв.

Кафедра археологии и этнографии Вильнюсского государственного университета вместе с Институтом истории АН Литовской ССР исследовали могильник в Гиркаляй (Клайпедский район, руководители П. и Р. Куликаускасы). Здесь, недалеко от берега Балтийского моря, вскрыто 54 трупоположений IX—XI вв. и трупосожжений X—XIII вв. Погребальный обряд не отличался от погребального обряда на исследованных до сих пор могильниках побережья Балтийского моря и северо-западной Литвы — Лайвяй, Паланга, Пришмончяй и др.

В погребениях найдено много разных вещей: наконечники копий, боевые ножи, топоры; семь мужчин захоронены с мечами. Очень много здесь разных бронзовых украшений, особенно витых шейных гривен, подковообразных фибул с цилиндрическими, многоугольными, маковидными, зооморфными и звездчатыми головками, браслетов с зооморфными концами. Часть этих украшений прекрасно орнаментирована. Кроме того, в женских погребениях найдено много янтарных и стеклянных бус.

V. ЛАТВИЙСКАЯ ССР

РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА РИЖСКОЙ ГЭС

В. А. Ургал, Я. Я. Граудонис, Э. Д. Шнорс, Э. С. Мугуревич, А. Зариня

Раскопки в зоне будущего водохранилища проводил Институт истории АН Латвийской ССР. На левом берегу р. Даугавы, в 22 км к юго-востоку от г. Риги, находится Даугмальское городище, а у его подножия — древний город и древняя гавань. В 1966 г. на городище и в древнем городе найдено более 2 тыс. предметов и около 40 тыс. единиц керамики.

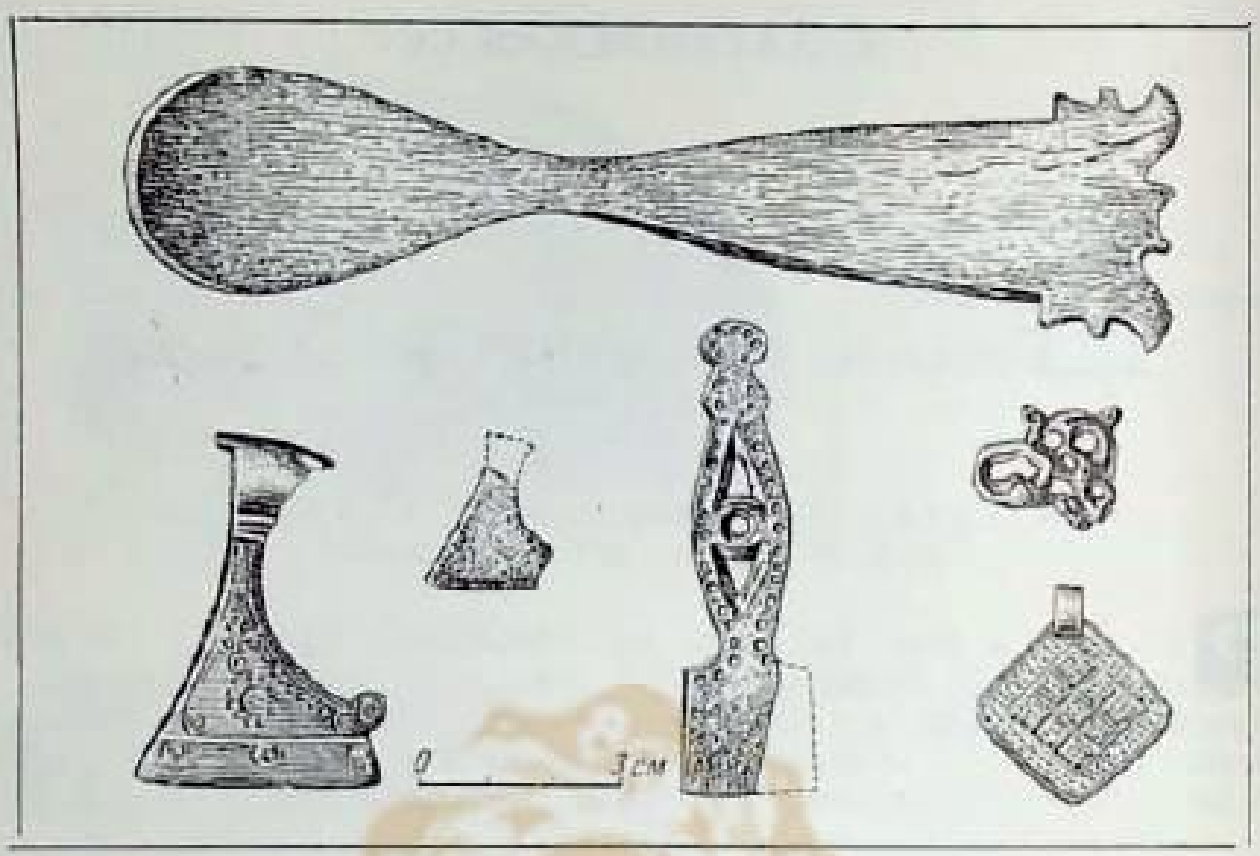
Раскопками 1966 г. вскрыто 13 построек, среди них двукамерный жилой дом с погребом (XI—XII вв.), внутри которого хранились свинина, рыба, лубяной короб. Жилые дома — курные избы из сосновых бревен с каменными или глинобитными печами. Две постройки с очагами посредине имели круглую форму. Большинство домов углублено в землю на 20—40 см. Многие из них погибли от пожаров.

Даугмале являлась важнейшим центром транзитной торговли X—XII вв., так как даугавский путь в этом месте пересекался сухопутной дорогой из Литвы в северную Латвию и Эстонию или Псков. Здесь найдено много заклепок от ладей, гирек, деталей весов, импортных вещей: западноевропейские монеты и украшения, янтарь, серебро, бронза, шифер, арабские дирхемы, русские шиферные пряслица и украшения, крестики, стеклянные бусы.

Удалось вскрыть ювелирную мастерскую XI в. с печью, тиглями, каменной литейной формочкой, бронзовыми и серебряными обрезками и изделиями. Напильники, молоточки, пинцеты, зубила найдены и вне мастерской.

Обнаружена гончарная печь начала XII в. и гончарная посуда со знаками владельцев на днищах.

Недалеко от центра городища найдена мукомольня XI—XII вв. с двумя жерновами, которые были укреплены над выдолбленным корытом. Вокруг много сгоревшего зерна. Зерно обнаружено и в жилых домах около печей.



Даугмале. Вещи XI—XII вв.

В избах имелись скопления глиняных дисков с отверстием: это привески от вертикальных ткацких станков.

Из отдельных вещей заслуживают внимания фигурная ложка из рога, бронзовый и янтарный миниатюрные топорики, изящные костяные лопаточки для косметики, бронзовая ажурная фибула в виде сидящей рыси или кошки, серебряные привески, пряслице из коралла, орнаментированная бронзовая блесна.

Первые жители на территории городища поселились во второй половине II тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют кремневые изделия, каменные топоры и бронзовый серп. Более интенсивно жизнь протекала здесь в начале и середине I тысячелетия н. э. Городище и древний город погибли от пожара в конце XII в. Особенно много находок в слоях XI—XII вв. Судя по вещевому материалу, городище и селище до X в. принадлежали земгалам; среди вещей XI—XII вв. преобладают ливские.

* * *

Укрепленное поселение Кивуткалнс на территории Катлакалиского сельсовета Рижского района расположено на крутом северном берегу острова Доле, на краю древней долины в низовьях р. Даугавы. Толщина культурного слоя 1,6—3 м.

Раскопками выяснено, что густо застроенную площадку опоясывал мощный оборонительный вал. Внутри вала обнаружены построенные из дерева и глины камеры и параллельные ряды камней, засыпанные песком. Вал и прилегающие к нему склоны городища покрыты глиной.

Особенно тщательно сооружена оборонительная система с северной стороны. Пологий склон холма здесь укреплен слоями дерева и глины, засыпанными песком. С внутренней стороны склона эти конструкции поддерживались столбами. Внешняя сторона вала высотой от 0,6 до 1,7 м обложена камнями, а каменная кладка и искусственно поднятая часть склона покрыты глиной. Вход в укрепленное поселение был с северо-западной стороны, где обнаружены дополнительные укрепления.

На городище найдены около 1600 предметов из камня (топоры, зернотерки, шлифовальники), кремня (скребки, резцы), кости и рога (топоры, долота, шилья, булавки, наконечники дротиков и стрел и др.), бронзы (шилья, украшения), 30 тыс. черепков глиняных сосудов, зерно, кости животных. Жители городища занимались скотоводством, земледелием, а также рыболовством и охотой. Памятник относится к I тысячелетию до н. э.

Обнаружены следы четырехугольных наземных построек и открытых очагов. Удалось найти место мастерской по обработке кости и рога, установить местную обработку янтаря. Особенно важны многочисленные доказательства обработки бронзы: тигли, литейные формы, отходы литья. На поселении изготовлялись бронзовые украшения, наконечники копий и топоры, например топоры меларского типа.

Бронза, янтарь и кремень привозились. Кивуткалнс был важным центром обработки бронзы и местом оживленного обмена. Именно этим объясняется то, что сравнительно небольшая площадка поселения обнесена таким мощным оборонительным валом.

Штрихованная керамика указывает на то, что в I тысячелетии до н. э. жители Кивуткалниса принадлежали к балтской этнической группе.

* * *

Раскопки в верхней, восточной части острова Доле, на территории с. Вампенишки, выявили два крупных могильника раннефеодального периода. В первом, грунтовом могильнике вскрыто 60 погребений, в расположенном в 300 м от него курганном (насыпи которого уничтожены вспашкой) — 49 погребений. В обоих могильниках встречались как трупоположения (численно преобладавшие), так и трупосожжения. Трупосожжения погребены в неглубоких ямках. Глубина залегания костяков 0,7—1,2 м. Погребения ориентированы с северо-запада на юго-восток.

Вещи из женских погребений грунтового могильника IX—XII вв. характерны для ливов. Это нагрудное украшение из черепаховидных фибул, цеподержателей и длинных, свисающих к поясу цепочек, шейные

Вампенишки.
Черепахообразная фибула

гривны, бусы, браслеты, перстни и нож в окованных бронзой ножнах. Кроме маленьких фибул ливской работы, найдены импортированные из Скандинавии экземпляры с зооморфным орнаментом.

В инвентаре мужских погребений обычны одно или несколько копий, топор, нож, реже меч. Один из мечей с надписью на клинке «Ulfberht» привезен из Западной Европы. В двух мужских погребениях обнаружены остатки щита — железные умбоны.

В курганном могильнике XI—XIII вв. нагрудные женские цепочки прикреплены к булавкам (крестовидным, треугольным с ажурной верхней частью). Часты бусы и монетные привески.

В грунтовом могильнике неоднократно встречались остатки ритуальных кострищ. В ряде погребений обнаружена скорлупа от куриных яиц.

Даугавские либы более, чем гауйенские, подвергались влиянию соседящих с ними латышских народностей — земгалов, куршей, латгалов. Вместе с одновременно исследовавшимся христианским ливским кладбищем на острове Мартыньсала эти могильники помогают выяснению древнего этнического облика населения местности, непосредственно граничащей с г. Ригой.

* * *

Селище Мартыньсала находится на маленьком острове (около 25 га) в середине р. Даугавы у Саласпилса Рижского района. В Ливонской хронике Генриха Латвийского (конец XII — начало XIII в.) это место

упоминается под названием Гольм и характеризуется как одно из важнейших политических и экономических центров придаугавских ливов. Остров Мартыньсала из-за стратегически выгодного положения занимал важное место в захватнических планах немецких крестоносцев конца XII в. В это время на острове были построены каменный замок и церковь, которые являются одними из древнейших военных и сакральных сооружений в Прибалтике.

Селище Мартыньсала занимает всю возвышенную часть острова (около 10 га). Толщина культурного слоя 0,2—1 м. Раскопками 1966 г. исследовано несколько построек, углубленных в материк, и свыше 40 очагов.

Преобладают очаги, выложенные камнями, округлые в плане. Большинство очагов с жилищами не связано и было, очевидно, открытого типа.

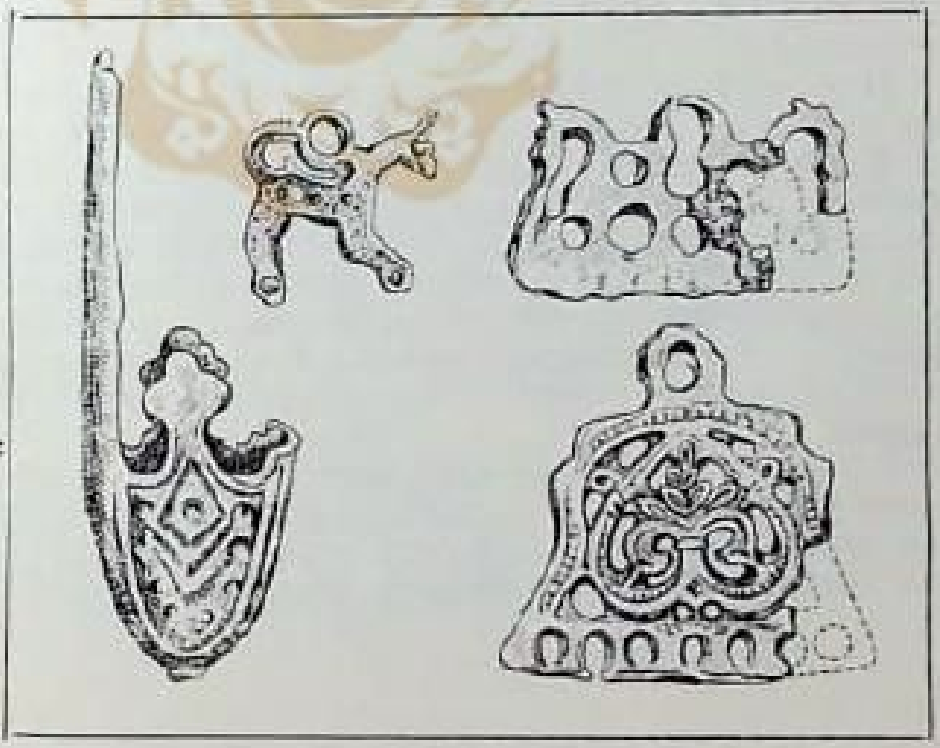
Недалеко от жилищ и очагов обнаружены хозяйственные ямы с отлогими стенами.

На протяжении 100 м прослежен земляной вал, защищавший остров с юго-востока. Таким образом, одну часть острова можно рассматривать как древнее городище.

Важнейшее место в экономике жителей селища занимали скотоводство и рыболовство.

На селище обрабатывали бронзу, из местной болотной руды добывали железо. Исследована мастерская бронзолитейщика.

Географически выгодное расположение острова Мартыньсала на большом торговом пути Даугавы способствовало развитию здесь



Мартыньсала. Бронзовые вещи XII—XIII вв., найденные на селище

торговли. Найдены куршские (браслет, шейная гривна), земгальские (подвески), водские (браслеты), скандинавские (цепочка), древнерусские (подвески, лунница, крестики, стеклянные бусы и пряслице из розового шифера) изделия.

Судя по найденным предметам (свыше 1000 экз.) и гончарной керамике (около 12 тыс. черепков), расцвет селища относится к XII—XIII вв., но обнаружены как более ранние, так и более поздние вещи.

У церкви Мартыньсала исследован могильник конца XII—XVII в. Раскопана западная часть могильника, где вскрыто свыше 1000 погребений с 900 различными предметами быта и украшений. Число погребений дает право считать этот могильник самым крупным в Латвии.

Погребения располагались очень скученно — в три-четыре слоя, вследствие чего много потревоженных могил.

До прихода крестоносцев местные жители — ливы — соблюдали свои языческие погребальные традиции. Умерших хоронили в богатых праздничных нарядах с украшениями, оружием и различными предметами быта.

Под влиянием христианской веры погребальный обряд резко изменился: всех умерших обращали головой на запад, уменьшилось число могильного инвентаря, ухудшилось качество вещей.

В некоторых более ранних погребениях (конец XII—XIV в.), особенно в женских, обнаружены богатые бронзовые украшения с бронзовыми или оловянными подвесками, ожерелья из стеклянных бус и раковин каури, широкие щитовидные перстни, фибулы и даже браслеты. К фибулам нередко прикреплены цепочки, концы которых украшают типичные для ливов бронзовые ажурные подвески в виде стилизованных животных.

Наряду с местными подковообразными фибулами встречались и изготовленные под влиянием запада круглые фибулы.

В погребениях XV—XVI вв. имелись главным образом фибулы, служившие для закрепления одежды, подвески-амулеты (колокольчики, медвежий коготь). Игнорируя требования христианского вероисповедания и соблюдая свои дохристианские традиции, местные жители клали в могилу орудия труда и предметы домашнего обихода: ножи, костяные иглохранители с иглами и нитками и т. д. Оружие встречалось редко. В некоторых погребениях найдены монеты, чеканенные немецкими феодалами.

По инвентарю захоронений видно, что здесь погребены главным образом местные жители — ливы, но встречались и погребения куршей, земгалов и латгалов. Подробнее эти вопросы будут изучены на основании богатого краниологического материала могильника.

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ КАМЕННОГО ВЕКА ЗВЕЙНИЕКИ

Ф. Загорскис

В 1966 г. Институтом истории АН Латвийской ССР были продолжены исследования могильника Звейниеки, расположенного на невысоком гравийном холме на северном берегу оз. Буртниеки, у устья р. Руя. Раскопки проводились на центральной части могильника, сильно разрушенного хозяйственными ямами и перекопами.

Обнаружено 57 погребений каменного века, из них 20 — детских, и два удлиненных углубления с черной землей (возможно, могильные ямы). 43 погребения были засыпаны красной охрой, остальные — черной или коричневатой землей.

Костяки лежали главным образом в могильных ямах глубиной 0,3—0,5 м, в вытянутом положении на спине, и только два — на животе и один — в скорченном положении. Положение скелетов свидетельствует, что значительное число умерших было при захоронении завернуто и связано. Обнаружены одиночные, одно тройное и два парных захоронения.

Ориентировка погребенных разная, но выделяются в основном два направления: головой на юг, иногда с отклонением к западу или востоку (37 погребений), и на север, иногда с отклонением к востоку (10 погребений). Четыре покойника были ориентированы головой на восток и не были засыпаны охрой, два — на восток с отклонением к северу и два — на запад, остальные не поддались определению.

Инвентарь погребений весьма однообразен. Преобладали разные подвески из зубов кабана, лося, тура, дикой лошади, куницы, косточек бобра, птиц, фаланг копытных животных. У черепа одного погребения найдены панцири черепах. Подвески найдены в 21 погребении. В одном захоронении матери с ребенком 5—6 лет было обнаружено 340 подвесок. Из других изделий найдены: каменная фигурка человека или животного, костяная фигурка животного, нож из клыка кабана, фрагменты костяных наконечников копий или дротиков, шилья, микролитические кремневые изделия — пластинки, резцы, скребки, отщепы, а также кварц.

Форма костяных и кремневых изделий, найденных при погребениях, засыпанных охрой, свидетельствует, что эти погребения относятся к позднему мезолиту или к раннему неолиту, но некоторые погребения без охры, особенно ориентированные на восток, возможно, относятся к неолиту. Для более точной датировки необходимы радиокарбонные анализы. При раскопках собран также краниологический материал.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛУБАНСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

И. Лозе

Стоянка Лагажа является первым на территории Латвии памятником, свидетельствующим о знакомстве местного населения с бронзой. Материалы раскопок, проведенных Институтом истории АН Латвийской ССР, разрешают выделить два периода обитания стоянки: один относится к позднеэнеолитическому времени, другой — к раннему бронзовому веку.

Благодаря сохранению дерева на стоянке прослежены остатки жилых сооружений столбовой конструкции. Планировка сооружений, имеющих большей частью прямоугольные очертания, прослеживалась в основном по остаткам вбитых в землю столбов, кольев, округлых ям от столбов, врезавшихся в материковый грунт. Местами на жилой площади стоянки прослежены завалы из кольев с заостренными концами, плоских деревянных плах и столбов с аккуратно обтесанными нижними концами.

Керамика стоянки представлена двумя комплексами. Один из них, неолитического характера, состоит из ранней текстильной и пористой по массе керамики, покрытой отпечатками гребенки, перевитого шнура, редкими ямками и линейными вдавлениями. Другой, более поздний, характеризуется текстильной керамикой, имеющей примесь дресвы в тесте, и грубой мелкозернистой керамикой, украшенной широкими шнуровыми оттисками, линейными и гребенчатыми вдавлениями. Обнаруженные на стоянке фрагменты тигельков с остатками крупиц бронзы внутри связываются со вторым комплексом керамики, что позволяет его отнести к эпохе ранней бронзы.

На стоянке найдены кремневые наконечники преимущественно треугольной формы, продолговатые и округлые скребки, ножи, костяные наконечники, гарпуны, кинжалы, роговые долота. Особенно широко распространены сланцевые долота, свидетельствующие о высокой технике деревообработки того времени. Каменные топоры со сверлинами (найденные во фрагментах) представлены поздними формами. Среди янтарных изделий преобладали подвески, пуговицы с V-образно просверленными отверстиями и цилиндрические пронизки. На стоянке обнаружена тонкая фигурно вырезанная костяная пластинка, украшенная нарезным орнаментом, состоящим из четырех отдельно расположенных двойных полукругов. Предмет не находит себе близких аналогий среди образцов искусства Восточной Прибалтики и смежных с нею территорий.

Памятник предварительно датируется серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ЗАМКЕ КОКНЕСЕ

А. Стубавс

В 1966 г. закончились шестисезонные археологические исследования Института истории АН Латвийской ССР на месте за́мка Кокнесе на правом берегу Даугавы, в 100 км от Риги. На территории городища, в предградье и в древнем городе на 11 раскопочных площадях исследован культурный слой мощностью 4—7 м. Добыто 7549 инвентарных единиц — предметы быта и монеты (не считая групповых находок), много керамики и пр.

Памятник имеет четыре слоя. Первый, нижний слой относится к периоду укрепленного поселения Кокнесе со штрихованной керамикой и предметами из камня, кремня и кости (конец I тысячелетия до н. э.— начало нашей эры). Второй слой относится ко времени образования классового общества, когда укрепление городища было усилено (с середины I тысячелетия н. э. до X в.). Третий слой относится к периоду раннего феодализма (X—XI — начало XIII в.). Здесь найдено больше всего вещей и остатков построек. Архитектура и вещи свидетельствуют об этнически смешанном составе населения городища с XI в. Кроме коренных жителей — латгалов и селов, в за́мке Кокнесе жили также и русские.

О начале XIII в., когда Кокнесе являлась центром небольшого княжества, имеются сведения в Хронике Ливонии Генриха Латвийского. После конфликта с крестоносцами правитель Кокнесе Ветеке (в русских источниках — Вячко) в 1208 г. сжег свой деревянный за́мок и вместе с русской дружиной ушел на Русь. Вячко пал в Тарту (в Юрьеве) в 1224 г. Последний, четвертый слой относится к периоду каменного за́мка Кокнесе (1209—1701 гг.). Укрепления за́мка взорваны в начале Северной войны и впоследствии больше не восстанавливались. Раскопки 1966 г. относительно точно выявили шестикратную перестройку за́мка и постепенное развитие оборонительной системы этого последнего периода. Исследована также и круглая башня за́мка на берегу Даугавы. В башне обнаружен монетный клад конца XVII в. (четыре золотые монеты, 53 серебряные, серебряный перстень). Владелец клада был коллекционером, так как все монеты, за исключением двух, различны по месту и времени чеканки (одна венгерская золотая монета 1550 г.).

К XII в. относится небольшая часть овальной постройки, перекрытая позднейшими каменными постройками. Она резко отличается от прочих построек этого периода тщательно сложенным каменным фундаментом, доломитным настилом пола и каменными ступенями. Возможно, что вскрытая часть служила входом. Поблизости обнаружен массивный фрагмент нижнего края бронзового церковного колокола. По-видимому,

здесь находилась православная церковь XII в., от которой сохранилась лишь небольшая часть постройки.

В прочем материале XI — начала XIII в. много украшений, имеются орудия труда, утварь и оружие как местного изготовления, так и импортное. Последнее свидетельствует об оживленных экономических связях Кокнесе, главным образом в восточном направлении. Редкой находкой является куклеус арбалета XII в., так называемый орех. Среди древностей представлены также и некоторые деревянные предметы, в том числе детали ткацкого станка блочного типа XII в. Массивный деревянный предмет с ручкой и выемкой с одной стороны аналогичен приспособлению, употребляемому в XX в. на речных переправах для натягивания каната парома. Возможно, что у Кокнесе в XII в. действовал паром, способствовавший сообщению с левым берегом Даугавы.

Кокнесский за́мок, в особенности с начала XI в., когда увеличиваются его связи с Русью, был одним из сильнейших укреплений на Даугаве и позволял контролировать этот важный водный путь.

VI. МОЛДАВСКАЯ ССР

ПРУТСКО-ДНЕСТРОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Г. Б. Федоров

Перед экспедицией в 1966 г. стояли две задачи: проведение разведок в районе строительства Костештской ГЭС на р. Прут и продолжение раскопок средневековых поселений и могильников. Выполняя первую задачу, отряд разведки (руководитель П. П. Бырня) по левому берегу р. Прут и его притокам в зоне затопления открыл ряд археологических памятников: 23 палеолитических, 22 трипольских, 18 эпохи бронзы, 1 фракийского гальштатта, 4 гетских, 10 славянских, 36 молдавских, 6 могильников (1 черняховский, остальные средневековые).

Отряд балкано-дунайской культуры (руководитель Г. Ф. Чеботаренко) продолжал раскопки городища Калфа (Бендерский район), во время которых изучены оборонительные сооружения, открыты новые полуземлянки и производственные комплексы. Найдены керамика и другие изделия южнославянского облика.

Отряд раннеславянской археологии (руководитель И. А. Рафалович) продолжал раскопки славянских поселений VI—VII вв. в Котовском районе. На поселении у с. Ханска открыты две полуземлянки, найдено много керамики, а также бронзовая посеребренная антропоморфная фибула VII в. (жилище 2), железный серп, ложкарь, керамические фигурки животных, модель седла, железные ножи. На селище у с. Реча также открыты две полуземлянки с керамикой и вещами. Из лепных сосудов интересны крупные биконической формы горшки пеньковского типа с подчеркнуто острым ребром изгиба.

Отряд молдавской археологии (руководитель П. П. Бырня) продолжал раскопки у с. Перерыта Бричанского района (бассейн р. Прут). В урочище Замка у с. Перерыта открыты остатки поселений различных эпох (трипольской культуры, эпохи бронзы), а также средневековый гончарный горн со славянской керамикой, отличающейся, однако, и от восточнославянской, или древнерусской (Екимауцы, Алчедар), и от южнославянской, или балкано-дунайской (Калфа, Ханска). На молдавском

поселении XVI—XVII вв. обнаружены остатки наземных жилищ с изразцовыми печами, обломок серпа, железные ножи, наконечник заступа, керамика и т. п. В находящемся поблизости могильнике вскрыто 22 погребения, совершенных по христианскому обряду. Почти все погребения безынвентарные. Здесь обнаружены пастовые бусы и медная монета 1705 г.

В урочище Пе Шес на раннеславянском поселении открыты две квадратные в плане полуземлянки с печами-каменками. В заполнении найдены раздавленные лепные горшки, железные ножи, в том числе нож с волютообразным навершием VII в. н. э., костяные проколки.

На стоянке бронзового века между селами Перерыта и Слободка открыто два жилища с очагами, собраны остеологический материал, керамика, костяные наконечники стрел, украшения, проколки, кремневые отщепы, отбойники, бронзовые проколки с кольцевым навершием, спиральные украшения. Судя по керамике и бронзовым изделиям, поселение относится к XIV—XII вв. до н. э.

VII. КАЗАХСКАЯ ССР

ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

К. А. Ахишев

Центральноказахстанская экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР под руководством А. Х. Маргулана в составе трех отрядов проводила раскопки в Карагандинской, Кокчетавской и Павлодарской областях.

В течение последних лет Чаглинский отряд (руководитель А. М. Оразбаев) производил раскопки поселения эпохи бронзы Чаглинка. Поселение находится в Красноармейском районе Кокчетавской обл., в 3 км к югу от с. Октябрьское, на правом берегу р. Чаглинки. Здесь в жилище 3 четырехугольной формы вдоль стен были видны следы от столбов и остатки сгнившего дерева. На полу находились обломки семи раздавленных горшков. Расчищено два очага, сложенных из небольших камней. Найдены каменные и костяные орудия: мотыга, песты, рудодробилки, трепало, тупики, проколки и кремневые и костяные наконечники стрел; изделия из бронзы: двуперые наконечники стрел, нож восточноказахстанского типа с прорезной ручкой, характерный для поздней бронзы Казахстана. При зачистке пола жилища обнаружены две глубокие ямы, одна из которых была, по-видимому, колодцем; на дне колодца сохранилась плетеная обшивка.

Жилище 4 также имело четырехугольную форму и было ориентировано с запада на восток. Вдоль его стен прослежены ямы от столбов. Жилище, очевидно, имело перегородку, на что указывали ямы от столбов, шедшие поперек жилища. В восточной части его находилось скопление золы, тут же лежали обломки керамики. Возможно, здесь лепили горшки и обжигали их на костре. На полу в западной половине обнаружены две ямы, одна из которых оказалась колодцем, а другая — очагом. В жилище найдено много керамики, кости животных и костяные орудия.

Жилище 14 в плане напоминало цифру 8, что указывало на двукамерность. В культурном слое найдены обломки глиняных горшков, кости

мелкого и крупного рогатого скота. В южной половине жилища обнаружено темное пятно — возможно, место очага. Жилище 9 имело форму овальной западины, ориентированной с запада на восток. Восточная его часть разрушена размывом берега во время весенних разливов р. Чаглинки. Со стороны обрыва четко вырисовывался поперечный профиль жилища. При раскопках найдены обломки глиняных сосудов, костяная проколка, позвонок рыбы (?), шлак, кости животных, каменный пест, трепало из челюсти коровы, каменная терка. В западной половине обнаружено темное золистое пятно — очевидно, место очага. Раскопки жилища будут завершены в следующем полевом сезоне.

Археологический материал, полученный при раскопках жилищ, позволяет полагать, что древние обитатели поселения Чаглинка в начале I тысячелетия до н. э. занимались скотоводством, мотыжным земледелием, ткачеством и металлургией.

В 0,5 км к северо-западу от поселения расположен могильник эпохи бронзы, состоящий из небольших земляных курганов. Под насыпью курганов на древнем горизонте имелись ограды из сланцевых плит, вкопанных ребром. Внутри находились грунтовые могильные ямы, иногда в яме встречался сруб в несколько венцов. Обряд захоронения — трупоположение. В погребениях, кроме скелета или отдельных костей человека, были обломки горшков, бронзовые бусы и бронзовые кинжалы с выемками по бокам.

Поселение и могильник относятся к замараевской культуре.

Курганный отряд (руководитель М. К. Кадырбаев) основное внимание уделил изучению малоизвестных памятников второй половины I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э.

Были проведены работы на могильнике Кызыл-кой, состоявшем из 18 курганов. Четко наблюдалась концентрация 15 земляных насыпей вокруг трех больших каменных курганов, вытянутых по длинной оси с севера на юг. Раскопано семь курганов, из них один большой — диаметром 36 м, высотой 2 м. Катакомбная камера большого кургана и большинство других погребений оказались ограбленными. Оставшиеся бронзовая прямоугольная пряжка с неподвижным язычком, роговая ворворка со спиралеобразными углублениями, окрашенными охрой, и золотая ребристая пронизь позволяют отнести исследованные курганы к концу I тысячелетия до н. э. Вызывает интерес впервые обнаруженное в Центральном Казахстане погребение юноши с игральными костями. Его скелет находился в грунтовой яме овальной формы, покрытой каменными плитами, и был обращен головой на северо-запад. 11 игральных костей — астрагалов лежали кучкой у левого локтевого сустава. Четыре из них сохранили следы красной краски.

При раскопках на могильнике Корган-тас был получен материал, относящийся к двум историческим периодам. Ранний период, соответствующий V—IV вв. до н. э., наиболее полно представлен погребением воина из кургана «с усами». Среди находок выделяются железный аки-

нак и золотая накладка с изображением тигра. Акинак, сохраняя традиционные формы сердцевидного перекрестия савроматских и южносибирских акинаков середины I тысячелетия до н. э., отличается формой навершия. Оно близко по форме усть-буконьскому навершию бронзового кинжала. На Алтае (Башадар) имеются аналогии и золотой бляшке с изображением тигра, туловище которого покрыто зигзагообразными линиями. Помимо этих предметов к раннему периоду относятся бронзовые трехгранные втульчатые наконечники стрел, двудырчатый бронзовый псалий, точильный камень, большое количество каменных бус и бисера из голубой пасты.

Ко второму периоду следует отнести три погребения, резко выделявшихся особенностями погребального обряда. В них северо-восточная часть грунтовой могильной ямы, за изголовьем погребенных, была отгорожена вертикально поставленной каменной плитой. Здесь лежали головы лошадей и баранов. Количество ритуальной пищи и видовой состав жертвенных животных в погребениях неодинаковы. Чаще всего это лошади и бараны, реже — козы и только в одном случае — крупный рогатый скот. Существенной особенностью ритуала является также положение на грудь погребенному лопатки лошади. Судя по набору железных трехперых черешковых наконечников стрел, эти погребения следует отнести к рубежу нашей эры. Из других вещей обращает на себя внимание бронзовая рамковидная пряжка, заключающая сильно стилизованную сцену нападения фантастического зверя на оленя. Кроме того, найдены бронзовые наременные бляхи, железные ножи с выделенной рукояткой, бусы из стекловидной массы синего цвета, поделки из трубчатых костей лошади и барана, подвески из золотой проволоки.

Следующим объектом работ являлся могильник Кара-оба, расположенный в 27 км от совхоза Аркалык у гор Эдрей. Могильник насчитывал 87 курганов с каменной и смешанной насыпями.

Большинство из них сгруппированы в две цепочки, вытянутые с севера на юг. Центральную часть могильника занимал большой курган «с усами», окруженный прямоугольной площадкой из одного ряда плашмя положенных каменных плит. Насыпи 15 исследованных курганов представляли собой естественный развал широких колец из мелкого камня. Могильные ямы грунтовые, овальной формы и перекрыты каменными плитами. Скелеты лежали в вытянутом положении головой на запад. Сопровождающий инвентарь невелик и состоит из бронзового зеркала с прямоугольным ушком по краю диска, каменного жертвенника овальной формы, костяной иглы и проколок.

Весьма интересным оказался курган, расположенный несколько особняком от раскопанной группы. Под каменной насыпью находились две грунтовые могилы, повторяющие вариант погребального обряда из Курган-таса. Оба погребенных лежали на спине, головой на северо-восток. Одинаковыми оказались инвентарь (железные трехперые черешковые наконечники стрел, ножи) и ритуальная пища у изголовья (головы

Кетмень. Погребение IV—VI вв. в могильнике Актас

лошадей и баранов). Однако юго-восточное погребение было совершено, как показывает стратиграфия, несколько позже основного. Причиной этого «незапланированного» погребения явилась гибель одного из воинов. На его черепе остались следы двух ран: первая на лобной, а вторая на теменной костях. Судя по пробоинам, орудие (возможно, чекан), которым был нанесен удар, имело прямоугольный стержень.

Джезказганский отряд (руководитель А. Х. Маргулан) раскопал большой, «царский», и несколько более мелких курганов саксского времени и произвел архитектурное изучение ряда мавзолеев, расположенных в северо-западной Бетпак-дале.

Семиреченская экспедиция (руководитель К. А. Акишев) в составе четырех отрядов провела разведки и раскопки памятников разных эпох в долинах рек Кегень, Талас и Арысь и в Алакульской впадине. Кегеньский отряд (руководитель К. А. Акишев) проводил свои работы в два этапа: 1) в долине р. Арысь в Южном Казахстане и 2) в долине р. Кегень в Восточном Семиречье.

В многочисленных ущельях южных склонов гор Кетмень (правобережье р. Кегень) был проведен последний полевой сезон, завершивший многолетние исследовательские работы. В четырех могильниках было раскопано 35 курганов и каменных оград, датируемых позднеусуньским временем (IV—VI вв. н. э.). Погребения совершались в грунтовых могилах, иногда с подбоем в северной стене, ориентированных длинной осью с запада на восток. Покойника хоронили в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Новым в изученных могильниках в отличие от

сотен курганов, раскопанных в разных районах Семиречья, является резкое увеличение числа глиняных сосудов, находившихся в одной могиле, и обнаружение ранее не известных погребений «на помосте». Вся глиняная посуда по форме, тесту и технике лепки аналогична известной сако-усуньской посуде Семиречья. Появились новой формы горшки с ломаным туловом и веревочным орнаментом, имитирующие кожаные сосуды. Думается, что эта особенность — явление хронологического порядка, так как сосуды описанной формы характерны для тюркского времени.

Погребения «на помосте» — новый тип могильного сооружения. Покойника клали на жерди, уложенные на две каменные плиты, помещенные на дне глубокой могильной ямы у поперечных стен. В момент захоронения, таким образом, труп лежал на помосте, возвышающемся над дном могилы. Сосуды с заупокойной пищей находились над помостом.

Происхождение погребения «на помосте» пока неясно, не исключено влияние пришлой (гуннской) культуры. Возможно, что прототипом помоста послужили погребальные носилки кенкольского типа.

В долине р. Арыси отрядом проводились работы по регистрации и топографическому изучению следов средневековой земледельческой культуры. Хотя и раньше предполагалось, что здесь имеются остатки ряда городов, однако работы привели к совершенно неожиданным результатам: на небольшом участке в 35—40 км по среднему течению реки от с. Обручевка до с. Чубар были обнаружены руины 25 укрепленных поселений, городов и сторожевых башен, относящихся к VI—XII вв. н. э.

Остатки средневековых сельских поселений и городов встречались на расстоянии 2—3 км один от другого в низкой пойме реки, т. е. на участках, куда можно было подводить воду для орошения полей и подавать ее для нужд жителей города.

На место некогда цветущих городов ныне указывают бугры высотой до 20 м. Такая высота свидетельствует о мощности культурных напластований, о многовековой толще остатков строительных конструкций.

Топография размещения сторожевых башен совершенно необычна. Они расположены на высокой террасе левого берега реки в 8—10 км одна от другой и все вместе составляют систему сторожевых укреплений, сигнализации и оповещения жителей городов об угрозе нападения неприятеля.

Таласский отряд (руководитель А. Г. Максимова) проводил работы к югу и юго-востоку от развалин Акыр-Таш, расположенных в 7 км к югу от станции Ак-Чулак (Свердловский район Джамбулской обл.).

В урочище Узун-Булак раскопано 25 курганов. По основанию они были обложены крупными камнями, насыпь сверху тоже выложена камнем. Иногда они обозначены кругом из камней, поверхность внутри которого покрыта камнем.

Захоронения совершены в грунтовых ямах, ориентированных в основном с запада на восток с небольшим отклонением. Погребенные лежали

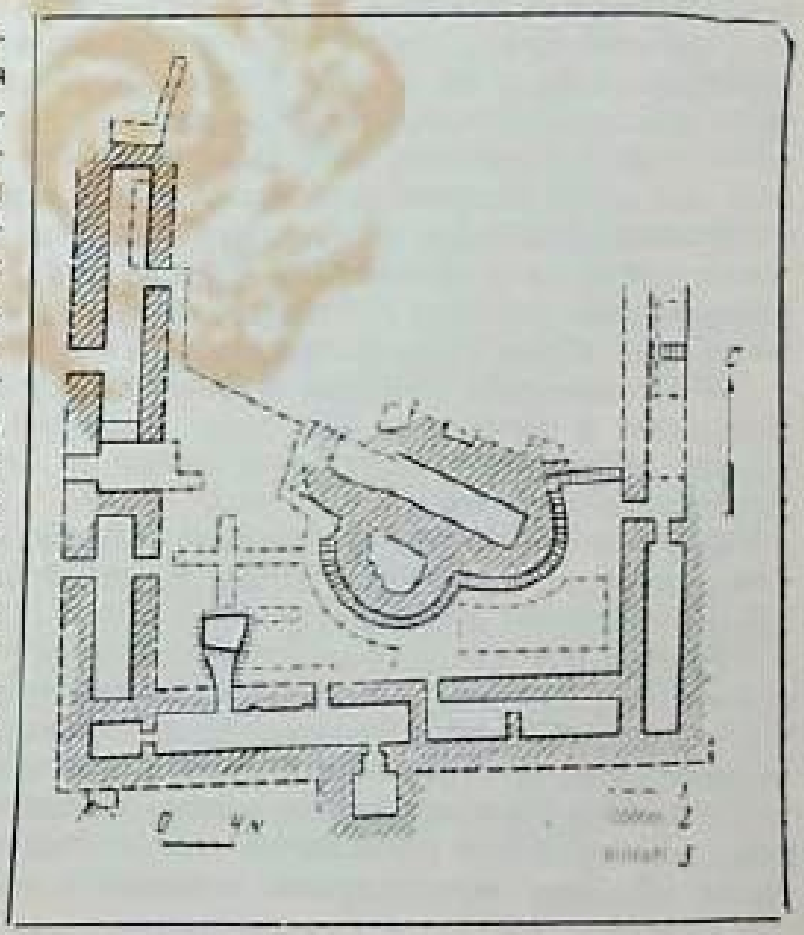
Арысь. Холм городища Жусантай-Тобе

на спине в вытянутом положении, головой на запад, запад — северо-запад, запад — юго-запад. В юго-западном углу некоторых могильных ям имелись небольшие ниши, в которых стояли лепные глиняные сосуды (миски, чаши, кру́жки) с округлым дном (с ручкой и без нее). К сожалению, погребения ограблены и оставшийся инвентарь представлен небольшими железными ножичками, положенными на погребальную пищу (курдюки баранов), бусинами из стекловидной массы, железными шпильками.

В урочище Караша раскопано 23 кургана. По внешнему виду и обряду захоронения они очень близки раскопанным в урочище Узун-Булак. Погребальный инвентарь в основном представлен лепными глиняными сосудами, с округлым, уплощенным и плоским дном (миски, чаши, кувшины), найден обломок зерноте́рки и терка.

Интересны два захоронения: одно в каменном ящике, другое в грунтовой могильной яме. Около плеча правой руки погребенного в каменном ящике стоял глиняный плоскодонный сосуд (кувшин) с высокой шейкой, изготовленный на гончарном круге. Погребенный в грунтовой, почти квадратной могильной яме, ориентированной с запада — северо-запада на восток — юго-восток, тоже лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. Около бедренной кости правой ноги была положена туша барана.

В урочище Кызыл-Кайнар могильник состоял из двух групп курганов: северной — девять курганов, расположенных цепочкой, и южной — 14 курганов, расположенных в беспорядке, с каменными насыпями и без них (на поверхности обозначены камнями). Под курганами с каменной насыпью встречены погребения в грунтовых могильных ямах (одно — в каменном ящике), относящиеся к усуням и тюркам. Из бескурганных захоронений исследовано одно эпохи бронзы, а остальные — усуней в грунтовых



Ак-Чулак. План центральной площадки поселения Чохль-Тобе V—VIII вв.

1 — границы раскопа; *2* — стены из полусырцового кирпича; *3* — стены поздних пристроек

могильных ямах, перекрытых поперек каменными плитами. Погребенный в эпоху бронзы лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад — северо-запад. Кисть правой руки находилась на тазовых костях, около нее обнаружен плоскодонный глиняный сосуд баночной формы, орнаментированный ломаной линией, нанесенной палочкой. Найден обломок бронзового ножа. Погребальный инвентарь усуней представлен глиняными сосудами, близкими по форме и технике изготовления найденным в урочищах Узун-Булак и Караша.

Погребения в каменных ящиках оставлены пришельцами, возможно, из Восточного Казахстана.

Чольтобинский отряд (руководитель М. С. Мерщиев) продолжил раскопки поселения на северном склоне Киргизского Ала-Тау (Джамбулская обл., вблизи железнодорожной станции Ак-Чулак). До раскопок это был небольшой пологий бугор, покрытый густыми зарослями колючек и полыни. Местные жители называют его Чоль-Тобе, что означает сухой, безводный, безжизненный бугор. Он расположен в месте слияния двух сухих саев и состоит как бы из двух частей: центральной возвышенной площадки высотой до 3 м, диаметром около 80 м и примыкающей к ней полукольцом с юга заниженной площадки высотой до 1,5 м.

Раскопана бо́льшая часть поселения, в основном на возвышенной площадке. Здесь выявлен архитектурный комплекс с близкой по форме к квадрату планировкой. Комплекс насчитывал несколько четырехугольных примыкающих одно к другому помещений, вытянутых по внешнему контуру и образующих замкнутый квадратный двор. На каждой стороне находилось по два-три помещения типа коридора. Почти все они имели один или два дверных проема, ведущих во внутренний двор, а помещения западной стороны — дополнительно еще и выход наружу.

Помещения были перекрыты коробовым сводом, сложенным из крупных сырцовых кирпичей трапециевидной формы. Часто в стенках на уровне пола имелись небольшие печи в виде каминов, служившие, вероятно, для варки пищи и обогрева.

В помещениях найдены фрагменты лепных глиняных сосудов, керамические и каменные пряслица, каменные зернотерки, песты, точила, терки, лощила и различные поделки из кости. Собрано немало костей домашних животных.

В середине внутреннего двора находилось монументальное сооружение с округлым контуром стен с внешней стороны (вероятно, оно имело крестообразную планировку).

Центральным зданием являлось прямоугольное в плане коридорообразное помещение длиной более 11 м и шириной около 2 м. Оно также было перекрыто коробовым сводом, возведенным из сырцовых трапециевидной формы кирпичей. В южной стене на высоте 1 м от пола имелась ниша со следами прокалины. Две почти трехметровой глубины ямы в полу были заполнены совершенно чистой золой. На полу найдены обломки керамической жаровни и сосудов, более богато орнамен-

тированных по сравнению с сосудами из других помещений поселения.

Это сооружение уникально для территории Казахстана. Судя по центральному положению в комплексе, монументальности, своеобразию планировки, обособленности от жилых помещений, находкам внутри него, оно было храмом. Наличие на поселении большого количества зернотерок, пестов, остатков полусгоревших зерен проса, соломы, злаков в сырцовых кирпичах свидетельствует о большой роли земледелия в хозяйстве населения. Однако, судя по большому количеству костей домашних животных, значительное место занимало и скотоводство.

Глиняная посуда (горшки, кувшины, кружки, жаровни) по технике изготовления, качеству материала, формам, мотивам и приемам нанесения орнамента находит ближайшие аналогии в материалах поселения Ак-Тобе.

Имеется сходство также в архитектуре сооружений, в элементах планировки и конструкции, в частности в расположении в центральной части поселения монументального комплекса с округлым сооружением и примыкающим хозяйственным двором.

Однако перекрытие помещений в поселении Чоль-Тобе говорит о несколько более позднем времени его возникновения по сравнению с Ак-Тобе. Такого размера и формы сырцовые кирпичи в кладке сводов широко известны в памятниках третьей четверти I тысячелетия н. э., что дает право описываемое поселение отнести к этому периоду.

Алакульский отряд (руководитель Г. А. Кушаев) установил, что Алакульская впадина — долины рек Каратала, Сарканда, Лепсы, Тентека и побережье оз. Алаколь — изобилует памятниками самых различных типов, относящихся к разным историческим периодам.

Наиболее древними памятниками следует считать местонахождения кремневых орудий — пожевидных пластин, концевых скребков, многочисленных сколов, мелких обломков керамики, обнаруженных на такырах песчаных дюн правого берега по среднему течению р. Каратал и на склонах песчаных барханов вдоль правого берега р. Чоган-Тогай.

Следующий период древней истории отражают памятники эпохи бронзы в урочище Он-Агаш, на южном берегу оз. Алаколь и отдельные погребения в районе с. Капал. Раскопанное в урочище Он-Агаш погребение эпохи бронзы было обнаружено случайно. Скелет лежал в грунтовой яме в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на запад. Инвентарь погребения — бронзовые серьги с раструбом, бусы, подвески, обломки браслета, обломок глиняного сосуда — позволяет отнести его к алакульскому этапу андроновской культуры. Здесь же была проведена расчистка двух полуземлянок. Найденные при этом мелкие обломки керамики, кости животных позволяют предварительно отнести их к тому же этапу эпохи бронзы.

Самыми многочисленными оказались памятники раннего железного века — курганные могильники. Особенно большой интерес представляют курганы в урочище Кок-Сай, сооруженные из окатанной речной гальки, известные среди населения под названием «Койтас», и погребения в квадратных оградках могильника Арасан II.

Непосредственную связь с тюркским периодом имеют открытые памятники городской оседлоземледельческой культуры на северо-востоке Семиречья. Городища в долинах рек Каратал, Сарканд, Лепса, Тентек являются новыми свидетельствами былой городской культуры в Алакульской впадине. Детальное изучение этих новых памятников позволит внести серьезные коррективы в гипотезы о путях становления и особенностях развития оседлоземледельческой культуры Семиречья.

Отрядом собраны также новые данные о наскальных изображениях и древних выработках в Алакульской впадине.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАССЕЙНАХ РЕК НУРА И САРЫСУ

М. Н. Клапчук

Археологические работы в бассейнах рек Нура и Сарысу велись Сокурским отрядом центральноказахстанского геологического управления под руководством автора. В раскопках принимали участие студенты Карагандинского педагогического института. Основной целью работ было выявление палеолитических памятников, дальнейшее изучение инвентаря и топографии неолитических стоянок и производство раскопок на некоторых из них.

В 1966 г. открыты четыре новых палеолитических памятника. Так, Передержка 1 — это небольшое обнажение коренных пород (вторичный песчаник) мелового возраста. На лежавших на их поверхности глыбах имелись многочисленные следы сколов, вокруг глыб подобрано 2136 предметов, в том числе 25 небольших глыб со следами сколов отщепов, 8 глыб и массивных отщепов с фасетками ножевидных пластинок, 10 конических и два ладьевидных (типа новгород-северских гигантолитов) нуклеуса, 662 отщепа с ярко выраженными пятками, 310 ножевидных пластин, 23 треугольные пластины, 13 пластин — подправок нуклеусов и 1080 аморфных отщепов.

Палеолитическая мастерская Карабас 3 расположена на конусе выноса вблизи одноименного селения. Разбросанные на поверхности конуса глыбы порфирита носили следы сколов. Основной тип находок — различных размеров отщепы с ярко выраженными пятками, а также бифасы.

Инвентарь стоянки Батпак 12 (1038 предметов) залегал в гумусированном слое водораздельных суглинков на глубине 0,55 м. Он представлен 807 аморфными отщепами мелких размеров при подчиненном значении отщепов с ярко выраженными пятками (195), а также ножевидных и треугольных пластин (30). Найден останец дисковидного нуклеуса и монофас.

В 1966 г. продолжалось изучение топографии неолитических стоянок. В окрестностях Карабаса, Спасска и Акбастау все 12 новооткрытых стоянок, как и у Караганды, сосредоточены у родников.

Зеленая Балка 4. Сланцевый брусок с нарезками

Вокруг Караагачского лесного оазиса у Инталов, где много родников и пресной воды, следы жизни древнего человека не обнаружены. В верховье р. Кудайменде на участке протяженностью в 9 км открыто 15 стоянок. Все они вблизи пресной воды, у сопок, где первобытный человек находил защиту от господствующих ветров. Стоянки здесь небольшие (диаметром не более 5—25 м), количество находок редко превышает 50.

В низовье р. Кудайменде, где вода соленая и летом пересыхает, стоянки каменного века почти не встречались.

По среднему течению р. Сарысу большие стоянки встречались редко, только на песчаных буграх и на сопках у самого русла (Тохтар, Борыбас). На равнинных берегах р. Сарысу стоянок нет, находки здесь единичны.

На стоянке Караганда 15 в культурном слое найдено 2194 предмета. На глубине 0,6—0,7 м встречены 10 плит песчаника, уложенных плашмя в виде овала. Плиты служили полом шалаша, построенного из нетолстых прутьев кустарника караганника. Между плитами имелся утолщенный слой серой супеси, в которой оказалось много находок.

На стоянке Зеленая Балка 4 найдено 6739 предметов. Следы построек не встречены. Среди находок 69 фрагментов керамики, в том числе несколько с орнаментом конца каменного — начала бронзового веков. Найдено 175 нуклеусов, 1002 ножевидные каменные пластинки и их се-

чения, 330 скребков на отщепах, 67 скребков на пластинках, 13 каменных проколок, уникальный тетраэдрический резец, каменное прясло с просверленным отверстием, единственный на изучаемой территории шлифованный топорик и черешковый наконечник стрелы из дымчатого кварца. Очень интересной находкой является сланцевый брусок. Его плоская поверхность густо покрыта параллельными нарезками, на боковых же плоскостях нанесен ряд косых крестиков.

Процент найденных здесь проколок близок к таковому на стоянке Караганда 27 и выше, чем на других стоянках Карагандинской обл. То же самое можно сказать и про трапеции.

В общем в 1966 г. открыто четыре палеолитических и 45 неолитических и более поздних памятников, на трех стоянках производились раскопки. Общее количество находок превысило 19 тыс.

VIII. УЗБЕКСКАЯ ССР

ХОРЕЗМСКАЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

С. П. Толстов, М. А. Итина, А. В. Виноградов

В 1966 г. Хорезмская экспедиция Института этнографии АН СССР вела работы девятью отрядами (весенний цикл: Тузгырский отряд, начальник В. А. Лоховиц; Сырдарьинский отряд, начальник Б. В. Андрианов; Левобережный отряд, начальник Е. Е. Неразик; осенний цикл: Джанбаскалинский отряд, начальник М. А. Итина; Топраккалинский отряд, начальник Е. Е. Неразик; Южнокызылкумский отряд, начальник А. В. Виноградов, руководитель географической группы Э. Д. Мамедов; Тюямуюнский отряд, начальник Ю. А. Раппопорт; работали также два этнографических отряда). Археологическими исследованиями была охвачена огромная территория: кроме раскопок в собственно Хорезме (левобережном и правобережном), продолжались начатые ранее на Сыр-Дарье и во внутренних Кызылкумах. Хронологически обследованные памятники относятся к периоду от среднего палеолита до позднего средневековья.

Памятники первобытной культуры изучались в правобережном Хорезме (Акчадарьинская дельта) и в юго-западных Кызылкумах. В южной Акчадарьинской дельте исследован уникальный по сохранности комплекс ирригационных сооружений и поселений бронзового века. И дома, и окружающие их арыки, и поля в целом относятся к тазабагъябской культуре, но осваивались эти земли на протяжении нескольких сотен лет. Такой вывод напрашивается в связи с тем, что водный режим дельты весьма изменчив, особенно в среднеазиатских условиях, а потому отмирание одних протоков и возникновение других, подтопление отдельных участков и засоление почвы заставляли людей менять места поселений.

Еще одним доказательством относительной неодновременности обследованных поселений служит слишком большая площадь, освоенная с

помощью искусственного орошения (35—40 кв. км): небольшие хозяйственные коллективы бронзового века в одно время сделать его не могли.

Разведочные маршруты на исследуемой территории, в ходе которых велось дешифрирование на местности данных специально проведенной здесь крупномасштабной аэрофотосъемки, снятие топографических планов отдельных поселений с окружающей их ирригационной сетью и сбор подъемного материала позволили собрать материал для карты расселения древних тазабагъябцев на этом участке дельты. Сейчас идет очень активное накопление материала по истории ирригационного земледелия эпохи бронзы в северном, степном районе Средней Азии, где наличие столь развитых оросительных систем для такого раннего времени оказалось неожиданным.

Данные разведок были дополнены стационарными раскопками на поселении Кокча 15. Жилища в виде прямоугольных полуземлянок площадью в среднем 8×8, 8×10 м, ориентированные коридорообразными входами с навесом перед ними на юго-восток, располагались группами по три — пять, а иногда и более домов вдоль боковых затухающих протоков дельты или на старицах. Дома эти имели столбовую конструкцию, в центре каждого из них был очаг в виде прямоугольной ямы с глинобитным валиком, открытой в сторону входа. В полу, который в ряде случаев был обмазан и поверх которого, возможно, клали циновки из травы и камыша, были вырыты хозяйственные ямы.

Удалось раскопать наземное помещение со столбовой конструкцией. В нем было множество хозяйственных ям, в двух из которых сохранились стоявшие в них сосуды. Возможно, это было специальное хозяйственное помещение.

Исследование ирригационных систем на поселении Кокча 15 дало возможность проследить историю их создания по этапам. Первоначально, когда в русле было много воды, системы небольших арыков отходили под острым углом от основных, расположенных под прямым углом к руслу и берущих воду непосредственно из него. Позднее, когда старица высохла, параллельно ей, по правому и левому берегам, были прорыты арыки, точно повторяющие все ее изгибы. Шурфовка и нивелирование такого арыка на правом берегу показали, что он нес воду из русла, расположенного к юго-востоку от поселения, в северо-восточном направлении, причем перепад на протяжении 2 км равен 0,77 м. Таким образом, древние земледельцы уже умели использовать природу в полезных для себя целях. От этого канала брали начало арыки, расположенные по отношению к нему под прямым или острым углом и имевшие множество ответвлений, между которыми располагались поля.

Прямоугольники полей имели разную площадь: 16×10, 7×7 м и т. д. Сохранившаяся длина основных арыков — 150—200 м. Эти арыки с ответвлениями, каждый из которых образовывал как бы небольшую систему, соединялись между собой. Вся эта сеть со «стоящими» среди полей домами (дома, арыки и поля очень четко выделяются на современной

дневной поверхности в виде цветовых пятен) и сейчас представляет довольно внушительное зрелище.

Наконец, был период, когда русло сплошь заполнилось осадками, сравнялось с окружающей местностью и арыки, шедшие в направлении юг — север, его пересекали. Надо думать, что в то время ток воды на этом участке дельты был не сильным, так как заполнение многих арыков имеет голубой цвет — явное свидетельство их былой заболоченности.

Необычайная историческая ценность исследуемого района заключается еще и в том, что здесь нет памятников, выходящих за пределы II тысячелетия до н. э. Таким образом, все описанные системы могут быть уверенно отнесены к бронзовому веку. Более того, керамические материалы, полученные при раскопках, позволяют относить раскапываемые тазабагъябские поселения и ирригационные системы вокруг них к третьей четверти II тысячелетия до н. э. С каким периодом в развитии оросительной сети на поселении Кокча 15 связана постройка того или иного дома — сказать трудно. Здесь необходимо накопление материала, так как пока он довольно единообразен. Однако, если русловые протоки были дамбированными, постройка домов, стоявших в 20—30 м от русла, могла быть осуществлена тогда, когда воды в нем было мало, вода шла по параллельно идущему каналу и домам не грозило затопление во время паводка.

Земледельцы Южной Акчадарьинской дельты собирали урожай небольшими слабо изогнутыми бронзовыми серпами с невыделенной рукоятью, для изготовления муки пользовались овальной формы каменными зерноперками, которые имелись буквально в каждом доме.

Раскопки этого года вновь подтвердили, что жители тазабагъябских поселений занимались и скотоводством, причем находки глиняных моделей колес повозки — доказательство того, что животные использовались в качестве тягловой силы, а может быть, и в земледелии.

Орудий из металла найдено мало. Это бронзовые серпы, четырехгранное шило с костяной рукоятью, булавки. Находки льячек и формы для отливки булавки со спирально загнутыми концами говорят о том, что предметы эти изготовлялись на месте.

В юго-западных Кызылкумах в 1966 г. было в основном закончено исследование крупнейшего для аридных бесточных областей скопления памятников первобытной культуры в районе соленых Лявляканских озер. Здесь найдено свыше 100 стоянок неолита и бронзового века и около 500 пунктов с находками этого и более позднего времени. Проведено рекогносцировочное обследование отдельных участков впадины Аякагитма — главного района работ будущего года. Разведки показали, что здесь также имеется крупное скопление разновременных памятников первобытной эпохи.

Наиболее интересными и важными в научном отношении из исследованных в 1966 г. памятников являются мустьерская стоянка Кызылну-

ра 1 и неолитическая стоянка Лявлякан 26. На Кызылнуре — первом в Кызылкумах мустьерском (и вообще палеолитическом) памятнике на раннечетвертичной галечной поверхности восточной части крупной котловины западнее горы Кокча была собрана большая серия характерных для того времени орудий.

На стоянке Лявлякан 26 расчищены остатки большого жилища каркасной конструкции — множество столбовых ям, хозяйственные ямы, очаги различных размеров. Полученная в результате раскопок коллекция кремневых изделий, керамики, украшений представляет большой интерес для изучения неолита пустынь Средней Азии.

Памятники более позднего времени представлены в этом районе многочисленными небольшими развеянными стоянками и курганами. Находки эпохи бронзы сравнительно немногочисленны. Из находок сакского времени наиболее интересны две литейные формы для изготовления боевого оружия (стоянка Лявлякан 506). В раскопанных нескольких курганах из двух небольших могильников оказались ограбленные погребения в грунтовых ямах (Лявлякан 1) и в подбоях (Лявлякан 3). Немногочисленные находки позволяют предварительно датировать эти погребения рубежом — первыми веками I тысячелетия н. э.

Наконец, в горах Сангрунтау были обследованы древние горные выработки Аяккудук и пещера Кулаката. Шурфовка культурного слоя пещеры принесла немногочисленные находки, относящиеся к I тысячелетию до н. э.

В 1966 г. были продолжены раскопки курганного могильника Тузгыр (левобережный Хорезм), насчитывающего до 250 насыпей. За два года здесь раскопано 50 погребений, в основном с обрядом трупоположения в ямах с подбоями и катакомбами. Погребальный инвентарь (железные мечи, кинжалы, ножи, наконечники стрел и др.) датирует погребения I—IV вв. н. э. Этот погребальный обряд, встреченный в Хорезме впервые, включает Южный Хорезм в обширную зону распространения курганов подобного типа. Исследования этого памятника, оставленного несомненно местным, среднеазиатским населением, дало интересный материал, подтверждающий тесные генетические и культурные связи сако-массагетского и сарматского миров.

В 1966 г. были продолжены раскопки Топрак-калы. Основным объектом исследований стало городище, культурные напластования которого охватывают период от III до VI в. н. э.

Расчищенные на широкой площади планировки IV—V вв. содержали ценные керамические и нумизматические комплексы, а также другие важные материалы для исследования многих проблем истории Хорезма и Средней Азии в один из наименее изученных периодов.

Средневековые памятники исследовались как на левом, так и на правом берегах Аму-Дарьи. Основное внимание было обращено на изучение сельских поселений. Раскопки домов дали новый материал для ха-

рактеристики жилого строительства, бытового уклада и разных сторон хозяйственной деятельности сельского населения Хорезма в средневековый период.

Крупные комплексные исследования были проведены на обширной территории среднего и нижнего течения Сыр-Дарьи, от Жана-Дарьи и станции Джусалы на севере до западных склонов Каратау и Отрарского оазиса на юге. Рекогносцировочные работы позволили заполнить лакуну на археологической карте и связать районы, исследованные ранее Хорезмской экспедицией (на севере) и экспедициями наших казахстанских коллег (на юге).

Были обследованы все крупнейшие средневековые города средней Сыр-Дарьи, упоминаемые в источниках, открыто много новых интересных археологических памятников.

К I—VIII вв. относится большая группа памятников типа «тепе», располагавшихся в большинстве случаев на старицах Сыр-Дарьи. Для них характерно сочетание монументальных сооружений («тепе с площадкой») и расположенных рядом курганных могильников. Эта особенность, а также многие другие черты в материальной культуре сближают население исследуемого района с носителями джетыасарской (нижняя Сыр-Дарья) и каунчинской (средняя Сыр-Дарья) культур.

Отсутствие ирригационных сооружений того времени позволяет предполагать, что основным занятием населения, оставившего эти тепе, было скотоводство, сочетавшееся, очевидно, с богарным земледелием на склонах Каратау.

Материалы средневековых памятников позволили наметить отдельные периоды в истории освоения средней Сыр-Дарьи в средние века.

В 1972 г., после окончания строительства плотины, перекроющей Аму-Дарью в теснине Тюя-Муюн, начнется заполнение водохранилища, уйдут под воду значительные территории Южного Хорезма на левом и правом берегах Аму-Дарьи.

В связи с этим экспедицией были проведены внеплановые работы в районах предполагаемого затопления и обследованы такие крупные памятники античного и средневекового времени, как Капарас (IV—III вв. до н. э.), средневековые города Садвар и Джигирбент, укрепленные караван-сараи и др.

Открытие мустьерской стоянки в Кызылкумах, исследование древней ирригации эпохи бронзы, большой археологический и краниологический материал, полученный при раскопках могильника Тузгыр,— все эти и другие открытия экспедиции дают много нового не только для истории Хорезма, но и Средней Азии в целом.

РАСКОПКИ НА ДАЛЬВЕРЗИНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ

Ю. А. Заднепровский

В 1966 г. девятый сезон Институт археологии АН СССР проводил исследования Дальверзинского поселения эпохи поздней бронзы в Ферганской долине. Работы велись на двух раскопах общей площадью 200 кв. м. Раскопки осуществлены силами студентов Ошского педагогического института, проходившими здесь археологическую практику. Основным объектом являлся плоский холм в северо-восточной части поселения, который предполагается систематически и планомерно вскрыть полностью для изучения планировки и жилищ. Общая толщина культурного слоя не превышала 2,2 м.

В верхних отложениях выявлены остатки стены помещения из сырцового кирпича. В полу около стены располагалось несколько хозяйственных ям и большое скопление раздавленных сосудов. Здесь же открыто загадочное глиняное сооружение в форме цилиндра диаметром 62 см со стенками толщиной 7—8 см и массивным плоским дном. Сохранился «цилиндр» на высоту 50 см. Поставлен он был прямо на дне круглой ямы. «Цилиндр» располагался в центре ямы, вокруг него имелось свободное пространство. Внутри были найдены обломки зернотерки, несколько фрагментов керамики и угольки. Внутренняя поверхность «цилиндра» слегка обожжена.

Подобные сооружения непонятного назначения ранее уже встречались на Дальверзине, и основания двух таких же «цилиндров» найдены в 1966 г. в нижнем горизонте. Но до сих пор не удавалось найти каких-либо данных для определения их назначения. Никакого отверстия или следов использования в качестве очага не прослежено. К тому же они сделаны из необожженной глины. Небольшие размеры и малочисленность «цилиндров» не позволяют предполагать использование их для хранения. Очевидно, следует обратить внимание на то, что «цилиндр» находится внутри жилища и расположен в яме, выкопанной в полу, а также на слабый обжиг внутренних стенок. Исходя из этого, наиболее вероятно предположить, что он использовался для обогрева людей в холодное время года, как это было распространено не так давно среди таджиков, узбеков и частично южных киргизов, применявших для этих целей сандалы разной формы.

В нижнем горизонте раскопа обнаружены остатки прямоугольного очага. Вся поверхность участка изрыта хозяйственными ямами, выкопанными в лёссовом материковом грунте. На площади 140 кв. м находилось более 25 ям. Здесь же открыты основания двух глиняных сандалов, располагавшихся рядом. Дно и стенки их составляют единое целое. Эти сандалы, очевидно, относятся к плохо сохранившемуся среднему горизонту.

Только на одном участке у южной стенки раскопа удалось выявить кирпичную кладку, в которой наряду с прямоугольными сырцовыми кирпичами были положены глиняные конусы больших размеров. Раскопанный в 1966 г. участок, по всей вероятности, представлял собой часть хозяйственного двора жилища. В раскопе найдено большое количество керамики, в том числе более 10 целых сосудов, изделия из бронзы, камня и кости.

Одним из наиболее характерных признаков чустской культуры, к которой относится Дальверзинское поселение, как известно, является замечательная расписная посуда, украшенная черной краской по красному фону. В прошедшем сезоне найдено более 200 фрагментов расписной керамики. Среди них привлекает внимание несколько оригинальных образцов, в которых отмечается поразительное умение древнего мастера увязать форму сосуда и его орнаментацию. Соразмерность и строгая симметричность придает узору нарядность. В качестве примера приведем высокий конический горшок, украшенный вертикальными полосами треугольников. Полоса заштрихованных сеткой треугольников чередуется с полосой со сплошной окраской. Большой интерес представляет узор на глубокой чаше, которая опоясана двумя лентами заштрихованной сетки. Ранее подобный узор был известен только на высоких конических горшках.

Значительное количество больших фрагментов с росписью позволит реконструировать и изучить композиционное построение орнамента.

Для памятников чустской культуры очень типичны каменные серповидные орудия. На Дальверзине найдено около 500 орудий этого типа. Студентка кафедры археологии Ленинградского государственного университета Е. В. Дружинина при консультации С. А. Семенова в результате изучения следов сработанности пришла к заключению об употреблении каменных орудий в качестве серпов. Широкое распространение каменных серпов у племен чустской культуры само по себе вызывает удивление, поскольку одновременно с ними употреблялись и бронзовые, что засвидетельствовано находками серпа (Дальверзин) и литейной формы для отливки их (Чуст). Проведенные опыты показали возможность использования в качестве серпа каменных орудий Дальверзина.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЙ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Н. Г. Горбунова, Т. Г. Оболдуева

В 1966 г. Ферганская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Ферганского областного краеведческого музея заканчивала раскопки поселений в юго-восточной части Ферганской обл.

Основные работы в этом сезоне были сосредоточены на двух памятниках: Чун-тепе и поселении 5-а, расположенных, как и все остальные, в предгорной степи на правом берегу р. Кувасай. Наиболее интересным было открытие винодельни на поселении 5-а. Само поселение небольшое, прямоугольное в плане. Все его постройки были расположены по периметру и примыкали к общей оборонительной стене, пространство внутри не застроено; видимо, здесь был двор. Два основных здания — северное и южное — раскопаны почти целиком. В северном здании открыто несколько жилых комнат с очагами (сандалами) для обогрева и хозяйственное помещение с двумя большими хумами. Южное здание — это многокомнатная постройка, в центре которой находилась хорошо сохранившаяся винодельня. Последняя представляла собой почти квадратный зал, южной своей стороной примыкавший к наружной стене здания. В середине западной стены имелся выход в коридор, рядом — несколько комнат, видимо, тоже хозяйственного назначения. В юго-западном углу располагалась давильная площадка, сложенная из гувалячков (глиняных крупных комьев) и обмазанная несколькими слоями алебастра. Эта алебастровая обмазка поднималась по западной стене на 0,5 м, в южной стене имелась небольшая ниша. С восточной стороны площадка была ограничена глиняным бортиком, через который проходил алебастровый желоб-слив, спускавшийся в расположенный внизу чан. Внутри чана был помещен сосуд с резко отогнутым венчиком. Алебастровая обмазка желоба переходила прямо на внутреннюю стенку сосуда, обеспечивая хороший сток. Рядом, севернее, имелся еще один глиняный чан, но без сосуда, покрытый внутри алебастром. Обмазка эта образовывала под желобом второй слив. Горловины чанов были окружены глиняными валиками, также покрытыми алебастром. У южной стены зала стояли два хума, вмазанных в специально построенную глинобитную платформу. Видимо, в них переливали виноградный сок из чанов. У стен зала стояли еще четыре больших сосуда для хранения вина, вмещавших в целом до 300 л.

Среди примесей к строительным материалам этого здания обнаружены семена дикорастущего винограда vitis silvestris Gmel, близкого по типу к современному сорту винограда «Изабелла» (определение научного сотрудника Ботанического института АН СССР Т. Д. Колесниковой).

За время жизни поселения на нем неоднократно производились перестройки, но между ними не было существенного хронологического разрыва. Типы керамики и железных наконечников стрел позволяют с наибольшей вероятностью отнести как винодельню, так и все поселение к III—V вв. н. э. Это самая ранняя и, пожалуй, наиболее сохранившаяся винодельня из известных в Средней Азии.

Раскопки на многослойном Чун-тепе (слои от III до XII в. н. э.) в 1966 г. позволили выявить интересную систему оборонительных стен

(вероятнее всего, относящихся к VII—VIII вв. н. э.) со сводчатыми коридорами, арками и необычной облицовкой поверхности керамическими плитками.

РАСКОПКИ БУДДИЙСКИХ КОМПЛЕКСОВ НА КАРА-ТЕПЕ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

Б. Я. Ставиский

Осенью 1966 г. совместная Среднеазиатская экспедиция Эрмитажа и Государственного музея искусства народов Востока провела свой шестой полевой сезон на холме Кара-тепе в Старом Термезе. Раскопки велись в комплексах А и Б, каждый из которых состоял из пещерного святилища, окруженного четырьмя обходными сводчатыми коридорами, и двора с наземными постройками.

В комплексе А выявлено центральное пещерное святилище, вход в которое вел из восточного обходного коридора. Оно оказалось полностью заполненным плотным завалом. Расчищена лишь южная его часть до уровня вторичного пола. Можно считать установленным, что после какого-то периода разрушения комплекс А подвергся существенной переделке и был использован вторично.

В комплексе Б работы велись в западной части двора. Здесь раскрывается большая терраса с колоннадой (айван), тянувшаяся вдоль западного и северного края двора. Найдены in situ три профилированные каменные базы от деревянных колонн западного айвана, отпечатки еще двух таких же баз в том же айване и отпечаток одной из баз северного айвана. Выяснено, что айваны были подняты выше уровня центральной части двора.

В западной стене, высеченной в песчаниковой породе холма, между входами в пещерную часть комплекса раскопана большая ниша с геометрической росписью на стенах. Первоначально ниша, по-видимому, предназначалась для статуи Будды, которой, однако, в нише не оказалось: она, вероятно, была изъята в период разрушения Кара-тепе. На полу ниши лежал слой, состоящий из упавшего сводчатого верха ниши, песка и глины. Поверх этого слоя, достигавшего 15—20 см толщины, был сооружен из крупного квадратного кирпича-сырца культовый очаг (алтарь огня) диаметром около 70 см. Алтарь был заполнен чистой светлой золой. Его стенки прокалены, но стены ниши не сохранили никаких следов копоти, что, по-видимому, свидетельствует о недолгом функционировании алтаря. Позднее ниша с алтарем была аккуратно заполнена сырцовой кладкой.

Данные раскопок позволяют выявить в комплексе Б три периода его истории: расцвет, разрушение и возведение алтаря огня и закладка всех входов в пещерные помещения и ниши в западной стене.

Было бы очень заманчиво связать разрушение буддийских святынь и сооружение в нише алтаря огня со среднеперсидскими надписями-граффити конца III — IV в. н. э., открытыми на стенах южного и северного обходных пещерных коридоров комплекса Б. Как бы то ни было, история изучаемых комплексов А и Б во II—IV вв. н. э. предстает теперь в гораздо более ясном виде.

Участие в работах экспедиции лингвистов — иранист В. А. Лившица и индолога Т. В. Грек позволило выявить новые бактрийские и индийские надписи, процарапанные посетителями руин комплекса Б, вероятно, в период после разрушения буддийского храма и до закладки доступов в него. Среди бактрийских надписей особенно интересна одна, содержащая, вероятно, дату посещения.

Материалы раскопок 1966 г. заметно уточняют наши представления об архитектуре, планировке и истории Кара-тепе, этого единственного пока что крупного буддийского культового центра кушанского периода в Средней Азии.

IX. ТАДЖИКСКАЯ ССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН ТАДЖИКСКОЙ ССР

Б. А. Литвинский

Отряд по изучению памятников каменного века продолжил работы в зоне затопления Нурекской ГЭС. Здесь на правом берегу р. Вахш имеется несколько памятников гиссарской культуры. 1966 год был третьим годом раскопок на поселении Туткаул. Серия шурфов позволила оконтурить поселения площадью около 1 га. Производилась разборка второго слоя — неолитического, мощностью 1,5—1,8 м. Северная часть его пройдена до основания. Следы жилищ не обнаружены. Вместе с тем отмечена серия выкладок из расколотого камня, их скопление выделяется интенсивной углистой окраской.

Несмотря на то, что стратиграфически толща второго слоя не разделяется, в каменном инвентаре верхней, средней и нижней его части можно заметить некоторые различия. Последние, по-видимому, могут быть охарактеризованы более четко после статистической обработки всего материала. В слое найдено около 10 тыс. предметов, включающих как кремневые орудия на пластинах и отщепах, так и грубые галечные орудия и нуклеусы, а также отщепы из менее пластичных изверженных пород («гиссарский элемент» инвентаря стоянки).

Небольшим шурфом вскрыт еще один культурный горизонт Туткаула, залегающий на 2,5 м ниже второго. Таким образом, на поселении Туткаул сейчас устанавливаются три культурных горизонта. Возможно, что средний из них будет разбит на несколько дополнительных уровней. Два верхних принадлежат к гиссарской культуре, нижний, еще слишком мало изученный, возможно, содержит микролитоидный материал с орудиями геометрических форм.

Раскопки на поселении Сайед выявили следующие разновременные горизонты: 1) средневековье, 2) бронза (степного типа?), 3) неолит (гиссар). Основным слоем является неолитический, мощностью до 2 м.

В целом стратиграфия аналогична стратиграфии Туткаула. Культурный слой в Сайеде сохранился лучше, чем на первом памятнике. Так, на многих уровнях великолепно сохранились очаги с вогнутым основанием или полусферические очаги-выкладки.

Не исключено, что в верхних горизонтах неолитического слоя имеется керамика. В Сайеде не найдено следов жилищ. Оба памятника представляют собой открытые поселения, где, очевидно, жили под открытым небом или в легких камышовых шалашах, от которых ничего не сохранилось.

В неолитическом слое Сайеда помимо орудий, известных в Туткауле, встречены костяные шилья.

Работы в зоне затопления Нурекской ГЭС продолжались в 1966 г. в течение восьми месяцев.

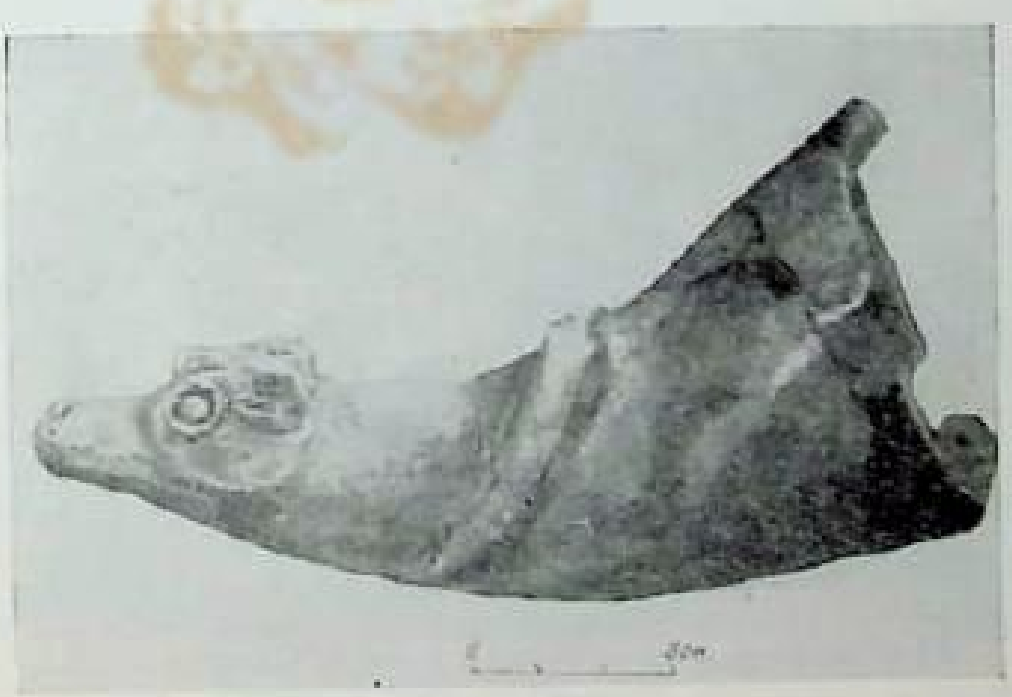
Южно-Таджикистанский отряд впервые в Южном Таджикистане обнаружил поселения степной бронзы. На территории совхоза им. Кирова, в 12 км от г. Курган-Тюбе, под слоем современного ирригационного наноса на глубине 0,7—1 м выявлены выложенные из камней очаги, большое количество керамики и обломки литейных форм, синхронные второй стадии кайракумской культуры. Следы другого поселения с керамикой степной бронзы были обнаружены под кушанским поселением Саксан-Охур в Пархарском районе. Таким образом, в Южном Таджикистане во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. существовали, с одной стороны, крупные этнические группы, продолжавшие традиции позднеземледельческих культур Ирана и Южной Туркмении (они оставили курганы вахшской культуры, раскопанные нами в низовьях рек, впадающих в Пяндж), а с другой — носители культуры степной бронзы. Каковы были взаимоотношения между ними — предстоит решить; но и сейчас ясно, что эти раскопки проливают новый свет на арийскую проблему.

Памятники эпохи античности раскапывались в Яване и Пархаре. На яванском городище Горав-кала удалось установить конструкцию и назначение отдельных холмиков, имевших вид курганов: они оказались специфическими сооружениями, связанными с погребальным культом. Производились раскопки в разных пунктах городища и на окружающих памятниках.

На городище Саксан-Охур были заложены два небольших раскопа. На одном из них удалось раскопать топочные камеры печей для обжига терракот и глиняной посуды. В печах и отвалах найдены матрицы для формовки статуэток и статуэтки. Во втором (нижнем) горизонте также встречены матрицы и фрагмент нижней части небольшого глиняного ритона, оформленной в виде головы животного.

Второй раскоп открыл участок парадного здания, пол которого выстлан шлифованными каменными плитами. Здесь найдены прекрасные коринфизированные капители, аттические базы, стволы колонн из мергелистого известняка. Капители напоминают капители Сурх Котала и

Саксан-Охур.
Терракотовая статуэтка



Саксан-Охур.
Глиняный ритон

Хадды. Монеты позволяют датировать обнаруженный комплекс временем великих кушан.

На Западном Памире, в Ишкашимском районе, у кишлаков Пяуп и Вранг, раскопаны курганы; 11 из них содержали вещественный материал. Погребальные ямы были расположены под скальными останцами. Инвентарь очень бедный (бронзовые браслеты и перстни, бусы, керамика, наконечники стрел), датируется IV—VI вв. н. э.

Основным стационаром отряда являлась Аджина-Тепа — буддийский монастырь VII — начала VIII в. близ Курган-Тюбе. Число раскопанных здесь помещений достигло 40. Монастырь-сангхарама состоит из двух частей. Юго-восточная часть включает каре из построек, окружающих квадратный двор. В середине каждой стороны — помещение из двух частей, пронаос которого — открытый во двор айван. Эти двучастные помещения соединены между собой системой коридоров, здесь имеются квадратные кельи. Северо-западная половина в общем повторяет эту планировку. Главное отличие состоит в том, что по внешнему северо-западному фасу расположено семь маленьких целл и что в центре двора здесь высится массивная ступа — главная святыня монастыря. В коридорах северо-западной половины имеются сводчатые ниши, в которых на специальных постаментах находились крупные глиняные скульптуры сидящих Будд, две такие скульптуры удалось извлечь.

В пазосе двучастного помещения юго-восточного фаса и в одной из целл северо-западного найдено множество скульптур; это подлинные шедевры среднеазиатско-буддийского искусства. Сохранилась также настенная и плафонная живопись.

Сенсационным явилось открытие гигантской скульптуры Будды в Нирване. В коридоре северо-восточного фаса на прямоугольном пристенном постаменте имеется выступ из сырцового кирпича, образующий основу скульптуры. На него нанесен толстый слой саманной штукатурки, с помощью которой переданы основные скульптурные детали, затем нанесены слой скульптурной глины, алебастровая подгрунтовка и раскраска.

Будда лежит на правом боку. Левая рука вытянута вдоль тела и прижата к нему, правая согнута в локте и подведена под голову. Голова отвалилась, но части ее найдены. Будда в красной складчатой одежде, рука и пальцы — белые, сандалии — желтые. Длина скульптуры около 12 м.

Замечательные памятники искусства, обнаруженные при раскопках Аджина-Тепа, позволяют по-новому рассмотреть вопросы истории буддизма. В Средней Азии тесно связанные с буддизмом элементы культуры были видоизменены и переработаны в духе среднеазиатских культурных традиций. Вместе с тем Средняя Азия явилась гигантским ретранслятором буддийской религии и связанных с нею элементов культуры далее на восток — в Центральную Азию, Китай и Японию.

Северо-Таджикистанский отряд работал в составе нескольких групп.

Аджина-Тепа. Скульптура Будды в Нирване

Аджина-Тепа. Скульптура Будды в Нирване

Фрагмент

Кахкахинская группа продолжала раскопки дворца усрушанских афшинов на городище Калаи Кахкаха I.

Проводилось вскрытие крупного дворцового комплекса с большими залами и целой системой коридоров. Весьма оригинальна планировка двухъярусного прямоугольного зала. Южная часть его оформлена в виде тронной камерной лоджии, окруженной суфами. Пол и суфы северной половины расположены ниже, чем южная часть зала. Широкий проем в зал находится в северной части как раз против тронной лоджии. Рядом с этим залом расположен другой, квадратный.

Стены всех залов и коридоров были расписаны, но дворец погиб от пожара и огонь почти полностью уничтожил роспись; сохранились лишь нижние части — бордюры из крупных волютообразных завитков, обрамленных сверху и снизу «перлами». Огонь уничтожил и всю деревянную конструкцию перекрытия, которая несомненно была украшена резьбой.

Больше всего во дворце найдено керамики. Интересен набор фигурных облицовочных кирпичей.

Относительно богата коллекция монет, арабских и согдийских. Уникальна одна из медных монет. На ее аверсе — погрудное изображение мужчины в короне, над короной — луна и солнце. На реверсе — тамга и крест, концы последнего заметно расширяются. Слева и справа от тамги — согдийская надпись. Здесь найден также золотой брактеат.

Актангинская группа раскапывала горное средневековое селение Хон-Яйлов. Селение имело свыше 100 выложенных из камня помещений, разделенных на секции из пяти-шести и более комнат со дворами; главную сквозную улицу, от которой в разные стороны шли более мелкие улочки; площадь и т. д. Рядом расположены две группы погребальных сооружений, демонстрирующих переход от домусульманских погребальных обрядов к мусульманским.

Раскопки на городище Тудан Хурд в Аштском районе позволили уточнить представления об этом памятнике. На высоком шестиметровом искусственном стилобате здесь располагались постройки разного характера. Среди них были, по-видимому, две культовые. Помещение каждой из них разделено на три нефа с помощью двух рядов колонн (по четыре в каждом). В центре этих помещений имелись врытые в пол неглубокие овальной формы очаги, у задних стен — суфы. Кроме того, раскопаны хозяйственные помещения. Обильная керамика позволяет датировать комплекс первыми веками нашей эры.

Канибадамская группа продолжала шурфовку на территории г. Канибадама и изучала его позднюю историческую топографию. Выявлены средневековые слои Канибадама.

Отряд по изучению памятников истории горного дела работал на Памире и в Кара-мазарских горах.

На Восточном Памире, в Мургабском районе, производились раскопки средневекового городища Базар-Дара — самого высокогорного

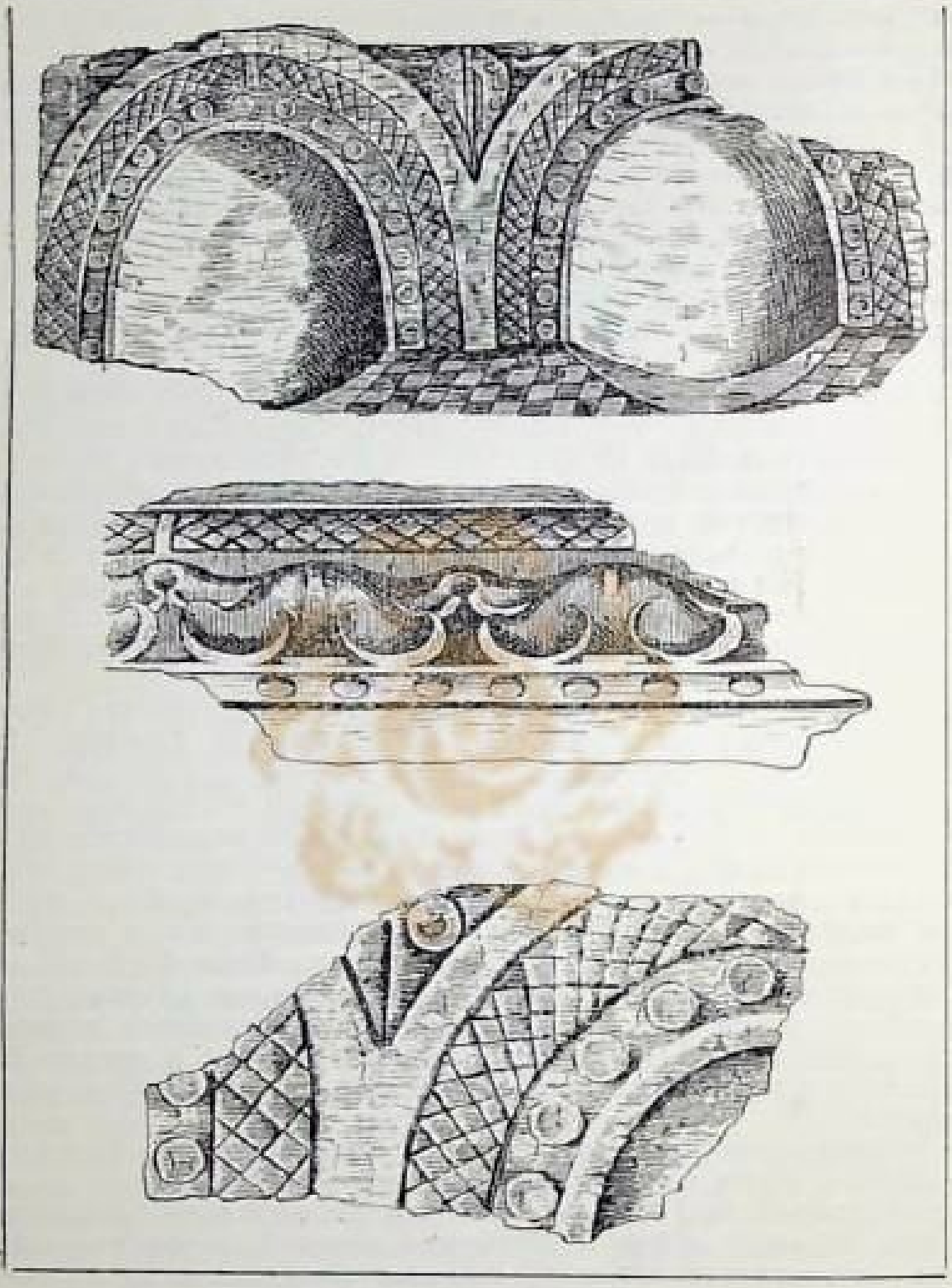
в нашей стране. Это поселение (возможно, Самаркандак средневековых географов) связано с существовавшей в непосредственной близости от него добычей серебра, а также с торговлей. Раскопано 23 помещения, раскопки центральной части поселения завершены. Здесь был караван-сарай. С истощением рудника жизнь постепенно замирала, значительная площадь поселения была превращена в мусорный отвал.

При раскопках городища Базар-Дара получен богатейший вещественный материал. Благодаря исключительной сухости воздуха здесь великолепно сохранились такие категории изделий, которые до сих пор являлись «белым пятном» в средневековой среднеазиатской археологии: хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани и изделия из них, разнообразные кожаные, меховые, войлочные и деревянные предметы. Особое значение имеет большая коллекция письменных документов (на бумаге).

В Карамазарских горах начаты раскопки рудничного поселения знаменитого средневекового рудника Кани-Мансур. Здесь вскрыты две группы помещений. Одни из них являлись жилыми, другие имели хозяйственное или производственное назначение (например, кузница и плавильня). Одна группа помещений по своим строительно-планировочным особенностям и по характеру находок значительно отличается от другой; вероятно, это был квартал, где жили представители рудничной администрации; помещения другой группы были жильем простого люда. В помещениях наряду с обильной керамикой найдено 30 монет. Основная часть материала датируется IX—XI вв.

Верхне-Зеравшанская группа основные работы проводила на городище Гарлони-Хисор у сел. Мадм (в 12 км от зáмка на горе Муг). Гарлони-Хисор — крупное сооружение дворцового типа, расположенное на горной вершине. Оно погибло от пожара. В 1966 г. завершено в основном исследование построек на вершине горы. Основная дворцовая постройка была поднята на трехметровый стилобат. Постройка включала более десятка различных помещений: крупный парадный зал, домашнее святилище с нишей и площадкой для негасимого огня и др. Найдено много обугленных деревянных деталей, остатки богатой резной декорации. Обнаружены также обуглившиеся куски ковров. Архитектурно-планировочные приемы, вещественные находки и согдийские монеты убедительно датируют эту постройку, которая погибла в начале VIII в. Возможно, это горная резиденция пенджикентского правителя или его наместника.

На Магнанском плато группа производила раскопки селища предмонгольского времени. Здесь вскрыты постройки каркасного типа, пять из них — хорошей сохранности. Раскопки дали обильный вещественный материал: большой набор керамических изделий, в том числе великолепную глазурованную керамику, очень интересную посуду, а также стеклянные изделия, в частности обломки плоского оконного стекла, и т. д. Здесь же найдены монеты, в том числе две золотые.



Гардони-Хисор. Резное дерево

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

А. М. Беленицкий

Очередной сезон раскопок Института археологии АН СССР на городище древнего Пенджикента оказался весьма результативным. Работа производилась на цитадели и на Шахристане. Выяснилось, что мощная восточная стена внутреннего двора цитадели представляла собой ряд ранее обжитых стандартизованных по планировке помещений, которые впоследствии были тщательно забутованы. На внутреннем дворе открыта площадка с кухонными очагами под деревянным навесом.

На Шахристане продолжались раскопки шести объектов, четыре из которых находятся в восточной его части. Раскопки значительно продвинули исследование восточного района города. В частности, завершены работы по выяснению застройки крупнейшего квартала этого района (объект III) в последний период его жизни. Квартал занимал 5,5 тыс. кв. м и насчитывал около 200 отдельных помещений по нижнему этажу.

Четко и весьма интересно в деталях выясняется планировка двухэтажного жилого комплекса (объект XIX), где открыты два помещения с остатками стенных росписей. На объекте XVII обнаружено новое помещение со стенными росписями.

На объекте XIII раскопано пять комнат. Полностью сохранился сводчатый проход-коридор, связывавший жилую комнату с пандусом и внутренними подсобными помещениями.

Прекрасно раскрывается планировка здания (объект XIX) в северо-западном районе Шахристана. Здесь продолжалось вскрытие громадного коленчатого вестибюля общей длиной в 30 м. Кроме того, раскопаны два больших сводчатых помещения (хозяйственных, бытовых) и участок тщательно замощенного крупным булыжником двора.

На одной из стен вестибюля открыт фрагмент удовлетворительно сохранившейся живописи (сюжет батальный); следы росписей имеются на всех стенах этого вестибюля. Раскопки 1966 гг. вновь подтверждают предположение, что раскапываемое здание являлось дворцовым и принадлежало, очевидно, правителю Пенджикента.

Ряд интересных наблюдений сделан и при раскопках верхнего здания объекта XII.

К югу от объекта XXI начаты раскопки нового здания (объект XXII). Здесь сделаны наиболее важные открытия отчетного сезона. Уже в верхних наслоениях завала были обнаружены куски штукатурки с очень хорошо сохранившимся красочным покровом с целиком обвалившейся (или намеренно разрушенной) стены.

Реставрационной группе Государственного Эрмитажа (Е. Г. Шейнина, В. М. Соколовский и М. Страдомская) понадобилось почти два месяца для извлечения лишь части фрагментов. Это позволило, правда

в общих чертах, установить характер сюжета. На обвалившейся северной (торцовой) стене помещения была изображена в очень крупном масштабе (большее чем в 1,5 человеческого роста) группа: женское божество, сидящее на троне и окруженное языками пламени, выполненными яркой золотистой краской на ультрамариновом фоне, и стоящее в полный рост рядом с богиней трехликое шестирукое божество. Кроме того, здесь же находилось изображение птицы, держащей в лапах человеческую фигурку (сюжет Ганимеда). Несомненно имелись и другие изображения. В трехликом божестве надо, очевидно, признать реплику «Тримурти» индуистского пантеона, хорошо известного по многим скульптурам Индии. Но насколько мне известно, пенджикентское изображение является в живописи наиболее ранним.

В этом же помещении обнаружены крупные фрагменты сюжетной живописи и на самих стенах, но сюжет и красочная гамма иные. В частности, фон живописи кирпично-красный. Видимо, здесь были изображены сцены из какого-то эпического повествования. Пока наиболее ясен эпизод схватки двух воинов у стены здания (зáмка?). Очень интересно изображение самого здания. Оно сложено из крупных квадратных блоков — точно таких, какие мы постоянно видим в Пенджикенте. Замечательна облицовка верха стены здания фигурными кирпичами, идентичными с таковыми на знаменитом Аниковском блюде, о происхождении которого было высказано так много самых противоречивых мнений. Сейчас более чем очевидно, что мастер, изготовивший это блюдо, и передал, как и художник Пенджикента, виденные им в натуре здания.

Очень важна согдийская надпись в несколько строк, сделанная на этой росписи. Она помещена в дверном проеме здания, который одновременно обрамляет надпись. К сожалению, часть строк стерта. Остальные сохранились неполностью. Однако В. А. Лившицу, занявшемуся дешифровкой надписи, удалось предварительно установить общее ее содержание. Надпись поясняет содержание росписи: прочтено имя одного из участников сцены (Двенак) и титул другого (господин), полное имя которого, видимо, было написано в стертых строках. В. А. Лившиц предполагает, что надпись может быть стихотворной, иначе говоря — это отрывок из какой-то поэмы на согдийском языке.

Во время раскопок, не считая массового материала (керамики, монет, бронзовых изделий и др.), найдены каменная гиря с надписью, обозначающей ее вес, краткая надпись, процарапанная на черепке сосуда, и сосуд с несколькими рядами штампованного орнамента.

X. ТУРКМЕНСКАЯ ССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН ТУРКМЕНСКОЙ ССР

О. Бердыев

Полевые работы велись в плане двух тем: «История материальной культуры Туркменистана» и «Археологическая карта Туркменистана». Основные работы на поселении времени Анау I-А Чакмаклы-депе были сосредоточены на вскрытии второго строительного горизонта поселения.

Стены сохранились на высоту 10—50 см. Постройки возводились из прямоугольных кирпичей. Стены складывались на глиняном растворе и покрывались штукатуркой из глины с примесью соломы, а иногда без нее. Полы почти всех домов плотно утрамбовывали, после чего поверхность их покрывали одним или чаще несколькими слоями глиняной обмазки.

В результате раскопок поселения Чакмаклы-депе стало возможно говорить о типе жилой архитектуры времени Анау I-А.

На вскрытой в 1965—1966 гг. площадке расчищено 31 жилое и хозяйственное помещение и двор, которые группируются в четыре самостоятельных комплекса. Комплексы отделены друг от друга центральной улицей и поперечными улочками.

Жилые помещения были двух типов. Первый тип — прямоугольные небольшие помещения со специальными угловыми очагами. Второй тип — дома сравнительно большого размера, удлиненные в плане и разделенные на три комнаты прямоугольными выступами. Также имелись помещения, разделенные выступом на две комнаты, в которых стены и пол покрыты красной или черной краской. Эти постройки различаются лишь по размерам. Их устройство обнаруживает своеобразную стандартность. Напомним, что в памятниках джейтунской культуры также отмечена стандартность планировки, но совершенно иного типа. Архитектура Чакмаклы-депе несколько напоминает чагыллыескую, но отличается от последней большой четкостью строений. Следует отметить, что, как и в предшествующее время, сохраняется традиция окраски полов и стен отдельных домов в черный или красный цвета.

В культурных слоях поселения было найдено большое количество хозяйственно-бытового инвентаря. Собранная керамика, судя по фактуре, технике изготовления сосудов, формам и орнаментации, в основном принадлежит ко времени Анау I-А. Керамика Чакмаклы-депе, как и на других памятниках времени Анау I-А (Анау, Монжуклы-депе, Каушут), в сравнении с посудой предшествующей джейтунской культуры и керамикой более позднего Намазга I выглядит очень изящной. Некоторые из сосудов имеют весьма тонкие стенки, изготовлены из красной или светлой глины с добавлением в нее мелкого песка. Изредка встречаются фрагменты керамики, покрытые красноватым или коричневым ангобом. Основной формой сосудов являются разнообразные варианты чаш. Наиболее популярными орнаментальными мотивами становятся рисунки в виде треугольников, но не залитых сплошь, как в поздней фазе джейтунской культуры и Анау I-Б (Намазга I), а заштрихованных.

В самом верхнем, фактически не сохранившемся комплексе одновременно с керамикой типа Анау I-А встречены фрагменты грубой светлоглиняной посуды с растительной примесью типа Анау I-Б (Намазга I), толщина стенок которых доходит до 4 см. Это крупные чаши типа тагоры, видимо предназначавшиеся для хранения продуктов.

Особый интерес представляет обломок женской статуэтки. Глина светлая, тесто плотное, без растительных примесей, обжиг ровный до розоватого оттенка. Фигурка покрыта светлым ангобом. Совершенно аналогичные статуэтки встречаются на памятниках последующей эпохи Ильгынлы-депе в Геоксюре I.

Во время раскопок найдено большое количество глиняных пряслиц от ручных веретен, в основном конической формы со сквозным отверстием. Наличие костяных иголок с ушком и пряслиц дает основание предполагать развитие ткачества. Изредка встречались диски с отверстием в центре и без него, изготовленные из камня или из обожженной глины, назначение которых не определено. Кремневые изделия представлены в небольшом количестве. Это вкладыши жатвенных ножей, ножевидные пластины, осколки и отщепы. Имеются каменные отбойники и заготовка каменного топора. Изделий из меди не найдено.

Как уже отмечено, керамика Чакмаклы-депе не связана с керамикой предыдущей джейтунской и последующей эпохи Намазга I, отличаясь лучшим качеством выделки и разнообразием орнаментации. В пору джейтунской культуры в тесто глиняной посуды добавляли мелкорубленную солому, отделка сосудов была грубой, обжиг — слабым. Все новшества керамического искусства в пору Анау I-А, видимо, являются этнографической особенностью, которая принесена пришельцами с юга. Аналогичный материал встречается в Иране на поселениях Чешме-Али и Шир-и-Шайан, где обнаружена очень похожая керамика. Выяснить, кем были эти пришельцы, что заставило их покинуть родные поселки и в V тысячелетии до н. э. перебраться в подгорную равнину Южного Туркменистана, и многое другое — дело будущих исследований.

Продолжались раскопки на средневековом городище Шехр-Ислам. Раскопано полностью круглое сооружение в 350 м к западу от городища. Здание площадью 42 кв. м, построенное из жженого кирпича, имело арку, покрытую алебастровой штукатуркой. Пол также выложен обломками жженого кирпича. Найдена керамика с бирюзовой поливой. Ведший здесь раскопки Е. Атакаррыев считает, что это сооружение, как и многие другие, было разрушено в результате монгольского погрома.

Расчищена керамическая печь 7 прямоугольной формы, состоявшая из двух камер: верхней — обжигательной и нижней — топочной. Обжигательная камера сложена из жженого кирпича и с внутренней стороны покрыта глиняной штукатуркой. В камере найдены фрагменты неполивных глиняных сосудов. Топочная камера имела арочное перекрытие из жженого кирпича. При расчистке топочной камеры обнаружено большое число обломков керамики без поливы. Среди них имеются фрагменты хумов с налепными узорами на горловине, кувшины с прочерченным орнаментом, обломки фляги с двумя ручками, чашки и другие более мелкие сосуды, относящиеся к XII—началу XIII в.

Третий пункт, где велись стационарные работы,— это городище Старый Серахс в Южном Туркменистане, расположенное в 1,5 км к юго-востоку от одноименного современного поселка.

Городище состояло из арка, шахристана и рабада. Шахристан был отделен от арка большой площадью, однако стена и ров объединяли их в единую территорию «старого города», треугольную в плане, со всех сторон окруженную обширным рабадом. Раскоп 1 представлял собой разрез цитадели городища.

Ярусы I—XI (каждый ярус равен 50 см) представлены «воздушными» слоями. Ярусы XII—XIII состояли из рыхлой земли вперемешку со строительным мусором. С яруса XIV начиналась пахсовая стена, с внешней стороны облицованная стеной двухметровой толщины из жженого кирпича. На вскрытой площади имелась башня, построенная из такого же кирпича. Башня сохранилась на высоту в 3,5 м, диаметр ее 6 м. Керамика этого строительного горизонта относится к XV в.

Ниже шел пласт, представленный надувными и горелыми (зольными) слоями, которые О. Оразов связывает с периодом захвата города монголами.

Второй строительный горизонт шел до яруса XXV. И в этом слое стена имела облицовку из жженого кирпича таких же размеров.

Башня здесь сохранилась на высоту 1,3 м, диаметр ее 4 м. С внутренней части оборонительной стены обнаружены остатки построек из жженого кирпича. Этот слой датируется домонгольским периодом, о чем свидетельствуют поливная керамика, фрагмент люстры, относящиеся к XI—XII вв.

С целью сбора материалов для «Археологической карты Туркменистана» было произведено маршрутное обследование Серахского оазиса.

К сасанидскому периоду относятся 11 памятников, на семи из которых жизнь прекратилась в позднесасанидский период; городище у мавзолея Ярты-Гумбез просуществовало до X в., Хошлук-депе — до XV в., Ганбар-депе — до XVI в., Уч-депе I — до XVII в. Наиболее крупным среди замков, крепостей и городищ сасанидского времени этого района является городище Яглы-депе, расположенное в 20 км к северу от пос. Серахс. Оно имеет округленную форму (диаметр 120 м), сильно укреплено оборонительными стенами и окружено рвом. Въезд был с востока.

Остальные памятники этого времени также округленной или прямоугольной формы, но размер их меньше. Почти все они имеют ровную поверхность и крутые склоны. Керамика, найденная здесь, неполивная с нарезными узорами.

Десять памятников были основаны в X—XI вв., на пяти из них жизнь прекратилась уже в XII в., на других — в XV, XVII и XVIII вв. Крепость Пализак-депе относится к XIII—XIV вв.

Небольшим разведывательным раскопкам была подвергнута Гассапкала, находящаяся в 16 км к юго-востоку от пос. Серахс, у подножья холмов, на границе между ними и степью. Это крепость площадью 50×60 м, высотой 4 м, толщина стен 2 м. Четыре ее угла фланкированы мощными башнями диаметром 8 м. На башнях замечены два ремонтных периода. В первый сделана кладка из сырцового кирпича. Во второй сырцовая башня была взята в пахсовый чехол. Керамика в основном XI—XII вв., но в незначительном количестве имеются фрагменты более позднего времени (желтая грязная полива). Ремонт башни пахсой говорит о процветании жизни здесь в более поздние периоды, что подтверждает и поздняя керамика XVI—XVII вв.

Небольшой разрез был заложен на Уч-депе II, расположенном в 1 км к востоку от правления колхоза Ашхабад Серахского района. Депе является средневековой крепостью площадью 60×60 м. Поверхность его усыпана фрагментами керамики и жженых кирпичей. Полива керамики зеленая, голубая, коричневая. В результате небольших раскопок обнаружена стенка из жженых кирпичей, идущая с запада на восток. Здесь много обломков крупных хумов, но есть фрагменты стеатитового орнаментированного сосуда.

Амударьинский отряд обследовал правый берег Аму-Дарьи в пределах Туркменской ССР. Отрядом пройдено около 2000 км и выявлено большое количество археологических памятников различных эпох, с античности до начала XX в.

Наибольший интерес среди обследованных памятников представляет Усты-кала, расположенная на окраине одноименного поселка Фарабского района. Это крепость в форме почти правильного цилиндра из плотного песка и глины диаметром 55—60 м и высотой 16—18 м. На вершине этого цилиндра расположен культурный пласт мощностью 3—5 м. Нижний слой относится к античному времени. Выше идет раннесредневековый слой, в котором найдено большое количество хумов. Верхний

слой обживался в более позднее время (XII—XIV и XVIII—XIX вв.). Усты-кала — единственная древняя крепость на севере Фарабского оазиса; обследовавшие ее В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов считают, что она выполняла роль сторожевого форпоста.

Городище Бешир-кала (или Шахри-Хайвар) — квадратное в плане, ориентированное по странам света. В центре его открыты остатки сильно разрушившейся цитадели, имеющей форму квадрата. Длина стороны городища 220 м, цитадели — 25 м. Высота городища 3—4 м, высота цитадели 6—7 м. Стена цитадели сложена из сырцового кирпича и пахсы. Около северо-восточного угла цитадели найден античный бокал первых веков нашей эры. Над античной толщей имеется средневековый слой.

Крепость Мунчак-депе основана на такыре и имеет почти круглую планировку диаметром 110 м. Вся 23-метровая высота сооружена искусственно, никаких естественных возвышений под основанием не было. В разрезе видно несколько зольных слоев. В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов считают, что жизнь здесь часто прерывалась в результате войн и пожаров, после чего крепость заново перестраивалась. На самом верху имеется зольный слой толщиной в 20—25 см. Вероятно, это следы последнего пожара, после которого крепость оставлена.

Холм Шор-депе III отличается прямоугольной планировкой, размеры его 105×90 м, в северо-восточном углу он имеет приподнятую площадку — «вышку» и тем самым напоминает памятники сасанидского времени. В рельефе хорошо читаются следы былых крепостных стен, толщина которых, очевидно, достигала 3—3,5 м.

На Шор-депе III был заложен шурф, доведенный до глубины 4,25 м. В ярусах I—III залегали остатки постройки из сырцового кирпича. В середине яруса III зафиксирован пол этого здания, отмеченный в разрезе слоем плотной светлой глины. Далее до конца яруса III шел слой забутовки, содержавший смешанный материал. В этом строительном горизонте найдены керамика раннесредневекового времени и бусинка из синего стекла. Ярусы IV—VIII содержали слои, связанные с обживанием холма в эпоху античности. Последовательность этих слоев довольно четкая: здесь зафиксировано три уровня полов, отмеченных прослойками красной обожженной земли и золы. Керамики в слоях античного времени очень немного, и она представлена невыразительными фрагментами.

Шурф интересен в том отношении, что он подтверждает предположение о возникновении большинства раннесредневековых поселений на развалинах античных городищ.

Пуль-и-зиндан, или, как называют местные жители, «Дом эмира Тимура», расположен на высокой скале, подходящей к самой Аму-Дарье. На юго-восточном углу скалы сложена высокая башня из сырца. К северу и к западу от нее приблизительно в радиусе 50 м встречаются фрагменты неполивной керамики. Выгодное стратегическое положение

и хороший обзор местности не оставляют сомнения в том, что это сторожевой пункт, по-видимому, раннесредневекового времени.

Пуль-депе — почти прямоугольное в плане, площадью 60×40 м, высотой около 3 м. Въезд с северо-запада на восток фланкирован крупной башней высотой 5 м. Здесь найдено очень много керамики раннесредневекового времени, в основном разнообразные хумы. Обнаружено 10 монет.

Крупное городище Зухра-Тахир, наполовину смытое Аму-Дарьей, было квадратным в плане, со стороной 250 м, и имело в центре высокую цитадель. Стены городища были фланкированы полукруглыми выступающими башнями (на восточном фасе сохранились следы пяти башен). В качестве строительного материала использовался сырцовый кирпич. Основная масса культурных слоев городища, по-видимому, относится к X в., так как здесь довольно часты находки поливной керамики того времени. Реже встречается керамика XI—XII вв. На городище найдены три монеты.

Слои XIII—XV вв. обнаружены лишь на городищах Янги-Кургак, расположенном в 2 км к западу от пос. Карлюк, и Ак-депе-кала, находящемся в 5 км к юго-востоку от районного центра Ходжамбас на территории колхоза «Победа».

Первое имеет почти прямоугольную форму. Высота наиболее возвышенной части достигает 3,5 м. Судя по общей планировке (имеется несколько дворов), здесь располагался караван-сарай. Характерным материалом для памятника является монгольская поливная керамика. Найдены также две медные монеты.

Городище Ак-депе-кала имеет квадратную планировку с цитаделью в юго-восточном углу. Высота крепости 7—8 м, а цитадели 14 м. На поверхности крепости находятся развалины медресе, построенного в начале XX в. Шурфовка показала, что под поздним слоем есть стены из жженого кирпича, характерные для развитого средневековья.

Из более поздних памятников обследованы мавзолей Бакиджан-баба в 12 км к югу от Фараба и мечеть в Бурдалыке. Они построены в конце XIX или в начале XX в. из сырцового кирпича.

Отсутствие на отмеченных памятниках и поселениях находок более раннего времени объясняется тем, что в прибрежной культурной полосе они смыты Аму-Дарьей или погребены под речными наносами и более поздними культурными наслоениями.

Следует отметить, что пустынное плато и горные районы исследовались Амударьинским отрядом лишь на отдельных небольших участках. По сравнению с античным периодом и ранним средневековьем в развитом средневековье и более позднем времени этот район был заселен менее интенсивно. Как показало сплошное обследование правого берега Аму-Дарьи, крепости и города располагались главным образом вдоль многочисленных торговых путей и в местах переправы через Аму-Дарью.

Была организована экспедиция в западные районы Туркмении, где производился учет всех памятников от каменного века до позднего средневековья и собирался подъемный материал около действующих и заброшенных колодцев.

ПРОТОГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА АЛТЫН-ДЕПЕ

В. М. Массон

В 1966 г. силами Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН Туркменской ССР были продолжены начатые в 1965 г. раскопки поселения Алтын-депе, расположенного около сел. Меана на юге Туркменской ССР. При этом основные усилия были сосредоточены на изучении верхних слоев, содержащих керамику типа Намазга V и относящихся ориентировочно к концу III — началу II тысячелетия до н. э.

Прежде всего были продолжены работы на раскопе 1, где путем постепенного вскрытия строительных горизонтов изучается последовательность культурных напластований. Сам раскоп расположен на восточном склоне обширного «холма ремесленников», занимающего площадь около 2,5 га. Бракованные фрагменты керамики, керамические шлаки и остатки гончарных печей в изобилии наблюдаются на поверхности холма, указывая, что он длительное время был важным центром гончарного производства. Следы такого производства отмечены и на раскопе 1. Здесь в 1966 г. вскрывались строения слоя Алтын 3 (отсчет слоев сверху вниз). В непосредственной близости от вскрытых строений обнаружены два или три керамических горна, причем около одного из них находились глиняные фигурки, приготовленные для обжига.

Керамика слоя Алтын 3 в основном представлена нерасписной посудой типа Намазга V, хотя встречаются отдельные черепки с росписью типа Намазга IV, видимо, перемещенные из нижних горизонтов. В слое Алтын 3 был расчищен ряд погребений, преимущественно детских и лишенных инвентаря.

От сравнительно бедного квартала гончаров отличаются дома, располагавшиеся к югу от этого квартала и, видимо, принадлежавшие более зажиточной части населения. Здесь на вершине «холма стены», в основании которого идут массивные обводные стены времени Намазга IV, изучавшиеся в 1965 г., был заложен раскоп 5. Вскрытый участок представлял собой юго-восточный сегмент данного возвышения. Обнаруженные строения относятся ко времени Намазга V. Их сохранность ухудшалась по направлению к краю холма, что не дало

возможности с уверенностью судить о наличии или отсутствии здесь обводных стен в пору Намазга V. Вскрытая группа строений имела по крайней мере два этапа существования. Поверх поздних полов нередко идет сплошная забутовка. В западной части раскопа вскрыта улица шириной от 1,5 до 1,8 м. К западу от улицы исследованы два небольших помещения, являвшиеся частью обширного архитектурно организованного комплекса. В одном из помещений имелся двучастный очаг. Строения, расположенные к востоку от улицы, разделяются на две группы узким коридорообразным помещением, возможно, это небольшая улочка. К северу от этой улочки вскрыто девять помещений, являвшихся частью многокомнатного массива. Здесь в одном из помещений расчищен очаг, в центре которого находились два глинобитных столба диаметром 15 см.

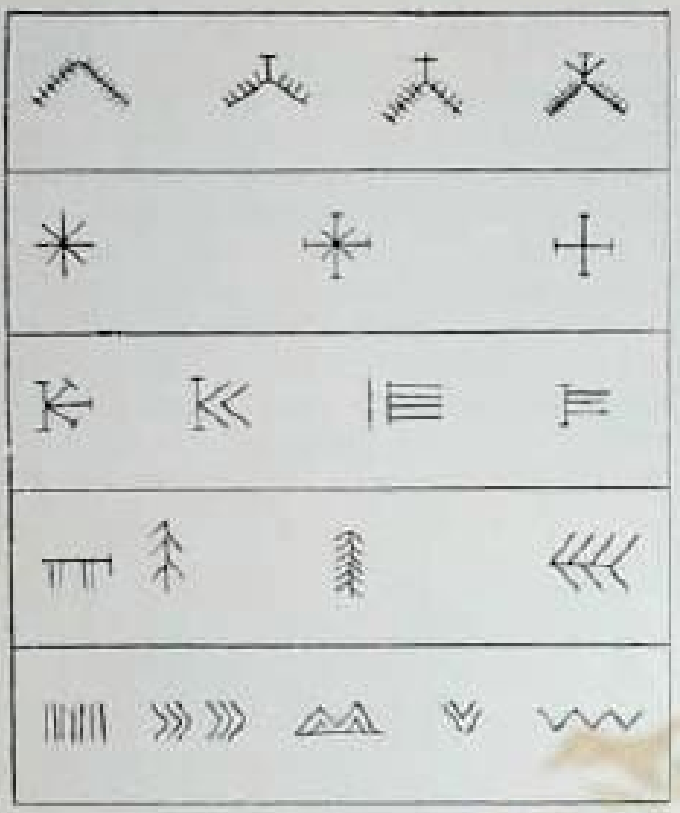
Строения, расположенные к югу от улочки, также входили в состав многокомнатного дома, но отличались большей величиной. В одном помещении здесь обнаружен очаг с двумя центральными глинобитными столбами. Особый интерес представляет помещение 13, служившее в древности погребальной камерой. Само помещение, квадратное в плане, вписано в общий комплекс многокомнатного массива, и одна из его стен является стеной центральной улицы. Всего здесь было расчищено 14 погребений, в основном нарушенных в процессе многократного заполнения камеры телами усопших. В состав погребального инвентаря входили 20 керамических сосудов, один каменный сосуд, 86 бусин (в том числе одна лазуритовая и четыре сердоликовые), бронзовый перстень, кремневый наконечник стрелы и две бронзовые перегородчатые печати — одна в виде фигуры козла, а другая в виде животного кошачьей породы. Перстень был надет на безымянный палец левой руки (погребение 50), а печать в виде животного кошачьей породы находилась у таза (погребение 48). Возможно, что ее носили на поясе, привязывая за ушко. Особый интерес представляет найденная в камере целая статуэтка сидящей женщины с расставленными в сторону руками. Спереди на руках нацарапан знак в виде треугольника с ребрышками. Такой же удвоенный знак с навершием изображен на тыльной стороне статуэтки. Обнаружен также фрагмент другой женской фигурки, но трудно судить, входил ли он в состав погребального инвентаря или принадлежал заполнению культурных слоев, перекрывших заброшенную гробницу.

Помимо погребальной камеры на раскопе 5 было расчищено восемь одиночных погребений, как правило, относящихся ко времени запустения вскрывавшихся строений. Умершие, преимущественно дети, в основном обращены головой на север и северо-запад. В трех могилах имелся инвентарь (по два сосуда в двух и 19 бусин в третьей). Исключительный интерес представляет двойное захоронение, условно названное погребением жреца. Взрослый человек лежал головой на северо-восток, на левом боку, с вытянутой левой рукой, в которой он держал

две терракотовые статуэтки женщин. На мизинце этой руки были надеты два золотых перстня и один бронзовый. В погребении найдено около 100 бусин из агата, сердолика, бирюзы, лазурита с золотой оковкой и из гипса с золотой обтяжкой. Перегородчатая печать в виде фантастического трехголового животного лишний раз подчеркивает необычный характер этого погребения. Женские статуэтки отличаются от фигурки, найденной в погребальной камере, рядом деталей, в том числе знаками на руках: у одной — это семь вертикальных черточек, у другой — знак в виде усложненной буквы К. Скелет второго покойника — ребенка — скорчен на правом боку, обращен головой на север и положен параллельно основному захоронению. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Проводящиеся на Алтын-депе раскопки ставят ряд важных исторических проблем. Так, открытие погребальной камеры не только свиде-

Алтын-депе. Зооморфные печати



Алтын-депе. Знаки на статуэтках времени Намазга V

гельствует о сохранении традиций коллективных захоронений до развитого бронзового века, но и ярко характеризует основную ячейку общества — большесемейную общину, которой, видимо, принадлежала гробница. Примечательно, что в гробнице были всего две печати, возможно принадлежавшие лицам, занимавшим в обществе особое положение (старейшины-патриархи).

Широкое распространение печатей в пору Намазга V указывает на становление института собственности. Возможно, об этом свидетельствует и знак-тавро, помещенный на одной глиняной фигурке быка из слоя Алтын 3. Впервые обнаруженные в значительном числе перегородчатые зооморфные печати времени Намазга V как бы предвосхищают так называемый звериный стиль скифо-сакского круга. Можно предположить, что оседлые поселения Южного Туркменистана эпохи бронзы входили в одну из областей, где шло формирование глубинных традиций, явившихся одним из компонентов этого художественного явления.

Знаки, помещаемые на статуэтках и представленные сейчас 23 разновидностями, наряду со знаками на керамике свидетельствуют о процессе становления пиктографической системы письма. Знаки представляли собой скорее всего магические и культовые символы, связанные, возможно, с персонификацией в рамках общего скульптурного образа различных женских божеств. Следует отметить, что по внешнему виду алтыновские знаки ближе стоят к шумерской и протоэламской пиктографии, чем к харапским надписям. Примечательна находка на Алтын-депе обломка плитки со знаками трех видов, нанесенных на нее до обжига. Было бы соблазнительным видеть в этом обломке часть какой-либо пиктографической записи, но лучше подождать находок более выразительных образцов.

Вся сумма накопленного материала свидетельстаует о высоком культурном и хозяйственном уровне развития Южного Туркменистана времени Намазга V, близко напоминающем Месопотамию уракского периода. Видимо, есть основания рассматривать крупные поселения

Намазга-депе и Алтын-депе как своеобразные протогородские центры, естественная эволюция которых была прервана в пору поздней бронзы какими-то не вполне ясными для нас событиями.

РАСКОПКИ НА ХАПУЗ-ДЕПЕ И АЛТЫН-ДЕПЕ

В. И. Сарианиди

Основная цель работ Геокюрского отряда Института археологии АН СССР в 1966 г. на Хапуз-депе заключалась в изучении принципов орошения эпохи бронзы и исследовании археологических слоев того же времени. Поселение расположено на правобережье р. Теджен в юго-восточных Каракумах; время наибольшего его обживания — III тысячелетие до н. э. В начале II тысячелетия до н. э. Хапуз-депе резко сокращается в размерах. На поселении обнаружены остатки двух медеплавильных горнов (льячки, шлаки). Раскопана небольшая керамическая печь круглой формы.

В восточной части поселения находится пониженный участок. Серия заложенных здесь траншей показала, что в древности на этом месте находилась или площадь или загон для скота; но уже во II тысячелетии до н. э. этот участок оказался погребенным наносным песком на глубину свыше 2 м.

Раскоп 1 выявил жилой архитектурный ансамбль середины III тысячелетия до н. э.; прослежены два строительных комплекса. От верхнего на глубину до 20 см сохранились лишь остатки стен и полы. Кроме керамики, найден медный наконечник дротика или ножа и, что особенно интересно, медный рыболовный крючок. Найдены обломки таких крючков и на поверхности поселения. Это первые находки такого рода, указывающие на определенную роль рыболовства в палеоэкономике племен, обитавших в юго-восточных Каракумах. Кстати, отметим находки обожженных панцирей черепах, видимо использовавшихся некогда в качестве пищи.

В юго-восточной части раскопа обнаружена полуразвеянная погребальная камера, содержавшая три скелета.

Второй строительный горизонт состоял из ряда жилых и хозяйственных помещений с прилегающими дворами. Найденная керамика в массе своей нерасписная и может быть подразделена на кухонную, сделанную вручную, и столовую, изготовленную на гончарном круге. Расписная керамика в основном представлена мелкими сосудами в виде биконических и полусферических чаш, глубоких мисок, выделанных на гончарном круге. Орнаменты весьма однотипны: ряды пирамидок, зубчатые «уголки», ломаные зубчатые ленты и особенно часто кресты. Рисунки

выполнены черной краской по красноватому фону. Орнаментальные узоры посуды Хапуз-депе носят вполне определенный налет провинциализма сравнительно с одновременной расписной керамикой таких «столичных» поселений, как Алтын-депе, Намазга-депе, Яссы-депе. Варианты росписей весьма немногочисленны, рисунки более скромны, что объясняется периферийным расположением самого памятника. Видимо, этим же объясняются малые размеры керамических горнов, продукция которых была рассчитана в основном на внутренние нужды. Однотипные же печи Алтын-депе и Намазга-депе гораздо больше.

Найдены две женские фигурки (одна каменная), иконографический тип которых продолжает традиции мелкой пластики предшествующего, геоксюрского периода. В помещениях имелись кремневые пластины и наконечники стрел, так что камень еще не был вытеснен медными орудиями.

Для установления характера контакта древнего края поселения с прилегающим руслом была заложена траншея 5, выявившая небольшой промыв, возможно маленькое озерко. Геоморфологические исследования показали, что поселение Хапуз-депе находилось в месте слияния двух русел, причем на берегу одного из них прослежены остатки древней дамбы, так что орошение полей, по-видимому, осуществлялось методом напуска. В паводки река заливала поля, обратный же спад задерживался дамбой. Специальные шурфы выявили погребенный почвенный горизонт, подтверждающий, что в древности земли, прилегающие к поселению, орошались и обрабатывались.

На поселении Алтын-депе раскапывались два некрополя эпохи бронзы. На некрополе А рядом с погребальными камерами, исследованными в 1965 г., расчищено помещение с настенной росписью, в котором, возможно, совершались погребальные ритуалы (найдены вотивные сосудики). На некрополе Б были выявлены остатки трех прямоугольных погребальных камер с коллективными захоронениями.

В истории существования всего некрополя четко прослеживаются три строительных периода. Первый, наиболее древний, связан с существованием на этом месте обычных жилых и хозяйственных помещений; второй — с частичным использованием этих помещений для захоронений; третий — с коллективными захоронениями. Для этого помещения были частично перестроены и приспособлены под специальные погребальные камеры. Захоронения производились последовательно. Погребальный инвентарь представлен каменными и керамическими сосудами и бусами. Отмечается единство погребального ритуала и инвентаря внутри каждой камеры.

На поверхности Алтын-депе найдена довольно большая коллекция мужских и женских статуэток начала II тысячелетия до н. э. Некоторые фигурки украшены сложными нацарапанными знаками, по-видимому пиктограммами. Особого внимания заслуживают находки каменных и

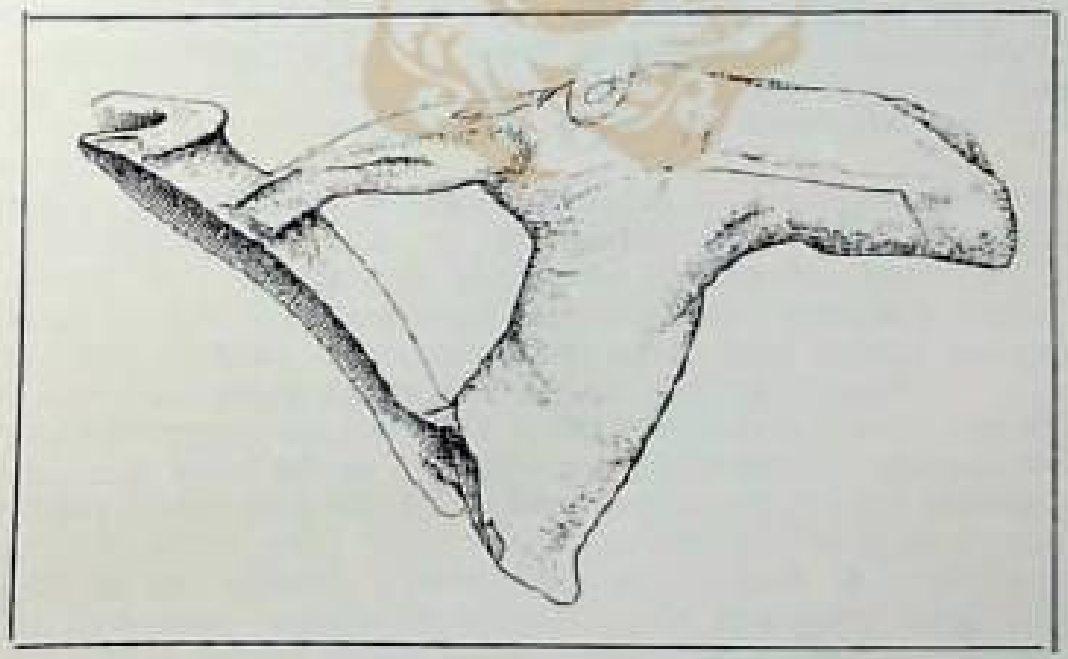
металлических печатей. С лицевой стороны они имеют врезные орнаменты, с оборотной — петельки-ручки.

Принципиальный интерес представляют каменные печати, по орнаменту, а главное по технике изготовления тождественные аналогичным предметам с поселения Мундигак в Афганистане. Сходство настолько близкое, что, возможно, они были изготовлены одним мастером. Кстати, отметим, что в Мундигаке также есть прямоугольные погребальные камеры с коллективными захоронениями. Подобные элементы культуры указывают на реальные связи племен этих древних областей.

РАСКОПКИ НА ЕЛЬКЕН-ДЕПЕ В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

К. Качурис

Елькен-депе — крупнейший город Северной Парфии площадью более 12 га, обнесенный мощными стенами, в центре его возвышается цитадель на платформе общей высотой до 20 м. В западной части цитадели раскоп частично вскрыл две стены из сырцового кирпича, соединенные под прямым углом. Стены сохранились на высоту трех — шести рядов кирпича. Они покрыты штукатуркой, поверх которой местами заметны следы известковой побелки. Площадь, непосредственно примыкающая с юго-запада к этим стенам, покрыта галечной вымосткой.



Елькен-депе. Обломок сосуда с носиком-сливом в виде головы козла

Раскоп на восточной окраине города вскрыл часть жилого комплекса, состоявшего из трех помещений хозяйственного назначения. Стены помещений выложены из пахсы и частично из сырцового кирпича. Здесь найдены два хума, керамика, каменные зернотерки, ступа, пестик, дверной подпятник, бронзовый двулопастный втульчатый наконечник стрелы.

Особого внимания заслуживает частично сохранившаяся печь квадратной формы, стены которой выложены из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Ниже пода находилась топка. Рядом с печью обнаружены медные шлаки, угли, так что, возможно, это остатки металлургического горна. Помещения заполнены строительным завалом, полы покрыты пепельно-золистым слоем вперемешку с комками обожженной глины. Внутри помещения имелся мощный зольник толщиной до 75 см с включением сильно обожженных речных галек. Не исключено, что эти помещения были разрушены в результате пожара. Керамический комплекс из них идентичен материалу раскопа в западной части цитадели и относится к VI—V вв. до н. э.

С целью стратиграфического изучения культурных напластований городской части Елькен-депе была расширена траншея в 20 м к западу от цитадели. Свита культурных напластований мощностью до 6 м может быть подразделена на пять строительных горизонтов: 1) VI—V вв. до н. э. (в этом слое на западной окраине города найден обломок кругового сосуда со сложным носиком-сливом в виде головы козла (?), украшенной росписью коричневатого цвета); 2) VIII—VII вв. до н. э.; 3) X—IX вв. до н. э.; 4) рубеж II—I тысячелетий до н. э.— переход от позднебронзового к раннежелезному веку; 5) вторая половина II тысячелетия до н. э. (керамика сходна с керамикой Намазга VI).

Полученные стратиграфические данные уточняют хронологическую шкалу Елькен-депе, увязывая его нижний слой с материалом эпохи поздней бронзы.

XI. КИРГИЗСКАЯ ССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН КИРГИЗСКОЙ ССР

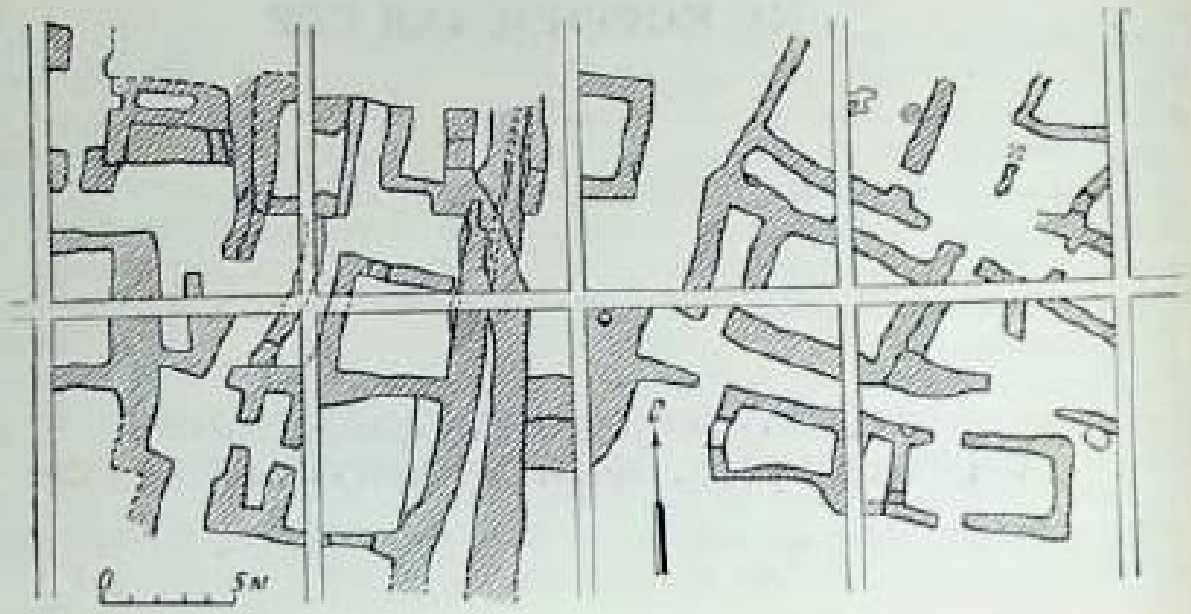
П. П. Гаврюшенко, Е. З. Заурова, П. Н. Кожемяко, И. К. Кожомбердиев

В 1966 г. при обследовании памятников в зоне затопления Андижанского водохранилища на р. Карадарья основное внимание было сосредоточено на двух объектах: укрепленном поселении и одиночной укрепленной усадьбе.

Укрепленное поселение располагалось на третьей (высокой) надпойменной террасе р. Яссы (в 1,5 км от места слияния ее с Карадарьей) и имело треугольный план площадью около 5 тыс. кв. м. В морфографии археологического микрорельефа легко читались три части: тепе с площадкой и «дворик», занимавшие соответственно разные высоты. Раскопкам подверглось в основном теле с площадкой, где наибольшая мощность снятых культурных наслоений составила 6,3—6,7 м. Культурные наслоения достаточно четко делились на четыре строительных горизонта: каждый горизонт — это совершенно новое архитектурно-планировочное образование.

Первый строительный горизонт располагался на материковых отложениях. В небольшом слое, к сожалению, не удалось зафиксировать строительные остатки; видимо, постройки находились где-то поблизости. Вскрыто до десяти хозяйственных ям различных планов и глубины, вырытых в лёссе. Собрано некоторое количество фрагментов керамических сосудов, изготовленных преимущественно ручной лепкой.

Второй строительный горизонт содержал остатки построек из пахсы. Выявлено семь помещений, которые по внутреннему оформлению, расположению и наличию в них различной домашней утвари можно считать частью жилого комплекса. Весь комплекс состоял из ряда соединенных проходами жилых комнат и подсобных помещений. К числу последних относятся хумханы, предназначавшиеся для хранения различных припасов, где кроме десяти хумов были и ямы. Постройки горизонта имели



Карадарья. План первого строительного горизонта на отдельной укрепленной усадьбе

четыре уровня обживания, отмеченные различными уровнями полов. В слое обнаружены в большом количестве керамика, каменные изделия и кости животных.

Третий строительный горизонт заключал довольно развитую систему соединяющихся между собой проходами помещений, количество которых колебалось в отдельные периоды (в пределах 15). Удалось выделить три строительных периода, отличающихся друг от друга частичными перепланировками. В каждом из них было по нескольку периодов обживания. В слое добыто значительное количество вещевого материала.

Очень сложны в планировочном и структурном отношении постройки четвертого (верхнего) строительного горизонта, включающие различные элементы жилых, хозяйственных и общественных помещений. Кроме пахсы, по-прежнему широко применявшейся, в строительстве начинают использовать квадратный большемерный сырцовый кирпич.

Одиночная укрепленная усадьба находилась неподалеку от поселения, но располагалась на второй (низкой) пойменной террасе. По первоначальному внешнему виду она принадлежит к широко представленной по всей Фергане категории археологических памятников, известных под названием «тепе с площадкой». Здесь вскрыто три строительных горизонта.

Первый из них, в залегании верхний, представляет весьма сложное и развитое архитектурно-планировочное единство. По материалам горизонта удалось зафиксировать несколько строительных периодов и периодов обживания. Для строений характерно отсутствие черт замковой монументальности. Число помещений достигало 12.

Карадарья. Расписные чаши из усадьбы и красноангобированный бокал из поселения

Два нижеследующих горизонта представляют собой заурядный образец замковой архитектуры со сравнительно мощной системой фортификаций. Удалось расчистить угловую активную башню (вначале их могло быть больше).

Второй горизонт отделялся от первого каменной наброской — неупотребленным строительным материалом. Из построек вскрыто пока пять помещений, отдельные стены которых были использованы после ремонтов и надстроек в верхнем горизонте.

Третий строительный горизонт раскопан также неполностью. Архитектурно-планировочные принципы здесь изменены, многие комнаты имеют вид узких, параллельно вытянутых коридоров. В истории комплексов можно насчитать несколько периодов обживания.

Достаточно сложная и четкая стратиграфия двух этих синхронных памятников позволяет хронологически расчленить и сопутствующие вещественные материалы, которые на обоих объектах почти одинаковы. Керамика круговая и лепная. Круговая делится на три группы: красноангобированная с двусторонним лощением, с черным ангобом и более грубая, покрытая белым и розовым ангобом.

Среди лепной керамики выделены: расписная, крашеная, ангобированная и с толстыми стенками; к посуде домашнего изготовления относятся сосуды с отпечатками тканевого шаблона и очень грубые, примитивные.

Широко представлены пряслица — конические, биконические, дисковидные и шарообразные; некоторые из них покрыты красным ангобом. Значительную группу составляют лощила, оселки и продолговатые каменные зернотерки. Их собраны сотни. Металлические и костяные изделия встречались редко. Аналогичные комплексы материалов датируются в Фергане в пределах IV—I вв. до н. э.

Судя по всему, основу хозяйственного уклада поселенцев составляло орошаемое земледелие; скотоводство играло второстепенную роль. Находки костей позволили установить состав стада: овцы, крупный рогатый скот, лошади, козы, свиньи. Встречались кости собаки, птиц и др.

В долине Кетмень-Тюбе, в зоне строительства Токтогульской ГЭС, в 1966 г. производились раскопки на могильнике Кызыл-Жазы, состоящем из 270 курганов; вскрыто 40. Для всех погребальных сооружений могильника характерны насыпи из лёсса. В насыпях двух курганов обнаружено по одному кувшину с детскими костяками.

Захоронения помещены в катакомбах, расположенных перпендикулярно к длинному наклонному дромосу со сводчатым потолком. В катакомбах находились один, два, реже три скелета. Многие из катакомб оказались ограбленными. Несмотря на это сохранилось значительное количество археологических материалов: глиняные сосуды (более 60), предметы вооружения (железный меч, наконечники стрел, костяные накладки от лука), украшения (бронзовые колечки, бусы из стекла, сердолика, хрусталя). Наибольший интерес представляет глиняный бокал с красным ангобом и процарапанным орнаментом, характерный для Ферганской долины и единственный в долине Кетмень-Тюбе.

В могильнике Алмалуу из 120 курганов раскопано 10. Курганы имели земляную насыпь, длинный дромос, перпендикулярно расположенные катакомбы. В катакомбах находились один-два скелета, многие из них были положены в деревянный гроб и ложе. Некоторые из катакомб оказались ограбленными. На поверхности насыпи кургана 13 хорошо была видна прямоугольная оградка, сложенная из булыжника в один ряд. Под насыпью проходил длинный дромос, ориентированный с запада на восток. В перпендикулярно расположенной катакомбе среди разбросанных костей найдены кувшин с отбитым длинным горлом, бронзовый кинжал лавролистной формы с отломанным черенком и железная пряжка плохой сохранности. В кургане 10 в дромосе у входа в катакомбу обнаружен целый скелет молодой лошади.

В катакомбах встречались глиняные сосуды, большие деревянные столики со съемными крышками в виде блюд, кружки, серии предметов вооружения (кольчуга, наборы наконечников стрел, однолезвийный палаш, накладки от костяного лука), украшения (золотые серьги, перстень с инкрустацией и зернью, бронзовые колечки, бусы и т. д.).

Главным результатом раскопок 1966 г. является накопление новых материалов, характеризующих культуру населения, оставившего эти курганы. В целом катакомбные могильники долины Кетмень-Тюбе должны датироваться временем от III—II вв. до н. э. до V—VI вв. н. э.

В зоне затопления Токтогульской ГЭС продолжены раскопки городища Акчий, расположенного в 6 км от пос. Токтогул по дороге Ош — Фрунзе. Открыта часть архитектурного комплекса, стоящего на культурном слое.

Очень интересна планировка памятника. На главной оси, идущей по линии северо-восток — юго-запад, расположен центральный вход, за ним следует помещение 2 с суфами по обе стороны от прохода, ведущего в обводной коридор, обтекающий помещение 1 и открывающийся концами во «дворик». Помещение 1 южной стороной открывается во «дворик», в

Алмалуу. Перстень и золотая серьга из могильника

центральной части которого имеется парадно оформленное ташнау, за ним в южной стене находится проход в помещение 7. С запада и востока центральную часть окружают помещения разных размеров.

Стены здания сложены из сырцового кирпича, кладка бессистемна. Судя по большому количеству остатков дерева в завале и следам истлевшего камыша, перекрытия были деревянными.

Помещения 1, 3 и 5 богато украшены полихромными росписями по ганчевой штукатурке, штуковой резьбой и резьбой по глине. В помещениях 1 и 3, а также во «дворике» были украшены, по-видимому, верхние части стен и потолок, так как нижние части стен везде сохранились белыми, а резной ганч лежит в завале помещения в основном у стен.

Росписи выполнены минеральными красками по белому ганчевому фону, цвета — красные разных оттенков, белый, зеленый, синий и следы желтого. Мотивы росписей: растительно-геометрические и эпиграфические — всю верхнюю часть западной стены помещения 3 и часть южной занимала арабская надпись. Росписи сочетаются с резным штуком в виде плетенок, небольших фигурных вставочек или крупных односторонних розеток.

Наиболее пышный декор оказался в помещении 5. Вскрытие помещения не закончено. Бо́льшую часть его площади занимала суфа, выложенная из жженого кирпича и оштукатуренная зеленоватой плотной глиной. Стены украшены резными панно и розетками с растительно-геометрическим узором из такой же глины. Кроме фрагментов резной глины, встречались куски фигурных штампованных необожженных глиняных плиток из обычной сероватой, хорошо отмученой глины, покрытые тонким слоем зеленоватой глины. Встречено большое количество фрагментов резного ганча с теми же мотивами узора, что и по резной глине. В некоторых случаях резной ганч тонирован сверху тонким слоем зеленоватой глины. Резная глина иногда имеет на внешней поверхности тонкий слой побелки. В этом же помещении найдены небольшие фрагменты ганчевой штукатурки с росписью черной краской.

Вещевой материал крайне скуден. Монет нет. Немногочисленная керамика с черно-бело-голубой гаммой поливы, иногда на кашинном черепке, и тонкая кашинная керамика с росписью кобальтом относятся к XIV—XV вв.

По предварительному мнению специалистов, стиль надписей в помещении 3 и характер остального декора не противоречат указанной датировке.

РАСКОПКИ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ ФЕРГАНЫ И НА ПОСЕЛЕНИИ АНА-КЫЗЫЛ

Г. А. Брыкина

Ташраватская впадина расположена в юго-западных предгорьях Ферганы и впервые была обследована в 1957—1958 гг. Задачей работ Института археологии АН СССР в 1966 г. было уточнение датировки и топографии поселений. Раскопки двух памятников показали, что возникновение оседлоземледельческих поселений в долине относится к первым векам нашей эры. На большинстве из них жизнь прекратилась, очевидно, в IX в., что можно связывать с арабским нашествием. На некоторых поселениях жизнь продолжалась и в более позднее время.

Укреплениям поселений придавалось большое значение. Очень умело использовались естественные условия горного района. Поселения, как правило, располагались на высоких надпойменных террасах и мысах рек, на труднодоступных горных останцах.

С фортификационной точки зрения большой интерес представляют поселения Кайрагач и Тепе-Коргон, датирующиеся по подъемному материалу серединой I тысячелетия н. э. Поселение Кайрагач расположено на высоком мысу, образованном р. Ходжа-Бакырган и ее левым притоком, пересыхающим летом. Оно имело неправильную четырехугольную форму, было ограждено валами, а с юга и запада — глубокими рвами. В северной части поселения находится небольшое тепе, скрывающее в себе остатки башни.

Городище Тепе-Коргон расположено в узкой долине в 4 км к юго-востоку от сел. Маргун. Оно занимало высокий горный останец и господствовало над долиной. Городище имело четырехугольную форму и было окружено невысокими валами.

Основным объектом работ было расположенное на высоком берегу р. Ходжа-Бакырган городище Тагап. Оно сильно разрушено, часть его скрыта под современными постройками, что не дает возможности судить о его первоначальном плане и установить конечную дату существования. Толща культурных напластований в настоящее время достигает 8,5 м. Городище пережило несколько периодов, сопровождавшихся перестройками. Наиболее ранний период по находкам красноангобированной керамики с процарапанным орнаментом датируется первыми веками нашей эры. Наиболее поздний сохранившийся слой датируется

VIII—IX вв. Он вскрыт на небольшой площади. К сожалению, не удалось обнаружить строительных остатков того периода. Очень интересные материалы оказались в слое VI—VIII вв. Этим временем датируются два вскрытых помещения. Первое из них имело длину 8,6 м при ширине 2,2 м. Его стены, сложенные из длинномерных сырцовых кирпичей

Ана-Кызыл. Стеклянный сосуд

цепной кладкой, сохранились в высоту до 2,9 м. Помещение было перекрыто коробовым сводом, остатки которого уцелели на юго-восточной стене. Второе помещение длиной 6,6 м и шириной 2,35 м, расположенное на юго-западном краю тепе, относится к более раннему времени, чем первое, и в период жизни первого выполняло роль свалки, о чем свидетельствует характер его заполнения. В северо-западном и юго-восточном углах комнаты располагались по одной оси два дверных проема.

Наиболее поздним из обследованных памятников является поселение, расположенное в 1,5 км к северу от сел. Маргун. Здесь на юго-восточном и восточном склонах тепе, частично разрушенного колхозниками, сделаны две зачистки и заложен шурф. Установлено, что тепе скрывает в себе остатки здания XI—XII вв. Стены его сложены из глинобитных блоков и прекрасно сохранились, в шурфе обнаружен целый хум.

Вторым объектом работ явилось поселение, расположенное в кишлаке Ана-Кызыл (в 12 км к западу от г. Узгена) на правом берегу р. Яссы. Здесь на средства Кампыр-Раватской экспедиции проводились раскопки очень разрушенного тепе. В северо-восточной части тепе открыты

три помещения, стены которых, сложенные из длинномерных сырцовых кирпичей и каменных отесанных плит, сохранились в высоту до 1,8 м. В одном из помещений открыт очаг подковообразной формы. Монеты, керамика и стеклянная посуда, прекрасные образцы которой найдены в мусорной яме одного из помещений, позволяют датировать открытые помещения XII в.

Здание, очевидно, имело длинный осевой коридор, часть которого открыта раскопками. По обе стороны от коридора располагались жилые и хозяйственные помещения. Такая планировка характерна для раннесредневековых сооружений Хорезма, Усрушаны, Ферганы. Она отмечена также на ряде памятников XII в.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. РСФСР

СЕВЕР И СЕВЕРО-ЗАПАД

В. И. Канивец. Археологические изыскания на Печоре 5
Г. М. Бурда. Археологическое изучение торфяников в Северодвинском бассейне 6
Г. А. Панкрушев, Ю. В. Титов, А. В. Аникиев, А. П. Журалев. Карельская экспедиция 7
Р. В. Козырева. О работе в Каргопольском и Няндомском районах Архангельской обл. 10
В. Е. Лузгин. Неолит и бронзовый век в долине р. Ижма 11
Э. А. Савельева. Языческий могильник перми вычегодской 12
А. В. Никитин. Раскопки в Вологодской обл. 13
В. В. Седов, М. В. Седова. Раскопки длинных курганов на Великой . . . 14
Г. А. Лодусина. Раскопки в Новгороде 16
А. Ф. Медведев. Археологические открытия в Старой Руссе . . . 18

ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

Д. А. Крайнов, О. С. Гадзяцкая. Археологические исследования в Верхнем Поволжье 21
О. Н. Бадер. Раскопки стоянки Сунгирь 24
Л. М. Тарасов. Раскопки в Гагарино 26
В. Д. Будько. Юдиновское верхнепалеолитическое поселение . . . 27
В. П. Левенок. Исследование неолита на Дону 29
И. М. Тюрина. Изучение неолитических памятников в Смоленской обл. 30
А. Н. Пузикова, Н. К. Качалова. Работы Воронежской экспедиции . . . 32
Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. «Домик мертвых» на городище дьяковского времени 34
Е. А. Шмидт. Раскопки в Днепро-Двинском междуречье на Смоленщине 37
Д. А. Беленькая, А. Ф. Дубынин, К. Л. Смирнов, А. А. Юшко. Работы в Москве и Подмосковье 38

Р. Л. Розенфельдт. Археологические разведки в Подмосковье . . . 41
А. Г. Векслер. Раскопки в Западном Подмосковье 42
И. Г. Розенфельдт. Раскопки Северного мыса Старорязанского городища 43
Т. А. Кравченко. Раскопки Шатрищенского могильника 45
В. П. Даркевич, Р. Л. Розенфельдт. Раскопки на городище Старая Рязань . 46
Н. Н. Воронин. Смоленская архитектурная экспедиция 48
Д. А. Авдусин. Работы Смоленской археологической экспедиции 50
Т. Н. Никольская. Древнерусский Серенск — город вятичей 51
С. А. Плетнева. Работа Северо-Донецкого отряда 54
М. Р. Полесских. Погребения поздних кочевников в Пензенской обл. . . . 55

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, В. И. Козенкова, Р. М. Мунчаев, В. Б. Виноградов. Северо-Кавказская экспедиция 57
В. П. Любин. Разведки палеолита в горном Причерноморье 64
П. У. Аутлев, В. М. Муратов, Э. О. Фриденберг. Новые данные о Даховской стоянке 65
С. Н. Братченко. Раскопки крепости бронзового века у Ростова-на-Дону 66
А. Л. Нечитайло. Раскопки курганов у станицы Суворовская 69
И. В. Анфимов. Исследование памятников раннежелезного века на Кубани . 71
Н. А. Онайко. Разведка античных памятников в Северо-Восточном Причерноморье 74
И. Т. Кругликова, Е. М. Алексеева. Раскопки Гермонассы 75
И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы 76
Н. И. Сокольский. Исследования северо-западной части Таманского полуострова 77
И. Б. Брашинский, Я. В. Домбровский. Исследования Елизаветовского городища и курганного могильника 80
А. И. Болтунова. Раскопки Танаиса 83
И. И. Мизиев. Первые раскопки в верховьях р. Индыш 85

ПОВОЛЖЬЕ И УРАЛ

В. П. Шилов. Работы Астраханской экспедиции 87
В. И. Мамонтов. Исследования в Волгоградской обл. 89
П. Н. Старостин, А. Х. Халиков. Археологические работы на Куйбышевском водохранилище 91
П. Н. Старостин. Новые памятники на территории Чувашии 93
В. С. Патрушев, А. Х. Халиков. Ахмыловский археологический комплекс . . 94
А. В. Циркин. Археологические памятники Мордовской АССР 98
В. П. Деников, В. А. Оборин, Ю. А. Поляков. Камская археологическая экспедиция 100
В. Ф. Генинг. Уральская комплексная археологическая экспедиция . . . 102
Г. Н. Матюшин. Исследование памятников каменного века на Южном Урале 106
Л. Я. Крижевская. Южно-Уральская экспедиция 108
Г. П. Григорьев, В. П. Третьяков. Неолитическая стоянка у с. Майдан Юринского района 111

А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Поселение Галанкина Гора . . . 111
Е. Е. Кузьмина. Еленовский микрорайон андроновской культуры . . . 113
М. Г. Мошкова, С. А. Попов, К. Ф. Смирнов. Раскопки в Оренбургской обл. . 114
Т. А. Хлебникова. Алексеевское городище в низовьях Камы . . . 117
А. Х. Халиков, Е. А. Халикова, Е. П. Казаков. Танкеевский могильник . . 118
А. П. Смирнов. Работы в Болгарах 120
Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе . . 122

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Саяно-Тувинская экспедиция Института археологии АН СССР

А. Д. Грач. Археологические исследования в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС (Центральная Тува) 124
С. Н. Астахов. Исследования каменного века Тувы 126
А. М. Мандельштам. Исследование могильников Бай-Даг II и Часкал II 127
И. У. Самбу. Работы на могильниках Куйлуг-Хем II и IV 129
Ю. И. Трифонов. Раскопки у подножия хребта Аргалыкты и в районе Кара-Тала 129
А. Д. Грач. Исследования на Куйлуг-Хемском плато 131
А. А. Формозов. Наскальные изображения в Центральной Туве . . . 133

Красноярская экспедиция Института археологии АН СССР

З. А. Абрамова. Исследование палеолита Енисея 135
М. П. Грязнов, М. Н. Комарова. Карасукский могильник Кюргеннер . . 137
Л. П. Зяблин. Карасукский могильник Малые Копёны 3 138
Г. А. Максименков. Раскопки в долине речки Черновой и на Подгорном озере 139
М. П. Завитухина. Раскопки могильника Кичик-Кюзюр I 141
М. И. Пшеницына. Раскопки могильника Улуг-Кюзюр на Енисее 143
Я. А. Шер, Г. П. Григорьева, Н. Л. Подольский. Находки на правобережье Енисея 145
Л. П. Хлобыстин. Исследования на севере Западной Сибири 147
М. Ф. Косарев. Раскопки в низовьях Чулыма 149
В. А. Могильников. Исследования в лесостепном Приртышье 151
В. И. Матющенко, А. С. Чагадаева, Л. А. Павленок. Раскопки в Омской и Томской областях 153
С. С. Сорокин. Исследование могильника Кок-су I на Южном Алтае . . 156
Б. В. Фролов, А. И. Сперанский. Исследование древних наскальных изображений в Горном Алтае 158
Г. И. Андреев. Исследования в Эвенкии 161
Н. В. Нащекин. Косогольский клад 163
Г. И. Медведев. Исследование мезолита в Верхнем Приангарье . . . 165
Г. М. Зайцева. Археологические исследования на многослойном поселении Усть-Белая 168
М. П. Аксенов. Исследования в верхней части долины Лены 169
Р. С. Васильевский, И. И. Кириллов. Археологические исследования в долине р. Онон 171

А. П. Деревянко, Е. И. Деревянко. Поселения неолита и железного века в Приамурье 173
А. П. Окладников. Поселение у с. Вознесеновка вблизи устья р. Хунгари 175

II. УКРАИНСКАЯ ССР

А. Л. Щепинский, Е. И. Черепанова. Исследования в Северном Крыму 179
А. М. Лесков. Исследования керченского участка трассы Северо-Крымского канала 183
Н. Д. Праслов. Палеолитические находки в Восточном Крыму 185
И. Г. Шовкопляс. Новая позднепалеолитическая стоянка на Черниговщине 187
П. И. Борисковский. Разработка вопросов мезолита Северо-Западного Причерноморья 189
В. И. Митрофанова. Неолитическое поселение на Десне 190
Д. Я. Телегин. Гробница медного века у совхоза Ямский 191
С. С. Березанская. Поселение бронзового века близ хутора Пустынка 194
И. К. Свешников. Раскопки кургана бронзового века у с. Иванье Ровенской обл. 197
Б. А. Шрамко. Исследование лесостепной полосы УССР 199
А. Л. Моруженко. Новые данные о Немировском городище 201
Л. И. Крушельницкая. Поселение скифского времени у с. Лагодов 203
А. И. Мелюкова. Раскопки на могильнике и поселения IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка 204
К. С. Горбунова. Исследования на острове Березань 206
Ю. И. Козуб. Раскопки в Ольвии 207
А. Н. Щеглов. Раскопки в Северо-Западном Крыму 210
О. Д. Дашевская. Археологические исследования близ оз. Донузлав 212
А. Н. Карасев. Раскопки городища Чайка в Евпатории 215
Н. Л. Грач. Раскопки в Нимфее 218
И. Т. Круглikова. Раскопки сельской усадьбы у дер. Андреевка 220
Б. Г. Петерс, Г. М. Ефимова. О раскопках Михайловского городища . . . 222
Е. Г. Кастанаян, Н. З. Кунина, В. И. Пругло, Л. Ф. Силантьева, И. Г. Шургая. Работы на Боспоре 223
А. И. Кудашева. Новый могильник зарубинецкой культуры 225
В. М. Цигылык. Поселение первых веков нашей эры у с. Ремезинцы Львовской обл. 227
И. С. Винокур. Черняховский могильник и поселение у с. Ружичанка . . . 228
В. В. Кропоткин. Черняховские памятники Среднего Побужья 230
Э. А. Сымонович. Погребения I—III вв. н. э. Николаевского могильника на нижнем Днепре 232
О. Н. Мельниковская. Новые раскопки на Десне 233
В. Д. Баран. Раскопки раннеславянского поселения в с. Зеленый Гай на Днестре 236
П. Н. Третьяков. Археологические обследования в Черниговской обл. . . . 238
И. П. Русанова. Работы Древлянского отряда 239
С. С. Ширинский. Раскопки языческих курганов Черниговщины 241
Г. Ф. Соловьева. Радимичские курганы 242
Б. А. Рыбаков. Торческ — город черных клобуков 243

П. П. Толочко, С. Р. Килиевич. Раскопки на Старокиевской горе . . 245
Л. А. Ратич. Раскопки в Звенигороде на Белке 247
В. В. Аулих. Древнерусские городища в Западной Волыни . . . 249
Д. Я. Телегин. Бронзовый идол, найденный на Трухановом острове в Киеве 250
А. Л. Якобсон. Раскопки раннесредневековых поселений в Юго-Западном Крыму 252
Д. Л. Талис. Раскопки на Баклинском городище 255
В. И. Кадеев, В. Н. Вишневский. Подводные исследования у берегов Херсонеса 257

III. БЕЛОРУССКАЯ ССР

В. Д. Будько. Белорусская археологическая экспедиция 259
Н. Н. Гурина. Исследование кремнедобывающих шахт на территории Белоруссии 267
Ф. Д. Гуревич, М. В. Малевская. Археологические работы в Новогрудке . . 268

IV. ЛИТОВСКАЯ ССР

А. Тautавичюс. Археологические раскопки Института истории АН Литовской ССР 271

V. ЛАТВИЙСКАЯ ССР

В. А. Урган, Я. Я. Граудонис, Э. Д. Шнора, Э. С. Мугуревич, А. Зарина. Раскопки на территории строительства Рижской ГЭС 279
Ф. Загорскис. Раскопки некрополя каменного века Звейнieки . . . 285
И. Лозе. Археологические исследования Лубанской низменности . . . 286
А. Стубавс. Археологические раскопки в замке Кокнесе 287

VI. МОЛДАВСКАЯ ССР

Г. Б. Федоров. Прутско-Днестровская экспедиция Института археологии АН СССР 289

VII. КАЗАХСКАЯ ССР

К. А. Акишев. Исследования в Казахстане 291
М. Н. Кланчук. Археологические исследования в бассейнах рек Нура и Сарысу 300

VIII. УЗБЕКСКАЯ ССР

С. П. Толстов, М. А. Итина, А. В. Виноградов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 303
Ю. А. Заднепровский. Раскопки на Дальверзинском поселении . . . 308
И. Г. Горбунова, Т. Г. Оболдуева. Раскопки поселений на юго-востоке Ферганской долины 309
Б. Я. Ставиский. Раскопки буддийских комплексов на Кара-тепе в Старом Термезе 311

IX. ТАДЖИКСКАЯ ССР

Б. А. Литвинский. Археологические работы Института истории АН Таджикской ССР 313
А. М. Беленицкий. Раскопки древнего Пенджикента 321

X. ТУРКМЕНСКАЯ ССР

О. Бердыев. Археологические исследования Института истории АН Туркменской ССР 323
В. М. Массон. Протогородская культура Алтын-депе 329
В. И. Сарианиди. Раскопки на Хапуз-депе и Алтын-депе 333
К. Кагурис. Раскопки на Елькен-депе в Южной Туркмении 335

XI. КИРГИЗСКАЯ ССР

П. П. Гаврюшенко, Е. З. Зуррина, П. И. Кожемяко, И. К. Кожомбердиев. Археологические исследования Института истории АН Киргизской ССР . 337
Г. А. Брыкина. Раскопки в юго-западных предгорьях Ферганы и на поселении Ана-Кызыл 342

Археологические открытия 1966 года

Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редакторы издательства:
Л. М. Алексеева, Е. П. Прохоров, Н. И. Сергиевская

Технический редактор *И. Н. Дорохина*

Сдано в набор 27/II 1967 г.
Подписано к печати 13/VI 1967 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 25,74.
Уч.-изд. л. 22,1 Тираж 4800 экз. Т-07683.
Тип. зак. 6621.

Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10